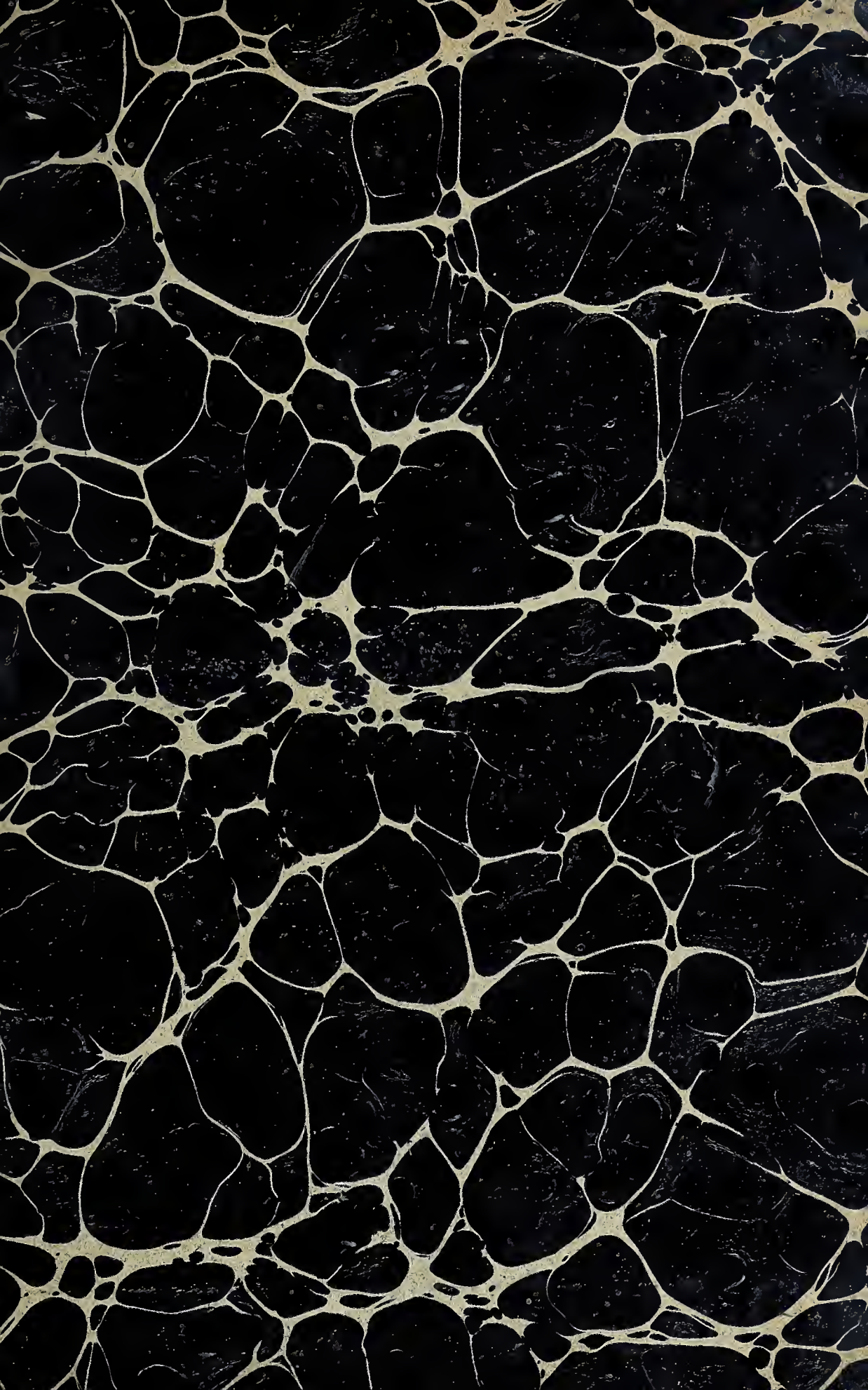
DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY



Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/sredikrestian01egor

Яковъ Егоровъ.

СРЕДИ КРЕСТЬЯНЪ.

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ Троицкая ул., № 18.
1899.

Яковъ Егоровъ.

СРЕДИ КРЕСТЬЯНЪ.

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. А. Евдокимова. Троицкая ул., № 18.
1899.

891.73
E31S

Посвящается

Аполлону Аполлоновичу

Коринфскому.

«Прости имъ грѣхъ ихъ. А если нѣтъ, то изгладь и меня изъ книги Твоей, въ которую Ты вписалъ».

(Псх., гл. 32. ст. 32).

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

«Здоровецъ».

I.

Съ палкой въ рукахъ, при яркомъ іюньскомъ солнцѣ, раннимъ утромъ, вышелъ я съ другими богомольцами изъ деревни Кривина, мѣста моего постояннаго проживанія. Къ утру слѣдующаго дня мы разсчитывали быть на „Здоровцѣ“, куда, по слухамъ, стекается многое множество крестьянъ изъ окружныхъ селъ и деревень. Мѣсто это недавно стало извѣстно народу, благодаря совершившемуся какому то чуду съ больной женщиной. Съ тѣхъ поръ „Здоровецъ“ усердно посѣщается благочестивыми людьми околодка.

— Ужъ и хорошо, мать моя!—повѣствуетъ одна старушка другой, не бывшей въ святомъ мѣстѣ: — Священство этта, народъ... Сначала всенощная, потомъ обѣдня, а послѣ обѣдни крестный ходъ на Здоровецъ... Народу-то по дорогѣ—видимо-невидимо!..

И старушка рисуетъ картину молебствія подъ открытымъ небомъ, въ полѣ, среди рощъ и пригорковъ.

— Изъ земли ключъ выбѣгаетъ... тотъ самый, что исцѣленія даетъ... Какже, мать моя, были и исцѣленія: глазами кто мается, глухотой, порчей,—всѣмъ Царица Небесная помогаетъ. Образокъ-то, говорили мнѣ, въ часовнѣ... Часовенка надъ ключомъ-то. А отъ ключа купальни устроены для народа, кто пожелаетъ—купаются.

Дорога сухая — пыльный, мягкій проселокъ. По обѣ стороны стѣной стоятъ поля высокой цвѣтущей ржи, скатертью самоцвѣтною тянутся луга, прохладой вѣетъ отъ зеленаго бора... Пестрыя толпы богомольцевъ, въ праздничныхъ нарядахъ, цвѣтною лентою растянулись по извилистому проселку. Мнѣ думается, что для трудящагося народа путешествіе на богомолье предста-

вляетъ и представляло всегда тысячи самыхъ отрадныхъ сторонъ. Допустимъ, что картины природы, луга, поля, лѣса—всегда передъ глазами у крестьянина; но тамъ, дома, созерцаніе этихъ картинъ загрязнено, если можно такъ выразиться, мелкими и крупными заботами, огорченіемъ, нуждой, часто озлобленіемъ и руганью. Здѣсь-же и разнообразіе картинъ и то особое кроткое молитвенное настроеніе благочестивой души, далекой отъ суетнаго треволненія, настроеніе, заставляющее человѣка почувствовать всю красоту жизни, дарованной ему Создателемъ. Вглядитесь въ лица, людей: это не тѣ совсѣмъ лица, что вы видѣли вчера въ деревнѣ, въ полѣ, на деревенскомъ праздникѣ... Вотъ идетъ молодая женщина; на рукахъ у нея двухлѣтняя дѣвочка, подтянутая къ груди полотенцемъ черезъ плечо. Женщинѣ трудно, на кроткомъ загорѣвшемъ лицѣ ея лежитъ печать сильнаго утомленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, терпѣливой покорности: она не можетъ разсердиться на ребенка, не можетъ ударить его, какъ это сдѣлала-бы вчера и сдѣлаетъ, можетъ быть, завтра. Она трудится для Бога.

— Дай, я пронесу ребеночка-то,—говоритъ мимо идущая другая женщина, совершенно незнакомая, чужая.

— Пронеси, родная!—говоритъ мать и передаетъ ребенка.— Вы откуда сами-то будете?...

Ребенокъ, переходя изъ рукъ въ руки, побываетъ, такимъ образомъ, чуть не у всѣхъ богомольцевъ.

— Дай, и я потружусь!—говоритъ сѣдой дѣдъ и манитъ малютку къ себѣ костлявыми, желтыми пальцами.

— Иди, Машенька, къ дѣдушкѣ, иди, родная!

И Машенька протягиваетъ ручонки ко всѣмъ этимъ дѣдушкамъ, бабушкамъ, дядюшкамъ, тетушкамъ... Ребенокъ съ молокомъ матери уже всасываетъ понятія братскаго обращенія между людьми. Что нужды, если этотъ самый дѣдъ, въ припадкѣ ярости за вытащенную въ огородѣ брюкву, обругаетъ ее потомъ чертенкомъ и надаетъ шлепковъ? То мірское дѣло, а это Божье. Свѣтлая минута всетаки останется на душѣ того и другого. Богомолье и даетъ такую свѣтлую минуту, живую струю въ сѣромъ обиходѣ трудовой жизни. На душѣ чисто, свято, легко, хорошо...

Посмотрите на эту парочку: она—деревенская красавица, румяная и пригожая, онъ статный парень съ едва пробивающейся бо-

родкою. Въ красной рубахѣ, съ перекинутыми за плеча сапогами шагаетъ онъ рядомъ съ ней, то-же босой, съ узелкомъ въ рукахъ, откуда торчатъ каблуки новыхъ ботинокъ. Завтра послѣ обѣдни они, можетъ быть, будутъ рядомъ стоять въ хороводѣ, важно и степенно двигаясь въ кругу, а послѣ-завтра будутъ, каждый въ своей деревнѣ, работать въ поту, въ грязи, до усталости, до изнеможенія, по 18 часовъ въ сутки. Теперь они пестрѣютъ въ толпѣ, какъ только-что распустившіеся цвѣты; голоса ихъ звенятъ, какъ свадебные колокольчики; на лицахъ ни заботы, ни принужденія—одна радость бытія; а тамъ—суровая сѣрая волна борьбы за существованіе... Они радуютъ взглядъ, и живая, смѣющаяся рѣчь ихъ вливаетъ только отраду въ общее впечатлѣніе отъ народной толпы.

— Что, дѣдушка, усталъ?—спрашиваю я знакомаго мужика, въ возрастѣ 80—90 лѣтъ.

— Усталъ, родной, усталъ.

Старикъ сидѣлъ въ сторонѣ отъ дороги, подъ вѣтвями тѣнистой ели, изъ-подъ корней которой вытекалъ свѣтлый, кристальный ручеекъ... Въ тѣни было прохладно и сыро. Измятая кругомъ трава и ковши изъ бересты свидѣтельствовали, что у ручейка побывало много богомольцевъ. И теперь еще какой-то мальчикъ мочилъ въ немъ голову и умывалъ лицо.

— Дай-ка, я пронесу твой кафтанъ, дѣдъ?

Но старикъ не далъ мнѣ кафтана. Новый, сѣраго деревенскаго сукна, кафтанъ былъ перевязанъ кушакомъ и ловко держался у него за плечами. Мы отправились. Дѣдъ шелъ очень медленно, поскрипывая по каменистой, сухой дорогѣ новыми лапотками. Пользуясь случаемъ, я разговорился съ дѣдомъ; какъ старожилъ и переселенецъ въ нашихъ краяхъ (онъ привезенъ былъ во время крѣпостного права 12-лѣтнимъ мальчикомъ),—онъ многое могъ сообщить мнѣ про заселеніе того лѣсистаго края новгородскаго уѣзда, которымъ мы проходили.

— Вотъ было житье,—началъ оживленно дѣдъ:—тогда еще не было этихъ деревень... А ваше село было небольшой деревушкой... Какъ сейчасъ помню, двинулись мы обозомъ, больше сотни подводъ, съ ребятишками, съ курами, гусями, коровами... Вышли мы изъ Псковской губерніи (отъ Разумовскаго), помню, лѣтомъ, а пришли сюда осенью; дожди, слякоть... Въ Кривинѣ поселиться

было негдѣ, по гумнамъ, банямъ разселились, да сряду-же и за постройки принялись: за хлѣвы да избы. Лѣсъ валили прямо съ корня да на избу, на срубъ, такъ, значитъ, его много было, о самую стѣну стоялъ... А теперь, погляди—эва какъ деревни разстроились, какія поля расчистились!.. Изъ нашихъ-то вотъ тогда и выстроились эти деревни... А кое-кто тоже у васъ въ Кривинѣ остался... Твой, къ примѣру, дѣдъ былъ здѣшній, кривинскій, а бабка нашинская, псковского корня.

— Что-же, хорошо тогда жилось, дѣдъ?

— А жилось тогда хорошо, больно хорошо жилось! Не было, значитъ, этой свѣтлости, бѣлыхъ печей, къ примѣру, ситцовъ, чаевъ и пр., а снѣди всякой, живности—что скота, что домашней птицы, что хлѣба — благодать Божья. Безъ мясного за столъ не садились, въ каждой избушкѣ въ праздничекъ уже непремѣнно гусь, либо индюшка на столѣ...

— А какъ въ праздникъ гуляли? Небось, потягивали и винцо!..

— Нѣ, винца не было... Пивà варили, и хорошія пива... Оно, конечно, тоже, что и вино, да только свое, значитъ, не покупное, отъ избытка варилось. А хлѣбъ—онъ былъ по полтора да по 2 рубля куль...

— Что-же такъ нынче обѣднѣла наша сторона?

— А отъ того и обѣднѣла, что земли мало, урѣзали, да и народъ избаловался... Ты не помнишь своего дѣда Авдота, онъ бабкѣ Ульянѣ братомъ приходился?...

— Нѣтъ, не помню!... А что?...

— У него, братецъ мой, была пустошь расчищена, Пустыньки, вотъ какъ идешь въ Чудово, такъ у большого камня...

— Знаю, знаю.

— Бился, значитъ, дѣдъ съ молоду до сѣдыхъ волосъ надъ этой пустошью, дичь была, глушь непролазная, медвѣжья берлога, а онъ что изъ неё сдѣлалъ! Любо, братецъ мой, какъ колыхались, бывало, тамъ нивы! Идешь—сердце радуется на такую благодать Божью... Ну, потомъ, какъ расчистилъ онъ мѣсто-то, помѣщикомъ зажилъ, что хлѣба, что скота—живи, да Бога благодари. Да вдругъ у него баринъ и отбери Пустыньки-то... Больно ужъ хорошій кусокъ былъ... Отдалъ, нельзя... Такъ что-жъ ты, братецъ, думаешь? Дѣдъ Авдотъ, какъ отняли пустошь-то, съ тѣхъ поръ ногой не

бывалъ на Пустынькахъ, такъ и померъ, не видамши больше своего дѣтища. Суровый былъ карахтеромъ старикъ, царство небесное... 'А идешь, бывало, мимо, сидитъ на завалинкѣ, весь сѣдой, старый-престарый;—„Куда ты идешь?—кричитъ,—не въ Чудово-ли?.. Поклонись, говоритъ, моимъ Пустынькамъ!..“ А у самого слезы такъ и катятся, такъ и катятся...

Дѣдъ Михей шагалъ очень ужъ тихо, и я порядкомъ-таки отсталъ отъ своихъ. Догналъ я ихъ уже на Феневомъ Лугу, гдѣ сходятся нѣсколько дорогъ. Зрѣлище было еще живописнѣе, еще красивѣе: толпы народа чуть-ли не сплошной массою двигались по дорогѣ, теряясь за пригорками и вновь показываясь. При входѣ въ деревню стояли женщины и ребятишки съ ведрами квасу и ледяной воды. На завалинкахъ сидѣли отдыхающіе богомольцы; изъ раскрытыхъ окошекъ неслся оживленный говоръ: тамъ обѣдали или пили чай знакомые хозяевамъ путешественники. Послѣ я узналъ, что по деревнямъ здѣсь вошло въ обычай поить и кормить пробирающихся на Здоровецъ, и если у кого нѣтъ среди богомольцевъ знакомыхъ, то, по понятіямъ крестьянъ, слѣдовало пригласить перваго встрѣчнаго. Мы получили нѣсколько такихъ приглашеній. Платы за все это никакой не берется.

Избы просторныя, свѣтлыя, большею частію съ каленкоровыми занавѣсками на окнахъ, съ дешевенькими цвѣтами. Улица широкая, чистая, обсаженная по обѣ стороны молодыми березами, липами, кленами, вязами. Очень опрятная деревенька, не въ примѣръ всѣмъ пройденнымъ нами раньше. За чаемъ въ одной избѣ мы разговорились. Хозяева—больной мужикъ, страдавшій одышкой, и его сестра, вдова съ сыномъ, мальчикомъ лѣтъ 16; другой сынъ въ солдатахъ. И мать, и дядя недовольны этимъ послѣднимъ, потому-что онъ не хочетъ вернуться въ деревню (военный писарь по вольному найму), кормить стариковъ некому, и хозяйство приходитъ въ упадокъ. Но, несмотря на такія неблагопріятныя условія, изба говорила о тихой, спокойной жизни.

— А, да вы не слыхали про землю-то...—сказалъ хозяинъ.—Вѣдь у насъ *своя* земля!..—И болѣзненное лицо его расплылось въ счастливую, самодовольную улыбку.—Ка-акже, своя!.. И все благодаря хорошему человѣку. Прослышалъ этотъ человѣкъ (онъ назвалъ одного крестьянина, бывшаго урядника), что продается земля, и

что эту землю сговорились купить пять человѣкъ изъ нашихъ-же мужичковъ, побогатѣе, прослышалъ, да и на сходъ. Такъ и такъ, ребята, не упускай... Заберутъ землю богачи, заберутъ и васъ, а статья подходячая. И пошелъ, и пошелъ... Мужики сначала—куда, и въ оглоблп не ввесть, ну, а потомъ раскусили дѣло-то, да и давай ломить... 1,018 десятинъ земельки-то отхватили. Вотъ мимо пойдете, Липки, это и есть наша собственность... Отъ помѣщицы купили, Людмилы Алексѣвны. Дай Богъ доброе здоровье, скидочку сдѣлала, да банкъ подмогъ, да лѣсу на срубъ отдали... Вотъ она и наша! Подѣлили этта на участки: —„Этотъ участокъ (самолучшій), ребята, не трогай, а вотъ этотъ вали на дрова и на свой обиходъ!..“ Сѣнокосы подѣлили то-же... Уряднику,—значитъ, кто на умъ наставилъ,—самый лучшій участокъ и травы, и лѣсу: на, получай съ благодарностью... Теперь, слава Тебѣ, Господи,—мужикъ перекрестился,—сыты и довольны, и всего у насъ много, и самая что ни-на-есть бѣдная вдова живетъ, Христа ради не проситъ, а всякаго даже накормитъ, напоитъ можетъ...

Мы проходили Липками, верстъ на пять дорога проходитъ густымъ, прекраснымъ еловымъ лѣсомъ, съ обширными полянами удобныхъ пахотей и сѣнокосовъ. Передъ умственнымъ взоромъ моимъ вставалъ, какъ живой, „хорошій человѣкъ“, этотъ радѣтель міра, маленькій Козьма Мининъ, взывающій къ обществу о спасеніи царства... то-бишь, о покупкѣ общественной земли.

II.

Усталые, истомленные полдневнымъ зноемъ, въ вечеру добрались мы до деревни Пятилипъ, гдѣ и предположено было остановиться ночевать. Отъ Пятилипъ, верстахъ въ полуторыхъ, виднѣется село Гузи, куда мы не рѣшались идти, въ виду переполненія, какъ думалось, села богомольцами. Въ Гузяхъ должна была на утро служиться обѣдня, и послѣ обѣдни крестный ходъ на „Здоровецъ“ (ключъ, съ часовней надъ нимъ, въ полѣ, между этими селеніями, въ сторонѣ отъ большой дороги)...

Какъ и въ Феневомъ Лугу, насъ встрѣтили за околицей, и на первое-же приглашеніе мы отправились вслѣдъ за здоровой краснощекою молодухой. Чрезъ хорошо устроенный дворъ и гладкія,

чисто вымытыя, сѣни мы прошли въ избу, гдѣ на столѣ уже кипѣлъ самоваръ и лежали груды нарѣзанныхъ пироговъ. Какъ потомъ оказалось, это было приготовлено для богомольцевъ. Дождавшись, пока самоваръ скипитъ, молодая хозяйка вышла встрѣчать гостей и привела насъ. Хозяева—старикъ и двое молодыхъ мужиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ женатый—предложили желающимъ баню, и нѣкоторые изъ моихъ товарищей воспользовались приглашеніемъ. Для женщинъ и дѣтей, бывшихъ въ нашей компаніи, старый дѣдъ указалъ на свой садъ:

— Сходите, побалуйтесь.

Передняя часть огорода (садъ)—оказалось—была переполнена сотнями яблонь и вишень, кустовъ смородины, малины, крыжовника...

— А можно, дѣдушка, ѣсть?—спросила одна бойкая бабочка.

— Ѣшьте на здоровье, сколько хотите, да не вкусно, вѣдь кисло еще...

Крыжовникъ оказался хотя и зеленымъ, но болѣе другихъ ягодъ созрѣвшимъ, и компанія наша отдала ему должную честь.

— Вотъ садъ!—съ гордостью говорилъ дѣдъ, поднимая повисшія подъ тяжестью плодовъ вѣтви:—А если-бы за нимъ еще уходъ получше—какая пропасть была-бы яблоковъ!..

Но дѣдъ изъ скромности говорилъ объ уходѣ: уходъ былъ, какъ видно, прекрасный: подрѣзанные сучья, подвязанныя деревца, свѣжія прививки—все говорило, какъ любитъ и выхаживаетъ старикъ свой садъ... Вездѣ—прочищенныя дорожки, обрытые кусты... Не было ни одного аршина земли въ огородѣ, который не былъ бы воздѣланъ такъ, какъ было нужно. Я замѣтилъ, что, начиная съ Фенева Луга, сады въ деревняхъ имѣли большое распространеніе, а дальше, въ глубь края, ихъ, говорятъ—еще больше...

— Не воруютъ у васъ?—спросилъ я, любуясь густой яблонею, свѣсившейся за тынъ на дорогу широкими сучьями.

— Чтой-то ты, Христосъ съ тобой! Зачѣмъ воровать? Кому надо—ѣшь на здоровье... Да только у насъ повелось, что у всѣхъ сады, кому-же нужно воровать? Не бывало этого, храни Богъ...

Дѣдъ съ неудовольствіемъ затрясъ головой.

Мнѣ припомнились другія деревни, гдѣ опыты съ садами дали самые плачевные результаты; мододыя деревца обламывались, а

то и вырывались съ корнемъ мальчишками. Да и взрослые съ неудовольствіемъ глядѣли на любителей садоводства: землю-де общественную занимаетъ, займетъ землю-то, такъ потомъ и поваландаешься съ нимъ!..

До заката солнца оставалось еще около часа. Не долго думая, я рѣшилъ это время употребить съ пользою, а именно, отправиться, осмотрѣть часовню на „Здоровцѣ“, лежащую въ верстѣ, приблизительно, отъ деревни, гдѣ мы остановились. Съ дороги, черезъ лугъ и полосы ржи, виднѣлся ея зеленый куполъ и бѣлый жестяной крестъ.

Извилистой тропинкою, между колыхающейся рожью, руководимый бывалыми богомольцами, я скоро вышелъ на поляну, вокругъ которой росли живописныя рощицы молодого березника; влѣво журчалъ, въ крутыхъ берегахъ, въ зеленой ольховой чащѣ, ручей; вправо виднѣлись горѣвшіе на солнцѣ кресты церкви въ Гузяхъ. Солнце спускалось тихо по синему небосклону, освѣщая всѣ красноватымъ пламенемъ; листья не шелохнутъ, словно воздухъ застылъ въ ожиданіи близкаго заката.

Еще издали слышался сдержанный гулъ голосовъ, но за рожью и пригорками мнѣ не было видно самой полянки. За поворотомъ дороги въ глаза сразу-же бросилась пестрая людская толпа, окружающая маленькую, невзрачную на видъ деревянную часовню, выкрашенную желтой, зеленой и бѣлой красками. Изъ открытыхъ дверей часовни слышны были возгласы и пѣніе священнослужителей. Съ большимъ трудомъ протискались мы съ товарищемъ къ дверямъ и, наконецъ, попали въ самую часовню. Внутри часовня еще болѣе поразила меня своими микроскопическими размѣрами: сажени полторы въ длину и столько-же въ ширину, такъ что гудящая и толкающаяся людская волна, буквально, распирала ея ветхіе бока; можно было опасаться, что стѣны разъѣдутся и рухнутъ. Пробивавшійся съ боку лучъ солнца игралъ на ризахъ образовъ старинnаго иконастаса; образъ Божіей Матери былъ снабженъ серебряной вызолоченной ризою новой, какъ видно, и довольно изящной работы. Это былъ подарокъ одного усерднаго почитателя „Здоровца“, мѣстнаго богача, какъ я узналъ послѣ. Сдавленные толпой, впереди стояли старый священникъ въ весьма ветхомъ облаченіи и молодой, здоровый псаломщикъ, дѣтина саженнаго роста. Онъ

поминутно вытиралъ платкомъ красный широкій затылокъ и, не отрываясь отъ пѣнія, широкой спиною отталкивалъ назадъ напиравшую толпу. Но толпа лѣзла, плотная, раскраснѣвшаяся, со спутанными волосами, съ помятыми и сбитыми на бокъ платками. Поверхъ головъ протягивались руки съ записочками, записочки, подавались въ окошко, сквозь желѣзную рѣшотку. Кончится одинъ молебенъ, сейчасъ-же начнется другой; въ промежуткѣ между ними псаломщикъ протягиваетъ руку съ тарелкой—и такъ-же, какъ записочки, начинаютъ путешествовать копѣйки... Съ немалымъ трудомъ удалось намъ выбраться изъ душной и жаркой часовенки. Бѣдный батюшка, узналъ я, трудится здѣсь съ полудня и чутьли не до вечера будетъ трудиться завтра. Не легко достанутся ему копѣечки и грошики!

Все пространство на мягкой муравѣ было занято группами нарядпаго отдыхающаго народа. Въ сторонѣ, на пригоркѣ, за часовней, предпріимчивый торговецъ, изъ мѣстныхъ, уже устраивалъ свою лавочку и развязывалъ товары къ завтрашнему дню. Пробираясь въ толпѣ, поминутно спотыкаясь и балансируя между протянутыми ногами расположившихся на отдыхъ мужчинъ и женщинъ, мы обошли часовню и разсмотрѣли восточную ея сторону: подъ стѣной, въ глубинѣ квадратнаго выема, виднѣлся деревянный обрубъ, и, около печатной сажени отъ поверхности земли, внизу сверкала кристальная влага самаго ключа. Простой жестяной ковшикъ на цѣпочкѣ спускался внизъ и давалъ возможность желающимъ пользоватья водою. Утромъ я видѣлъ потомъ, какъ тѣснились люди у этого колодца съ бураками, бутылками, ведрышками... Освященная вода бралась отсюда и разносилась по селамъ и деревнямъ. Это и есть „Здоровецъ“ (дающій здоровье). Мѣдная дощечка въ стѣнѣ продолговатымъ отверстіемъ свѣдѣтельствовала о посильномъ вкладѣ пользующпхся водою.

—Здѣсь труба нроведена!—толковалъ какой-то мужикъ своей бабѣ.—Святая вода по этой трубѣ идетъ подъ землей, вонъ туда.

И онъ указалъ на постройку съ сѣверной стороны часовни. Это было ничто иное, какъ купальня, раздѣленная на двѣ части, мужскую и женскую. Вокругъ квадратнаго пруда поставлены были столбы и потомъ обшиты тесомъ. Когда мы подошли, то, какъ въ

мужской, такъ и въ женской половинѣ, слышались голоса и плесканье купающихся.

— Все одно, и сегодня можно купаться: благодать-то одна,— говорилъ бабѣ тотъ-же мужикъ, что толковалъ о подземной трубѣ.

И онъ тутъ-же сѣлъ на траву, снялъ сапоги и бѣлье и пошелъ въ купальню. То-же сдѣлала и баба. Противъ самаго входа спдѣли мужики и бабы, нѣкоторые бросали равнодушные взгляды чрезъ отверстіе входа въ купальню. Мальчишки и дѣвчонки любопытствовали въ щели дырявой обшивки. Простота нравовъ—замѣчательная, какъ-разъ отвѣчающая простотѣ жизни нашего народа. На утро, впрочемъ, на дверяхъ той и другой купальни колыхались бѣлыя простыни, и вокругъ женскаго входа купальни кучкою сидѣли женщины. Но разоблачались всетаки на лугу и потомъ уже, въ одной рубашкѣ, проходили за занавѣсъ, гдѣ и раздѣвались окончательно. Предосторожности эти были введены, какъ мнѣ думается, въ уваженіе къ лицамъ некрестьянскаго происхожденія, такъ-какъ отъ обѣдни сюда пріѣзжаютъ и духовенство, и купечество, хотя-бы мѣстное, и случайно навернувшійся помѣщикъ. По крайней мѣрѣ, на утро мнѣ удалось замѣтить нѣсколько зонтиковъ и двѣ-три шляпы, стоявшихъ въ сторонкѣ, особнякомъ. Теперь-же здѣсь царствовала исключительно одна сѣрая мужицкая масса.

III.

Поздно ночью мы вернулись къ своимъ. Старикъ хозяинъ проводилъ насъ въ отдѣльную избу, гдѣ на полу всѣ наши спали въ повалку. На утро проснулись мы, усталые и измученные дорогой. У меня болѣли ноги, трудно было ступать на нихъ. Мнѣ объяснили, что это потому, что я шелъ въ обуви, а не босикомъ.

Гузи, гдѣ происходила обѣдня, большое, зажиточное село,—въ немъ двѣ церкви — одна новая, каменная, другая старая, деревянная. Старая отличается своеобразной архитектурой деревенскихъ церквей прошлаго столѣтія, напоминающихъ что-то среднее между жилой избою и храмомъ: строганыя стѣны, низкій потолокъ, бѣдная церковная утварь и бѣдныя, стараго письма, иконы. Къ этой обстановкѣ какъ-разъ подходилъ типъ старыхъ

нашихъ священниковъ, дѣдовъ и прадѣдовъ нынѣшнихъ. Мнѣ такъ и рисовался сохранившійся въ памяти кривинскихъ стариковъ попъ Иванъ, ходившій въ холщевой рясѣ и носившій на богослуженіяхъ такія-же холщевыя ризы; жилъ онъ въ курной (черной) избѣ и, какъ самъ, такъ и семья его, состоявшая изъ семи дочерей, носили липовые лапти и лаптями-же, а то и просто пучками липовыхъ лыкъ, бралъ онъ за требы. Послѣднее, т.-е. взиманіе платы лыками, по разсказамъ, объясняется тѣмъ, что младшая дочь попа Ивана, красавица собой и умница, отлично плела лапти и, такимъ образомъ, не только обувала семью, но еще оставалось и для продажи тѣмъ-же мужикамъ.

Новый, отдѣльно стоящій храмъ отличался отъ нея, какъ дворецъ—отъ лачуги высокій, сверкающій хорошо подобранными и отлично выполненными архитектурными украшеніями, сквозными вызолоченными крестами, большими свѣтлыми окнами... Но отъ него всетаки вѣяло какой-то холодностью... Вѣроятно, попъ Иванъ смутился-бы, увидя такую красоту и богатство, и, пожалуй, затруднился-бы служить въ немъ обѣдню...

На улицѣ, среди толкующихъ между собою богомольцевъ (они не были въ церкви, или заходили туда, но на короткое время) я встрѣтилъ своего знакомаго. Это бывшій церковный староста, Иванъ Ларіоновичъ, много потрудившійся по устройству церкви въ Кривинѣ.

Я похвалилъ новую церковь и напомнилъ о старой, перевезенной сюда изъ Кривина.

— А вы не знаете Василья Кирилыча? — спросилъ Иванъ Ларіоновичъ:—Пойдемте, я познакомлю васъ. Вѣдь это все его труды: и старая церковь имъ перевезена, и новую почти онъ одинъ выстроилъ...

Обойдя ограду, мы пробрались въ небольшой, вросшій въ землю домикъ, затонувшій въ небольшомъ-же садикѣ, и вошли къ Василью Кирилловичу.

Въ уютной, хорошо натопленной горенкѣ, напоминавшей полумонашеское, полу-мѣщанское жилье, насъ встрѣтилъ лысый старичокъ, въ ситцевой рубахѣ. Съ Иваномъ Ларіоновичемъ они были однолѣтки и друзья. Скоро у насъ завязалась бесѣда...

Василій Кирилловичъ пользовался во время оно большимъ почетомъ среди крестьянъ, хотя и былъ въ краю пришлымъ человѣкомъ (приписался онъ сюда послѣ уже). „Любя Божье дѣло“, какъ онъ выражается, Василій Кирилловичъ истратилъ всѣ свои сбереженія на покупку и перевозку старой кривинской церкви (купленной за 200 руб.), за что общество избрало его церковнымъ старостой. Много лѣтъ спустя, ему пришла мысль,—вмѣсто ветхой деревянной церкви построить новую каменную, что и удалось, благодаря его трудамъ и небольшому капитальцу, а также пожертвованіямъ землей и матеріалами со стороны крестьянъ, торговцевъ и мѣстныхъ помѣщиковъ. Почти вся жизнь этого человѣка ушла на выполненіе нелегкой задачи. Въ благодарность, общество отвело ему „сдворокъ“ вблизи его любимаго дѣтища—храма. И теперь онъ спокойно и тихо доживалъ свой вѣкъ со старушкою женой. Василій Кирилловичъ не чуждъ нѣкоторой доли честолюбія: онъ тотчасъ-же показалъ мнѣ цѣлую кучу листовъ изъ консисторіи, Синода и пр., и пр., гдѣ воздавалось ему должное за понесенные труды! Все это хранилось у него за стеклами въ особыхъ рамкахъ, рядомъ съ безчисленными образами и образками, которыми увѣшаны были всѣ стѣны и уставлены всѣ свободныя мѣста въ комнатѣ.

— Что вы скажете о „Здоровцѣ“?—обратился я къ нему.— Что это за мѣсто и давно-ли и по какому случаю сдѣлалось оно сборнымъ пунктомъ для богомольцевъ?

Къ сожалѣнію, старичокъ не много сообщилъ мнѣ объ интересовавшемъ меня вопросѣ.

Десятка полтора—два лѣтъ назадъ въ народѣ прошелъ слухъ, что въ лѣсу открылся чудесный источникъ, дающій исцѣленіе больнымъ. Говорятъ, что появленію этого слуха подалъ поводъ случай со старушкой, страдавшей глухотою; старушка видѣла сонъ и слышала голосъ, повелѣвавшій ей идти на ключъ и умыться его водой. Она сдѣлала такъ, какъ было приказано, и глухота ея прошла. Слухъ распространился, и годъ отъ году на ключъ сталъ стекаться народъ, а потомъ потребовалось участіе духовенства, и, наконецъ, установленъ былъ праздникъ на „Здоровцѣ“ 24 іюня (странное совпаденіе со днемъ Ивана Купалы). Я еще забылъ сказать, что упомянутая глухая старушка, по прибытіи на

указанное ей во снѣ мѣсто, нашла надъ ключомъ въ березѣ образокъ Божьей Матери Неопалимая Купина. Это—я в л е н н а я икона.

Гдѣ теперь эта икона—ни Василій Кирилловичъ, и никто другой не могли мнѣ объяснить.

Простились мы съ Васильемъ Кирилловичемъ и съ Иваномъ Ларіоновичемъ совсѣмъ дружески. Оба они служатъ прекрасными типами людей изъ народа, преданныхъ всей душою излюбленной идеѣ. Это—идейные люди, мужицкая интеллигенція, принадлежащая къ одному роду съ „хорошимъ человѣкомъ“ изъ Фенева Луга, обогатившаго деревню землей. Какъ бы то ни было, но энергіи, труда, настойчивости въ этихъ людяхъ много. Я знаю, какъ строилась церковь въ моемъ родномъ селѣ. Она выросла буквально изъ ничего: мужики даромъ возили камень ломали и жгли плиту, рубили пожертвованный бариномъ лѣсъ, ѣздили „въ подводы“ за сто и болѣе верстъ; маляры, каменьщики, стекольщики, столяры, иконописцы—всѣ работали почти безплатно... И все это—благодаря идейному „умственному“ мужику, церковному старостѣ. Когда нужно было, находились и деньги.

— Фролъ Силантьичъ, дѣло стало, рабочимъ надо... Я ужъ изъ силъ выбился... На тебя вся надёжа...

Фролъ Силантьевичъ—скопидомъ, осторожный и тугой на деньгу мужикъ—встрепенулся, какъ выслѣженный заяцъ.

— Ей-Богу, Иванъ Ларіонычъ, нѣту!.. Это все злые люди про меня наговариваютъ. Копѣйки нѣту за душой!..

— Не грѣши, Фролъ Силантьичъ, помирать будемъ... Силкомъ никто у тебя брать не согласится, и я тебя не принуждаю: захочешь дать—дашь; не захочешь—Богъ съ тобой. А только позаимствоваться окромя тебя больше не у кого. Храмъ не достроенъ, желѣза не на что купить... Выстроимъ—она, св. мученица, отдастъ тебѣ сама...—кротко толкуетъ Иванъ Ларіоновичъ.

И дѣло кончается тѣмъ, что скупой старикъ лѣзетъ въ подполье и вырываетъ изъ земли кубышку.

— Вотъ, вѣрь не вѣрь, больше нѣтъ, двѣсти цѣлковыхъ, на старость берегъ... Возьми съ Богомъ. Будетъ — отдашь послѣ, а не будетъ, значитъ, пускай Богу идетъ.

Куда направляется энергія подобныхъ людей, это—другой вопросъ; несомнѣнно только, что такіе люди сами додумываются до того,

что имъ дѣлать. Одни отдаютъ себя кулачеству, другіе строятъ церкви, третьи воюютъ за какія-то „права“ и „законы“ и потомъ, по темнотѣ своей, гибнутъ гдѣ-нибудь въ острогахъ... Однако въ умѣ и талантѣ этимъ людямъ отказать нельзя...

Черезъ часъ обѣдня кончилась, и крестный ходъ двинулся на „Здоровецъ“.

Мы съ товарищемъ стояли на холмѣ и любовались общимъ видомъ, открывавшимся оттуда.

Весь лугъ былъ залитъ народомъ, колыхались и блестѣли на солнцѣ хоругви, слышалось стройное пѣніе. По тому, какъ зазвенѣли чашки и бураки и какъ народъ хлынулъ къ колодцу и купальнямъ, видно было, что началось освященіе воды. Вся эта тысячеголовая толпа казалась мнѣ однимъ изнуреннымъ, измученнымъ человѣкомъ...

Около купаленъ виднѣлись голыя худыя плечи и торсы, истомленныя и блѣдныя лица, старыя раны и язвы... „Мы наги, больны и сиры; мы—темное, оставленное пастухомъ стадо... Прими-же, Господи, молитву нашу и сдѣлай намъ все, что угодно будетъ Тебѣ, не такъ, какъ мы хотимъ, а какъ Ты“... казалось, говорила эта стихійная народная душа.

Мы завернули подъ навѣсъ балагана, раскинутаго торговцемъ. Полотняная цыганская палатка скрывала въ себѣ множество ящиковъ и ящичковъ, коробокъ и корзинъ съ орѣхами, пряниками, кренделями... Все это было плохо изъ рукъ вонъ, но русскій человѣкъ на „забаву“, т. е. на лакомства, смотритъ очень снисходительно: не нравится—не бери. Зато, одинъ изъ предметовъ торговли возбуждалъ особенно сильный интересъ деревенскаго люда: это былъ трехведерный самоваръ, около котораго возился сѣдой старикъ—торговецъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Дѣдъ снялъ съ ноги длинный сапогъ и раздувалъ имъ свою „машину“, подзадориваемый нетерпѣливой толпою.

— Вотъ она! Пошла садить...—слышался въ толпѣ голосъ парня, по настоянію котораго дѣдъ и снялъ сапогъ: — Теперича живо поспѣетъ!

— Теперь, братъ, только держись...

— Ого, завопилъ... Ишь ты, какъ жалобно...

— Брось, дѣдъ, теперь пойдетъ...

Красный, какъ ракъ, дѣдъ разогнулся, утеръ платкомъ лицо. Самоваръ пыхтѣлъ, громыхалъ и испускалъ тучи горячаго пара. Дѣдъ оставилъ сапогъ и въ одной портянкѣ побѣжалъ въ другой уголъ балагана, чтобы тамъ что-то такое помѣшать въ кадкѣ, или что-то взять,—портянка завернулась, запуталась... Дѣдъ остановился, хотѣлъ что-то съ ней сдѣлать, но махнулъ рукой и побѣжалъ дальше.

— Ишь, заковылялъ, старый!—острили въ толпѣ.

— Небось, знаетъ, какъ деньгу наживать.

— Живѣй, дѣдъ, живѣй...

Старикъ вернулся съ липовой чашкою, занятой до половины какой-то не то мазью, не то клеемъ, и сунулъ чашку подъ кранъ: послышался шумъ вытекающей воды, и самъ дѣдъ скрылся въ клубахъ бѣлаго пара.

— Ого-го!—прервалось сдержанное молчаніе.

— Важно, ошпаривай... Ай, дѣдъ!..

— Что онъ тамъ дѣлаетъ?—спросилъ голосъ дѣвушки сзади меня.

— Что, извѣстно что: сбитень варитъ, отвѣтилъ парень съ серьгой въ ухѣ.—Хочешь сбитню?

— Нѣ...

— Чего нѣ?! Дура...

Дѣвушка зардѣлась, какъ заря, и вслѣдъ за парнемъ пробралась за перекладину, подъ балаганъ. Но мѣста тамъ (доски на опрокинутыхъ ящикахъ) были всѣ уже заняты. Парочка размѣстилась на опрокинутой бочкѣ.

Дѣдъ кончалъ послѣднюю операцію со сбитнемъ: вливалъ разведенную патоку въ самоваръ. Толпа, перегнувшись всѣмъ тѣломъ, съ жаднымъ любопытствомъ слѣдила за сбитеньщикомъ.

— Готово... ухъ!..

Дѣдъ выпрямился и утеръ потъ.

— Эва, старина, какъ умаялся!.. Почемъ сбитень?

— Умаешься, братъ... Копѣйка, копѣйка, родной. Ухъ!

— Ну-ка, налей.

— Погоди, пусть скипитъ...

— Чего тутъ! Кипѣло ужъ...

— Дядюшка, и мнѣ!

— Мнѣ, старикъ, мнѣ!

— Марья, поди сюда, помогай!... Посуды мало...

Изъ-подъ лѣваго крыла балагана вышла стройная миловидная дѣвушка, отвѣшивавшая до сихъ поръ орѣхи и пряники... Это было уже роскошью для толпы.

— Марья Ивановна, мнѣ! Отмѣряй въ ковшикъ!

— Сюда, сюда, Марья Ивановна! Въ чашку лей...

— Копѣйку получи, голубка...

— Давай сдачи, дѣдъ!.. Съ двухъ копѣекъ сдачи!..

— Погоди, дай ногу обуть...

— Чего ее обувать, не простудишься... Не держи народъ...

Покорный мірскому началу, дѣдъ не можетъ держать народъ и вторично машетъ рукой: справлюсь-де и безъ сапога.

— Дѣдъ, вѣдь вмѣстѣ сбитень-то варили, что-жъ ты держишь?.. Лей хоть въ это блюдо...

— Сейчасъ, сейчасъ, молодецъ хорошій... Посудинки-то мало...

— Марья! Получи...

— Дядюшка!.. Дѣдъ!.. Дѣдко-же!.. Чо-ортъ!..

— Ой, ребятушки, не торопите, не торопите, кормильцы. Всѣмъ будетъ... Посудинки-то не хватаетъ...

Дѣдъ съ дочерью, какъ угорѣлые, метались по балагану, а толпа все прибывала.

Въ сторонѣ гдѣ-то послышалась гармоника...

Послѣднія времена.

Я занимался спѣшною работой по собиранію статистическихъ свѣдѣній о земледѣліи и сельской промышленности въ одномъ изъ уѣздовъ N—ой губерніи. Срокъ подачи этихъ свѣдѣній уже истекалъ, и я страшно торопился. Набѣгавшись за день по деревнямъ и помѣщичьимъ усадьбамъ, я, усталый и измученный, возвращался къ вечеру домой, въ занимаемую мною комнатку въ крестьянской избѣ, и тотчасъ-же принимался за работу, которая продолжалась иногда до разсвѣта. Добытыя за день цифры стройными рядами размѣщались по графамъ составленной мною таблицы. Я былъ радъ, когда заполнялась одна страница за другою; работа кипѣла; цифры такъ и вертѣлись въ головѣ, сталкивались, складывались, умножались... Но иногда, словно ио капризу, онѣ начинали разбѣгаться, путаться между собою, прятались куда-то, не слушались меня. Я раздражался; утомленное вниманіе уставало слѣдить за ними, подкарауливать и задерживать на-лету, чтобы тотчасъ-же водворить ихъ на мѣсто жительства въ той именно клѣткѣ моей таблицы, которая для нихъ предназначалась. Обязанность—чисто полицейская. Работа усложнялась и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что крестьяне не одинаково считали десятину: въ одномъ обществѣ была одна мѣра, въ другомъ—другая, а таблица понимала казенную десятину въ 2,400 кв. саж., отчего показанія крестьянъ расходились между собою.

Ходъ мѣстной торговли полевыми произведеніями... плюсъ... минусъ... Поденная плата мужчинъ, женщинъ... Урожай—средній... выше средняго... Тщательно разлинованная бѣлая страница пе-

стрила въ глазахъ; цифры врали; огарокъ свѣтилъ тускло и неровно, задуваемый вѣтромъ въ щели дребезжавшаго, плохо сколоченнаго окна. Подъ самымъ ухомъ надоѣдалъ комаръ, выводя свою ноющую безконечную пѣсню. То оглушающе залаетъ въ сѣняхъ собака, то вдругъ громко забредитъ кто-нибудь изъ хозяевъ, спавшихъ въ повалку за перегородкой... Усатый рыжій тараканъ стремительно выбѣгаетъ изъ-подъ крышки стола, останавливается, щупаетъ мое перо, пробуетъ чернила... Гоняясь за цифрами, я отмахивался отъ комара, успѣвшаго выбрать себѣ удобное мѣстечко на моей шеѣ, тыкалъ перомъ въ усатаго таракана, ловко убѣгавшаго опять въ свой укромный уголокъ подъ столомъ, курилъ, ерошилъ волосы, открывалъ и закрывалъ окно, разсчитывая почерпнуть бодрость въ глубинѣ лѣтней ночи,—ничто не помогало. Приходилось оставить на сегодня работу. Промучившись еще съ полчаса, я легъ на жесткую постель и погасилъ свѣчу

Начинался разсвѣтъ. На блѣдно-зеленоватомъ востокѣ, какъ серебряная стружка, выкатился нарождающійся мѣсяцъ. Въ избѣ, за перегородкой слышался чей-то тихій говоръ, вѣроятно бабки, хозяйской матери, имѣвшей обыкновеніе вставать раньше всѣхъ другихъ членовъ семьи. Дребезжащій старческій голосъ по-временамъ прерывался нѣжнымъ, робкимъ дѣтскимъ шепотомъ.

— Громъ не будетъ гремѣть, мужикъ мохомъ обростетъ,— звучалъ старческій голосъ мѣрно, однозвучно.—И выведется весь мужской корень... И въ полѣ семь бабъ надъ однимъ мужичьимъ слѣдомъ будутъ стоять и спорить. Одна скажетъ: мой мужъ прошелъ! А другая скажетъ: нѣтъ, мой!.. И загорится небо и земля; бревно въ крови поворотится... И вывезетъ нашъ бѣлый царь на своихъ бѣлыихъ плечахъ невѣрнаго царя басурманскаго...

Около моей кровати, въ перегородкѣ между досками, была щель. Я повернулъ голову и съ любопытствомъ началъ отыскивать взоромъ бесѣдовавшихъ между собою лицъ. Закоптѣлая низенькая комнатка съ голыми, неотесанными стѣнами; грязное полотенце на гвоздѣ; хозяйскій сѣрый кафтанъ съ шапкой и кушакомъ; уголъ широкой русской печи и край стола, засореннаго остатками ужина. Таковъ былъ видъ съ моего наблюдательнаго поста. Я заинтересовался слышаннымъ. Мнѣ казалось, что я слышу голосъ далекаго, далекаго прошлаго, когда богатое воображеніе первобыт-

наго человѣка, подавленное страхомъ предъ могучими силами природы, одухотворяло видимые предметы, пытаясь разъяснить то, что для темнаго, неразвитаго ума не поддавалось разъясненію. Это былъ голосъ съ того свѣта. Устами бабки говорили наши отдаленные предки; недаромъ такъ сжата, правильна и картинна была ея рѣчь, очевидно, давно сложившаяся и отъ поколѣнія къ поколѣнію переходившая, какъ пророчество.

Начинающійся день наполнялъ розовымъ полусвѣтомъ комнату, гдѣ шла бесѣда, и я скоро разглядѣлъ сѣдую голову старухи на печи. Это и была сама разскащица. Она лежала на спинѣ, лицомъ къ темному углу печи, подложивъ подъ голову полушубокъ. Лица ея мнѣ не было видно. Зато, прямо противъ меня глядѣло свѣжее дѣтское личико дѣвочки лѣтъ одиннадцати. Она лежала рядомъ съ бабкой на томъ-же изголовьи, облокотясь на тонкія бѣлыя ручонки, какъ то бываетъ съ херувимами, нарисованными на иконахъ и потолкахъ въ церкви. Задумчивые, широко открытые, какъ-бы проникающіе въ таинственную даль, глаза ея были устремлены на противоположную стѣну отъ печки, и, казалось, они видѣли тамъ, далече за стѣнами, все то, что рисовалъ бабкинъ разсказъ. По-временамъ она оставляла свою неподвижную, какъ-бы застывшую, позу, и тогда русая головка повертывалась въ сторону бабки, и быстрый шепотъ спрашивалъ:

— Когда-же все это будетъ?

— Когда послѣднія времена придутъ, дитятко.

— А скоро это будетъ?

— Про то Богъ знаетъ. Можетъ быть, ужъ и пришли... Слышь, холера по народу гдѣ-то ходитъ.

По лицу дѣвочки пробѣжала какая-то напряженная мысль. Казалось, ей видятся эти послѣднія времена... Большое поле, и это поле страшное, пустое—нѣтъ на немъ ни одного человѣка, ни одного живого существа. Вотъ выбѣгаютъ изъ лѣса семь бабъ въ бѣлыхъ рубахахъ, съ распущенными волосами, плачущихъ. Онѣ бѣгутъ по мертвому полю, наклоняются, разглядываютъ чьи-то слѣды на землѣ и вдругъ начинаютъ махать руками и спорить... Слышатся крики:—„Мой!“—„Нѣтъ, мой!..“ Картина мѣняется. Мертвое желтое поле принимаетъ розовый отливъ, потомъ красный... Да это кровь! Кровь все прибываетъ, прибываетъ, и откуда она только

берется? Вотъ ея, наконецъ, накопилось столько, что лежавшее средп поля тяжелое бревно всплыло, перевернулось кривымъ бокомъ книзу и поплыло по полю, колыхаясь въ густой человѣческой крови... Бѣлый царь на бѣлой лошади... Навстрѣчу ему, окруженный блестящимъ войскомъ, выѣзжаетъ невѣрный царь басурманскій, весь закованъ въ латахъ, голова съ пивной котелъ, плечи—косая сажень... Бѣдный бѣлый царь! У него нѣтъ ни друга, ни жены, ни войска, ни сына,—всѣ они полегли на мертвомъ полѣ, въ битвѣ съ невѣрнымъ царемъ, всѣ погибли, и въ ихъ-то крови плавало тяжелое бревно...

– Бабушка, за что-же Богъ наказываетъ такъ людей?

Въ голосѣ дѣвочки слышится жалость, болѣзненное выраженіе искажаетъ нѣжныя черты лица. Глаза готовы плакать.

— За грѣхи, моя милушка... Господь въ наказаніе намъ посылаетъ потопъ, голодъ, моръ... Не образумятся-ли люди, не вспомнятъ-ли Господа Бога. Если не образумятся, не вспомнятъ,—онъ и отдаетъ приказаніе китамъ, на которыхъ стоитъ земля, чтобы они пошевелились...

— А вотъ ты говоришь—холера...

— Господь посылаетъ въ испытаніе... Много грѣха накопилось на людяхъ. Праведники ужъ не могутъ этого грѣха поднять, мало ихъ... Перетянули грѣхъ людской и неправда добрыя дѣла въ мірѣ людскомъ... Охъ, Царь небесный, Батюшка!.. Согрѣшили грѣшные мы!..

— Ты говоришь—ходитъ... Какъ-же это она ходитъ?..

— Кто?

— Да холера-то? Видала ты когда-нибудь ее?

— Я не видывала, а старики сказываютъ, что была она у насъ... Въ нашей деревнѣ была.

— Какая-же она изъ себя? Черная, страшная?..

— Нѣтъ, кормилка, и не черная, и не страшная, а какъ-бы жаръ трясучая... Вотъ что въ печи, аль надъ свѣчкой, жаръ бѣлый бываетъ, безъ дыму... Его не видно, а онъ есть... Или еще лѣтомъ на изгородяхъ и на избахъ видно при солнышкѣ, какъ свѣтъ переливается, дрожитъ... Ровно изгородь-то изъ воды сдѣлана, колышется подъ жаромъ-то.

— Я видѣла, бабушка:—какъ студень, дрожитъ.

— Вотъ, вотъ... Такъ и холера. Ее не видно, какъ дерево, али человѣка; а у ней все есть: и ноги, и руки, и голова, и туловище. Ходитъ она невидимкой по землѣ, ходитъ не какъ люди, а какъ гады ползаетъ... Отъ земли она подняться сама собой не можетъ, буде по дереву, либо по камню... Она не видитъ, а только запахъ чуетъ, да голосъ человѣчій слышитъ. Когда она идетъ по землѣ, человѣкъ можетъ это слышать: на рукахъ и ногахъ у ней желѣзные когти, и стучитъ она ими, царапаетъ. Живетъ она на днѣ моря и безъ Божьяго повелѣнія не можетъ двинуться, ровно окоченѣлая. Лихіе люди другой разъ пущаютъ холеру нарочно въ рѣки и колодцы... Это, милушка, злые люди нехорошіе.. Большіе грѣшники... Они знаютъ, что имъ прощенія отъ Бога не будетъ на томъ свѣтѣ за ихъ неправедную жизнь— ненавидящіе люди, колдуны, убивцы... Вотъ они и думаютъ: „чѣмъ намъ однимъ погибать, такъ пусть гибнетъсъ нами и весь крещоный міръ“.

— Что-же такихъ людей въ острогъ не посадятъ? Почему не убьютъ?

— Не знаютъ, дѣвынька. Какъ ты злого человѣка распознаешь? Онъ вѣдь самъ не скажетъ... Былъ у насъ,—старики сказывали,—такой случай: вѣдьма жила одна, холеру въ народъ пускала и сама холерой оборачивалась... Да это длинная сказка... Не пора-ли намъ вставать; ужъ день бѣлый, и куры съ насѣсти слетѣли... О-хо-хо! Царица Небесная, Матушка!.. Микола милосливый...

Старуха широко зѣвнула и перекрестила ротъ. Потомъ она подняла голову съ намѣреніемъ вставать, повидимому, но внучка, съ разгорѣвшимся отъ любопытства лицомъ, схватила ее за руку.

— Бабушка, милая, разскажи... Теперь вездѣ, говорятъ, холера ходитъ... Ну-же, баба... Вставать еще рано,—мамка спитъ, тятька спитъ, всѣ спятъ.

Дѣвочка ласкалась, какъ кошка, называла бабку самыми ласковыми словами. Признаюсь, я совершенно раздѣлялъ желаніе дѣвочки. Своеобразный взглядъ старухи на существо холеры былъ любопытенъ, и я невольно сближалъ его со взглядомъ науки на тотъ-же предметъ. Къ удивленію моему, много оказывалось общаго между тѣмъ и другимъ, если отбросить, разумѣется, все фантасти-

ческое, сказочное. Коховскія занятыя, невидимыя для глаза... сцѣпленіе занятыхъ въ колонны (движеніе, напоминающее движеніе пресмыкающихся)... Заразительность воды (бактеріи размножаются въ водѣ)... Холера не можетъ подняться на высоту (относительно высокія мѣста—горы—безопасны въ смыслѣ заболѣванія)... Все это, конечно, подмѣчено народной наблюдательностью, но затемнено, обезображено суевѣріемъ, вымысломъ и невѣжественной слѣпотою. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ продолженія разсказа. Улегшись поудобнѣе, я ближе пододвинулся къ щелкѣ, отчего наскоро сколоченная изъ дровъ и досокъ моя кровать чуть не обрушилась. Старуха подозрительно оглянулась въ мою сторону, но, успокоенная молчаніемъ за стѣной, опять легла на свое мѣсто. Разговоръ продолжался тише, но я всетаки могъ, съ нѣкоторыми усиліями правда, слышать то, что говорилось старухою въ отвѣтъ на неотвязчивыя требованія внучки. Вотъ ея разсказъ:

... И люди думали, что настали послѣднія времена. Земля не родила хлѣба, засуха сожгла землю, скотъ палъ, появился моръ на людей. Каждый думалъ, ложась спать, что утромъ не встанетъ. Люди даже не боролись со смертью: съ вечера они надѣвали бѣлые саваны, такъ и спали. Утромъ вставали и убирали мертвыя тѣла, таскали ихъ баграми въ большую яму. Пришло время—и мертвыхъ некому хоронить стало: тѣла валялись и гнили въ избахъ...

... И нанесъ Богъ тогда въ деревню добраго человѣка — солдата, въ шинели, съ тесакомъ у бока. Пришелъ онъ ночью, постучался въ одну избу—тихо; постучался въ другую—какъ въ гробу, все тихо.„Что за чудо!“—думаетъ солдатъ:—„ни огня нигдѣ нѣтъ, ни голоса человѣчьяго не слышно... даже собаки не лаютъ“. Однако голодъ не свой братъ, и ночлега тѣло проситъ. „Спятъ мужики“, думаетъ. Подошелъ къ одной избушкѣ, видитъ: раскрытое окно... взялъ, да и—скокъ прямо въ избу! А въ избѣ старуха, древняя-предревняя, въ саванѣ, на лавкѣ лежитъ и смерти дожидается. И стала она солдата просить, чтобы ушелъ онъ изъ избы. „У меня“, говоритъ, „былъ мужъ, пять сыновей, внуки и внучата,— всѣхъ ихъ прибрала холера. Сегодня мой чередъ“. Выслушалъ солдатъ и говоритъ:

— Я твоей холеры не боюсь. Пусть придетъ, попробуетъ...

И легъ спать у окна, на старухино мѣсто, а саблю возлѣ боку положилъ:

— Это, говоритъ, у васъ лихой человѣкъ завелся, холеру въ народъ пущаетъ.—Да ты не спишь-ли, милушка?

— Нѣтъ, бабушка, не сплю.

— Ну, слушай! Жила тогда дьячиха у насъ, знахарка, все книжку читала, да травы собирала. Травами она, бывало, лѣчила народъ. Лѣкарскую свою часть оченно хорошо знала: человѣка она могла испортить, отъ ея глаза, недобраго да угрюмаго, человѣкъ самъ не въ себѣ дѣлался.

— Пустяки это, бабушка! У насъ въ школѣ учитель говорилъ, что въ колдовство нельзя вѣрить.

Дѣвочка, проговоривъ это, казалось, такъ и просила, чтобы бабка опровергнула только-что высказанное ею мнѣніе. Такъ много заманчиваго и страшнаго въ колдовствѣ!

И старуха не замедлила съ опроверженіемъ:

— Вретъ твой учитель,—сказала она, недовольная тѣмъ, что авторитетъ ея поставленъ на одну доску съ авторитетомъ учителя.—Колдовство есть и было, и будетъ. Ему надо вѣрить и беречься лихого и недобраго человѣка. Вонъ недавно въ Сосницахъ свадьбу испортилъ колдунъ, всѣхъ поѣзжанъ въ медвѣдей оборотилъ. Вся округа у него въ рукѣ: присушить-ли кого, вора-ли указать, кровь заговорить, — и заговоритъ, и присушитъ, и вора укажетъ. Вѣрь, дѣвынька! Въ ковшъ взглянетъ—все видитъ. Захочетъ извести человѣка—слѣдъ вынетъ. Вотъ, милая, какіе колдуны-то бываютъ. Вотъ отчего ихъ не любятъ, боятся. Они все знаютъ, и все имъ открыто. Они чорту душу продаютъ, прости Господи!.. Почемъ мы съ тобой знаемъ, что онъ въ ступѣ толчетъ, али кипятитъ въ горшкѣ? А онъ знаетъ. Ему открыто, а намъ закрыто. Ты думаешь, онъ глядитъ на тебя такъ, зря? Анъ, нѣтъ. Не успѣешь шагу ступить, какъ запоешь пѣтухомъ, а нѣтъ—собакой залаешь... Выпьешь стаканъ воды, а вода-то заговоренная, глядь — жаба въ середкѣ у тебя и завелась. Ружье заговариваютъ — чего? желѣзо! Бойся ихъ, ангельчикъ! Кланяйся пониже, буде встрѣтишь, а еще лучше не встрѣчай, семь верстъ кругу дай, да не встрѣчай... Учитель!.. Уменъ больно... Нѣтъ, ты старикова послушай! Лаской да поклономъ обойди лихого человѣка. Упаси

Богъ, лихой человѣкъ навяжется! Еще въ гробъ вгонитъ — это хорошо! А то до гроба-то пока дойдешь — жисть проклянешь...

Не знаю, что думала дѣвочка въ это время... Она молчала,— но потому-ли, чтобы вслухъ высказаннымъ сомнѣніемъ не смутить разскащицу, или-же она поддавалась вліянію взрослаго человѣка и понемножку начинала вѣрить тому, во что вѣрилъ старый, пожившій, да еще родной къ тому-же, человѣкъ. Обо всемъ этомъ я хотѣлъ поговорить съ ней на другой день. Теперь-же мысли мои приняли иное направленіе.

Болтовня старухи натолкнула меня на размышленіе, касающееся недавнихъ прискорбныхъ событій—холерныхъ безпорядковъ. И мнѣ стали до нѣкоторой степени понятны и озлобленіе, и жестокость, которыя появляются иногда у обдѣленнаго знаніемъ человѣка по отношенію къ *знающему*. „Упаси Богъ, такой человѣкъ навяжется“... „Поклономъ, да угожденіемъ обойди“ *знахаря*, т. е. знающаго человѣка, въ рукахъ у котораго *сила*, хотя и нечистая (непонятная, необъяснимая для *незнающаго*, темнаго человѣка)... Съ такимъ взглядомъ трудно иначе и держать себя, какъ держитъ обдѣленный: боится всего, сторонится, потому-что *знахарь* —огонь, съ которымъ надо обращаться умѣючи: огонь варитъ пищу, но онъ-же производитъ и пожары. Это—ножъ, который рѣжетъ хлѣбъ, дѣлаетъ пастуху свистульку, но такъ-же распарываетъ животы и перерѣзываетъ горла,—смотря по тому, въ чьихъ рукахъ находится. У „лихого“ человѣка, чувствующаго за собой „неотмоленный грѣхъ“, человѣка, который и не надѣется на спасеніе у Бога, огонь и ножъ—опасныя орудія: ему все равно „въ аду кипѣть“. Сторонись такого человѣка: онъ *знаетъ*, какія послѣдствія будутъ, если онъ свое знаніе приложитъ такъ или иначе къ жизни; онъ можетъ поступить хорошо и дурно, и если не поступаетъ хорошо, то, значитъ, *не хочетъ хорошо поступить*. Онъ во зло употребляетъ дарованное ему судьбой или случаемъ знаніе. Смотри за такимъ человѣкомъ въ оба, держись стороной и знай, что за пазухой у *знахаря* много такихъ штукъ, *знаніе* которыхъ тебѣ не дано. Но, если судьба столкнетъ тебя съ нимъ на одной дорожкѣ? Какъ отъ него уйдешь? Съумѣй отъ него избавиться тѣми средствами, *какія тебѣ извѣстны*...

Вся штука въ смыслѣ „добрый“ и „злой“. Одна и та-же сила у „добраго“ и „злого“ проявляется различно. Старая дьячиха, обладавшая *знаніемъ* тайной силы травъ, могла быть „доброй“ и „злой“. Ея воля! Тутъ никто, никто ей не поперечитъ, не укажетъ, потому-что темный умъ, какъ въ потемкахъ, какъ въ лѣсу передъ этой тайной. Благо, или зло замышляетъ *знахарь*? Если польза людямъ есть—это благо, и знаніе это дается Богомъ; въ противномъ случаѣ—оно дается нечистой силою. А съ нечистой силою борьба коротка: не помогаетъ молитва—ложись и умирай. Но если человѣкъ, къ тому-же, обладаетъ злой волею? Если въ немъ корысть заговорила? Куда уйти? Гдѣ найти спасеніе отъ такого человѣка?.. Есть только два средства: первое—доказано ужасомъ холерныхъ безпорядковъ („отравляютъ воду“, „живыхъ хоронятъ“ и т. п.). Такъ поступаютъ тѣ, у кого нѣтъ своего разумѣнія, кто теменъ, ничтоженъ, жалокъ, при сознаніи, что онъ защищаетъ свою жизнь и жизнь близкихъ ему людей—жены, матери, семьи. Онъ чувствуетъ себя въ положеніи загнаннаго въ западню и пойманнаго зайца, который, говорятъ, передъ смертью больно кусается. Отчаяніе придаетъ ему силу. Человѣкъ-же, какъ говорится, „развязываетъ свои руки“, т. е. слагаетъ съ себя всякую нравственную отвѣтственность за свои поступки. Онъ обороняется. Онъ не хочетъ безропотно умереть. Онъ *все* готовъ снести, претерпѣть, но, когда приходится отдавать послѣднюю свою собственность—шкуру, безо всякой видимой причины и вины,—тогда онъ на нѣкоторое время дѣлается звѣремъ. И кто-же изъ насъ, образованныхъ людей и *христіанъ*, снесетъ заушеніе, оплеваніе и пр. безъ протеста, иногда грубаго, звѣрскаго-же? А вѣдь здѣсь человѣкъ глубоко и искренно убѣжденъ, что онъ стоитъ за свое право—жить. Ни въ какой другой формѣ онъ не можетъ выразить протеста противъ кажущагося грѣха, насилія. Вѣдь такой жалкій и темный человѣкъ не считаетъ себя жестокимъ, а—тѣхъ, кто отравляетъ, по его мнѣнію, воду, подсыпаетъ порошки въ пищу, заставляетъ въ корчахъ и мукахъ страдать его милое ненаглядное дитя, невинное созданіе, ангельскую душеньку, милую добрую жену, съ которой такъ много пережито хорошихъ и горькихъ минутъ, любимую сестру, родную мать,—съ роду никому не дѣлавшихъ, не только не дѣлавшихъ, но и не желавшихъ, зла.

Вотъ кто жестокіе и безжалостные люди,—думаетъ такой человѣкъ и разноситъ больницы—притонъ невѣдомыхъ ему людей, гнѣздо ужаснаго знанія, которое, по всякимъ божескимъ и человѣческимъ законамъ, должно-бы идти ему на пользу, а пользы нѣтъ ..

Такъ думаетъ невѣжественный человѣкъ, бѣдный и жалкій, не зная за что и про что, за чьи грѣхи принужденный терпѣть невыразимыя муки... Онъ превратился въ звѣря, руки у него развязаны, и онъ борется, какъ знаетъ...

Кто-же виноватъ?

Единственное средство отъ всякихъ такихъ ужасовъ—просвѣщеніе. Пусть *знающій* и *добрый* человѣкъ подойдетъ къ тебѣ и объяснитъ твоему темному уму, гдѣ правда, гдѣ свѣтъ, чтобы ты могъ, какъ птенецъ подъ крыльями орлицы, укрыться отъ умственныхъ стужи и холода въ темную безпріютную ночь. Найди такого добраго человѣка и *повѣрь* ему...

Но гдѣ-же найти?..

Занятый своими мыслями, я пропустилъ часть изъ дальнѣйшаго разсказа бабки...

... Перекрестился солдатъ и махнулъ своей острой саблей,—говорила старуха:—только искорки посыпались отъ желѣзныхъ когтей... И *она*, какъ мѣшокъ, упала за окошко... „Ну“, говоритъ, „вставай, старуха, не будетъ *она* больше трогать крещеныхъ... Я, говоритъ, твою холеру саблей зарубилъ. Не бойся, давай ужинать собери, а завтра найдемъ виноватаго!“

Встала старуха—ни жива, ни мертва—собрала солдату ужинать... Что-же ты думаешь, дѣвынька моя,—нашли вѣдь *ее* подлую, холеру-то! Велѣлъ солдатъ собраться всѣмъ, кто въ живыхъ былъ, утромъ, и велѣлъ показать руки: у всѣхъ руки—какъ руки, а у дьячихи поперекъ пальцевъ на обѣихъ рукахъ черныя полосы—какъ саблей ударено... „Вотъ она, говоритъ, холера ваша!“

— Ой, страшно, бабушка!

— Вотъ, глупенькая! Надо Богу молиться, что народъ крещеный отъ смерти спасся... А она—страшно...

— Что-же, *она* перестала ходить?

— И, родная! Тутъ *ей* и конецъ приключился. Взяли мужики *ее*, да въ срубъ, а срубъ-то подожгли...

— Кого это, бабушка, неужели дьячиху?

— А то кого-же? Она вѣдь, старая вѣдьма, въ холеру-то оборачивалась, по ночамъ ходила, души христіанскія губила...

— Бабушка...

— Да что, родная,—перебила старуха хотѣвшую говорить дѣвочку:—Есть такіе, что глаза отвести могутъ: ты глядишь на него, а онъ нырнетъ въ ковшъ съ водой и пропалъ... Али, къ примѣру, нарисуетъ на стѣнѣ лодку, сядетъ въ нее и—поминай какъ звали! Уѣдетъ... Никакіе замки и крѣпи не удержутъ.

— Бабушка! Да вѣдь дьячиха-то могла-бы тоже отвести глаза.

— А крестъ-то на что?.. Крестомъ ее, противъ креста нечистая сила вовѣкъ не устоптъ. Сказываютъ: лѣзла изъ огня-то, невидимкой сдѣлалась,—такъ по багру узнавали... Чей багоръ задрожитъ, значитъ, затрясется—это она поганая... Ну, и багоръ въ огонь...

Послѣдній лучъ сомнѣнія, казалось, звучавшій въ голосѣ дѣвочки, пропалъ: столько было вѣры и искренняго негодованія въ разсказѣ бабки...

— Ты давича говорила—послѣднія времена... Кто-же про это знаетъ? И бревно, и кровь...

— Въ книгахъ написано... Опять-же святые угодники черезъ благочестивыхъ людей даютъ знать... Недавно странницу, сказываютъ, было видѣніе: вышелъ изъ лѣсу навстрѣчу къ нему, весь въ бѣломъ, большой-пребольшой человѣкъ. Странникъ испугался... А тотъ ему:—„Не бойся, человѣче! Я Миколай Чудотворецъ. Погляди черезъ правое плечо“. Поглядѣлъ странникъ черезъ правое плечо: хлѣба видимо-невидимо понаставлено.—„Теперь гляди черезъ лѣвое плечо!“ Поглядѣлъ странникъ черезъ лѣвое плечо,—все мертвыя тѣла, все тѣла... „Вотъ, человѣче,“—говоритъ Микола Милостивецъ,—„запомни и разскажи людямъ: и хлѣба будетъ много, да ѣсть его некому будетъ“... И сталъ невидимъ. Книга тоже съ неба, сказываютъ, упала... Охо-хо! Царица Небесная, Микола Милостивый, согрѣшили мы, грѣшные!.. Знать, послѣднія времена пришли...

Долго, когда уже всѣ въ домѣ встали—и дѣвочка, и старуха—я не могъ уснуть. Я не спалъ всю ночь. Я все думалъ о разсказѣ старухи. Что это? Бредъ сумасшедшаго? Сколько вѣры, самой крѣпкой, истинной вѣры во все то, что говорила она!

Можетъ быть, такіе разсказы живутъ уже тысячи лѣтъ въ народѣ. Но наши школы, наши арміи преданныхъ дѣлу народа слугъ и друзей,—„гдѣ вы, сильные и смѣлые, гдѣ вы, бодрые бойцы?“.. Я взглянулъ на мою таблицу—она тоже говорила о *послѣднихъ временахъ*... Невѣжество и нищета... нищета духовная и матеріальная! Гдѣ народъ? Его нѣтъ—ни въ таблицѣ моей, ни въ жизни; за него дѣйствуютъ проходимцы, въ-родѣ солдата бабкинаго и странника. И тотъ, и другой творятъ *чудеса*. Народъ ждетъ чего-то ужаснаго и спасеніе отъ этого ужаснаго видитъ только *въ чудѣ*. Въ свою силу и въ силу своей мысли онъ, какъ-будто, не вѣритъ. За кѣмъ-нибудь надо идти! За кѣмъ-же онъ пойдетъ?

Грустно мнѣ было. Грустно еще и потому, что я зналъ множество, подобныхъ вышеприведенному, разсказовъ, въ изобиліи появляющихся именно въ трудныя времена, въ *послѣднія*. Къ нимъ прислушиваются даже и тѣ, кто не вѣритъ такимъ розсказнямъ. Очевидно, мысль народная мятется, теряется въ путяхъ, въ догадкахъ, ощупью ищетъ дорогу и, не находя ея, обращается къ чудесной старинѣ, къ старымъ людямъ, къ чертовщинѣ, къ чудесамъ. Не весело встрѣтилъ я восходящее солнышко, не весело взглянулъ на свои таблицы, надъ которыми съ такимъ увлеченіемъ работалъ съ вечера. Мнѣ хотѣлось бросить все и уйти, уйти куда-нибудь дальше отъ людей. Безплодныя старанія! Никому ни на что не годная и не нужная работа! Я чувствовалъ себя такъ, какъ будто самъ повѣрилъ въ послѣднія времена.

Но я ошибался...

Довольно было пяти минутъ при встрѣчѣ съ дѣвочкой, довольно было взглянуть въ ея глаза, умные и ясные, услышать серебристый и добрый ея смѣхъ, когда я сказалъ, что слышалъ ихъ разговоръ ночью,—и всѣ мои опасенія исчезли. Старуха—пускай она говоритъ, пусть своими источенными старыми зубами грызетъ камень! Что пользы увѣрять ее, что это вредно для зубовъ. Все равно, не увѣришь, да и не долго ей осталось жить. Посмѣемся надъ нею, но посмѣемся не зло, пусть нашъ смѣхъ будетъ веселый и добрый, какъ смѣхъ дѣвочки. Это даже хорошо—ея разсказы страшные; они только признакъ времени смутнаго, признакъ кристаллизующейся новой народной мысли. Они, разсказы эти, безъ всякой опасности могутъ быть повторены даже въ школѣ, и это

даже хорошо, если ихъ будутъ разбирать въ школѣ, на-ряду съ баснями и сказками. Они не помѣщаютъ „кристаллизаціи“, какъ ничто ей не помѣшаетъ. Какъ ни ничтожна крупица знанія, даваемая школой, но эта крупица—лучъ солнца. Я видѣлъ этотъ лучъ на лицѣ дѣвочки. Какъ солнце, днемъ онъ будетъ свѣтить ярко, и только развѣ ночью, когда солнце спрячется, онъ на время померкнетъ вблизи умирающей грубой старины, подъ нашептываніе бабушкиныхъ сказокъ...

«Славный денёкъ!..»

I.

Солнышко выглянуло изъ-за крутой горы, стрѣльнуло лучами направо, сыпнуло налѣво: все-ли на землѣ спокойно... На землѣ все было спокойно, какъ вчера,—не прибавилось ни „скирды“ новой, ни новой полосы... Недостроенная изба и сегодня, какъ вчера, стояла недостроенной на краю деревни,—стояла, сверкая бѣлыми строганымн стѣнамн и высокими бревенчатыми стропилами, придававшими ей видъ костлявой сушеной рыбы съ обнаженными ребрами. На срубѣ копошились плотники, лѣниво, вяло, не успѣвшіе еще размяться послѣ сладкаго сна на сѣновалѣ. Было свѣжо...

— Ванька, подай кафтанъ-отъ...

Мимо проходитъ молодая дѣвушка съ низко надвинутымъ на лобъ бѣлымъ ситцевымъ платкомъ. За поясомъ виденъ серпъ, брызжущій съ каждымъ новымъ шагомъ во всѣ стороны ослѣпительными бѣлыми лучами. Легко и плавно проходитъ она, едва ступая бархатными шагами по засохшей глинистой дорогѣ. Блеснулъ любопытный взглядъ въ сторону молодого плотника и тотчасъ-же опустился, скрывъ то, что нужно было скрыть. Парень снялъ фуражку и раскланялся въ отвѣтъ на скромное наклоненіе головы. „Съ добрымъ утромъ!“ говорило его розовое лицо, но словами онъ не выразилъ своей мысли и только крякнулъ, провожая взглядомъ гордую „отецкую дочку“.

— Эй, Иванъ!..

— Сичасъ...

Тихо поднимается солнышко, взбираясь все выше и выше надъ деревней. Голубое небо подернуто какимъ-то бѣлесоватымъ оттѣнкомъ; въ воздухѣ плаваетъ паутина, можетъ быть, уносящая въ невѣдомую даль путешествующаго на ней маленькаго паука. Нехотя, какъ невыспавшійся человѣкъ, равнодушно и безучастно двигается солнышко: все это оно видѣло раньше, знаетъ, все ему надоѣло. Вонъ пасется стадо... Лѣвѣе, къ рѣкѣ, у ольховыхъ кустовъ столпилось другое—овцы, телята... Пастушонокъ въ длинномъ, не по росту, кафтанѣ наигрываетъ на ивовой свистулькѣ. Вонъ тамъ прорыта излучина рѣчного берега... Это сдѣлано землекопами вчера вечеромъ: помѣщикъ мельницу затѣваетъ строить. По желтому сжатому полю пестрятъ „суслоны“ ржи, какъ расфранченныя купчихи.

— Сколько обмолотъ?

— Съ трехъ суслонъ мѣрка.

— Плохо!..

Закоптѣлый, въ пыли и грязи, съ чернымъ носомъ мужичокъ съ цѣпомъ вышелъ изъ гумна и сталъ разговаривать съ лысымъ и сѣдымъ, какъ лунь, старикомъ на возу съ новой рожью. Мужичокъ долго сморкается...

Вотъ стукнуло окно въ школѣ; учитель опять, какъ вчера, какъ третьяго дня, все пишетъ, пишетъ и считаетъ на клочкахъ бумаги, вноситъ цифры въ „вѣдомость“ какую-то. Онъ часто хмурится и поминутно чадитъ папироской. Да, сентябрь ужъ скоро, и вѣдомость пора отправить къ тѣмъ людямъ, которые проспли къ сроку доставить ее.

— Николай Якличъ! Васъ докторъ на улицѣ ждетъ...

— Знаю... Сейчасъ...

Онъ кладетъ перо и черезъ минуту, въ шляпѣ и рыжемъ пальто, выходитъ изъ своей чистенькой и щеголеватой школы, слѣдуя за сельскимъ старостою. Неизмѣнная папироска все такъ же чадитъ.

— Плохи дѣла, Николай Якличъ! Рожь не сѣяна, а погода стоитъ хорошая...

— Гм...

— Дохтура этого нанесло...

— Гм...

— То колодцы чинили — три дни ушло, то теперь съ этой самой известкой, то больныхъ собирай... Просто, отъ работы отбило...

— Что-жъ, не тужи...

— Да вѣдь погода, Николай Якличъ!.. Гляди, дождя нанесетъ...

Староста чешетъ затылокъ и морщитъ носъ, точно ему дали понюхать чего-то нехорошаго.

— Пыхъ-пыхъ... Эпидемію прекратить надо...

— Это ужъ какъ есть... Вѣстимо, надо... Ахъ, ты грѣхъ какой! Совсѣмъ съ сѣвомъ пропали...

— Пыхъ-пыхъ...

— Къ тому-же опять, рожь-матушка не ждетъ: „убирай, гритъ, меня, а то обсыплюсь“...

— Пыхъ-пыхъ...

Въ бѣлоснѣжномъ кителѣ съ золочоными пуговицами молоденькій „докторъ“—студентъ, посланный земствомъ на борьбу съ эпидеміей, озабоченно посматриваетъ вдоль деревни и нетерпѣливо крутитъ усъ, поджидая учителя, съ которымъ они такъ быстро подружились, совершая обходъ больныхъ въ послѣдніе два дня. „Докторъ“—новое лицо, но къ нему уже приглядѣлись въ деревнѣ.

— Пустое все, думается мнѣ... — пытливо взглядываетъ на учителя староста.

— Что?

— А дезинтерія-то...

— О!.. Какъ ты сказалъ?..

— Дезинтерія... Дохтуръ съ фельшаромъ разговаривали. Сперваначалу напугался, страсть! Холера, думаю...

— Что-же, это лучше?

— Какое лучше! Ну ее къ Богу!.. Четверыхъ на этой недѣлѣ похоронили... И принесло-же... Ахъ!.. Не было докторовъ, такъ и болѣзни не было...

— Не мели...

— Да что, Николай Якличъ!.. Я смекаю такъ, что все это отъ пищи... Лукъ да хлѣбъ, да вода... Еще и хлѣба-то не досыта... Кака-така эпидемія?

Смотритъ солнышко равнодушно, холодно, по осеннему—и на широкую спину старосты, и на разлетайку учителя; мертвымъ

бликомъ свѣтится въ пуговицахъ на изящномъ кителѣ молоденькаго „доктора“...

— Обросимовна что, какъ?.. Померла?..

— Нѣ еще... Да ужъ на ладонъ дышетъ... Не сегодня—завтра, гляди, Богу душеньку отдастъ... Плоха, плоха, матушка ты моя! Въ чемъ душа!.. Горе—не ѣстъ ничего... Вотъ бѣгу брюковку вытащить,—такая славная у насъ брюква-то.

— А дохтуръ что?

— Да что? Того не ѣшь, другого не пей... Эдакъ и здоровому не въ мочь... Горитъ нутро-то... Холодной водицы все проситъ... Даемъ, жаль...

— А порошки?

— Да што-жъ порошки?.. Кто будетъ водиться? Мужикъ съ утра до ночи съ сѣвомъ, ребятишки на жнитвѣ... Нѣ, мать моя, вчерась давали раза два, да не помогаетъ.

— Хорошій дохтуръ-то?

— И, хорошій, дѣвка, хорошій! Только непонятный какой-то: ситничка, гритъ, ей надо, супу... Хи-хи!... А у насъ и рѣдечки нѣту... А такъ—хорошій, и лѣчитъ хорошо, вспотѣетъ даже сердешный, покуда вокругъ больныхъ въ одной это рубахѣ возится... Не хорошо только, что *трубку* съ собой носитъ... Тьфу!.

Бабочки поговорили и разошлись въ разныя стороны: одна — къ только-что обновленному мірскому колодцу за водой, другая— на огородъ за брюквой. Колодезный журавль-очепъ клюнулъ нѣсколько разъ, склоняясь надъ черной дырою въ землю, и опять застылъ въ своей неподвижной позѣ.

— Шишь, вы подлыя!

Курицы опрометью летятъ черезъ изгородку на улицу. Сосѣдки опять встрѣтились.

— Славный денёкъ!..

День, дѣйствительно прекрасенъ. Свѣжій, сухой, ясный день, какіе бываютъ только въ августѣ или сентябрѣ. Сѣять, жать, молотить, убирать снопы—самая лучшая пора. Даже сельскій „батюшка“ съ утра и до ночи не выходитъ съ поля: въ коричневой широкой рясѣ ходитъ онъ съ палочкой, посматриваетъ, какъ бабы и дѣвки жнутъ овесъ. То тамъ, то сямъ мелькаетъ его круглая поярковая шляпа. Не сидится дома и помѣщичьему управителю.

Словно лебедей стадо, вытянулись мужики по зеленому лугу, на той сторонѣ рѣки, и, что крыльями, дружно машутъ звонкими косами. „Песку хвачу—зубы наточу!“—выговариваетъ коса, когда мужики останавливаются точить косы. Не дремлютъ и ребятишки въ деревнѣ: два раза ихъ поймали сегодня въ барскомъ саду. Не даютъ они спуску и собственнымъ огородамъ, гдѣ поспѣлъ уже горохъ, у кого былъ посѣянъ, огурцы, брюква...

Славный денекъ!..

II.

Учитель съ „докторомъ“ медленно шли вдоль улицы, время отъ времени перекидываясь отрывочными словами и фразами; но каждый изъ нихъ, казалось, былъ погруженъ въ свои собственныя мысли, не высказанныя, быть можетъ, но ясно сознанныя. Нѣтъ сомнѣнія, что думали они и о своихъ, личныхъ, дѣлахъ и дѣлишкахъ, но главной, преобладающею заботой на душѣ всетаки была эта *эпидемія*, въ борьбѣ съ которой они, добровольцы и новички въ дѣлѣ, старались принести посильную пользу.

— Да,—сказалъ учитель, бросая вкось взглядъ на „доктора“.— Не лучше, пожалуй, холеры...

— Обыкновенно двадцать процентовъ умирающихъ... Что-жъ?.. Холера—сорокъ,—отвѣтилъ „докторъ“ и, посмотрѣвъ направо, остановился. Тамъ, черезъ дворъ, за изгородью нѣсколько человѣкъ мужиковъ чинили колодецъ.

— Помогай Богъ!

— Спасибо!

Мужики оставили возню около гнилого и мокраго сруба, совсѣмъ почти ушедшаго въ землю, и сняли шапки, изъ уваженія къ „доктору“ и его щеголеватому бѣлому кителю. „Кто его знаетъ, что *онъ* можетъ сдѣлать; можетъ статься — въ острогѣ сгноитъ!“—казалось, написано было на однихъ лицахъ. Зато другія лица съ нескрываемой симпатіей и любопытствомъ осматривали заѣзжаго человѣка, вращающагося въ другомъ, чуждомъ имъ мірѣ,—человѣка, можетъ быть, и чувствующаго, и мыслящаго иначе, чѣмъ они—люди съ грубыми руками, загорѣлыми, почти черными, лицами... Гдѣ имъ такъ тонко и ясно все видѣть, какъ этотъ красивый и ученый молодчикъ!

— Ну что, какъ, братцы? Чините?

„Докторъ“ заглянулъ въ глубь колодца: на разстояніи полуаршина отъ поверхности земли виднѣлась мутная, жидкая грязь, подернутая зеленой плѣсенью. Пахло кислятиной...

— Неужели отсюда пили?—сказалъ онъ.

Мужики переглянулись.

— Чего не пить,—*добрые* люди пьютъ:—буркнулъ угрюмый сѣдой старикъ, бросая недоброжелательный, почти злобный, взглядъ на учителя, тоже въ свою очередь склонившаго надъ колодцемъ свою шляпу. „Докторъ“ быстро взглянулъ на говорившаго. Ему не понравилось лицо этого старика — съ нависшими бровями, съ буграми на лбу и височныхъ костяхъ, съ широкой нижней челюстью. Онъ тотчасъ-же вспомнилъ мимолетное впечатлѣніе: чья-то тѣнь загородила ему солнце, когда онъ заглядывалъ въ колодецъ... Ему почудилось даже, будто въ черномъ водномъ зеркалѣ къ его фигурѣ протянулась костлявая жесткая рука... Потомъ произошло какое-то замѣшательство среди мужиковъ, какъ-будто толкотня, давка... Но вѣдь это только *почудилось*!.. А что, если въ самомъ дѣлѣ?.. Этотъ старикъ, напоминающій собою видѣнную имъ въ дѣтствѣ картину, изображающую яростный споръ сѣверныхъ сектантовъ,—способенъ, кажется, на все...

Холодная дрожь пробѣжала у него по спинѣ...

— Что ты говоришь, старикъ?—сказалъ онъ, стараясь придать голосу строгое выраженіе, а фигурѣ — внушительный видъ.

— Я говорю,—возразилъ старикъ съ азартомъ,—что замокъ надо повѣсить!

— Для чего-же?.. Закрытый колодецъ портитъ воду. Подъ крышкой всегда будетъ затхлый воздухъ; отъ него и вода заражается...

— *Шляпы* больше заражаютъ!—отрѣзалъ старикъ—къ общему ужасу окружавшихъего мужиковъ. Учитель вспыхнулъ, „докторъ“—растерялся. Подошедшій въ это время священникъ, слышавшій конецъ разговора, но не понявшій его значенія, громко разсмѣялся, какъ ему казалось, удачной остротѣ. Но, сообразивъ по лицамъ присутствовавшихъ, въ чемъ дѣло, онъ тотчасъ-же нахмурился и прибавилъ, тыкая пальцемъ въ воздухъ, въ воображаемую грудь старика:

— Смотри, старина, какъ-бы тебя самого подъ замокъ не упрятали... Здравствуйте, докторъ... Здравствуйте, Николай Яковлевичъ!..

— Нынче время-то ой-ой!..—продолжалъ онъ.—Ко мнѣ вонъ теща пріѣхала, отъ холеры убѣжала въ наши богоспасаемыя дебри... Холера у нихъ на Волгѣ... Что-жъ вы думаете?.. Какъ пошла эта болѣзнь у насъ—такъ сейчасъ же говоръ начался: попова теща хворь-де въ деревню занесла... Мать-попадья, въ слезахъ, ко мнѣ: натурально—защити!.. Вотъ оно время-то какое! Что-жъ, натурально, я—уряднику въ уши... Разыскалъ—кто и что... Ну, и сдѣлалъ внушеніе, кому слѣдуетъ, натурально...

„Докторъ", между тѣмъ, подошелъ къ суровому старику, фанатику-сектанту, какъ думалось ему, и началъ его урезонивать:

— Ты, дѣдушка, всѣ эти „штуки" брось, говорю тебѣ по совѣсти. Отъ такихъ штукъ много вреда бываетъ людямъ въ нашей русской непросвѣщенной и бѣдной странѣ. Я тебя не виню, а жаловаться на тебя и подавно не буду. Я только скажу тебѣ вотъ что: какъ ты думаешь—зачѣмъ я пріѣхалъ къ вамъ? Не думаешь-ли ты—что деньги зарабатывать? Можетъ быть, ты скажешь, что мнѣ нужно много денегъ, чтобы носить вотъ этотъ мой мундиръ, хорошіе сапоги, новую фуражку? Или, думаешь ты, что богатый домъ у меня, мотовка-жена, экипажи, лошади... Напрасно! Все мое богатство—вотъ здѣсь, что на мнѣ. Я весь тутъ... Мало того—у меня и жалованья никакого нѣтъ, я и не докторъ, а студентъ, ученикъ, значитъ. Ученые люди меня наставляютъ и учатъ, какъ давать легость человѣку въ болѣзняхъ. И я знаю кое-что, хотя и мало. Ну, вотъ, вмѣсто того, чтобы отдыхать мнѣ теперь отъ зимнихъ занятій, гулять,—я ѣду въ опасное мѣсто, къ вамъ въ деревню, гдѣ ходитъ хворь, ѣду за тѣмъ, чтобы провѣрить, такъ-ли меня учили и учатъ умные люди, мои учителя; дѣйствительно-ли помогаютъ болящему человѣку наши науки, и вѣрю, что онѣ помогаютъ, потому-что видѣлъ это собственными глазами. А ты!.. Я вѣдь видѣлъ, какъ ты протянулъ ко мнѣ руку: въ колодцѣ все видно было... Неужели въ самомъ дѣлѣ ты, старый, много видавшій на своемъ вѣку человѣкъ, и впрямь вѣришь, что хворь приходитъ въ народъ оттого, что въ воду отраву пускаютъ... Вѣдь это такая басня, такая глупая басня, что я и сказать не умѣю!

Не безпокойся, я понялъ твою „шляпу“, ты въ меня ею мѣтилъ... А знаешь-ли, что такихъ, какъ я, моихъ товарищей, разъѣхалось по зараженнымъ мѣстамъ больше тысячи человѣкъ, и вотъ я, получая письма, вижу, что многихъ изъ нихъ—умныхъ, милыхъ и сердечныхъ людей—уже нѣтъ на свѣтѣ: они заразились отъ больныхъ, ухаживая за ними, и умерли. Можетъ быть, близокъ и мой чередъ, такъ что тебѣ, можетъ быть, и трудиться не надо будетъ! Но я спокоенъ, хотя у меня и есть матушка, которая меня любитъ, есть милая сестра—дѣвушка... Обѣ онѣ, можетъ быть, умрутъ отъ горя! Стыдись, старый и глупый человѣкъ!..

— Прости, Христа ради!—сказалъ старикъ.—Злое на тебя я, дѣйствительно, помыслилъ. Но ты, вьюношъ, про матушку и сестрицу твою помянулъ... Ахъ, была и у меня дочка!.. Любилъ...

И онъ, заложивъ руки за спину, усталой походкою направился къ выходу изъ огорода, не оборачиваясь назадъ. Казалось, онъ плакалъ.

— Упорный старикъ...

— Кремень-человѣкъ, недаромъ и фамилію „Кремень“ носитъ.

— Иносказательный старикъ!

Но „докторъ“ не слушалъ этихъ замѣчаній, пораженный какою-то новой для него и неясною пока мыслью. Ему чудилась глубокая драма въ этихъ немногихъ стариковыхъ словахъ.

Но что это за драма—онъ впослѣдствіи непремѣнно все разузнаетъ... А теперь ему некогда. Надо спѣшить... Поговоривъ еще минуты двѣ съ мужиками, онъ простился со священникомъ, отпустилъ старосту и, сопровождаемый учителемъ, двинулся дальше вдоль улицы.

III.

Онъ шелъ все время молча, слегка наклонившись впередъ и нервно подергивая себя за чуть замѣтные русые усики. Встрѣча со старикомъ не выходила у него изъ головы. Что онъ не договорилъ, этотъ старикъ, что хотѣлъ сказать?.. И откуда у него такое море ненависти и вражды къ „шляпнымъ“ людямъ?

Голова у него разболѣлась отъ нахлынувшихъ непріятныхъ размышленій, и онъ радъ былъ предстоящему дѣлу — вознѣ съ

больными, съ которыми ему сейчасъ придется встрѣтиться: возня эта, какъ уже нерѣдко опытъ подсказывалъ ему, легко заглушитъ недовольство самимъ-собою, безпокойство, разладъ душевный—эту умственную крапиву на воздѣланной нивѣ жизни.

Богъ съ ними, съ непріятными мыслями! Будетъ еще время обо всемъ передумать!..

Вотъ она, ближайшая изба.

Наклонясь, чтобы не удариться о верхній косякъ, онъ, предшествуемый учителемъ, вошелъ черезъ низенькую черную дверь въ сѣни и по грязнымъ засореннымъ ступенькамъ поднялся на помостъ, ничѣмъ не огороженный справа, со стороны крытаго соломою и просвѣчивавшаго въ крышѣ двора, устланнаго старою соломою, плававшею въ жидкой навозницѣ; дверь слѣва вела въ избу.

Больная, среднихъ лѣтъ женщина, хозяйка въ домѣ, лежала на лавкѣ, головой къ окну, раскрытому настежъ...

Въ избѣ никого больше не было.

— Ну, какъ, тетка?

— Скушно, батюшка!—плаксиво твердила больная, пока „докторъ“ осматривалъ ее и разспрашивалъ о ходѣ болѣзни.

— Ничего, пройдетъ, сегодня тебѣ лучше. Порошки приняла?

— Принала, родной. Ой-ой, кормилецъ, не шевели ты меня—больно тутъ...

— Ничего, ничего... Вотъ еще минуточку... Ну, вотъ и все. Ну, вотъ... лежи... Порошки—принимай, я тебѣ еще два оставлю, тутъ на лавку положу... На окнѣ сдуетъ.

— Пить...

Ей подали воды.

— Кипяченая?

— Да, родимый, какъ ты сказалъ, я ужъ боялась ослушаться.

— Ну, вотъ и хорошо... А кто-же за тобой присматриваетъ, убираетъ и все такое?..

— И, что ты, желанный,—время-то какое! Нынь денёкъ-то разыгрался—только-бы сѣять да жать... Всѣ въ полѣ, касатикъ, всѣ въ полѣ...

„Докторъ“ вымылъ руки надъ ведромъ, изъ глинянаго, съ отбитыми носками, рукомойника, висѣвшаго на веревкѣ, вытеръ ихъ

собственнымъ носовымъ платкомъ и опять натянулъ на себя свой мундиръ, снятый-было передъ тѣмъ, какъ приступить къ изслѣдованію больной.

Больная, все время слѣдившая за нимъ, не спускавшая съ него задумчивыхъ и серьезныхъ глазъ,—вдругъ улыбнулась.

— Ты что?

— Да такъ... Думаю я: какой ты молоденькій, да какой добрый... Все самъ—и перевернулъ меня, и оглядѣлъ, и ощупалъ...

— Ну, такъ что-же?

— Да ничего. Я такъ... А то вонъ допрежъ тебя-то еще дохтуръ пріѣзжалъ, какъ болѣзнь-то зачалась... Смѣшной такой!.. Лежу я такъ, одна, думаю... Все нехорошее такое въ голову идетъ: умру, думаю, не вырощу дѣтокъ... Вдругъ какъ распахнется дверь-то, да какъ зарычитъ кто-то: — „Гдѣ больная?..“ Испугалась—страсть, руки и ноги дрожатъ, и въ голову ударило. Гляжу—а въ дверяхъ-то стоитъ человѣкъ, здоровый такой, толстый, борода черная, по брюху-то цѣпочка, какъ жаръ горитъ—золотая, на головѣ шапка — въ-родѣ-бы трубы, али желѣзнаго ведерка. Стоитъ этта, рука на скобкѣ, а черезъ порогъ переступать не переступаетъ... А староста ему черезъ плечо и говоритъ:—„Это и есть больная!“ —„Кажи“, говоритъ, „языкъ!“ Я съ испугу-то выпялила языкъ... А сама и не знаю еще, что за человѣкъ такой глядитъ на меня, и зачѣмъ ему языкъ я показываю. Послѣ ужъ, когда мужикъ съ поля вернулся, узнала, что дохтуръ это къ намъ изъ города наѣзжалъ, начальство его спосылало. Я разсказала мужу-то, какъ я дохтуру языкъ показывала, и какъ онъ за скобку держался, а въ избу не входилъ. Мужъ разсмѣялся и говоритъ: „Это онъ заразы боялся, оттого и не входилъ“.

Она опять улыбнулась тихой, доброю улыбкой и любовно посмотрѣла на новаго „доктора“, какъ-бы радуясь, что онъ пришелъ на-смѣну тому человѣку, съ ведеркомъ на головѣ, вмѣсто шапки, и съ золотой цѣпью по животу.

— А ты вотъ не побоялся меня, жалѣешь...

— Спасибо, что хорошо обо мнѣ думаешь, — отвѣтилъ „докторъ“, поклонившись съ самымъ искреннимъ выраженіемъ на лицѣ, точно онъ видѣлъ передъ собою не простую, темную и необразованную бабу, а по меньшей мѣрѣ особу своего круга. На душѣ-же

у него опять стало неспокойно. „И тутъ тоже!“—подумалъ онъ и поспѣшно вышелъ на улицу, сопровождаемый своимъ товарищемъ.

IV.

— Однако мы прошли, кажется...

Учитель остановился, окинулъ взглядомъ рядъ молчаливыхъ избъ съ разбитыми или раскрытыми окнами, зѣвавшими на солнце на подобіе уснувшей рыбы.

— Вотъ сюда, въ эти ворота.

Они молча повернули назадъ и, перейдя черезъ улицу, среди которой игралъ на пескѣ чей-то заброшенный ребенокъ, вошли на дворъ въ настежъ открытыя и давно, какъ видно, не запиравшіяся ворота, вросшія однимъ угломъ въ землю. Изъ сѣней, между двумя избами—„новой“ впереди и „старой“ сзади—скрючившись всѣмъ тѣломъ,—выбѣжалъ къ нимъ навстрѣчу бѣлоголовый съ изнуреннымъ лицомъ мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати и, не обращая никакого вниманія на пришедшихъ, стрѣлой пронесся вглубь двора.

— Туго мальчонкѣ,—замѣтилъ учитель.

„Докторъ“ промолчалъ и, осторожно ступая по лѣстницѣ, вошелъ въ сѣни.

— Въ которую?—спросилъ онъ, указывая рукою направо и налѣво.

— Зайдемте сначала въ эту, налѣво.

„Докторъ“ открылъ дверь, и они очутились въ новой избѣ, выходившей окнами на улицу.

Грязь, нечистота, пропитанный нездоровыми испареніями затхлый воздухъ, соръ на полу, соръ на лавкахъ... Въ печкѣ не было заслонки, и она казалась забытымъ очагомъ, отъ котораго давнымъ-давно откочевалъ ночевавшій караванъ... Кругомъ все было мертво, все уныло-пустынно; несмѣтные рои мухъ носились и жужжали въ воздухѣ, садились на неприбранный столъ, гдѣ валялись остатки ѣды, ползали на подозрительныхъ свѣжихъ пятнахъ по полу.

Такова была „новая“ изба.

На „залавкѣ“, налѣво отъ двери, за ветхой набойчатой занавѣскою, подвязанной на веревкахъ къ потолку, кто-то пошевелился и тяжело вздохнулъ. Учитель осторожно отвелъ уголъ занавѣски, и на „доктора“ взглянуло исхудалое, пылавшее жаромъ

лицо дѣвушки. Лихорадочные, глубоко запавшіе глаза, сверкая, какъ наточенное желѣзо, неподвижно уставились на него.

„Докторъ“ попробовалъ-было заговорить,—напрасно: никакого отвѣта, ни звука!.. Ни одинъ даже мускулъ не дрогнулъ на красивомъ молодомъ лицѣ, и если-бы не этотъ упорный, колющій, неласковый взглядъ, если-бы не эти слабыя колебанія груди, на которой подъ одѣяломъ изъ лоскутьевъ и тряпокъ шевелились сложенныя „въ замокъ“ руки,—можно было-бы подумать, что дѣвушка умерла.

— Марьяна, что-же ты не отвѣчаешь доктору? — сказалъ въ свою очередь и учитель.—Да ты, кажется, и лѣкарства не принимала?

Онъ наклонился и взялъ съ лавки порошки, развернулъ ихъ и показалъ „доктору“. Тотъ покачалъ головой. Тутъ-же, на лавкѣ, въ бутылкѣ, виднѣлось какое-то свѣтлое, полупрозрачное слизистое питье. Оно было со вчерашняго дня нетронутымъ,—„докторъ“ тотчасъ увидѣлъ это, какъ только взялъ стклянку въ руки.

— Послушай, Марьянушка: если ты не будешь принимать это питье и эти порошки, вообще не будешь меня слушаться, то—не скажу, что ты умрешь,—у тебя натура крѣпкая,—но прохвораешь очень долго, болѣзнь измаетъ тебя. Положимъ, ты поправишься, но у тебя много-много убудетъ силы, здоровья убавится, краса пропадетъ...

„Марьянушка“ чуть-чуть скривила губы, и въ глазахъ ея мелькнулъ насмѣшливый огонекъ, какъ-бы говорящій: „а тебѣ не все равно?!.“

— Можешь даже и умереть, пожалуй, если болѣзнь приметъ неблагопріятное теченіе...

„Все равно, все равно“,—казалось, говорилъ все тотъ-же взглядъ, изъ насмѣшливаго сдѣлавшійся опять равнодушно-неласковымъ, почти злымъ. Но губы не шевелились.

„Докторъ“ озабоченно нахмурился и отошелъ.

— Сходимте туда...

Онъ мотнулъ головой въ сторону „задней“ избы и все съ тѣмъ-же озабоченнымъ выраженіемъ на лицѣ, вслѣдъ за учителемъ, по шатавшимся подъ ногами половицамъ сѣней, перешелъ въ „старую“ избу, бывшую когда-то, во времена, должно быть,

допсторическія—курной избою, много разъ чиненной, перестраиваемой, такъ-какъ низенькая дверь и верхніе вѣнцы бревенъ были прокопчены дымомъ, и вдоль всей стѣны шли новыя и старыя заплаты и вставки изъ досокъ и бревенъ, на мѣстахъ выгнившаго и промозглаго насквозь первобытнаго сруба. Шагнувъ черезъ порогъ и чуть-чуть не попавъ ногою въ зіявшую въ полу дыру, онъ увидѣлъ себя въ полумракѣ, точно въ пещерѣ, едваедва освѣщенной двумя маленькими окнами, выходившими прямо на дворъ, подъ „повѣть“. Что это дѣйствительно была когда-то курная изба,—здѣсь, внутри ея, было еще замѣтнѣе: и лоснящіяся черныя стѣны, и крошечная отдушина близъ потолка надъ печкой, служившая когда-то вытяжной дымовою трубой, — все это прямо бросалось въ глаза. Но воздухъ—воздухъ былъ рѣшительно невозможенъ въ этомъ убогомъ помѣщеніи, служившемъ зимой жилищемъ для всей семьи: внизу, подъ поломъ, слышно было, какъ хрюкала и копошилась свинья съ поросятами, въ стѣнахъ скрипѣли на всѣ лады вертящіе, сверлящіе, буравящіе, грызущіе старое дерево невидимые жильцы—насѣкомыя... Даже мухъ не было здѣсь; а если и попадала какая-нибудь изъ заблудившихся сестеръ ихъ, то жужжала слабо и жалобно, полетъ ея былъ медлителенъ и неровенъ; она спѣшила поскорѣе къ свѣту, къ окнамъ и бродила по выцвѣтшимъ, сизымъ стекламъ, шатаясь, какъ пьяная, такъ что ее можно было брать въ руки. Всѣ эти мелочи какъ-то въ одно мгновеніе запечатлѣлись въ мозгу „доктора“, хотя онъ и не искалъ ихъ и сначала даже не думалъ, что замѣчаетъ ихъ. Послѣ только, уже выйдя на свѣжій воздухъ, на улицу, онъ радостно почувствовалъ, что освободился, наконецъ, отъ чего-то ужаснаго, удручающаго, давящаго мозгъ и душу.

— Она?..—спросилъ онъ, указывая глазами на передній уголъ, и удивился, что голосъ его спустился до шепота.

— Да... мать,—шепотомъ подтвердилъ и учитель.

Они тихо подошли къ темному переднему углу, темному настолько, что даже не видно было полинялыхъ старыхъ иконъ въ „божницѣ“—широкой, на подобіе шкафа, съ рѣзьбой по угламъ, какъ обыкновенно это дѣлалось встарину, лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ.

Къ простой лавкѣ, испещренной несмѣтнымъ количествомъ

рубцовъ и царапинъ, была приставлена скамейка, выдававшаяся однимъ концомъ изъ-подъ наваленной сверху соломы. Кромѣ подушки, сдѣланной, повидимому, изъ стараго мѣшка, набитаго соломой-же, и соломы—на ложѣ больной ничего больше не было. А сама больная—не старая еще женщина, но необыкновенно худая и тонкая, съ ввалившимся животомъ, съ безсильно упавшими руками, въ одной ветхой и неопредѣленнаго цвѣта рубахѣ—лежала, вытянувшись во весь ростъ, вверхъ лицомъ, и, казалось, ничего не слышала, не чувствовала. Глаза ея были закрыты. Она чуть-чуть замѣтно дышала. Однако присутствіе чужихъ людей она тотчасъ-же, не открывая глазъ, живо почувствовала, что̀ и обнаружилось легкой дрожью по тѣлу и слабой попыткою поднять руку, чтобы натянуть на полуобнаженныя ноги какую-нибудь „одежонку“.

Учитель поднялъ валявшійся на полу полушубокъ и сдѣлалъ то, что, по его мнѣнію, хотѣла сдѣлать больная. Какъ-бы благодаря за услугу, больная опять пошевелила рукой и, силясь приподнять вѣки, но напрасно,—чуть слышно проговорила—голосомъ, похожимъ на свистъ вѣтра:

— Пить...

„Докторъ“ протянулъ руку къ стоявшей вблизи кринкѣ изъ-подъ молока, налитой на-половину водою, зачерпнулъ плававшей въ ней ложкою и поднесъ ее къ сухимъ и тонкимъ губамъ больной.

Она жадно схватилась губами за ложку, но тотчасъ-же оставила ее, прпчемъ на лицѣ ея обнаружились складки, какія бываютъ у готоваго заплакать ребенка.

— Кипяченая... ключовки...—съ трудомъ вновь сказала она и вдругъ безпокойно заметалась, вытягивая шею и голову вверхъ по подушкѣ.

— Петрушенька...

Двѣ слезы, какъ запавшая подъ листомъ роса, выкатились изъ-подъ вѣкъ и свѣтлымъ ручейкомъ медленно стали спускаться по щекѣ.

Глаза ея неожиданно раскрылись, но она ими, казалось, ничего уже не видѣла.

— Не благословила...

И она опять опустила вѣки.

Учитель шепотомъ сообщилъ „доктору“, что Петруша—ея старшій сынъ, уѣхалъ въ другую деревню за ея старухой-матерью, и вотъ она безпокоится, что не дождется его возвращенія...

— Намъ тутъ дѣлать нечего, кажется,—прибавилъ онъ еще тише, заглядывая въ глаза „доктору“.

Тотъ молча кивнулъ головой, и они тихо, такъ-же, какъ вошли, отступили за порогъ.

V.

— Надо-бы клизму,—сказалъ „докторъ“ въ сѣняхъ, остановившись покурить.—Только меня, признаться, приводитъ въ отчаяніе эта дѣвушка... Какъ ей бы это объяснить...

— Ни за что не согласится!

— Идея... Постойте!..

И учитель быстро ушелъ.

Докуривъ папироску и затоптавъ ее ногами, „докторъ“ снова вошелъ въ переднюю избу. Онъ хотѣлъ-было поговорить съ упрямицей, убѣдить въ необходимости правильнаго лѣченія, но та уже спала, или притворилась спящей, и на вопросы его не отвѣчала.

Онъ съ грустью отошелъ въ сторону и сталъ разглядывать какія-то засиженныя мухами бумажки—картинки отъ конфектъ и папиросъ, странички иллюстрированнаго журнала,—что наклеены были тамъ и сямъ по стѣнѣ. Учителя все еще не было. Становилось скучно. Прохаживаясь, въ ожиданіи его, по избѣ, отъ лавки до порога, онъ тутъ только замѣтилъ, что бѣлоголовый мальчикъ, глазами напоминающій свою старшую сестру—смотритъ на него съ печки.

— А ты что, тоже боленъ?—спросилъ онъ, радуясь возможности заговорить и втайнѣ не ожидая, чтобы мальчикъ былъ словоохотливѣе сестры. Но мальчикъ оказался разговорчивымъ и, какъ показалось ему, серьезнымъ и умнымъ паренькомъ. Онъ сообщилъ ему, что вся семья у нихъ—восемь душъ—всѣ переболѣли, кромѣ отца и брата Петра.

— Отца-то тоже забирало, да онъ скорѣе на мызу. Дали тамъ чего-то ему—и прошло...

— Гдѣ-же теперь отецъ?

— А въ полѣ. Вишь, день-то! Вѣдь для сѣву только три дня до Спаса и три дня послѣ Спаса время полагается... И то запоздали.

— А маленькія дѣти есть у васъ?

— Трое, да ихъ тетка къ себѣ взяла, у насъ, вишь, всѣ больные.

— Кто-же за вами ходитъ?

— Кто ходитъ? Да никто. Отецъ вернется съ поля, ну, ночью маленько походитъ, воды принесетъ, али поѣсть чего сдѣлаетъ Да гдѣ ужъ,—устамши!..

— А сосѣди, женщина, напримѣръ, какая-нибудь, бобылка?

— Кому охота, хоть тебѣ доведись: первое—заразы надо опасаться, второе—работа дома, какая ни-на-есть...

— Что-же вы ѣдите? Есть у васъ куры, яйца, цыплята...

Мальчуганъ улыбнулся, напомнивъ своей улыбкою Марьяну.

— Есть-то есть; да все равно, что нѣтъ.

— Это какъ-же?

— А такъ!.. Зарѣжь ее, курицу-то, ея ужъ и нѣтъ. А нѣтъ курицы—и яицъ нѣтъ... Намъ этого нельзя.

— Почему?

— Яица мы въ лавку носимъ—селедку на нихъ можно купить, ну, тамъ соли, дегтю что-ли... Мало-ли! Оборы къ лаптямъ, али ситцу на рубаху, то-же и съ курицей—на мызу покупаютъ, масло тоже—лавочникъ въ городъ возитъ... Телку—телятникамъ продашь, податп заплатишь... Да гдѣ намъ это ѣсть! Дай на нашу семью,—всю живность въ двѣ недѣли съѣдимъ... А потомъ что?.

И онъ хитро прищурился, довольный тѣмъ, что, какъ ему думалось, поставилъ „доктору“ такой ловкій вопросъ: „ну-ка, молъ, вывернись!“

— А что, твоя сестра всегда такая сердитая?

— Блажитъ... Вѣдь онѣ—бабы—что? Упрямство—одно слово.

— А ты будешь лѣчиться?

— Я самъ только-что хотѣлъ лѣкарства у тебя спросить. Надоѣло!.. Вона—мамка не лѣчилась, такъ и лежитъ котору недѣлю.

— А ты знаешь, что мамка-то твоя не сегодня—завтра можетъ умереть?—сказалъ „докторъ“ и подумалъ: „А это хорошо у меня вышло: предупредить слѣдуетъ вѣдь“.

Лицо мальчика, и безъ того блѣдное, вдругъ побѣлѣло, какъ мѣлъ, и онъ, молча, широко открывъ глаза, глядѣлъ на доктора, точно стараясь вникнуть глубже въ смыслъ страшнаго слова—смерть. За занавѣской произошло какое-то движеніе.

— Съ чего ей умирать? Развѣ отъ этого умираютъ?—нерѣшительно спросилъ мальчикъ, точно стараясь увѣрить себя, что люди, какъ онъ зналъ, недавно умершіе въ деревнѣ отъ той-же болѣзни—совсѣмъ не то, что его мать. Не шутитъ-ли докторъ? Но „докторъ“ такъ строго и серьезно глядѣлъ на него, что онъ скоро самъ почувствовалъ всю нелѣпость своего вопроса. Онъ что-то хотѣлъ еще спросить или сдѣлать, но вдругъ застоналъ и повернулся на спину.

„Докторъ“ тотчасъ схватилъ стклянку съ лѣкарствомъ, что была у больной, влилъ туда нѣсколько капель какой-то темной жидкости изъ пузырька, который досталъ изъ своего кармана,—взболталъ все это и далъ на ложкѣ выпить мальчику.

— Ну, теперь успокойся, лежи смирно, сейчасъ у тебя все это и пройдетъ.

Мало-по-малу мальчикъ пересталъ стонать и, наконецъ, совсѣмъ затихъ, уткнувшись носомъ въ изголовье.

Въ это время на крыльцѣ послышались шаги, и въ избу вошелъ учитель въ сопровожденіи благообразной старушки въ синемъ сарафанѣ и съ серпомъ въ рукахъ. По всей вѣроятности, она явилась сюда прямо съ поля.

— Я подготовилъ уже,—шепнулъ онъ, указывая глазами на старуху, которая, наклонясь за занавѣску, что-то тихо говорила больной. Въ отвѣтъ послышался такой-же сдержанный, тихій шепотъ. И больная, и пришедшая, казалось, въ чемъ-то не могли согласиться между собой.

— Ни за что на свѣтѣ!—послышался, наконецъ, довольно громкій и рѣзкій голосъ.

— Глупенькая!..

— Срамники!

Учитель и докторъ переглянулись; какъ-бы въ одно и то-же время приходя къ одному и тому-же молчаливому соглашенію, они взялись за шапки.

— Послушай, дѣвушка,—сказалъ докторъ, подходя къ зана-

вѣскѣ, но не открывая ея,—подумай (я сегодня еще зайду къ тебѣ), твое положеніе серьезно... хотя, конечно, не такъ серьезно, какъ тамъ, у твоей матушки...

— Умретъ?—отрывисто спросила больная:

— Д-да...

Послышалось всхлипываніе...

— Впрочемъ, ты не волнуйся: я, можетъ-быть, ошибаюсь... Я еще зайду сюда, впрочемъ... Увидимъ.

— Неужто умретъ? Ахти, батюшки... Никола Милостивый, Мать Пресвятая Богородица!..—запричитала, выходя изъ-за занавѣски, старуха:—Ребятишекъ-то, ребятишекъ-то—уйма! Какъ безъ матери жить?.. Ай-ай-ай!..

Докторъ" сдѣлалъ ей рукою знакъ, чтобы она молчала, и сказалъ:

— Дѣло Божіе,—можетъ, и поправится еще.

— О-хо-хо! Ахти мнѣ!.. Угодники Божіи... Сходить, взглянуть на больную-то, проститься: можетъ, покойница будетъ... А ты, Марьянушка, коли надумаешь на-счетъ трубки-то,—спосылай за мной, мигомъ прибѣгу и сдѣлаю все...

— Уйди ты, уйди!.. О, Господи!..

Занавѣска безпокойно заколыхалась...

VI.

Славный денёкъ! Великолѣпный день!

Несется онъ на своихъ широкихъ крыльяхъ по голубому небу, крѣпко охвативъ мощными руками солнечный шаръ надъ головой, несется—съ развѣвающимися легкотканными одеждами изъ серебра и дымчатой полутѣни, разсѣкаетъ звенящій кругомъ воздухъ, скользитъ неслышной стопою въ безбрежномъ океанѣ вселенной, роняя подъ собою искры огня и свѣта, что сыплются ему на могучія рамена, на волнистыя кудри, на поспѣвающія за нимъ складки его одеждъ—съ золотой короны солнышка. Расточительное, царственно величавое—и не замѣчаетъ солнышко, какъ много этихъ искръ падаетъ на землю, какъ жадно земля подхватываетъ ихъ, какъ быстро впитываетъ въ себя и, оплодотворенная новыми силами,

родитъ жизнь и движеніе въ своемъ темномъ мертвомъ царствѣ. Смотрите, очи земли, слушайте, уши,—вотъ вашъ владыка, опершійся на голубую бархатную подушку—грозный, величавый и безстрастный—бросаетъ направо и налѣво, самъ того не замѣчая, благо отъ щедротъ своихъ, будучи самъ одной щедротою... Таково ты, солнышко!.. Но высоко оно, слишкомъ высоко, и прекрасно, и гордо, недоступно въ глубинахъ вѣчно сверкающаго, горящаго, трепещущаго, вѣчно движущагося міра! Какое ему дѣло до земли, этой жалкой темной песчинки, украдкою питающейся, какъ ничтожный паразитъ, блестками его живительныхъ лучей!

Прочь, земля и заботы; скройся, добродушная тварь!.. Если въ минуту веселья или грусти и придетъ ему на память мысль о тебѣ, то эта мысль, въ видѣ темнаго магнитнаго луча, незримыми нитями притянетъ, какъ неуклюжаго слугу, грубую матерію и повлечетъ въ пространство, не говоря—куда и зачѣмъ... Бѣдная жизнь! Жалкая раба!..

Но, опускаясь все ниже и ниже, облетѣвъ широкую дугу по небу, утомилось солнышко, рѣшая вѣчные вопросы міра подъ необъятнымъ куполомъ межъ-звѣзднаго пространства. Записавъ свои рѣшенія, готово оно и отдохнуть, передавъ книгу неба мудрому собранію звѣздъ—владыкъ и царей вселенной. Но звѣзды чуть-чуть только брезжутъ, едва-едва показываются; онѣ приближаются не торопясь, къ совѣщательному надзвѣздному залу, предшествуемыя слугами, кой-гдѣ уже зажегшими свои факелы.

Но не наступило еще царство ночи, и, прежде чѣмъ лечь на свое розовое изголовье,—подняло солнце чело свое надъ потемнѣвшимъ лѣсомъ и, привычнымъ взглядомъ окинувъ пройденный путь,—тихо осталось на мѣстѣ, задумчиво и безразлично вперивъ свои взоры на оставшуюся позади землю. Какъ такъ оно не замѣтило ея раньше? Много-ли оно, солнышко, удѣлило ей вниманія,—нѣсколько блестокъ, случайно упавшихъ съ его пышной одежды?...

Смотритъ солнышко, смотритъ жалостно. Лицо его, утомленное и неподвижное, краснѣетъ отъ усилія держать голову прямо, и напряженный взоръ ловитъ мгновеніе на-лету...

Вотъ она, эта темная песчинка, покрытая какъ-бы плѣсенью—зеленоватой растительностью, лужами воды, желтыми пятнами бо-

лотъ и песковъ... На ней копошатся какія-то движущіяся живыя существа. Люди!.. Да, это они, это тѣ самыя крохотныя твари, что вшитали и хранятъ въ себѣ ту жизненную силу, которою живетъ и само оно, красное солнышко; тонкая душевная организація ихъ, заключенная въ темную оболочку, свѣтится такъ-же, какъ все то, что плаваетъ тамъ, въ бездонныхъ глубинахъ неба,— но свѣтится слабо, нерѣшительно, но видимо только тогда, когда существа эти разсматриваются въ нхъ цѣломъ, въ сборѣ, въ скопѣ, въ массѣ... Такъ свѣтится куча дубовыхъ гнилушекъ...

— Что за чушь лѣзетъ мнѣ въ голову!..

Эти слова невольно вырвались у „доктора“, когда онъ остался одинъ, сидя на обвитой плющомъ террасѣ помѣщичьяго дома, куда онъ былъ приглашенъ хозяйкою на чай. Хозяйка куда-то вышла, и онъ, наблюдая солнечный закатъ черезъ вѣтви густо сплотившихся вѣковыхъ деревьевъ сада, думалъ о впечатлѣніяхъ только-что минувшаго дня.

— Чушь, чушь!.. Болѣзнь, сумасшествіе!

Онъ опасливо ощупалъ лобъ, вынулъ кусочекъ зеркала изъ кармана—посмотрѣлся, пощупалъ пульсъ, высунулъ языкъ...

— Глупости!

И онъ разсмѣялся.

— Что вамъ такъ весело?

И онъ разсказалъ Аннѣ Ивановнѣ, хозяйкѣ, внезапно вышедшей изъ внутреннихъ комнатъ на террасу, о томъ, какія мысли бродили сейчасъ у него въ головѣ, и какъ онъ вдругъ усумнился въ нормальности своихъ умственныхъ способностей.

Анна Ивановна внимательно выслушала его и совершенно серьезно сказала:

— Ну да, конечно!..

— Пустяки!

Онъ осторожно уклонился отъ ея руки, протянувшейся - было къ его разгоряченному лбу.

— Просто усталъ.

Анна Ивановна, богатая помѣщица когда-то, ссудившая деньгами одного изъ своихъ бывшихъ поклонниковъ,—послѣдними, какія только у нея были,—вдова, почти уже старуха, жила въ имѣньѣ этого самаго ея поклонника. Ему было это удобно—по-

тому, что преданный человѣкъ жилъ въ имѣніи, а ей—потому, что деревенская тишина, хлопоты по хозяйству и возня съ ребятишками и бабами на деревнѣ доставляли ей большое удовольствіе. Затерянная въ такъ называемомъ „обществѣ“, мало образованная, но чрезвычайно добрая, старушка—она здѣсь, въ помѣщичьей экономіи, была какъ нельзя болѣе у мѣста. Провѣдавъ о пріѣздѣ новаго доктора въ деревню и желая у него кое-чему поучиться, такъ-какъ и сама она давала иногда больнымъ лѣкарства,—она послала работника просить его вечеромъ къ себѣ. „Докторъ“ оказался такимъ милымъ и симпатичнымъ юношей, такимъ заброшеннымъ въ глушп, нуждающимся, какъ ей казалось, въ ласкѣ и участіи, что она искренно полюбила его, какъ сына, и прямо, съ первыхъ-же словъ, сказала ему объ этомъ. Онъ поблагодарилъ и, въ свою очередь, сказалъ, что вѣритъ во внезапную дружбу, въ дружбу по первому впечатлѣнію и охотно ей платитъ тѣмъ-же.

Такимъ образомъ новые друзья провели два-три хорошихъ часа...

VII.

Уже стемнѣло, когда „докторъ“, перейдя зарѣчную сторону по деревянному ветхому мосту, раздѣлявшему усадьбу и деревню, очутился на улицѣ, неторопливо шагая на край деревни, гдѣ было училище, и гдѣ его ждали ночевать.

Свѣтлый полумракъ лѣтней ночи окуталъ и небо, и землю. Затихшія въ какомъ-то полуснѣ-полудремотѣ избы крестьянъ чутко и сторожко хранили упорное молчаніе, смотрѣли на усѣянное звѣздами небо, на показавшійся изъ-за тумана красный каравай мѣсяца, осторожно и украдкой глядѣвшаго черезъ деревенскія крыши.

Но какъ ни плавно, какъ ни осторожно поднимался мѣсяцъ по небу, а все-же вездѣ по деревнѣ встрѣчалъ онъ устремленныя на него молчаливыя, загадочныя окна хатъ: они глядѣли на него сосредоточенно, упорно-неподвижно, холодныя, безстрастныя, таящія въ себѣ нѣчто такое, что, казалось, нужно было имъ таить,—драгоцѣнное вино, живую силу жизни, кровь человѣческаго тѣла, покоющагося теперь тамъ, въ этихъ плотно сдвинувшихся стѣнахъ, спокойнымъ мирнымъ сномъ.

— Да, боленъ, и, кажется, основательно,—сказалъ „докторъ“, наблюдая за полетомъ своихъ странныхъ мыслей.—Бредъ!

Онъ ускорилъ шаги и, не глядя по сторонамъ, ходко пошелъ впередъ. Мягкіе, быстрые шаги его гулко раздавались по засохшей дорогѣ въ ночной тишинѣ. Порой слышался храпъ въ плывущей навстрѣчу избѣ, порой—кашель, стонъ...

„Надо напиться чаю, вспотѣть,—думалось ему,— принять тоже чего-нибудь“...

Но чаю напиться ему не удалось: въ семьѣ учителя всѣ уже спали, и онъ не захотѣлъ тревожить уснувшихъ. Онъ попробовалъ заснуть такъ, выпивши какихъ-то капель, но и это вышло неудачно. Онъ открылъ окно, сѣлъ къ нему, положилъ горячую голову на руки. Въ вискахъ стучало, голова была тяжела, какъ налитая свинцомъ, вѣки смежались, какъ-бы для сна; но желанный сонъ не шелъ къ нему. Онъ смотрѣлъ на звѣздное небо, на загоравшуюся на востокѣ зарю, на плававшіе въ полѣ молочно-бѣлые туманы,—а сна все не было... На распаханныхъ полосахъ, почти подъ самымъ окномъ школы, слышно, начали пересвистываться полевые рябчики. Они ходили по землѣ вотъ тутъ гдѣ-то, совсѣмъ близко; но черное вспаханное поле не позволяло ихъ видѣть.

Это заняло юношу на минуту, но скоро опять и лихорадка, и головная боль усилились, безотчетный страхъ какой-то началъ прокрадываться въ душу, малѣйшій шорохъ въ стѣнѣ, плачъ проснувшагося гдѣ-нибудь ребенка, кашель,—все заставляло его вздрагивать и, къ великой его досадѣ, пугливо озираться.

— Нервы... Страхъ смерти... Глупости!

Мало-по-малу ему стало казаться, что напрасно онъ оставилъ родню, привычный кругъ друзей, пріѣхалъ—чортъ знаетъ куда и зачѣмъ. Онъ, такой молодой, такой умный, добрый, великодушный, онъ, полный всяческихъ благихъ начинаній, порывовъ, многообѣщающихъ плановъ, блестящихъ надеждъ...

Онъ, который... котораго ему очень жаль...

Личность его какъ-то стала раздваиваться; онъ вдругъ почувствовалъ себя, такъ сказать, „внѣ себя“. Его внутреннее „я“ получило необыкновенную способность отдѣляться отъ тѣла и жить и чувствовать себя гдѣ-то тамъ, далече... и близко, и далече,—

гдѣ угодно: можетъ быть, на звѣздахъ, а, можетъ быть, здѣсь, въ воздухѣ кругомъ, или въ любомъ пальцѣ ноги.

— Надо лечь!—подумалъ онъ, вставая и думая о себѣ, какъ о человѣкѣ совершенно постороннемъ, какъ объ одномъ изъ тѣхъ несчастныхъ людей, съ которыми ему приходилось сегодня возиться, лѣчить.—„Не надѣлалъ-бы этотъ „посторонній“ для него человѣкъ, т. е. онъ самъ, какихъ-нибудь непоправимыхъ глупостей, надо за нимъ смотрѣть въ оба“,—говорило ему „*я*“ внутреннее:—„не бросился-бы съ разбѣга, напримѣръ, въ это раскрытое окно!“..

Заглянувъ туда, за окно, онъ вдругъ ухватился руками за косяки, до осязанія ясно почувствовавъ, что то, что онъ сейчасъ подумалъ,—вполнѣ возможно, естественно.

— Надо лечь.

Онъ прошелся по комнатѣ, закурилъ, раздѣлся и легъ на узенькій диванчикъ, гдѣ для него приготовлены были подушка и одѣяло. Лежа такъ, онъ ясно сознавалъ, что страхъ предъ чѣмъ-то неотразимымъ, грознымъ, неминуемымъ,—что должно съ нимъ случиться въ самомъ близкомъ будущемъ, можетъ быть сейчасъ, сію минуту,—гнететъ его и давитъ, мѣшаетъ дышать... Сердце бьется какъ-то тревожно, скачками, съ перебоемъ.

Малодушный нервный трепетъ прошелъ у него по кожѣ. Ему страстно захотѣлось теперь людского общества, шума человѣческихъ шаговъ, громкаго говора, безшабашнаго дикаго хохота...

Но кругомъ было тихо, какъ въ могилѣ. Мало-по-малу весь минувшій день—какъ живой—всталъ передъ нимъ и, какъ пѣнистый потокъ, въ бурной пляскѣ понесся, закрутился, разбрызгивая, какъ кусочки разбитаго зеркала, искры воспоминаній, суетни, заботъ, отчаянія, рѣзкихъ и сгущенныхъ красокъ. Промелькнули предъ нимъ, какъ въ мельничномъ колесѣ,—живыя фигуры и сердитаго старика у колодца, и упорная, съ характеромъ, дѣвушка, не хотѣвшая лѣчиться... И много-много другихъ лицъ и обстоятельствъ, дѣлавшихъ миссію его почти невозможной...

— Повышенная чувствительность и ничего больше!..

Онъ всталъ и закурилъ, не будучи въ силахъ выносить головной боли. Онъ сознавалъ теперь, что заболѣлъ, и рѣшилъ не

спать всю ночь, пока не проснутся люди, чтобы потомъ самому отдать себя на ихъ попеченіе.

Онъ постарался сосредоточиться на веселыхъ картинахъ изъ своего прошлаго, на научныхъ вопросахъ въ области астрономіи—этой великой книги, что теперь глядѣла на него въ окно своими милліонами загадочныхъ строчекъ, знаковъ, линій; но долго удержаться на этихъ искусственныхъ подмосткахъ онъ не могъ; возбужденіе росло, и мысль, какъ своенравная лошадь, неслась во всю прыть не туда, куда направлялъ ее искусный всадникъ, а куда-то въ потемки, въ даль, то-и-дѣло сбиваясь съ намѣченной дороги и останавливаясь преимущественно на томъ, что тревожило разстроенное воображеніе,—на собственной его, „доктора“, персонѣ, на его несомнѣнной бѣдѣ—болѣзни, очевидно подхваченной имъ сегодня у заразныхъ больныхъ...

„Вы способны къ самопожертвованію“—замѣтилъ ему какъ-то разъ его пріятель-учитель, имѣя въ виду его слишкомъ ретивое отношеніе къ своему дѣлу у постели больныхъ. Что-жъ, что способенъ? Ему отъ того не легче... Ахъ, какъ не хочется умирать!..

Онъ облокотился на окно и сталъ смотрѣть на противоположную избу: тамъ—онъ зналъ—была больная женщина,—совсѣмъ еще молодая, краснощекая здоровая баба. Изба хранила, какъ и все кругомъ, безмолвный загадочный покой... „Что, лучше-ли ей?“.

Какъ-бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ—по деревнѣ послышались чьи-то шаги. Внутренно обрадованный, „докторъ“ круто повернулъ голову туда, откуда слышались шаги...

Что-то больно, какъ иглой, кольнуло ему въ сердце: по дорогѣ, насколько можно было видѣть въ розовомъ предразсвѣтномъ сумракѣ, шелъ священникъ...

— Ясно,—прошепталъ онъ и невольно отодвинулся отъ окна.

Слѣдомъ за священникомъ, въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи, торопливо шагалъ молодой мужикъ,—босой, безъ шапки, съ разстрепанными, спутанными волосами, очевидно—только-что вскочившій съ постели и въ-попыхахъ не успѣвшій привести себя въ порядокъ. Они вошли въ сѣни избы, гдѣ была больная. „Что они тамъ дѣлаютъ теперь?..“

И ему ясно, ясно какъ на ладони, какъ на днѣ про-

зрачнаго ручья, представилась грустная картина исповѣди умирающей: перепуганное лицо мужа, невнятный шепотъ больной, тихій голосъ священника...

Въ этомъ домѣ только на-дняхъ похоронили двоихъ дѣтей—мальчика и дѣвочку. Мать очень плакала, убивалась; не обращая никакого вниманія на то, что отъ нихъ можно заразиться, цѣловала ихъ, наряжала въ лучшую одежду, прежде чѣмъ положить въ гробикъ...

— Это вы?—окликнулъ онъ священника, когда тотъ, выйдя отъ больной, поровнялся съ его окномъ.

— А, здравствуйте... Не спите?

— Ну, что тамъ?—спросилъ „докторъ“, не отвѣчая на вопросъ.

— Вонъ, видите!

Священникъ указалъ рукой по направленію избы: тамъ, передъ раскрытымъ окномъ, показалась фигура все того-же мужика; онъ держалъ въ объятіяхъ больную жену, выставляя ея голову на свѣжій предутренній холодокъ. Она, вся бѣлая, съ густыми роскошными волосами, крѣпко охватила его шею и что-то жалобно и неразборчиво говорила.

„Докторъ“ быстро одѣлся и направился туда, стыдясь своей минутной трусости и малодушной слабости предъ надвигающейся на него-самого собственной бѣдою. Какъ боевой конь, онъ тотчасъ-же почувствовалъ, что минута настала, и что онъ найдетъ свое дѣло тамъ, гдѣ ждетъ его пустопорожнее мѣсто...

— Такъ-то лучше,—сказалъ онъ самъ себѣ, сходя съ крылечка и чувствуя, что прежняя бодрость вернулась къ нему.

Стройный, изящный, съ высоко поднятой головою вышелъ онъ за рѣшотку палисадника и повернулъ вправо къ избѣ, гдѣ все еще видѣлись у окна двѣ обнявшіяся фигуры.

Онъ шагалъ смѣло и рѣшительно... Поблѣднѣвшій мѣсяцъ отступалъ передъ нимъ, прячась за сосѣднія избы...

VIII.

Прежде, чѣмъ подняться надъ лѣсомъ, послало красное солнышко впереди себя свѣтоносные лучи, разсыпавшіеся по ра-

діусамъ, какъ острыя лезвія золотыхъ стрѣлъ, копій и мечей. Покраснѣло лицо зари, дрогнулъ воздухъ, пробѣжалъ, спасаясь, на западъ дремавшій на вѣтвяхъ ночной вѣтеръ; вслѣдъ за нимъ задумчиво потянулись, какъ стадо спугнутыхъ журавлей, серебристые туманы; зардѣлась рѣка; огненными вспышками загорѣлись стекла въ окошкахъ избъ и въ церкви за церковной оградою...

Но солнышка пока еще нѣтъ!

Его послушныя и покорныя слуги—огненные лучи—залили землю потоками влажнаго, теплаго свѣта. Точно обрадовавшись, стремятся они впередъ черезъ поля и лѣса, выщупываютъ каждую ямку, пронизываютъ воду въ рѣкѣ, каждый кустикъ, заглядываютъ въ чашечки и вѣнчики цвѣтовъ, въ гнѣздо ласточки, въ щели крестьянскихъ сѣней, въ ступицу снятаго съ телѣги колеса на дворѣ; играютъ брызгами подъ шумящей водяною мельницей, осматриваютъ крапиву подъ мостомъ черезъ рѣчку; наливаютъ свѣтлымъ сокомъ вишню и румяное яблоко въ помѣщичьемъ саду, золотыми нитями пронизываютъ вьющійся гдѣ-то надъ одинокой трубою легкій голубоватый дымокъ, посылая его выше къ небесамъ: въ безбрежной синевѣ неба, какъ кусочки бѣлаго жира въ горячемъ маслѣ, илывутъ и таютъ жемчужныя облака...

Кругомъ все тихо... тихо такъ, что слышно, какъ растетъ дерево, какъ мирно бесѣдуютъ травы между собою, какъ летитъ по небу легкокрылое, никогда не возвращающееся назадъ время, поворачивающее мимоходомъ звучащій въ забытомъ уголкѣ вселенной тяжелый шаръ земной...

Но солнышка еще нѣтъ!..

— Когда бы встало оно теперь, сейчасъ,—да взглянуло-бы со своего прекраснаго высока въ людской муравейникъ,—оно бы увидѣло тогда, какъ мало-по-малу поднимается родъ людской отъ краткаго сна, съ жесткаго изголовья———для новаго дня, для новой заботы.

Свѣтозарное, лучистое,—оно заглянуло-бы въ окна разсыпанныхъ на равнинѣ убогихъ хижинъ, обрисовалось-бы на полу избы, поиграло-бы на розовыхъ личикахъ спящихъ вповалку дѣтей на бѣдной самодѣльной кровати, „недугующихъ и страждущихъ, чающихъ и ожидающихъ“...

Многихъ-бы оживило оно, подняло на ноги, зажгло-бы уга-

сающій пламень въ потухающихъ очахъ, въ грустныхъ и печальныхъ лицахъ, поселило-бы улыбку на сжатыя губы, на поблѣднѣвшія щеки. Но точно также многихъ изъ тѣхъ, кого видѣло вчера—оно уже не застало-бы въ живыхъ... Оно увидѣло-бы, какъ средп пыльной мебели, въ неуютной комнатенкѣ,—мечется въ бреду молодой „докторъ“, надежда и опора старой матери и милой сестры, слуга страждущихъ и ожидающихъ, неосторожный энтузіастъ, своей жизнью выкупающій ошибки въ механизмѣ государственной машины... Онъ бредитъ, кличетъ своихъ товарищей, такихъ-же молодыхъ, безусыхъ энтузіастовъ; онъ готовъ вложить свой палецъ между колесами этой страшной тяжеловѣсной машины, чтобы сдержать ради „малыхъ сихъ“ ея ужасающій гремящій ходъ. „Свѣту больше, просвѣщенія!“ – шепчутъ его запекшіяся, сухія губы: „Воздуху и свѣту! *Они* губятъ меня!..“ Но голоса его никто не слышитъ; никто не видитъ искаженнаго болѣзнью и скорбью молодого прекраснаго лица. Лишь чьи-то старые, суровые глаза,—думается ему – подернутые слезой раскаянія, склоняются надъ нимъ и молятъ о прощеніи, что худо *помыслили* о немъ... Да испитой мальчикъ, тоже заплаканный, шепчетъ, будто-бы, что сестрица послала его справиться о его, „доктора“, здоровьѣ... Такъ думаетъ „докторъ“, лежа на жесткомъ диванчикѣ въ школѣ... Мерещится ему убогая хата, „задняя“ изба, гдѣ лежитъ больная женщина: вся семья собралась у ея смертнаго одра; слезъ нѣтъ, тишина, смерть... Слышенъ на дворѣ стукъ топора о гробовыя доски; больная, все рѣже и рѣже дыша, выронила, наконецъ, изъ рукъ зажженый огарокъ свѣчи...

Такъ думается „доктору“, охваченному знойнымъ туманомъ бреда... А въ лицо ему глядитъ начинающійся новый „славный денекъ“...

ПЕРЕДѢЛЪ.

I.

Это было около середины мая, передъ тѣмъ, какъ начать первую весеннюю распашку подъ озимое поле.

Въ то время, когда крестьяне высыпали шумною, говорливой толпою на полосы, кричали, спорили, мѣряли землю и шагами, и слѣдами ногъ, и длинною самодѣльной саженью изъ выдернутой по пути частоколины, — въ Соснинской школѣ, за полтораста верстъ отсюда, шли экзамены, и земскому учителю, Петру Семеновичу Скворцову, нельзя было пріѣхать домой, чтобы, участвуя лично въ передѣлѣ земли, защищать свои интересы передъ сельскимъ обществомъ. Такихъ крестьянъ, какъ онъ, т. е. не живущихъ круглый годъ въ своей деревнѣ, было много. Передѣлы совершались безъ нихъ, ихъ именемъ пользовались только для подписанія приговора, въ полной увѣренности, что ни спора, ни жалобъ со стороны отсутствующихъ не будетъ.

— Хотимъ землю дѣлить, — докладывалъ сельскій староста старшинѣ.

— Что-жъ, дѣлите... коли двѣ трети голосовъ найдется...

Сходка была очень шумная...

Большая часть стариковъ и тѣхъ изъ домохозяевъ, что были потрудолюбивѣе, „домовитыхъ“, была противъ передѣла; имъ жаль было своихъ прекрасно удобренныхъ полосъ, расчищенныхъ изъподъ густой заросли пашенъ, осушенныхъ подъ сѣнокосъ болотистыхъ низинъ.

— Разбойники! —кричали они на тѣхъ, что были за передѣлъ:—

Вѣдь я на экой махинѣ весь вѣкъ свой убилъ, день и ночь ими корчевалъ, въ болотѣ, въ грязи по горло вязъ...

— Ну, такъ ты и попользовался...

— Много вы дали пользоваться!

— А тебѣ-бы на вѣки вѣчные отдать?

— Стыда, совѣсти въ васъ нѣтъ: сколько одного удобренія перекупилъ я, да вбилъ въ пашню-то! Вѣдь получишь отъ васъ, золоторотцевъ, землю-то—подошва подошвой. Вотъ что на гумнѣ рожь молотимъ,—не расковырять, пустырь, дичь... А ее, матушку, я мягче пуховой подушки воздѣлалъ.

— Ну, воздѣлалъ и будетъ съ тебя, возьми другую воздѣлай... Спасибо, скажемъ...

Крѣпко стояли старики за оставленіе старыхъ полосъ за собою, но имъ измѣнили „рендатели“, т.-е. тѣ изъ зажиточныхъ, что брали аренду у другихъ крестьянъ, „маломощныхъ“, по тѣмъ или другимъ причинамъ обѣднѣвшихъ, какими почти всегда являлась крестьянская „молодежь“. Рендателямъ было выгодно теперь собрать воедино разрозненные куски своихъ владѣній, и они воздержались отъ подачи голоса на сходѣ,—молча, такъ сказать, примкнули къ молодымъ.

„Это, братъ, не все равно: одна полоса въ четыре сажени, или четыре полосы по сажени—на однѣ межи сколько уйдетъ!“—думали они, склонивъ головы и не приставая ни къ той, ни къ другой сторонѣ.

Маломощные—тѣмъ что! Ни лошади, ни коровы, у другихъ даже и курицы нѣтъ. Ему все равно лѣтомъ по работникамъ ходить, да еще и жену съ собой прихватитъ. Передѣлъ имъ наруку: пашню и сѣнокосъ снова можно закабалить, такъ-какъ всякія сдѣлки на землю между крестьянами кончаются съ новымъ передѣломъ. Это своего рода Юрьевъ день, и они ждутъ—не дождутся этого Юрьева дня.

Остается работящая молодежь и молодежь, живущая на сторонѣ—на мѣстахъ, на жалованьи, и пріѣзжающая домой только къ лѣту, къ сѣнокосу. Но, по самому своему положенію младшихъ членовъ въ семействахъ, отсутствующая молодежь, большею частью холостая, прямого отношенія къ передѣлу не имѣла, а если и имѣла, то все сводила на руководство землей издали, при по-

мощи высылаемыхъ денегъ, или-же ограничивалась, какъ Петръ Семеновичъ, заботами о своемъ только усадебномъ участкѣ, улучшая его качества и доходность огородами и садами, а полевую землю предоставивъ въ пользованіе тѣмъ изъ крестьянъ, которые согласятся платить за нее казенныя повинности и всякіе другіе сборы. Такимъ образомъ, весь смыслъ борьбы сосредоточивался въ вопросѣ: кто пересилитъ—домовитые (старики), или-же вновь испеченные молодые домохозяева, большею частію отпрыски большихъ, раздѣлившихся семействъ.

— Ничего, братецъ, не сдѣлать: считали, считали—нашихъ все не хватаетъ!—жаловался дядя Антонъ, изъ домовитыхъ, своему пріятелю Карпу Иванову, не бывшему на сходѣ, происходившемъ вечеромъ.—Не хватаетъ, молъ, нашихъ-то...

— А что-же Митрей-то?

— Да что Митрей? Митрей какъ воды въ ротъ набралъ. Митрей тоже, братъ, хитеръ: нахваталъ земли на пять душъ—къ одному мѣсту норовитъ отрѣзать. Тоже человѣкъ, погляжу!..

Они шли молча позади другихъ, заложивъ руки за спину и, казалось, вовсе не интересовались тѣмъ, какъ дѣлилось поле, о чемъ кричали, за что ругались мужики.

— А Софронъ что?

— Да вотъ такіе, какъ Софронъ-то, и сбили всѣхъ: „Дѣлить, дѣлить!“ А что дѣлить—спроси, не знаетъ... Вѣкъ свой пахалъ на чужихъ лошадяхъ, навозинки въ поле не вывезъ. Ему—прямая выгода дѣлить: авось, попадетъ чужая полоса!..

— Извѣстно! Софронову полосу за версту отличишь: что трава, что Софронова полоса—все одно.

— Эй, Антонъ! Карпуха!.. Идите, вашу треть дѣлятъ!—кричалъ, между тѣмъ, Софронъ изъ переднихъ рядовъ.

Дядя Антонъ и его пріятель, не спѣша, направились къ кучкѣ крестьянъ влѣво.

— Гдѣ-же вы тамъ запропастились? Вашу треть дѣлять.

Софронъ, мужикъ-середнякъ, сухой, рябой и черный какъ жукъ, суетился, перебѣгая съ саженью въ рукахъ съ одного мѣста на другое. Онъ казался очень озабоченнымъ, шапка съѣхала у него на затылокъ, длинные волосы прилипали къ вспотѣвшему лбу. Но маленькіе хитрые глазки его говорили, что чело-

вѣкъ этотъ себѣ на умѣ и не прочь позлорадствовать надъ неудачей своего ближняго. И дѣйствительно: какъ только оказалось, что на долю дяди Антона и Карпа Иванова достались плохія полосы,—загорѣлое сухощавое лицо его съежилось, какъ голенище, въ глазахъ мелькнулъ насмѣшливый огонекъ, и онъ, растягивая слова и усиленно жестикулируя, вслухъ началъ хвалить чужое „счастье“:

— Вотъ, братцы, земля!.. Ахъ, полосы!.. Людямъ завсегда счастье!

И онъ даже хлопнулъ себя руками по бедрамъ, какъ-бы въ досадѣ на свою собственную незадачу.

— Это моя была!—указалъ онъ на узенькую рыже-желтую плотно-слившуюся полоску, вошедшую въ надѣлъ дядѣ Антону, и тихонько хихикнулъ.

— Оно и видно, что твоя!—пробурчалъ тотъ, уныло склонившись надъ воткнутымъ въ межу клиномъ.

Такъ-же уныло стоялъ и Карпъ Ивановъ: полоса ему выпала еще хуже, такъ-какъ въ отмѣренныя ему на двѣ души полторы саженн вошли, собственно говоря, три полосы: одна цѣльная—въ одну сажень, посерединѣ, и двѣ частицы сосѣднихъ полосъ, по четверти саженн каждая—по бокамъ... Ему достались не полосы, способныя родить хлѣбъ, а вспаханныя межи.

— Что тутъ будетъ? Ничего не будетъ: ишь, вычернано!

Кругленькій, низенькій, съ большимъ животомъ и густой чащею торчащихъ изъ-подъ шапки во всѣ стороны волосъ, онъ напоминалъ того некрасовскаго мужика, который, что называется:

„Идетъ—пыхтитъ,
Идетъ—и спитъ...“

— А Сенька что? А Ефимъ что?—слышалось сквозь помело его бороды и слившихся съ нею усовъ.

Но дядя Антонъ не понялъ этихъ вопросовъ, или не разслышалъ ихъ. Онъ вздохнулъ и опять заложилъ руки за спину.

— Пойдемъ, кумъ!

И они, покачиваясь, зашагали поперекъ пашни, догоняя остальныхъ.

А тамъ, у самой опушки лѣса, шелъ жаркій споръ, слышался крикъ, крѣпкая брань и „жалобныя“ слова.

— Какая тутъ земля? Это не земля, а, прости Господи, муссоръ! Какой тутъ хлѣбъ...

— Не ври, это моя полоса. Эта полоса всего твоего поля стоптъ, чортово ты мурло!..

— Братцы, накиньте хоть двѣ сажонки... На кусты вотъ накиньте... Что у кустовъ выростетъ?!.

— Тьфу, ты, корявый лѣшій! Бросьте ему, собакѣ, ребята! Пущай жретъ...

„Корявый лѣшій“, „Собака“, „Софронъ“—что одно и то-жъ, ухмыльнулся, но долго еще не переставалъ жаловаться, притворяясь, что недоволенъ полосой,—межъ тѣмъ, какъ этотъ край поля принадлежалъ „домовитымъ“, и полосы здѣсь были лучше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ другомъ мѣстѣ.

— Сколько пота здѣсь положено, сколько навóзу—въ негодованіи говорилъ прежній пахарь полосы:—А онъ, лѣшій, еще и недоволенъ. Вѣкъ, собака, живешь чужимъ горбомъ, чужимъ трудомъ, чужимъ удобреніемъ...

— То-то удобреніемъ!—огрызался Софронъ:—Ты удобреніе-то на попову полосу свозилъ.

— Да ужъ лучше на попову: по-крайности знаешь, что она *твоя*, что этакій золоторотецъ не оттягаетъ.

— Будетъ, ребята! Бросьте! Пора сѣнокосъ дѣлить, а тамъ за огороды примемся...

Широкая равнина, гладкая какъ блюдо, окруженная спереди сосновымъ, а съ боковъ лиственнымъ, лѣсомъ, бурѣла на солнцѣ старою прошлогодней травою; кое-гдѣ выбивались островки молодой щетинистой зелени. Отъ лѣсу,—видно было, гдѣ именно,—наступали на нее мхи, завоевавшіе уже добрую треть ея. Заросшія и заплывшія канавы, свидѣтельствующія о томъ, что когда-то здѣсь дѣлалось, частымъ переплетомъ легли на нее, переполненныя до краевъ стоячей водою; подъ ногами тоже выступала вода, пропитавшая, какъ губку, торфяную почву.

— Ну, на „любки“, ребята! Кто беретъ лѣвую треть?

— Мы лѣвую, на 35 душъ.

— Лѣвую всякъ возьметъ: вишь, трава-то! Найдутся и на сорокъ душъ лѣвую-то!

— Кидай жеребій! Чего тутъ „любки“! Середину кладн, какъ раньше, 33 души, къ лѣвому боку накинуть 5 душъ, а отъ праваго 5 скостить...

Начали образовываться „трети“. Дядя Антонъ и его пріятель опять очутились въ одной трети... Софронъ сначала пристадъ къ лѣвой, но его тамъ не взяли, и онъ принужденъ былъ вернуться къ своей старой трети домохозяевъ, которые уже не могли его не взять.

Вскорѣ сходка расчленилась, разбилась на множество отдѣльныхъ группъ, запестрѣла, какъ тараканы, высыпанные изъ лукошка на полъ, и разбрелась по широкому лугу, по ту сторону деревни...

II.

Съ учителемъ Петромъ Семеновичемъ, мы были большіе пріятели, и поэтому, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, я рѣшилъ немедленно навѣстить его, когда наканунѣ узналъ объ его пріѣздѣ.

Было еще рано... Я шелъ не спѣша, съ удовольствіемъ вдыхая свѣжій утренній воздухъ. Солнце медленно поднималось надъ зубчатой стѣною далекаго бора; въ полѣ курился прозрачный синеватый туманъ; стрижи съ визгомъ кружились около церкви. Не переходя моста черезъ рѣчку, я повернулъ вдоль берега и, любуясь картиною просыпавшейся природы, дошелъ до мельницы, что ютилась въ концѣ деревни, по ту сторону помѣщичьяго сада. Колеса глухо шумѣли въ рукавѣ; нѣсколько распряженныхъ лошадей и постороннихъ, изъ чужихъ деревень, мужиковъ виднѣлись на лужкѣ передъ мельницей; въ раскрытыхъ дверяхъ — вся въ мукѣ, двигалась толстая мельничиха, замѣнявшая мужа, который былъ на постройкѣ въ 2-хъ верстахъ выше по рѣкѣ (какъ мнѣ сообщили), за деревней, на крестьянскомъ полѣ. Не поладивъ съ управляющимъ, мельникъ, съ окончаніемъ срока аренды, не пожелалъ возобновить контракта и облюбовалъ для себя другое мѣсто на рѣкѣ, у крестьянъ, и тамъ возводилъ свои постройки.

Я перешелъ рѣку. Нѣсколько мальчишекъ удили рыбу у плотины въ черной и неподвижной водѣ, въ которой отражались ольхи противоположнаго берега и громадное полуразрушенное зданіе заброшеннаго кожевеннаго завода, въ заднемъ концѣ помѣщичьяго сада. Двери и окна завода были выломаны, углы и устои едва держались. Кирпичъ изъ нихъ наполовину выпалъ, а, можетъ быть, былъ разобранъ на хозяйственныя надобности.

Минуя бани по рѣкѣ, кузницу, раскланявшись съ полоскавшими бѣлье бабами, я мимо общественной „магазеи“ прошелъ прямо къ домику Петра Семеновича, по задворкамъ, не заглядывая такимъ образомъ на деревенскую улицу.

У гумна, гдѣ начиналась изгородь Петра Семеновича, и гдѣ я, въ былое время, обыкновенно перелѣзалъ черезъ нее, чтобы попасть въ огородъ,—жерди въ одномъ прислѣ были вытащены, образуя большую брешь, чрезъ которую, какъ видно было по оставшемуся свѣжему слѣду колесъ на землѣ, недавно ѣздили. Это меня нѣсколько удивило, потому-что я зналъ, какъ былъ аккуратенъ мой пріятель насчетъ изгородей, какъ онъ заботился о нихъ, оберегая разводимый на своемъ усадебномъ участкѣ садъ. Въ ту-же самую брешь, очевидно, попала и эта буланая лошадь съ жеребенкомъ, и пара чьихъ-то овецъ, мирно пасшихся на густой травѣ между пышныхъ молодыхъ зарослей вишенъ, яблонь, ягодныхъ кустовъ, въ изобиліи покрывавшихъ переднюю часть усадьбы, гдѣ виднѣлся изящный деревянный домикъ съ тесовой крышею, съ бѣлой трубою, съ весело глядящимъ поверхъ сада черезъ рѣчку въ поле мезонинным окошкомъ, подъ которымъ сѣтчатымъ переплетомъ изъ лучинокъ красиво рисовался на солнцѣ выходящій въ садъ низенькій, но широкій, во весь домъ, балконъ, заплетенный снизу темно-зеленой, тяжелой листвою хмѣля.

Удивило меня также и то, что задняя часть усадьбы, приблизительно около четырехъ пятыхъ всей ея величины, была раздѣлана, какъ шашечная доска; узкія и длинныя полоски неравной величины бѣжали отъ гумна и врѣзывались въ садовыя заросли насколько возможно глубже; одна, слѣва, засѣянная наполовину льномъ, наполовину картофелемъ, проникала чуть не до самаго дома, оттѣснивъ къ еловому строганому тынку клены и вязы, посаженные на границѣ, и подрѣзавъ корни привязанныхъ къ тычинкамъ

недавно высаженныхъ изъ питомника яблонь. Съ праваго бока и въ серединѣ, напоминая зубцы большого гребня съ неравными прорѣзами, также бѣжали полоски, достигая колодца, что у самаго дома: однѣ изъ нихъ были распаханы, другія нѣтъ, на третьихъ кучами положенъ былъ наземъ; часть ихъ была обработана и засѣяна. Прижатый къ дому веселенькій садикъ, казалось, глядѣлъ уныло на надвигавшуюся на него, съ южной стороны, голую, суровую, въ „глыздьяхъ“, землю. Она наступала на него силочешной ратью, дружно проникала въ заповѣдныя тѣнистыя чащи всюду, гдѣ только былъ свободный, незасаженный клочокъ почвы. Садъ какъ-будто отступалъ, чувствуя свое безсиліе предъ этихъ неумолимо-строгимъ противникомъ—пашней. А ему такъ хотѣлось, казалось, подвинуться дальше на югъ, къ гумну, на просторъ, гдѣ больше тепла и свѣта...

Я думалъ выбранить Петра Семеновича и за брешь въ изгороди, и за буланую лошадь съ жеребенкомъ, и за уродливую шашечную галиматью въ прекрасно принявшемся и разросшемся садикѣ. Какъ садъ, такъ и домъ Петра Семеновича, устраивались на моихъ глазахъ, лѣтъ восемь тому назадъ; раньше здѣсь было пустое мѣсто, поле, „сдворочная“ земля.

— Ахъ вы, погани этакія! Я вамъ ужо!—заслышалъ я вблизи себя громкій голосъ бабушки Марины, матери моего друга

Выйдя на колодецъ за водой и увидя пасущуюся въ саду скотину, она съ длиннымъ прутомъ въ рукахъ, спотыкаясь между грядъ, „медленно спѣшила“ выгнать „погань“, т. е. овецъ и лошадей, изъ сада. Это ей съ трудомъ удалось, да и то потому, что я рьяно принялся помогать ей. „Погань“ разбѣгалась въ разныя стороны, немилосердно топча огурцы, рѣпу, брюкву, капусту, ломая кусты, опрокидывая тычки съ привязанными къ нимъ деревцами. Очевидно, она была здѣсь не въ первый разъ и совсѣмъ не хотѣла разставаться съ кудрявымъ, сочнымъ шведскимъ клеверкомъ, мохнатымъ ковромъ раскинувшимся въ промежуткахъ между деревьями.

— Господи!.. Сколько разъ прошу: „Загороди, Петруша!“ А все не загораживаетъ,—говорила бабушка Марина, задвигая жердь поперекъ бреши, когда мы выгнали изъ сада скотъ.

Она очень устала отъ непривычной бѣготни и тяжело и прерывисто дышала. Ей было болѣе 70 лѣтъ.

— Вотъ такъ-то каждое утро... „Загорожу, матушка, загорожу“, а самъ не городитъ. Измучилась я, моченьки моей нѣту...

— Да что онъ, въ самомъ дѣлѣ!—искренно возмутился я и за бабку, и за шашечную игру въ саду.

Обо всемъ этомъ я немедленно и повѣдалъ бабкѣ Маринѣ, которая (я зналъ это) очень любила меня и считала насъ съ Петромъ Семеновичемъ неразлучными друзьями, каковыми мы и были въ дѣйствительности съ 12-лѣтняго возраста, т. е. со времени ученья въ 2-хъ-классной сельской школѣ, верстъ за 30 отъ села.

— А это ты насчетъ сада?.. Передѣлъ былъ, батюшка, передѣлъ. Ворвалась сюда орава—крикъ, гамъ, брань... Кто кричитъ: „Садъ нельзя дѣлить“, кто кричитъ: „Рой вонъ кусты“... Хотѣли изгороду ломать... Ахти: батюшки мои! Выбѣжала я, испугалась, трясусь: „Мужички, голубчики, дайте намъ вотъ противъ дому-то хоть полоску! Берите и тотъ край, и другой, а садъ не трогайте!“ Они, вишь, огороды по душамъ раздѣлили, а у Петруши одна душа (другую-то второму сыну пришлось отдать), ну вотъ у него огородъ-то и оказался большой. А по душамъ-то раздѣлили,—ему только четыре сажени пришлось. Насилу-насилу уломала мужиковъ, оставили четыре сажени противъ дому, а то хотѣли къ боку ихъ отрѣзать, а садъ-то распахать. Ну — ужъ и мужики! Собаки чистыя, сраму одного отъ ихней брани не убраться... Два дня потомъ больна лежала... Вотъ оттого и распахано здѣсь такъ: вонъ эта старостина картофель, а это Прошкино жито... Еще жито куда ни шло, а картофель—одни грѣхи: ребятишки будутъ бѣгать копать, ну какъ ты отъ нихъ убережешься? Это все для того, чтобы имъ въ ягоды да въ яблони ходить. Грѣхи! Ужъ я ему говорила: „Дай ты, Петрушенька, имъ отмѣнъ въ полѣ, что имъ тутъ въ огородѣ громоздиться?“—„Ладно,—говоритъ,—матушка, ладно!..“ А самъ ни съ мѣста... Вотъ и изгороду сломали, и ребятишки ходятъ, и скотъ попадаетъ, и весь садъ аредомъ пойдетъ, пропадутъ и яблони, и вишни, и кусты... А вѣдь сколько денегъ убилъ: вишни-то у него изъ Питера, а яблони откуда-то издалека... Ужъ и не помню... Изъ Орла какого-то... О, Господи!.. Хоть-бы ты поговорилъ...

Мы всходили на крыльцо домика.

III.

„Значитъ, у моего друга несчастіе“, — думалъ я, вступая въ широкія свѣтлыя сѣни, съ гладко отесанными стѣнами, съ окномъ въ сторону деревни и съ дверью налѣво, въ садъ, на балкончикъ. Отлогая, чисто вымытая лѣстница изъ рудо-желтыхъ сосновыхъ досокъ, окаймленная четырехгранными перильцами, вела направо къ двери въ комнаты.

За дверью виднѣлась, чрезъ полуоткрытую дверцу, такая-же, но поуже, лѣстница въ мезонинъ, гдѣ, бывало, такъ весело проводили мы въ тѣсной дружеской компаніи въ гостяхъ у Петра Семеновича лѣтнія свѣтлыя ночи.

Черезъ большую прихожую (она-же и столовая) я прошелъ въ зальце, гдѣ на полу, разметавшись, спали дѣвочка и мальчикъ, въ возрастѣ 10—8 лѣтъ, дѣти моего друга, съ которыми онъ пріѣхалъ въ деревню. Черезъ открытую дверь налѣво, въ спальнѣ, я увидѣлъ и самого хозяина: онъ спалъ, уткнувшись лицомъ въ подушку, на складной желѣзной кровати, не раздѣвшись, въ красной рубахѣ, безъ пояса, въ валеныхъ сапогахъ.

— Вотъ такъ-то все время, какъ пріѣхалъ: не ѣстъ, не пьетъ, пока не напомнишь, и все молчитъ, молчитъ,—ходитъ, все молчитъ, по ночамъ не спитъ... Вотъ и теперь только сейчасъ легъ. Не буди, пусть хоть выспится...

Бабушка тихонько поправила одѣяло на дѣтяхъ, убрала со стола двѣ-три оставшіяся съ вечера чайныя чашки, смахнула пыль съ края большого краснваго шкафа съ книгами и какими-то баночками, стклянками, бутылочками, повидимому, съ лѣкарствами, и направилась въ кухню, предложивъ мнѣ слѣдовать за нею, такъ-какъ самоваръ уже готовъ, и ватрушки съ творогомъ поспѣли (она ждала пробужденія дѣтей).

Уютный, свѣтлый домикъ моего друга, съ крашеными полами, съ большими выбѣленными окнами, съ изящными, чистенькими обоями, на этотъ разъ показался мнѣ грустнымъ. Не оттого-ли, что я зналъ о его несчастіи, о разореніи его дѣтища-сада? Но удушливый, насквозь пропитанный запахомъ табаку воздухъ, разбросанныя вещи и книги, засоренный полъ, отсутствіе занавѣ-

сокъ на окнахъ и даже самъ хозяинъ своей собственной фигурою,— все говорило мнѣ, что здѣсь воцарились скука, неудовольствіе, неохота дѣлать что-нибудь, думать... Лучи солнца, правда, ярко свѣтились въ окнахъ и на полу; разросшіяся подъ окнами деревья весело шумѣли, но дорожки были не расчищены, клумбы не воздѣланы, какъ прежде, и самое солнце, казалось, заглядывало сюда лишь для того, чтобы, поморщившись, уйти въ кухню, къ бабкѣ, гдѣ пахло жильемъ, дѣятельностью и порядкомъ. Я наклонился къ столу; на немъ лежалъ большой, въ клѣтку, листъ бумаги съ начерченнымъ на немъ краснымъ и синимъ карандашомъ рисункомъ. Я скоро узналъ чертежъ: это былъ точный планъ изуродованнаго „сдворка“ Петра Семеновича. На чертежѣ это уродство было, такъ сказать, еще уродливѣе и вопіяло о мщеніи. Я понялъ, что̀ именно воцарилось и царствуетъ въ пропитанномъ табачнымъ дымомъ воздухѣ, что носится въ немъ въ безсонныя, тихія лѣтнія ночи и удручаетъ душу добраго моего друга. Объ этомъ молча мнѣ докладывали также двѣ-три книги, валявшіяся на окнѣ и трактовавшія вопросы крестьянскаго самоуправленія.

Я взялъ книги, въ надеждѣ—не могу-ли быть полезнымъ человѣку, котораго искренно жалѣлъ, зная, что у него на сдворочномъ участкѣ, садѣ, огородѣ и пчельникѣ (предполагался) основано все будущее—свое и дѣтей. Да и самъ по себѣ вопросъ казался интереснымъ, такъ-какъ сами крестьяне въ немъ путались, а начальство (ближайшее) какъ-то непонятно отстранялось отъ этихъ вопросовъ.

Я взялъ книги и пошелъ къ бабкѣ пить чай...

IV.

— Слушай!

И я читалъ, весь поглощенный мыслью, что могу ясно и неопровержимо доказать Петру Семеновичу его права на землю, такъ грубо и безжалостно попранныя сельскимъ обществомъ, а главное, что привью моему другу то враждебное чувство (я увѣренъ былъ, что онъ раздѣляетъ это чувство, хотя и не говоритъ прямо), чувство мстительное и злобное, которое разгоралось во

мнѣ вчужѣ и заставляло меня болѣть душою за него, за его дѣтей, за бабушку Марину...

— Слушай... Статья 110 Мѣстнаго Положенія Великороссіи говоритъ: „усадебная земля каждаго крестьянскаго двора остается въ потомственномъ пользованіи проживающаго въ томъ дворѣ семейства“. По статьѣ 111 этого Положенія явствуетъ, что только тогда усадебная земля можетъ поступить въ распоряженіе сельскаго общества, когда домохозяинъ или *выйдетъ* изъ общества (но ты не вышелъ), или *умретъ* (но ты, слава Богу, въ этомъ не грѣшенъ), или по другимъ причинамъ усадебный участокъ упразднится!“ Точный смыслъ этой статьи показываетъ, что усадебный участокъ не подлежитъ передѣлу. Эту мысль подтверждаетъ и статья 51 Общаго Положенія о крестьянахъ, гдѣ перечислены предметы вѣдомства сельскихъ сходовъ, но также, какъ и въ статьѣ 110, право распоряженія подворными участками предоставлено обществу лишь въ томъ случаѣ, когда они *упразднятся*. А въ примѣчаніи 3-мъ къ статьѣ 51 прямо сказано, что сельскій сходъ можетъ совѣщаться и поставлять приговоры только по предметамъ, въ этой статьѣ исчисленнымъ. Слѣдовательно, приговоръ о передѣлѣ твоего сдворка надо считать, по закону, ничтожнымъ. Такъ-то, милый другъ!..

Я перелистывалъ книгу за книгой, листъ за листомъ и несказанно радовался въ душѣ своимъ свѣдѣніямъ въ законѣ, почерпнутымъ въ какихъ-нибудь полчаса,—пока мы съ бабкой пили чай, въ ожиданіи пробужденія моего пріятеля. Онъ теперь ходилъ по комнатѣ, сложивъ руки на груди и опустивъ голову, съ видомъ человѣка, рѣшившагося претерпѣть все до конца. Но, по мѣрѣ моего чтенія, лицо его, обрамленное шевелюрой всклокоченныхъ волосъ, какъ-будто прояснялось. Иногда нѣтъ-нѣтъ да и вспыхнетъ его взглядъ не то радостнымъ, не то насмѣшливымъ огонькомъ. Повидимому, то, что я читалъ, было ему давно извѣстно, и слушалъ онъ меня только потому, что не хотѣлъ прерывать: „чѣмъ бы дитя ни тѣшилось“...

Но молчалъ, молчалъ онъ убійственно! Бабка была совершенно права, когда печаловалась мнѣ на его постоянное молчаніе...

— Что ты все молчишь?—вскричалъ я, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія:—Говори что-нибудь! Будешь судиться съ сель-

скимъ обществомъ, или нѣтъ? Тебѣ, можетъ быть, мало этихъ статей?

И я, роясь въ книгахъ, снова читалъ:

— „Первый департаментъ Правительствующаго Сената, 2-го октября 1878 года, № 6796, разъясняетъ, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ мірской земли, подлежащей передѣлу... А 11 іюня 1881 года и 17 февраля 1882 года, № 1491, тамъ прямо сказано что *усадебныя мѣста не подлежатъ передѣлу*... Наконецъ, Гражданскій кассаціонный департаментъ, 3 мая 1872 г., № 340, разъясняетъ... А вотъ еще „Сельскій Вѣстникъ“ неоднократно приводитъ пунктъ 6-й къ ст. 51-й...

Доказательства у меня такъ и сыпались...

Но Петръ Семеновичъ шмыгалъ своими валенками по полу взадъ и впередъ и молчалъ. Мнѣ казалось, что, если онъ уступитъ безъ спора въ этомъ вопросѣ крестьянамъ, — будетъ нехорошее дѣло.

— Ты долженъ ихъ *учить* — убѣждалъ я его: — ты нравственно обязанъ показать лучшіе способы владѣнія землею, пиши сейчасъ прошеніе и чертежъ свой приложи...

По лицу Петра Семеновича скользнула болѣзненная улыбка,— точно онъ жалѣлъ меня, что его дѣло причиняетъ мнѣ такое безпокойство,—и онъ, наконецъ, сказалъ, но больше, кажется, для моего успокоенія, чѣмъ искренно:

— Хорошо, хорошо... напишу... Можетъ быть...

— Тьфу! — не вытерпѣлъ я: — Извини, дружище, но ты хуже бабы. Любая баба тебя за поясъ заткнетъ...

— Вотъ видишь-ли,—тихо началъ Петръ Семеновичъ, съ трудомъ подбирая слова (онъ вообще говорить былъ не мастеръ):— Видишь-ли... Напримѣръ... Да... Я теперь учу ребятишекъ грамотѣ, да еще садоводству, да еще огородничеству, да пчеловодству, столярному ремеслу, церковному пѣнію... Это тамъ въ школѣ... Читаю тоже по воскресеньямъ и туманныя картины показываю... Въ нѣкоторомъ родѣ — какъ работникъ Балда — все приневоленъ дѣлать... И надежды, въ нѣкоторомъ родѣ, на насъ, учителей, возлагаются... Т. е., я хочу сказать, что школой какъ-бы хотятъ поправить экономическую несостоятельность народа... Теперь мы съ тобой въ законахъ роемся... Собираемся упорядочить земельныя

отношенія... Господи! Да наше-ли это дѣло! Помилосердствуй! Вѣдь тутъ есть люди, прямо приставленные къ этому дѣлу—старшины, земскіе начальники и прочая, и прочая... Что-же они-то будутъ дѣлать? Вѣдь это ихъ кровное дѣло, святая обязанность... Нѣтъ, друже, мнѣ-бы отдохнуть хотѣлось... Потому-что я вѣдь отдаю себя, всего какъ есть, своему дѣлу, а если меня бьютъ въ самое больное мѣсто—такъ это дѣло мое... Я, можетъ быть, ерунду говорю... Плевать!..

Онъ безнадежно махнулъ рукой и снова, опустивъ голову, зашмыгалъ своими валенками.

V.

Черезъ два дня послѣ всего этого Петръ Семеновичъ уѣзжалъ къ мѣсту своего служенія..

— Будешь-ли судиться?—крикнулъ я вслѣдъ своему обездоленному земляками пріятелю.

Онъ повернулся въ тарантасѣ ко мнѣ лицомъ и, весело улыбаясь, сказалъ словами Моисея, когда тотъ сходилъ съ горы Синайской:

— Господи! Если его (народъ) проклянешь, прокляни и меня вмѣстѣ съ народомъ моимъ...

Отвѣтъ былъ ясенъ.

„Барышня“ Ѳеоктиста.

(Деревенская элегія.)

I.

Какъ-то разъ я сидѣлъ въ своей комнатѣ и скучалъ безъ дѣла, наблюдая чрезъ двойныя рамы вьюгу за окномъ. Въ комнатѣ было тепло и уютно; но то, что дѣлалось тамъ, за окномъ—въ деревнѣ и въ полѣ,—невольно навѣвало грустныя мысли о тѣхъ, кто не имѣетъ возможности, какъ я, напримѣръ, заключиться въ четырехъ стѣнахъ и спокойно и терпѣливо переждать въ удобной обстановкѣ сумятицу въ природѣ, поднятую бушующей стихіей. Взглядъ мой скользилъ по чуть замѣтнымъ сквозь мутный день крышамъ и окнамъ занесенныхъ и залѣпленныхъ снѣгомъ деревенскихъ избъ. И тамъ живутъ люди, думалось мнѣ, пріютились, живутъ, пережидаютъ непогоду... Можетъ быть, въ этой, крайней слѣва хатѣ собрались вокругъ отца или дѣда дѣти, слушаютъ интересные разсказы, повторяютъ старыя сказки, распѣваютъ пѣсни... А на столѣ, на бѣлой скатерти, хозяйка уже ставитъ хлѣбъ, соль, раскладываетъ ложки; въ избѣ пахнетъ вкусными щами, свѣжеиспеченными ватрушками... Обѣдъ готовъ. Бѣлоголовые мальчишки, боясь прозѣвать его, мигомъ спрыгиваютъ съ полатей, съ печи и, забывая сказки и пѣсни, первыми садятся вокругъ стола. Хозяйская дочь, отодвигая прялку, садится послѣдней, у самаго края стола, готовая во всякую минуту встать и подать напиться, или помочь матери управиться съ печкой...

Я тогда былъ одинокъ, живя въ чужомъ мѣстѣ, въ деревнѣ,

вдали отъ всякаго, хоть сколько-нибудь культурнаго, уголка; знакомыхъ у меня почти не было, а до ближайшаго города—невзрачнаго и маленькаго, живущаго жизнью, мало чѣмъ отличающеюся отъ жизни деревни—считалось немногимъ менѣе ста верстъ. Я былъ новичокъ на службѣ, и это было первое мѣсто, на которомъ мнѣ пришлось пробовать свои силы.

Занятій было не особенно много, и по окончаніи ихъ оставалось довольно-таки времени, чтобъ задуматься, куда его дѣвать, чѣмъ заняться. Глушь кругомъ страшная, ни газетъ, ни книгъ у меня не было. Праздное время и праздное воображеніе рисовали картины, въ-родѣ предыдущей...

Можно поэтому представить себѣ мою радость, когда сторожъ, николаевскій солдатъ, серьезный и строгій старикъ, вошелъ въ мою комнату и, прокашлявшись, сказалъ, слегка наклоняя къ моему столу длинное и худое туловище:

— Записка вамъ...

Записка?!. Отъ кого-бы?.. Я быстро развернулъ смятый и подмоченный съ одного угла лоскутокъ сѣрой грошовой бумаги, и прежде всего мнѣ попалась на глаза подпись:

„Ваша Ѳеоктиста...“

Я чувствовалъ, что краска залила мнѣ лицо, и, поспѣшно отложивъ бумажку въ сторону, изъ опасенія, чтобы эти слова не прочиталъ Архипъ (такъ звали сторожа), съ напускнымъ спокойствіемъ отослалъ его назадъ, спросивъ, между прочимъ: кто принесъ письмо.

— Женщина какая-то, вы еще спали...

Архипъ ушелъ, и я снова взялъ записку и не могъ не улыбнуться на свой счетъ, вспомнивъ, что старикъ былъ совсѣмъ неграмотенъ. Мое поведеніе, конечно, поселило въ немъ напрасное безпокойство: я видѣлъ, какъ, выходя, онъ бросилъ не совсѣмъ-таки ласковый взглядъ въ сторону сѣраго лоскутка...

Въ запискѣ карандашомъ были написаны только три слова: „Пріѣзжайте, жду непремѣнно“.

И дальше—подпись...

Я, разумѣется, рѣшилъ ѣхать немедленно...

II.

Это была простая крестьянская дѣвушка, хотя народъ и звалъ ее „барышней“. А барышнею она вышла оттого, что училась въ Петербургѣ на какихъ-то курсахъ. Купцы ее звали „акушеркой“, священникъ, женѣ котораго она приходилась крестницей, звалъ ее иногда „курсисткой“, а иногда „студенткой“, сама-же она называла себя, подсмѣиваясь надъ купцами и священникомъ, просто „бабкой-повитухой“, каковою и была на самомъ дѣлѣ.

Исторія ея не совсѣмъ обыкновенная...

Въ эпоху самой горячей дѣятельности молодыхъ тогда земствъ гуманныя и либеральныя идеи, начавшись въ столицѣ, широкой волною хлынули въ провинцію, повсюду будя восторгъ и поселяя бодрость. Одна изъ такихъ волнъ, незримо колыхаясь въ насыщенномъ просвѣтительными идеями воздухѣ, докатилась до деревни Трофимово, самой глухой части самаго глухого уѣзда одной изъ сѣверныхъ губерній, и вынесла на своемъ хребтѣ къ свѣту Божьему дѣвушку Ѳеоктисту, до тѣхъ поръ никѣмъ незнаемую и никому невѣдомую, кромѣ своихъ развѣ деревенскихъ тетушекъ, дядюшекъ и прочей родни деревенской. Нѣтъ сомнѣнія, что семья священника не могла не играть тутъ нѣкоторой роли.

Какъ-бы то ни было, но дѣвушка Ѳеоктиста на земскій счетъ была отправлена въ Петербургъ и оттуда, по окончаніи курса, вернулась на родину, но вернулась уже „барышней“,—такъ съ гордостью величали ее теперь односельчане, особенно женщины, которымъ часто приходилось пользоваться ея знаніями. Земство со своей стороны, водворивъ стипендіатку въ ея участкѣ, на родинѣ и въ ближайшихъ окрестностяхъ,—назначило небольшое вознагражденіе-жалованье и предоставило ее самой-себѣ и волѣ Божіей. Жалованье это было до того ничтожно, что о немъ можно-бы совсѣмъ не говорить (что-то около трехъ-четырехъ рублей), и назначено оно было въ такомъ размѣрѣ, вѣроятно, на тѣхъ основаніяхъ, что дѣвушка—крестьянка, слѣдовательно потребности ея довольно ограничены (т. е. *должны быть* ограничены), кромѣ того, она будетъ жить у отца въ избѣ (вѣдь все равно, жила-бы въ этой

избѣ, если-бы не поѣхала учиться), а также принималось, вѣроятно, въ разсчетъ и то, что практика по деревнямъ даетъ нѣкоторый заработокъ: вѣдь бабы „благодарятъ-же“ простыхъ повитухъ, отчего-же имъ не „благодарить“ и ученую ихъ сестру?..

Все это такъ, все это мнѣ было извѣстно, когда я получилъ записку съ приглашеніемъ пріѣхать. Объ этомъ мнѣ приходилось слышать и у священника, и у мѣстнаго Тита Титыча. Все это вѣрно, но какая-то боль душевная, какая-то жалость и въ то-же время глубокая симпатія волновали меня въ тѣ немногія короткія встрѣчи гдѣ-нибудь случайно въ гостяхъ, когда я, едва познакомясь съ „барышней“ Оеоктистою, неспокойнымъ взоромъ слѣдилъ за ея быстрой походкою, слушалъ ея задушевный, ласкающій гармоническій смѣхъ. Она была замѣчательная красавица и пѣвунья, особенно дались ей деревенскія старинныя пѣсни. За эти пѣсни и за чарующій, общительный характеръ, за чуткую и впечатлительную душу, готовую идти навстрѣчу всякому чужому страданію, ее, такъ сказать, на рукахъ носили, отождествляя въ словѣ „барышня“ всю ту скрытую силу любви и признательности къ доброй и простой душѣ, которая всюду несла съ собой свѣтъ и тепло, улыбку участія и прелесть молодой радости. Одѣвалась она просто, но чрезвычайно къ лицу. Это былъ смѣшанный костюмъ—городской на-половину и на-половину деревенскій. Никакая другая дѣвушка, казалось, не могла носить этого костюма съ такимъ врожденнымъ изяществомъ и благородствомъ, какъ она. Платья она носила свѣтлыхъ тоновъ; голову повязывала платкомъ, лѣтомъ-же ходила всегда съ открытой головою, давая полную волю красивымъ шелковистымъ волосамъ, небрежно перехваченнымъ ленточкой. Золотисто-русые, слегка вьющіеся, они обрамляли миловидное розовое личико свѣтлою, мягко волнующейся короной и дѣлали „барышню“ похожею на тѣхъ поэтически-вдохновенныхъ существъ, что спускаются иногда на полотна художниковъ со своего невѣдомаго высока и носятъ символическія названія—„мечта“, „греза“, „пѣсня любви“ и т. п. Но это была, при всемъ томъ, живая натура, живой плѣнительный женскій типъ, въ присутствіи котораго мужчина, какъ мнѣ тогда казалось, можетъ чувствовать себя только благоговѣйно настроеннымъ, какъ чувствуешь себя, напримѣръ, въ церкви, когда зайдешь

въ нее одинъ, когда кругомъ царствуетъ торжественное молчаніе, а золотистый закатъ врывается въ окна и зажигаетъ тамъ и сямъ—на иконастасѣ, на ризахъ, лампадахъ и люстрахъ таинственные огоньки. Но вотъ, таинственные огоньки начинаютъ шевелиться, двигаться, тишина какъ-будто начинаетъ звучать—тихо, тихо, такъ тихо, что ее только можетъ слышать не наружное, а какое-то внутреннее, ухо, намъ невѣдомое, скрытое отъ насъ, какъ скрыто оно, можетъ быть, въ растеніяхъ, когда они подслушиваютъ шаги подвигающагося къ нимъ солнца,—или на остріѣ магнитной иглы, когда она на родной призывающій голосъ отвѣчаетъ безпокойными движеніями, прикованная къ мѣсту, и ощупью, такъ сказать, ищетъ покинутое ею прежнее жилище...

— Да ужъ не влюбленъ-ли я?—задалъ я самъ себѣ вопросъ, внезапнымъ толчкомъ чуть не выброшенный изъ саней на крутомъ поворотѣ дороги. Оказалось, что мы со старикомъ Обронпчемъ, моимъ всегдашнимъ ямщикомъ, отъѣхали уже верстъ семь отъ дому, чего я никакъ не могъ предполагать, погруженный въ свои думы...

— Можетъ быть... Да, вѣроятно!—отвѣтилъ я самъ себѣ и плотнѣе закутался въ шубу.

III.

Откинувшись въ уголъ санокъ, на широкую спинку ихъ, я совершенно закрылся воротникомъ, нахлобучивъ на самые глаза шапку, и вновь отдался интересующему меня настроенію.

Первая наша встрѣча произошла при нѣкоторыхъ, весьма оригинальныхъ, обстоятельствахъ.

Большой любитель ружейной охоты, однажды я забрёлъ довольно далеко отъ деревни. Пригорки, чередуясь съ ручьями и ручейками, пересѣкаемые то березовыми рощицами, то обширными сѣнокосными угодьями, манили меня все дальше и дальше.

Была осень; въ воздухѣ чувствовалось приближеніе зимняго холода. Деревья роняли послѣдніе листья; въ унылыхъ и затихшихъ съ перелетомъ птицъ на югъ рощахъ было какъ-то печально. Совершенно бѣлые, несогрѣвающіе лучи солнышка, казалось, въ послѣдній разъ цѣловали землю. Ольха совер-

шенно потеряла свою листву, почернѣла, украшенная траурными сережками и шишечками; рябина, на-половину оголенная, издалека бросалась въ глаза своими яркими гроздьями—кистями спѣлыхъ ягодъ. Одна только береза сохранила еще лѣтнее убранство, но поблѣднѣла и пожелтѣла, выдѣляясь кругомъ, какъ сквозное, золото, какъ вспышка пламени на общемъ темно-буро-сѣромъ фонѣ.

Я шелъ, неслышно ступая по ковру опавшей листвы, сквозь который порою выглядывали зеленые кустики брусники съ крупными ягодками на верхушкахъ; порой вспучивалъ почву широкій груздь, разрывая плотную, желтую пелену листопада, или-же развертывался подъ елкой цѣлый хороводъ рыжиковъ и волнушекъ.

Я шелъ, задумавшись. Ощущеніе лѣсной тишины и бодрящаго осенняго холодка, вмѣстѣ съ грустной улыбкою увядающей природы, ложились на душу мою какой-то ясной тихой грустью, въ которой мерцала надежда на что-то свѣтлое и радостное впереди.

На поворотѣ глухой лѣсной тропинки лицомъ къ лицу столкнулись мы „съ барышней“ Феоктистой. Вѣроятно, она знала обо мнѣ по слухамъ, какъ и мнѣ извѣстно было тоже о ней, но до этой минуты мы не встрѣчались. Мы оба смутились отъ неожиданности. Не знаю, что подумала она, но я видѣлъ, какъ живое матово-блѣдное личико ея вспыхнуло ярким румянцемъ, и смѣющіеся глаза метнули искры и вдругъ опустились внизъ. Въ рукахъ у нея былъ пучокъ осеннихъ лѣсныхъ цвѣтовъ и какихъ-то травъ. Грудь ея высоко поднималась, отъ быстрой ходьбы, вѣроятно, такъ-какъ въ этомъ мѣстѣ тропинка круто спускалась внизъ направо, и подъемъ по ея осыпающемуся песчаному руслу былъ не легокъ.

Мы тотчасъ-же разговорились, какъ только почувствовали, что прошла первая минута нашего смущенія. Это былъ простой, ничего, повидимому, не значущій разговоръ, но я тотчасъ подумалъ, что это—разговоръ дружескій.

— Вы никому не скажете?

— О чемъ?

— Что меня здѣсь встрѣтили?

— О, конечно, если вы этого желаете.

— Да... Нѣтъ... Мнѣ все равно.

Она начала ощипывать лепестки съ цвѣтковъ, печально, какъ мнѣ показалось, склонивъ голову.

— Развѣ вы не боитесь?

— Чего? Ходить по лѣсу?... Нѣтъ я часто хожу сюда, я люблю лѣсъ... особенно одно мѣсто здѣсь въ лѣсу есть, камень такой, съ избу величиной...

Она вдругъ какъ-будто спохватилась, что сказала лишнее противъ того, что хотѣла сказать, и, прогоняя съ лица легкую тѣнь пробѣжавшаго по нему недовольства собою, бросила цвѣты въ траву и разразилась веселымъ смѣхомъ, зазвенѣвшимъ, какъ серебряный колокольчикъ.

— Я не хотѣла вамъ объ этомъ говорить, но сказала... Значитъ, такъ нужно... кому-нибудь...

— Вы говорите загадками.

— Умѣйте отгадать.

— Трудно.

Она вдругъ сдѣлалась серьезною и стала глядѣть въ сторону. Тонкія, изящныя брови ея то сходились, то расходились, образуя чуть замѣтные бугорки въ нижней части лба. Она о чемъ-то думала. Потомъ, повернувшись снова лицомъ ко мнѣ, сказала съ довѣрчивой улыбкою, какая бываетъ лишь у людей, привыкшихъ встрѣчать къ себѣ симпатію и уваженіе:

— Пріѣзжайте какъ-нибудь ко мнѣ... въ мою „отцовскую хату“...

Я поблагодарилъ.

— Нѣтъ... лучше у крестнаго. Я тамъ часто гощу,—поспѣшила она добавить:—Можетъ быть, мы будемъ друзьями.

— Я и теперь вашъ другъ.

Она погрозила пальцемъ, улыбнулась и, не подавая мнѣ руки, шмыгнула за деревья.

— Крестный—хорошій человѣкъ... Я его очень люблю,—донеслось изъ-за нихъ.

— Можетъ быть, и я черезъ него въ рай попаду!—крикнулъ я совсѣмъ уже по-дружески.

Мнѣ отвѣтилъ веселый дѣвичій смѣхъ, разсыпавшійся по лѣсу звонкимъ эхомъ.

IV.

Вонъ это окно... Его, правда, окна-то, не видно; виденъ только мелькающій впереди слабый огонекъ, въ снѣжномъ бурунѣ, въ наступающихъ сумеркахъ; не видно и самой деревни—все слилось въ какомъ-то ужасномъ снѣжномъ водоворотѣ, поднятомъ бурею; но мнѣ хочется думать, что это и есть тотъ самый огонекъ, куда мы ѣдемъ, та самая „отцовская хата“, гдѣ у окна сидитъ „она“ и нетерпѣливо поджидаетъ насъ съ моимъ вѣрнымъ и неизмѣннымъ ямщикомъ Оброничемъ. Да, нѣтъ сомнѣнія: это свѣтится окно (что-же еще можетъ свѣтиться?); красноватый свѣтъ его, какъ маякъ въ безбрежномъ морѣ, привѣтливо мигаетъ вдали, то вспыхнетъ сильно и ярко, то мелькнетъ слабо и нерѣшительно, какъ лукавый глазокъ, то, наконецъ, точно поддразнивая, совсѣмъ скроется въ темнотѣ и шумѣ метели.

Медленно поднимаясь и опускаясь съ пригорка на пригорокъ, съ трудомъ разбирая уставленный покрившимися вѣхами зимній путь, увязая то правымъ, то лѣвымъ полозомъ въ снѣгу, мы ѣхали прямо на этотъ огонекъ, сулящій намъ тепло и отдыхъ, улыбку и привѣтъ ласковой хозяйки. Это, казалось, понималъ и Гнѣдой, мѣрно опускавшій и поднимавшій голову и напиравшій всей грудью на хомутъ, и Оброничъ, все время не перестававшій подгонять Гнѣдого выломленной въ перелѣскѣ хворостиною.

Воображеніе забѣгало туда, гдѣ свѣтился огонекъ; рисовалась ярко освѣщенная просторная комната, съ русской печью въ углу, съ чисто вымытымъ поломъ, съ выскобленными ножомъ широкими сосновыми лавками и скамейками, съ опрятной бѣлоснѣжной скатертью на столѣ, бурлилъ и нетерпѣливо пыхтѣлъ самоваръ—„досуга другъ лѣнивый“, краснѣло въ стеклянныхъ вазочкахъ вкусное варенье изъ лѣсной ягоды, лежалъ на столѣ раскрытый вновь вышедшій журналъ... И тамъ—молодое веселое личико молодой хозяйки, въ простомъ сарафанѣ, съ кисейными рукавами, съ алой лентой въ косѣ.

Я не зналъ, что я скажу, что буду дѣлать тамъ, въ уютномъ уголкѣ, въ простомъ домикѣ деревенской „барышни“, но твердо

вѣрилъ, что все то, что случится тамъ, чему я буду свидѣтелемъ—несомнѣнно все это будетъ то, что мы называемъ счастьемъ. А счастьемъ мы называемъ такую минуту, когда хочется крикнуть времени: „Стой, остановись, время, и не движься впередъ!..“ Да, я былъ увѣренъ въ этомъ и заранѣе благословлялъ судьбу, забросившую меня въ глухую сторону. Но и въ глухой сторонѣ, какъ и въ Назаретѣ, думалось мнѣ, можетъ быть нѣчто доброе. Вспомнилась мнѣ и первая встрѣча въ лѣсу у камня, вспомнились также два-три вечера въ гостяхъ у священника, гдѣ повременамъ гостила „барышня“ Ѳеоктиста, ея пѣсни, отъ которыхъ любившій погулять ея крестный, священникъ, каждый разъ ударялся въ слезы... „Ахъ вы, горы, горушки мои, горы вы Валдайскія, вы Валдайскія горы“,—плавно и безнадежно-грустно выводилъ, бывало, грудной бархатный голосъ баловницы-крестницы:—„Ничего-то вы, горы, горы да не спородили; спородили вы, горы, ахъ горы, горе горькое мое“...

И плакалъ, бывало, расчувствовавшійся сельскій батюшка, размякшій за чайкомъ и графинчикомъ, въ то время, какъ матушка ураганомъ ходила по комнатамъ, стучала дверьми и косо поглядывала на графинчикъ. Но и она любила свою крестницу, любила ея пѣсни. Мало-по-малу ураганъ въ ея душѣ стихалъ, сѣрые круглые глаза дѣлались добрѣе, и она, успокаиваясь, брала прялку и садилась на табуретъ, поближе къ пѣсельницѣ... Экономная, скупая, она жалѣла не здоровья о. Арсенія; ея не оскорбляли его слезы, она твердо вѣрила, что бережетъ его, какъ мать берегла-бы своего сына,—недаромъ она на десять лѣтъ старше его,—нѣтъ, ей просто жаль было денегъ, доставшихся такъ трудно и тратившихся безполезно...

А пѣсня звучала все грустнѣй и грустнѣе, все глуше и печальнѣе; голова о. Арсенія клонилась все ниже и ниже къ столу, волосы—когда-то черные, какъ смоль, а теперь перевитые серебряными нитями—спускались на лицо, закрывали его.—„И ахъ, во когтяхъ-то младъ-сизой орелъ держалъ, ахъ держалъ черна ворона, черна ворона орелъ держалъ, держалъ брата роднаго, брата роднаго...“

А *младъ-сизой орелъ,* упавъ головой на руки, лежа грудью на столѣ, тихо и беззвучно плачетъ, бывало... Онъ также когда-то леталъ въ поднебесьи и видывалъ „диво-дивное, чудо-чудное ви-

далъ",—но то было такъ давно, въ первые годы по выходѣ изъ школы, когда онъ былъ чиновникомъ, жилъ въ холостой квартирѣ, въ комнаткѣ съ однимъ окномъ на сосѣднюю крышу, съ однимъ стуломъ, съ гитарой на стѣнѣ надъ узенькой холостою кроватью... Что потомъ было?.. Поѣхалъ онъ съ другомъ-пріятелемъ въ гости къ его, друга, отцу, а у того—дочь-дѣвушка, невѣста была... Хорошо угощалъ другъ-пріятель, не хуже „брата рòднаго", — старшую родную сестрицу все сваталъ; а старичокъ-отецъ свое мѣсто уступалъ... Но крѣпко упирался Арсеній Николаевичъ, вольнымъ соколомъ не надоѣло еще ему летать по бѣлу-свѣту...

„Онъ-то бить его не бьетъ, а голько все выспрашиваетъ, все выспрашиваетъ: гдѣ ты, воронъ, гдѣ ты былъ, ахъ гдѣ, дружокъ, полетывалъ, гдѣ полетывалъ?"—горькой иронiей звучала пѣсня.

Недолго полеталъ и Арсеній Николаевичъ: проснулся онъ въ одно утро со страшной головной болью, на сараѣ у друга-пріятеля своего, и очень удивился, что подъ бокомъ у него оказалось „законная жена"... А другъ-пріятель въ это время уже поднимался по лѣстницѣ къ нему въ сопровожденiи полногрудой работницы Параши, несшей огромный подносъ съ закусками, водочками и наливками, чтобы опохмѣлить и поздравить новобрачныхъ послѣ вчерашней попойки...

Какъ повѣнчался Арсеній Николаевичъ,—если правду говорить, то онъ ничего не помнилъ, не помнилъ даже и того, что двое братцевъ невѣсты поддерживали его подъ руки, такъ-какъ онъ не могъ стоять на ногахъ...

Ну, ужъ и закрутилъ-же на второй день послѣ своей свадьбы „младъ-сизой орелъ": три недѣли пилъ мертвую...

Дальше пошли годы—длинные, тягучіе, унылые, какъ эта старинная пѣсня. Пошли дѣти... Правда, жена была добрая и относилась къ нему, какъ мать, кормила, поила его, какъ на убой,—но это и все, что она могла дать. Душа его была одинока, и онъ считалъ свою жизнь загубленной. Онъ примирился съ этимъ и топилъ свое горе въ чарочкѣ. Но матушка иногда раздражалась на его частое прибѣганiе къ этому средству и запускала въ него то кочергой, то горшкомъ изъ печи... Онъ терпѣливо сносилъ и это, какъ заслуженную кару неба: идти было некуда со своимъ горемъ, да и не стоитъ горе свое выносить на-люди. Разъ или два прихо-

дилось, бывало, моему сторожу Архипу впускать о. Арсенія ко мнѣ часа въ два—три ночи: стучится робко,—не то метель стучитъ въ дверп, не то кошка царапаетъ, въ тепло просится; отодвинетъ Архипъ толстый деревянный запоръ—анъ это отецъ Арсеній, весь въ снѣгу, въ одномъ подрясникѣ, волосы всклокочены, и самъ—неизмѣнно на-веселѣ...

Въ такихъ случаяхъ я ничего даже и не спрашивалъ, а приказывалъ сторожу ставить самоваръ, варить яйца въ смятку и пр. До утра шла, обыкновенно, наша дружеская бесѣда, но бесѣда—отнюдь не о томъ, что случилось съ нимъ дома... Большею частію мы говорили о „барышнѣ“ Ѳеоктистѣ...

Да, я понимаю теперь, какимъ свѣтлымъ лучомъ входила дѣвушка Ѳеоктиста въ жизнь этой скучной священнической четы, когда гостила у нихъ, радуя и суровую мать-попадью, и шевеля живую душу занесеннаго житейской пылью крестнаго. Они въ ней души не чаяли оба. Что касается ея, то мнѣ всегда казалось, что она сознавала, какое умиротворяющее вліяніе оказываетъ своимъ присутствіемъ на людей и, безъ сомнѣнія, находила въ этомъ сознаніи большое удовольствіе. Ей нравилось сѣять вокругъ себя радость и довольство. Но была-ли она сама счастлива,—она объ этомъ не любила говорить и не говорила, какъ никогда не говорила и о своей профессіи, дѣлая свое дѣло въ-тихомолку, для „души“, какъ говорятъ богомольцы, предпринимая дальнее странствіе съ религіозной цѣлью. Но, что несчастіе коснулось и ея, коснулось больно и жестоко—объ этомъ можно было догадываться... У нея былъ женихъ, учитель Абрамъ Ивановичъ, умершій отъ злой чахотки. О немъ въ округѣ сохранились самыя лестныя воспоминанія, какъ о добромъ, гуманномъ и полезномъ общественномъ дѣятелѣ.—„Не умри тамъ, батюшка!“—говорили собравшіеся проводить его на родину мужики и бабы, когда онъ, совсѣмъ больной, приготовлялся сѣсть въ повозку. Онъ очень разсердился, раскричался... Одна мысль о смерти бѣсила его. Добрые люди, по простотѣ своей, не понимали этого.

Но какое мнѣ дѣло до всего этого?..

Оброничъ толкнулся въ калитку: она оказалась только припертой и отскочила внутрь, распахнутая вѣтромъ. Въ глубинѣ двора залаяла собака. Не дожидаясь, когда сани въѣдутъ во дворъ,

я выскочилъ у освѣщеннаго окна прямо въ снѣгъ и, хотя съ трудомъ, но всетаки добрался до зіяющаго чернаго отверстія калитки. Въ лицо съ крыши сыпало снѣгомъ и застилало глаза.

V.

Гдѣ-то вдругъ тяжело и гулко хлопнула дверь, и сбоку за угломъ вырвался снопъ красноватаго, колыхающагося свѣта. При трепетномъ и неровномъ его блескѣ я быстро разглядѣлъ обстановку двора: она показалась мнѣ убогой, и тотчасъ-же у своихъ ногъ я увидѣлъ узкую и обледенѣлую крутую лѣстницу вверхъ. Поднявъ глаза, я замѣтилъ человѣка въ бѣлой рубахѣ, безъ шапки и босого. Сѣдые волосы и сивая борода его раздувались вѣтеркомъ, проникавшимъ откуда-то, казалось, сверху. Но лицо его, морщинистое и почти черное, съ ввалившимися щеками и съ глубоко запавшими глазами подъ густой зарослью бровей, показалось мнѣ слишкомъ серьезнымъ, почти угрюмымъ. „Если это отецъ“,—подумалъ я,—„то дочка—не въ папеньку“.

Поднявшись наверхъ и ставъ лицомъ къ лицу со старикомъ, я увидѣлъ, что, хотя въ лицѣ его замѣтно было что-то похожее на привѣтливую улыбку, но глаза были заплаканы. Недоброе предчувствіе стѣснило мнѣ грудь, и я, безсознательно понижая голосъ, спросилъ: не случилось-ли несчастія. Онъ мнѣ такимъ-же шепотомъ отвѣтилъ, что дочка его что-то вотъ вторую недѣлю какъ плохо себя чувствуетъ. — „Больна?“ — переспросилъ я. — „Да, умретъ, поди“, — сказалъ онъ и отвернулся со слезами на глазахъ.

Не помню, какъ мы совершили остальной путь до дверей, но только я вдругъ увидѣлъ себя въ самой избѣ, безъ шубы и безъ шапки стоящимъ передъ чѣмъ-то маленькимъ и бѣлымъ, лежащимъ вдоль лавки на подстроенной постели. Это бѣлое было живое и что-то говорило слабымъ, но спокойнымъ и ровнымъ, голосомъ. Рядомъ стоявшій старикъ что-то тоже сказалъ мнѣ и вышелъ опять за дверь. Съ большимъ трудомъ я сообразилъ, гдѣ я и что я?—до того не согласовалась съ дѣйствительностью нарисованная моимъ воображеніемъ картина уютнаго уголка, того гнѣз-

дышка, гдѣ счастливо жила „барышня“ Ѳеоктиста, земская работница и общая въ краѣ любимица. Да, это была она; я держалъ ея маленькую горячую, но худую и тонкую, почти прозрачную руку. Это—ея лобъ, корона золотыхъ волосъ на подушкѣ, ея добрые улыбающіеся глаза, ея лицо—блѣдное и восковое, съ двумя рѣзко очерченными красными круглыми пятнами на обѣихъ щекахъ. Грудь ея высоко вздымалась, дыханіе было коротко и прерывисто, но она улыбалась, улыбалась такъ, какъ въ ту, первую, встрѣчу въ лѣсу и въ тѣ послѣдующія рѣдкія наши встрѣчи, когда еще была здорова.

— Я давно вѣдь нездорова... Съ этимъ ничего не подѣлаешь, — разслышалъ я измѣнившійся до шепота ея чудный голосъ,—умирать надо, пора... Ну, вотъ...

И она смотрѣла на меня счастливымъ, довольнымъ взглядомъ, какъ-бы забавляясь моимъ смущеніемъ...

— Вижу, вижу, что удивляетесь! Простите, голубокъ, живого человѣка повидать захотѣлось, вотъ и потревожила.

Въ избѣ было дымно и холодно. Она тихонько потянула меня за руку, и я сѣлъ на край ея убогой кровати.

— Но вы еще жить будете!—воскликнулъ я, возмущенный и ужасной бѣдностью обстановки, и тѣмъ, что гибнетъ хорошій человѣкъ:—вы поправитесь!

Она слабо улыбнулась, какъ-бы не желая спорить.

— Умереть—не страшно... Я рада умереть, потому-что вѣрю, что на небѣ, по ту сторону жизни, не будетъ хуже, чѣмъ здѣсь... Правда, какъ-будто жаль кое-кого оставить—отца, крестненькаго и крестную... Васъ жаль, голубокъ...

Она закашлялась, схватившись за грудь.

— Я вижу, что вы мнѣ симпатизируете давно, думаете, что я хорошій человѣкъ. Можетъ быть, это и такъ. Но пріѣхала я сюда совсѣмъ не такая. Я пріѣхала — нехорошая; служеніе тамъ народу и все такое хорошо только въ теоріи, въ книжкахъ; а какъ столкнулась я съ настоящей-то жизнью, съ безпросвѣтной нуждой, съ темнотой деревенской, съ ужасной обстановкой, въ которой рождаются и умираютъ дѣти—силы мои не выдержали... А тутъ еще свое горе—привычки разныя къ культурной жизни и прочее—и голова моя пошла кругомъ: охладѣла я къ занятіямъ,

хотѣла идти въ земство, бросить имъ въ лицо ихъ двухрублевое жалованье и убѣжать, куда глаза глядятъ. И я такъ-бы непремѣнно сдѣлала, да судьба забросила меня въ нашу сторону, гдѣ раньше меня жилъ и работалъ настойчивый, твердый, съ желѣзной волею, просвѣщенный человѣкъ. Онъ казался счастливъ, стоя лицомъ къ лицу съ тѣми ужасами жизни, которые напугали меня. Я начала думать, думать... Я казалось, поняла его... Міръ Божій точно перевернулся въ моей душѣ, и то, что прежде меня пугало—показалось мнѣ достойнымъ жалости, и то, что раньше возмущало меня—рождало во мнѣ желаніе только больше и больше работать, какъ можно больше прощать, больше любить, чтобы скорѣе приближался конецъ царству бѣдности, зла и несчастій, этой мрачной безднѣ человѣческаго горя...

Она перевела духъ и, несмотря на мои протесты, что разговоръ ее утомляетъ и волнуетъ, продолжала:

— Оставьте, голубокъ!.. Все равно. Я для того и потревожила васъ, что мнѣ здѣсь некому больше сказать этого. Отцу Арсенію развѣ,— онъ былъ сегодня здѣсь,—но онъ только плачетъ, жалѣя себя. Вы только одинъ здѣсь въ состояніи выслушать меня и понять. Вѣдь онъ, Абрамъ-то Ивановичъ,—тотъ человѣкъ, о которомъ я говорила,—можетъ быть, умиралъ хуже моего. У него не было такихъ слушателей. Онъ уѣхалъ въ свою деревню умирать, въ крестьянскую семью, а что такое эта семья—я сужу по моему отцу, котораго люблю, но говорить съ которымъ, какъ съ вами, не могу... Ахъ, да!.. Первая наша встрѣча... тамъ, въ лѣсу... Я несла цвѣты и встрѣтила васъ. Съ тѣхъ поръ я почувствовала, что вѣрю вамъ, что я не совсѣмъ одинока въ этомъ краю (о. Арсенія не считаю, онъ—потухшій огонекъ). А знаете, зачѣмъ я несла цвѣты?.. О, если-бы опять побывать тамъ, опять походить по мягкой травѣ, послушать шелестъ листьевъ... Вѣдь листья говорятъ: я часто разбирала въ ихъ шумѣ голоса, слышала отдѣльныя слова, фразы... О, вы не повѣрите, какое это счастье, какая радость, какой покой ненарушимый!.. Но нѣтъ! Мои ноги не побѣгутъ больше по пригоркамъ, пѣсня не полетитъ по лѣсному простору!.. Но—умершая—я буду жить тамъ, въ лѣсу, близъ того камня, куда я несла цвѣты и встрѣтилась съ вами, голубокъ. На этомъ камнѣ я часто отдыхала, тамъ такъ далече

видно и такой чудный запахъ сосноваго бора!.. Сходите, голубокъ, сходите туда, какъ только перестанетъ дуть эта ужасная вьюга за окномъ, сойдетъ снѣгъ, и появится первая травка! Это моя просьба, за этимъ и еще кое-за-чѣмъ я призвала васъ. Я буду невидимо присутствовать тамъ, все время, пока есть хоть одинъ цвѣтокъ въ полѣ; вы мнѣ будете приносить вѣсти изъ этого земного міра...

Больная очень утомилась, это видно было и по сильно поблѣднѣвшему лицу, и по слабѣющему голосу. Разговоръ больше волновалъ ее, чѣмъ это было замѣтно раньше. Объ улыбкѣ-же— и рѣчи не могло быть, взглядъ выражалъ тихую, но какую-то свѣтлую, грусть; только пальцы на рукахъ, сложенныхъ на груди, быстро и безпокойно шевелились. Она помолчала съ минуту, какъ-бы прислушиваясь къ шуму метели, стучавшей въ окно, точно она ее тревожила, сбивала съ мысли.

— Вотъ что, голубокъ... Просьба моя къ вамъ...

Она взяла мою руку, положила къ себѣ на грудь и начала нѣжно гладить тонкими горячими пальцами, глядя въ то-же время мнѣ въ лицо умоляющимъ взглядомъ. Вся душа ея—мягкая, чуткая, нѣжная — казалось, сосредоточилась въ этомъ пронизывающемъ взглядѣ.

— Послѣдняя просьба: поговори ты съ крестненькимъ (она въ разговорѣ называла меня то на вы, то на ты), поговори съ нимъ; можетъ быть, онъ тебя и послушаетъ. Я умоляла его со слезами, заклинала, просила—и слушать ничего не хочетъ. Когда мы—т. е. я и Абрамъ Ивановичъ—были здоровы и бродили вмѣстѣ по полямъ и лѣсамъ, гдѣ разлито такъ много свѣжести и бодрости въ природѣ, когда возвращались мы домой съ обновленными силами и съ несокрушимой энергіей въ душѣ, готовые снова безпечно и радостно трудиться хоть до скончанія вѣка—тогда порѣшили мы, что эту силу даетъ намъ вѣчно живая, вѣчно юная природа, не загрязненная несчастіями, какія человѣкъ придумалъ самъ для себя. Я тогда рѣшила, что, если умру, то попрошу похоронить себя въ лѣсу... именно у того камня... Милый, упроси ты, чтобы это было такъ... Милый, голубочекъ, желанный,—поговори Христа ради... Кому отъ того какой вредъ? Я вреда никому не сдѣлала, зачѣмъ-же лишаютъ меня послѣдняго утѣшенія!.. Гдѣ-

же цвѣты? Дайте цвѣты сюда!.. Что?.. Нѣтъ цвѣтовъ?.. Купите ихъ въ магазинѣ!..

Больная начала метаться и бредить, разгорѣвшееся лицо пылало, волосы путались по подушкѣ, трепещущія руки то хватались за меня, то срывали полушубокъ, прикрывавшій ей грудь. Взглядъ ея, казалось, искалъ чего-то и, наконецъ, остановился на почернѣвшей иконѣ въ переднемъ углу... А за окномъ выла мятель, въ щели оконъ врывался вѣтеръ и колыхалъ широкое пламя лучины въ свѣтцѣ, у котораго, низко опустивъ голову, неподвижно сидѣлъ хозяинъ... Оброничъ помѣщался на конникѣ у порога. Въ избѣ царствовало мертвое молчаніе, нарушаемое по-временамъ бредомъ больной, да трескомъ лучины...

Грустные вернулись мы съ Оброничемъ домой поутру.

VI.

Ее похоронили, но похоронили не тамъ, гдѣ она хотѣла, а на сельскомъ кладбищѣ, вблизи церкви, на холмѣ, такъ что крестъ на ея могилѣ далече былъ виденъ чрезъ низенькую деревянную ограду кладбища.

Въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда мокрый снѣгъ валитъ хлопьями, а дорога покрывается лужами, подернутыми плотно прилипающею къ полозьямъ пеленой, я занимался своимъ обычнымъ дѣломъ въ классѣ. Вдругъ ученики повскакали съ мѣстъ и зашушукались, вытягивая шеи по направленію оконъ, выходящихъ къ церковной оградѣ. Я взглянулъ и тотчасъ понялъ: чья лошадь, чей гробъ, какой-такой человѣкъ въ лаптяхъ, въ рукавицахъ, въ сѣромъ армякѣ, весь залѣпленный снѣгомъ—возится около лошади. Вотъ изъ церковной сторожки вышелъ заспанный сторожъ съ ключами и сталъ отпирать церковныя ворота, а мужичокъ, засунувъ за поясъ рукавицы, наклонился къ бѣлому сосновому гробу и началъ дрожащими красными пальцами развязывать мокрыя веревки, прикрѣплявшія гробъ къ дровнямъ.

Поспѣшной, спотыкающеюся походкой изъ воротъ налѣво въ церковь пробѣжалъ отецъ Арсеній. На пустынной улицѣ не видно было ни души...

Чтобы какъ-нибудь исполнить завѣщаніе умершей, я, въ одно изъ посѣщеній заповѣднаго мѣста,—у камня въ лѣсу,—поставилъ крестъ, врубивъ его въ стволъ высокой и стройной сосны. На немъ, можетъ быть, и теперь еще видна выразительная надпись, сдѣланная тогда мною.

Въ оградѣ-же, у церкви, ея могила обнесена четыреугольной деревянною рѣшоткой, сдѣланной парнями; мѣстный „богатѣй“ далъ краски выкрасить рѣшотку, от. Арсеній и я врѣзали въ срединѣ креста серебряный образокъ, а дѣвушки посадили кудрявую березку...

Но все это случилось нѣсколько лѣтъ спустя...

Такъ сказались симпатіи нашего захолустнаго уголка къ „барышнѣ“ Ѳеоктистѣ.

Довольна-ли она?

Думается, что довольна: вѣдь она была простая, не знатная дѣвушка и за свои труды въ жизни не ждала даже и этой награды...

„Баринъ“ ѣдетъ.

— „Вотъ пріѣдетъ баринъ“.
Некрасовъ.

I.

Слегка покачиваясь въ тарантасѣ, зажмуривъ глаза и сложивъ „въ замокъ“ руки на толстенькомъ кругленькомъ брюшкѣ, какъ китайская статуэтка на окнѣ чайнаго магазина, весь красный отъ немилосердно-жгучаго іюньскаго солнца, утомленный и измученный долгой ѣздою по проселочнымъ дорогамъ, ѣхалъ Никандръ Никандровичъ, земскій начальникъ, извѣстный въ своемъ участкѣ подъ нарицательнымъ именемъ „барина“ (это имя, впрочемъ, понималось—какъ собственное). Ѣхалъ онъ въ глухую деревеньку, заброшенную среди лѣсовъ и прославленныхъ новгородскихъ болотъ, такъ напугавшихъ когда-то блаженной памяти Батыя. Деревенька была маленькая, дворовъ 40—50, сплошь крытая соломенными крышами, сплошь бѣдная, невзрачная, какая-то убогая и сиротливая. Никакихъ оффиціальныхъ данныхъ (развѣ, кромѣ 109 ревизскихъ душъ) о ней нигдѣ не было извѣстно; ни ремеслъ, ни промысловъ въ ней не имѣлось, школы также, но зато недоимка числилась изрядная. И жила эта деревенька Божья тихо, смирно, никого не безпокоя, никому не мѣшая, кромѣ волостного старшины развѣ, который разъ двадцать въ годъ пріѣзжалъ сюда собирать „штраховку“ и всякую недоимку по обязательнымъ платежамъ. До чего неваженъ былъ народъ въ ней, простъ и не развитъ,—видно изъ того даже, что его силой нужно было заставлять платить нѣсколько копѣекъ съ души, чтобы застраховать свои постройки, хотя-бы и соломенныя,—на случай пожара.

— Ну, а если сгоритъ?—урезониваетъ старшина упрямаго неплательщика, сердясь и вытирая ладонью вспотѣвшую лысину.

— А съ чего мнѣ горѣть?—упирается неплательщикъ.—Храни, Боже, горѣть! Горѣть мы не хотимъ, и желанья нашего къ тому нѣту...

Но случилось разъ или два—точно: погорѣла деревня, и крестьяне начали страховаться. Страховаться имъ и очень показалось разумно, да вдругъ опять заколодило: сгорѣлъ Семенъ Яковлевъ—анъ ему „штраховки“-то и не выдали. Говорятъ: „Страховка твоя дѣйствительна только до новаго году“...—Да я вѣдь всего два мѣсяца назадъ деньги страховыя внесъ!—„Все единственно: только до новаго году“...—Да вѣдь года-то, поди, не ирошло?.. —„А ты знаешь, что такое *первое января тысяча восемьсотъ*“... —Тьфу!—обругался мужикъ, плюнулъ и отсталъ, ничего не понявъ изъ того простого объясненія, что между 31-мъ декабря и 1-мъ января времени протекаетъ не сутки, не 24 часа, а цѣлый годъ! Не поняла ничего изъ этого и деревня. Жалѣли Семена Яковлева, потому — надувательствомъ это показалось: мужикъ 20 лѣтъ платилъ страховку, это всѣ видѣли... „Опасись, братцы“,—толковали мужики:—„кто ихъ разберетъ, что у нихъ на умѣ!“ И нѣкоторые изъ крестьянъ дѣйствительно „опаслись“ и перестали платить страховыя деньги.

Случился и другой казусъ. Загорѣлась хата у крестьянина Ероши Ерофѣева. Старикъ, не долго думая, прыгнулъ на спину лошади и помчался съ деньгами въ кулакѣ въ волостное правленіе, верстъ за 15, межъ тѣмъ какъ сыновья его тушили пожаръ и спасали изъ имущества, что можно было спасти. Вернувшійся старикъ засталъ, вмѣсто своего двора, одно пустое мѣсто, вокругъ котораго бродила плачущая семья и подгребала тлѣющіе угольки. Но зато у него была квитанція: онъ всетаки успѣлъ застраховать свой домъ и теперь не горевалъ.

— Молчи, бабы! Чего ревѣть, вѣдь заштраховано!..

Но съ этимъ застрахованіемъ и самъ Ероша Ерофѣичъ чуть не улетѣлъ—куда Макаръ телятъ не гоняетъ...

Пріѣхавшій старшина объявилъ ему, что квитанція его тоже, что и Семена Яковлева когда-то, не можетъ считаться дѣйствительной, такъ-какъ во время ея выдачи дома-то у него уже не

было... Да наговорилъ ему еще такихъ вещей, что бѣдный старикъ и впрямь счелъ себя преступникомъ и погибшимъ человѣкомъ. И то, что онъ платилъ раньше,—страховка за многіе годы,—погибло безвозвратно... И домъ погибъ... И самъ погибаетъ...

— А все оттого,—толковалъ старшина,—что не слушаете. Я говорилъ: „платите къ новому году“... Такъ нѣтъ, куда, къ сентябрю плàтите... Невѣдѣніемъ закона въ государствѣ Россійскомъ отговариваетесь...

— Да какъ ты ихъ, кормилецъ, законы-ти, всѣ увѣдаешь?.. Коли-бы грамотные, почитали-бы...

— На своей шкурѣ читай!

Мало-по-малу, читая обо всемъ на своей шкурѣ, Божья деревенька немного просвѣтилась. Она узнала, напримѣръ, что страховка въ городахъ, у богатыхъ людей,—у мызниковъ и помѣщиковъ въ деревняхъ,—считается круглый годъ, въ какое-бы число ни застраховался, даже часъ записывается въ квитанціи, когда внесъ платежи, и только у крестьянъ почему-то считалась съ 1 января до 1 января, хотя-бы платежи были внесены въ іюлѣ, напримѣръ. Съ нескрываемымъ удовольствіемъ узнала, наконецъ, деревня о томъ, что „вышло“ новое распоряженіе (откуда вышло—неизвѣстно), чтобы крестьянскія постройки принимались на страхъ съ какого-угодно времени въ году, съ какого-угодно числа и мѣсяца. Эту новость привезъ имъ однажды „баринъ“, Никандръ Никандровичъ, когда пріѣзжалъ судить деревню за драку съ сосѣдней деревней и за „сопротивленіе властямъ“, выразившееся въ томъ, что ребята разломали мостъ черезъ рѣку, когда къ нимъ въ деревню хотѣлъ въѣхать судебный слѣдователь для разбора тяжбы съ управляющимъ стекляннаго завода, заставлявшимъ крестьянъ безплатно мостить дорогу съ завода, что стоялъ въ лѣсу, на общій трактъ—проселокъ. Иначе-де стекло въ топкихъ и низкихъ мѣстахъ трудно было-бы вывозить съ завода, особенно лѣтомъ...

Чѣмъ кончилась эта послѣдняя исторія — осталось неизвѣстнымъ. Но крестьянъ съ тѣхъ поръ не тревожили.

Вотъ все, что Никандръ Никандровичъ, земскій начальникъ, зналъ о деревнѣ, въ которую теперь ѣхалъ. Все это, къ тому же, представлялось ему такимъ смутнымъ и неяснымъ, что онъ даже не могъ вообразить себѣ внѣшняго вида деревни, ея улицы, не пом-

нилъ—есть-ли въ деревнѣ церковь, или нѣтъ ея... „А, впрочемъ, все это скучно“,—лѣниво думалось ему подъ лязгъ и скрипъ убаюкивающей ѣзды въ тарантасѣ. Да и солнце палило, и утомленіе сказывалось: утомленіе стараго человѣка, принужденнаго Богъ знаетъ ради чего разстаться съ привычной жизнью въ привычной обстановкѣ, въ дѣдовскомъ наслѣдственномъ гнѣздѣ... Но ему вдругъ вспомнилось, что тотъ пустякъ, изъ-за котораго онъ сюда ѣхалъ, называется неурожаемъ, голодомъ, можетъ быть. Крестьяне просили у земства ржи на обсѣмененіе второй уже годъ пустующаго поля. „Дѣло большое, серьезное дѣло“,—мелькнула у него мысль, и онъ вдругъ вскинулъ глазами, выпрямился, прибодрился и, забывая свои года и усталость, совсѣмъ почти молодымъ, твердымъ голосомъ велѣлъ ямщику погонять лошадей. Разступившаяся по обѣ стороны роща скоро показала ему и цѣль его поѣздки — село, похожее издали на кучу лома и хвороста, сложеннаго въ безпорядкѣ на гладкой вспаханной равнинѣ, убитой копытами лошадей и коровъ, за неимѣніемъ выгона пасшихся здѣсь-же... Извилистая рѣчка бѣжала налѣво, огибала у самой деревни мельницу, подкатывалась подъ самыя стѣны какого-то громаднаго полуразрушеннаго кирпичнаго зданія, вѣроятно бывшаго завода или фабрики, и врѣзывалась въ густую чащу лѣса-сада, зеленой горой вздымавшагося надъ деревней. Бѣлый серебряный крестикъ поверхъ этой горы указывалъ, что за нею стоитъ сельская церковь.

Щурясь и бодрясь, Никандръ Никандровичъ, въ своей форменной шинели, накинутой на одно плечо, въ черномъ сюртукѣ съ ярко блестѣвшими золочоными пуговицами на груди, въ казенной фуражкѣ—вглядывался въ даль, къ деревнѣ, любопытными, слегка слезящимися глазами и, повидимому, что-то припоминалъ, соображалъ.

— Ждутъ, поди, а?—сказалъ онъ вслухъ, чѣмъ ямщикъ и воспользовался, какъ разрѣшеніемъ вставить и свое слово.

— Какъ не ждать, ваше благородье! Второй годъ даромъ околачиваются вокругъ ее, матушки. Не дадутъ—съ голоду помирать надо. Ишь, муравейникъ-то!..

Онъ указалъ кнутомъ на кучу соломы, жердей и палокъ, пріютившихъ деревню, и на голое, буро-желтое поле кругомъ—жесткое, затвердѣвшее, пустынное поле.

— Земля не выручитъ, и продать нечего...

Никандръ Никандровичъ тяжело вздохнулъ, быть можетъ припоминая и свое хозяйство „на землѣ“...

Тарантасъ спустился въ лощину, къ самому берегу рѣки и медленно началъ вздыматься на плоскій холмъ, къ деревнѣ.

II.

— „Баринъ ѣдетъ!“—сказалъ кто-то въ толпѣ мужиковъ, расположившихся на канавѣ и на бревнахъ, сваленныхъ вблизи избы сельскаго старосты.

Мужики повскакали съ мѣстъ. Староста нервно одернулъ подолъ ситцевой рубахи. Слышавшіеся передъ этимъ оживленные голоса мгновенно смолкли. Сходка стала напряженно и молча всматриваться вдаль по дорогѣ, за деревню, на быстро приближавшійся экипажъ.

— Ёнъ,—рѣшилъ староста со вздохомъ и, медленно отойдя въ сторону, сѣлъ на заваленку.

— Ну, что, Николай, какъ?—спросилъ онъ, немного погодя, молодого парня, дольше всѣхъ другихъ наблюдавшаго сѣрый клубокъ пыли, несшійся по дорогѣ къ деревнѣ, въ серединѣ котораго темнымъ пятномъ мелькали лошади и виднѣлись двѣ покачивающіяся человѣческія фигуры.

— Ёнъ, больше никто. И лошади Сердечковы...

Николай былъ рьяный любитель лошадей и быстрой лошадиной ѣзды. Правда, своей лошади у него не было; но онъ не терялъ надежды стать когда-нибудь обладателемъ пары хорошенькихъ гнѣдыхъ. Онъ ѣздилъ по зимамъ въ Питерѣ, въ извозѣ, и зналъ всѣхъ лошадей въ окрестностяхъ верстъ на 30 кругомъ. Онъ любилъ иногда „загнать“ лошадь въ ѣздѣ, но зато никто такъ не понималъ лошадиную душу, какъ Николай: онъ разговаривалъ съ лошадью, какъ съ человѣкомъ, и, говорятъ, вполнѣ понималъ лошадиный языкъ. Какъ къ лицу компетентному, къ нему-то и обратился староста за окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса. Николай узналъ Сердечковыхъ лошадей и пріятеля своего, ямщика Ефима, такого-же любителя благородной конской породы.

Сходка мало-по-малу разбрелась и разсыпалась, образовавъ

кучки на травѣ, на бревнахъ, у рябины, кланявшейся улицѣ изъ старостина огорода.

Но, пока доѣдетъ „баринъ“, пройдетъ еще довольно времени; и разговоръ опять покатился по улицѣ, какъ высыпанный въ рѣшето горохъ.

Больше всего волновался дѣдъ Алексѣй, старый мірской радѣтель, помнившій времена барщины: сухой, тощій, убѣленный сѣдинами, сгорбленный,—среди другихъ крестьянъ онъ производилъ впечатлѣніе, какое производитъ обуглившійся пень въ лѣсу, среди шумящей березовой рощи. Дѣдъ былъ глуховатъ и потому постоянно прикидывалъ руку къ уху, чтобы лучше слышать, а въ разговорѣ сильно повышалъ голосъ.

— Кто цѣпь носилъ?—горячился дѣдъ.

— Филипъ носилъ.

— Филипъ... А зачѣмъ дурака посылаете?

— Какъ, я дуракъ?—загремѣлъ Филипъ, до того времени неподвижно лежавшій грудью на травѣ и, казалось, спавшій. Онъ поднялся-было на одно колѣно, и простоватое круглое лицо его отразило желаніе ринуться въ бой... Но гдѣ непріятель?!. Николай нагнулъ его голову опять къ землѣ и сказалъ успокаивающе:

— Молчи, дуроломина!

— Что-же онъ, старый хрѣнъ, бранится! Я не одинъ ходилъ: Микулка Корнышевъ ходилъ, Васька ходилъ...

— И Микулка, и Васька—такіе-же молокососы, не умнѣе тебя!—кричалъ дѣдъ.

Однимъ словомъ, дѣдъ распушилъ всѣхъ и вся, а главное — сельскій сходъ, во всей его совокупности. Дѣло шло о неправильномъ размежеваніи помѣщичьихъ и крестьянскихъ земель. Новый управитель, присланный въ имѣніе, нашелъ, что крестьяне незаконно передвинули межу и, пользуясь недосмотромъ прежнихъ управителей, позволили себѣ захватить часть помѣщичьихъ покосовъ и лѣса. Это тѣмъ болѣе казалось вѣроятнымъ, что старыя межевыя ямы „заплыли“, такъ что народившаяся послѣ реформы молодежь не могла съ точностью указать ихъ, особенно въ одномъ мѣстѣ, сплошь заросшемъ молодымъ лѣсомъ, въ „Подмошкахъ“.

— Я на этой ямѣ по ушамъ былъ битъ! — кричалъ расходившійся дѣдъ.—Какой ямѣ?!. А налѣво отъ „Крюцкой“ дороги, вотъ

какой!.. Вы куда „стрѣлябію“-то держите? На Крутую Гору?!. Эва!.. Не на Крутую, а на Григорьевское гумно, держи, вона! Ты тутъ то на вершокъ возьмешь, а тамъ она *стрѣльнетъ* на двѣ версты. Не слыхалъ?.. Вотъ то-то и есть. Не слыхалъ, не знаешь — не берись не за свое дѣло. Я говорю, что по ушамъ былъ битъ на этой ямѣ; вотъ какъ въ наше время ямы-то соблюдали, зато ихъ всякій мальчишка знаетъ, бывало...

— Ну такъ самъ-бы и шелъ съ землемѣромъ.

— Куда я пойду?

Дѣдъ постукалъ палкой въ землю и закашлялся... Здоровьемъ онъ былъ слабъ и на сходку давно уже не ходилъ. Однако, заслышавъ о спорной межѣ, надъ которой въ его время отцы били по ушамъ своихъ дѣтей (что было какъ-бы замѣной юридическихъ актовъ и писанныхъ документовъ, хранящихся Богъ знаетъ гдѣ)— онъ не утерпѣлъ и явился на сходку, оставивъ свое любимое мѣсто на лавкѣ подъ окошкомъ, у сына въ избѣ, откуда онъ созерцалъ будничную и праздничную деревенскую жизнь, въ которой—увы! дѣду приходилось участвовать теперь одними только глазами, да и тѣ что-то плохо стали видѣть. По его мнѣнію, ему непремѣнно было нужно быть на сходѣ и заставить мужиковъ не бросать „этого дѣла“, въ правотѣ котораго онъ незыблемо былъ убѣжденъ. То, что управитель пригласилъ землемѣра и установилъ новую межу, уменьшающую надѣльныя земли, а крестьяне не только не могли сказать, гдѣ планы эти находятся, но даже позабыли и знаки-то старые межевые,—все это искренно возмущало стараго мірского радѣтеля! И что нужды, что у деревни съ управителемъ установились непріязненныя отношенія послѣ этого спора, и деревня стала прибѣгать къ „своимъ средствіямъ“, не имѣя ни денегъ, ни времени, чтобы вызвать своего землемѣра и возвратить себѣ исконныя свои владѣнія, отнятыя теперь нѣмцемъ управителемъ. „Что нужды?—спрашивалъ себя дѣдъ.—Надо дѣло рѣшить въ корнѣ. Надо, чтобы все по-Божески, по справедливости, по дружелюбной старинѣ“...

И онъ, опираясь на палку, явился на сходъ.

— Не на Крутую Гору, а на Григорьевское гумно, гляди!— шепталъ онъ, шагая по улицѣ.

Дѣдъ добился своего. Онъ самъ сѣлъ въ телѣгу съ сыномъ, насколь-

ко возможно близко подъѣхалъ къ злополучной ямѣ въ лѣсу, и, по его выкрикамъ и указаніямъ (онъ не сходилъ съ телѣги), молодые парни, дѣйствительно, нашли признаки старой четыреугольной ямы, въ десяти саженяхъ дальше вновь вырытой управительскимъ землемѣромъ. Расчистивъ осторожно углубленіе, они нашли въ немъ камень и остатки сгнившаго трухляваго столба, заостреннаго сверху и съ выемкой сбоку, гдѣ обыкновенно выжигается землемѣрами межевой знакъ.

Объ этомъ-то именно и шелъ разговоръ на сходѣ, въ ожиданіи земскаго начальника. Дѣло принимало благопріятный оборотъ для крестьянъ, какъ думали они, и сельскій староста, по порученію схода и по совѣту волостного старшины, прежде чѣмъ начать необходимыя хлопоты, долженъ былъ сегодня, кстати, показать земскому начальнику разысканную старую яму, чтобы убѣдить его въ правильности претензій деревни и спросить, какъ и что долженъ сдѣлать сходъ, чтобы вернуть спорный участокъ.

— То-то слышу: „Крутая Гора!..“ Кака-така Крутая Гора,— Григорьевское гумно, а не Крутая Гора!.. — говорилъ дѣдъ, съ удовольствіемъ поглаживая свою бороду, счастливый, что успѣлъ лишній разъ послужить міру...

Сходъ одобрительно рокоталъ на слова дѣда, хотя молодежь и не упустила случая слегка подтрунить на-счетъ *ушей* дѣда.

— А что, дѣдко, больно, небось „по ушамъ“-то?

— Я тебя, разбойникъ, вотъ этой палкой!..

— Ребята, не хорошо... — тревожился сельскій староста.

Въ околицу въѣзжалъ земскій начальникъ...

III.

Мужики встали; ближе всѣхъ къ дорогѣ былъ сельскій староста, мужикъ-середнякъ, немудрый съ виду, тощій и худой, съ рѣденькой рыжеватою бородкой, босикомъ, въ одной рубахѣ.

— Ты староста? — спросилъ подъѣхавшій земскій, когда лошадь остановилась.

— Такъ точно!

— Отчего значка нѣтъ?

Староста какъ-то недоумѣвающе развелъ руками, поглядѣлъ на свою рубаху, на свои босыя ноги, потомъ на колесо, потомъ опять на ноги, высморкался и снова развелъ руками, но не нашелъ словъ для отвѣта. Онъ только досадливо передернулъ плечами, какъ-бы говоря: „шутъ ее знаетъ, все на виду была, въ сундукѣ валялась, а тутъ—какъ на грѣхъ—изъ ума вонъ“. Земскій съ минуту пытливо посмотрѣлъ на него.

— Знакъ носить надо...

— Слушаю,—отвѣчалъ староста, и въ то-же время подумалъ: „Куда его урода нацѣпить, еще рубаху разорветъ,—баба браниться будетъ“...

— Списокъ есть?

— Есть.

— Сколько просите?

— Тыщу кулей... На сто душъ...

— Много, не дадутъ,—какъ-бы про себя замѣтилъ земскій и, не глядя, сунулъ поданную бумагу въ боковой карманъ. Потомъ онъ вдругъ какъ-то осунулся, постарѣлъ и, опустивъ голову, задумался.

— Ну, веди,—сказалъ онъ наконецъ старостѣ, отмахнувшись, словно отъ какихъ-то невидимыхъ комаровъ.

И тарантасъ медленно заколыхался вдоль деревни.

— Какъ?!. И все тутъ?—вскричалъ дѣдъ Алексѣй сдавленнымъ шепотомъ.

Дѣдъ Алексѣй, опираясь на костыль, прикладывалъ руку къ уху, въ надеждѣ не проронить ни слова изъ того, что говорилъ староста съ земскимъ.

Онъ все слышалъ. Но то, что онъ слышалъ, нисколько не могло удовлетворить его пылкую не по лѣтамъ душу. Ему казалось, что и мужики, и староста не достаточно рьяно блюдутъ общественные интересы, и что быть имъ всѣмъ безъ хлѣба.

— Эхъ, молодежь, молодежь!..—укоризненно шепталъ онъ, ковыляя опять подъ рябину:—Въ ноги-бы ему!.. Да и староста—молоко, не староста: никъ-никъ, ничего и не вышло!.. Хорошъ и *баринъ*: говоритъ ни говоритъ—и невѣдомо о чемъ. Эхъ!..

Онъ осторожно сѣлъ на бревно.

— Куда *онъ*?

— Полосы глѣдѣть, дѣдко! Лысаго бѣса увидитъ,—откликнулся кто-то въ толпѣ расходившихся по домамъ мужиковъ.

— Значитъ, къ намъ и не вернется, съ поля-то?

— Нѣ.

Парень, разговаривавшій съ дѣдомъ Алексѣемъ, удивленно посмотрѣлъ на него, такъ-какъ въ голосѣ стараго ему послышалась нотка сожалѣнія, что „баринъ“ не вернется. Онъ тотчасъ-же сообразилъ, что дѣдъ Алексѣй считаетъ дѣло какъ-бы не договореннымъ, не рѣшеннымъ, не вѣритъ въ выдачу земской ссуды на обсѣмененіе, не вѣритъ и въ размежовку земли.

— Эхъ, молодежь, молодежь!

Парень разсмѣялся.

— Не хлопочи, дѣдъ! Была-бы шея, а петля будетъ.

Дѣдъ молча отмахнулся отъ краснобая, человѣка другой породы, иного склада, чуждаго и непонятнаго дѣду, отвыкшему отъ шумной жизни, отъ молодого поколѣнія. Да и что ему до молодого поколѣнія?.. Не это-ли солнышко свѣтило *тогда!* Не эта-ли улица, бывало, звала его, дѣда, изъ родной избы на просторъ, на народъ, въ шумъ людской, на веселье, на молодое гулянье?.. Все то-же оно, солнышко, какъ было. Все такъ-же плыветъ оно вверху, свѣтитъ, грѣетъ, восходитъ и заходитъ... Видѣло оно барщину, увидитъ—и недолго уже—и его, дѣда, какъ понесутъ его въ сосновомъ гробу на вѣчный покой къ родителямъ, на тихое зеленое кладбище за деревней... И чудится ему, дѣду, какъ-будто не онъ оторвался отъ міра, а міръ оторвался отъ него и падаетъ куда-то въ темную пропасть, оставляя его одного носиться въ голубомъ безконечномъ пространствѣ, вблизи безсмѣннаго краснаго солнышка. Чтожъ, ему не хуже! Пусть люди идутъ, куда имъ нужно—богатые и бѣдные, обиженные и обижающіе, добрые и злые, веселые и счастливые, и горькіе, и несчастные. Ему немного надо: онъ прожилъ жизнь и не жалѣетъ ея. Думалось, внуки будутъ лучше жить, а тутъ таже тьма безпросвѣтная, тѣ-же нищета и горе безысходное... Вонъ шумитъ рябина, шумитъ—какъ-будто шепчетъ что-то, утѣшаетъ, уговариваетъ. Колодезный „журавль“ тамъ, вдоль деревни, наклонился носомъ надъ колодцемъ и, опускаясь, жалобно заскрипѣлъ. А вѣдь тоже-бы жилъ въ лѣсу, еслибы его не срубили и не распяли здѣсь на деревѣ... „Чтожъ? На пользу!“—мелькаетъ у него мысль... А глаза слипа-

ются, щурятся, закрываясь сами собою... Онъ тихо-тихо клонится на бревна...

„Что заскучалъ, старикъ?“—слышится ему голосъ, точно внутри себя,—нѣжный ласковый.

„Такъ, братъ, скучно, братъ“,—мысленно отвѣчаетъ онъ родному, чарующему голосу и погружается въ сонъ. Бѣлая рубаха на груди у него слабо колышется...

IV.

Староста все время шелъ рядомъ съ тарантасомъ, придерживаясь за него одной рукою, а другой держа шапку на-отлетѣ. Отвѣчая на вопросы земскаго, онъ оборачивался къ нему лицомъ и часто спотыкался на камни и щепки, торчавшіе изъ плотно убитой дороги. Онъ шелъ такъ близко къ экипажу, что колесо шаркало объ его штаны и пачкало ихъ пылью, а одинъ разъ на крутомъ поворотѣ, когда онъ схватился рукой за лѣвую возжу, чтобы показать дорогу ямщику—переднее колесо больно переѣхало ему голую ступню; староста, исполняя свой долгъ, стерпѣлъ боль, такъ-какъ въ это время земскій о чемъ-то заговорилъ съ нимъ.

Земскій, Никандръ Никандровичъ, задавалъ вопросы отрывисто, какъ-бы нехотя, но маленькіе сѣрые глаза его съ любопытствомъ бѣгали по сторонамъ: онъ изучалъ деревню. Кругленькая, „съ брюшкомъ“ фигура его, съ короткой, апоплексической шеей и стриженой сѣдою бородой на жирныхъ и нѣсколько обрюзгшихъ щекахъ, всунутая въ форменное одѣяніе съ золотыми пуговицами,—глубоко засѣла въ кузовъ тарантаса, точно срослась съ нимъ; казалось, что извлечь ее оттуда стоило большого труда...

Но, если совершать длинное и утомительное путешествіе на лошадяхъ, то именно такое положеніе—было-бы самое удобное. Никандръ Никандровичъ, вѣроятно, давно уже не сходилъ съ тарантаса, чтобы не нарушить найденнаго, такъ сказать, дорожнаго комфорта. Къ тому-же, и наблюдать жизнь, и дѣлать распоряженія, чинить судъ и расправу, здѣсь, на улицѣ, въ лѣтнее время иногда очень удобно, удобнѣе, чѣмъ въ душной и тѣсной крестьянской избѣ—съ мухами, тараканами, съ плачущими въ „зыбкѣ“ младен-

цами. Вѣроятно, такъ думалъ и теперь Никандръ Никандровичъ, всматриваясь любопытнымъ взглядомъ въ окружающую его обстановку. Кое-гдѣ было красиво, кое-гдѣ безобразно. Красивъ, напримѣръ, разросшійся старый помѣщичій садъ, раздвинувшій деревню съ одного боку, чтобы посмотрѣть на деревенскую улицу; красива искривленная деревенская улица съ гладкой, плотно убитою дорогой, легшей, какъ сѣрое сукно, окаймленное мелкотравчатой яркой зеленью по бокамъ, гдѣ грѣлись на солнышкѣ старыя старухи, или играли ребятишки, не достигшіе рабочаго, по крестьянскимъ понятіямъ, возраста. Красивы и эти молодыя березки подъ окнами, но какъ-то робки, застѣнчивы со своею скудною листвой, точно извиняются, точно боятся загородить свѣтъ въ окошкахъ, помѣшать красному солнышку быстро осушать деревенскую улицу послѣ дождя и ненастья. Не дуренъ видъ за рѣку, на церковь, купающуюся въ мягкихъ волнахъ зелени, на выглядывающія рядомъ съ нею изъ-за вѣтвей густой-же растительности постройки причта и помѣщичьей экономіи. Старый кленъ въ концѣ деревни, предъ окнами другого помѣщичьяго зданія, заброшеннаго и пустыннаго, такъ и просится на картину: гордо поднявъ голову, съ кроной въ видѣ испанской шляпы съ развѣвающимся на ней перомъ, онъ запрокинулся нѣсколько назадъ и съ высоты своего величія презрительно глядитъ на крестьянскіе огороды съ ихъ капустою, подсолнечниками, въ рѣдкихъ случаяхъ—съ кустами блѣдно-зеленой рябины. Воплощеніе гордаго одиночества, знавшаго лучшую пору,—онъ не сниметъ своей шляпы передъ грознымъ лицомъ бури, не наклонитъ головы и, если суждено ему быть разбитымъ бурей—пусть она, буря, бьетъ его здѣсь въ самое темя: ему все равно...

Все это, безспорно, красиво. И Никандръ Никандровичъ взглядомъ художника скользнлъ кругомъ, останавливая его тамъ, гдѣ онъ могъ съ удовольствіемъ остановиться, и тщательно избѣгая всего, что мѣшало этому удовольствію, что оскорбляло эстетическое чувство, что голой правдой рѣзало глаза. Ему нравилось, напримѣръ, скользить по старѣющимся усадьбамъ съ ихъ иногда своеобразной архитектурой, съ ихъ балкончиками, выступами, галлерейками въ садъ, съ ихъ украшеніями по карнизу—то въ видѣ точеныхъ колоннокъ, то въ видѣ рѣзныхъ вѣнковъ или

пальмовыхъ вѣтвей, безошибочно указывающихъ эпоху, когда было построено то или другое зданіе,—нравилось окунуться душой въ прошедшее, побродить мечтой по глухимъ тропинкамъ пустыннаго сада, полазить по пыльнымъ чердакамъ съ полукруглыми, въ видѣ полуколеса, окнами, заглянуть въ дѣтскую, гдѣ теперь прикащикъ сыплетъ овесъ или картофель, понюхать воздухъ на кухнѣ, гдѣ когда-то такъ вкусно пахло, а теперь бѣгаютъ крысы и въ вывороченной плитѣ вьютъ гнѣзда галки. Не прочь онъ заглянуть и на помѣщичій дворъ, гдѣ такъ было когда-то шумно и оживленно: наклонивъ голову, онъ мысленно, сквозь покосившіяся дверп съ выпавшими косяками, проникаетъ и въ хлѣвы, и въ конюшни, но не видитъ тамъ больше ни породистыхъ голландскихъ коровъ, ни чистокровныхъ англійскихъ лошадей: паутина, плѣсень и тонконогіе спвые грибы—вотъ все, что осталось отъ прежняго. Ему нравилось возсоздавать такимъ образомъ минувшее время, часть котораго прошла на его глазахъ, нравились забытыя и навѣки погребенныя картины, за которыя такъ любитъ цѣпляться привыкшее къ нимъ воображеніе! Видитъ-ли онъ заросшую песчаную дорожку въ саду, скамейку на полусгнившихъ обрубкахъ дерева, позеленѣвшую, покрившуюся, на берегу пруда, ставшаго теперь просто лужей, гдѣ любятъ отдыхать лягушки, слышитъ-ли порывы вѣтра въ разбитыхъ окнахъ съ гнилыми и поломанными рамами,—воображеніе неодолимо влечетъ его туда, гдѣ ему такъ легко, такъ привычно, такъ привольно. Слухъ обманываетъ его легкимъ скрипѣньемъ французскаго башмачка по золотому песку, зрѣніе рисуетъ стройную талію и мечтательно-серьезное женское личико, склонившееся надъ книжкой интереснаго романа въ завѣтномъ уголкѣ сада... Не страстный-ли это шепотъ въ вѣтвяхъ задумчивыхъ акацій? Не шуршанье-ль то легкотканнаго платья въ шелковыхъ листьяхъ полутемной кленовой рощи?..

V.

Непріятное расположеніе духа еще болѣе усилилось, когда Никандръ Никандровичъ доѣхалъ до середины деревни, откуда нужно было свернуть влѣво, въ прогонъ къ рѣкѣ и потомъ, мимо

церкви, въ поле. На самомъ поворотѣ, какъ-разъ противъ прогона, неожиданно вынырнулъ, изъ среды скученныхъ избъ, жалкихъ и убогихъ, съ соломенными крышами и съ подслѣповатыми, закаченными подъ лобъ глазами-окнами,—хорошенькій, съ иголочки новый, двухъ-этажный домикъ-игрушечка, съ высокимъ крылечкомъ, съ большими свѣтлыми окнами, съ широкимъ крытымъ дворомъ, сколоченнымъ, какъ сундукъ—прочно, илотно и уютно.

Горькая усмѣшка искривила мало выразительное, но умное, лицо „барина“.

Онъ всиомнилъ, что къ нему какъ-то поступило дѣло о разрѣшеніи „чужестранному“, камъ выражались въ деревнѣ, человѣку построить домъ на крестьянской землѣ подъ мелочную лавку. Онъ не далъ тогда разрѣшенія, справедливо видя въ этомъ со стороны „чужестраннаго“ человѣка, первый шагъ къ открытію впиоторговли въ селѣ...

Но домъ, какъ видно, построенъ; нашлась иная сила, которая иоборола его, Никандра Нпкандровича, силу: высоко-высоко надъ домомъ, на гладко оструганной и выкрашенной въ разные цвѣта мачтѣ болтался пучокъ еловыхъ вѣтокъ—вывѣска, показывающая, что безполезно учиться грамотѣ, когда можно читать и безъ грамоты...

— Ничего не могъ *тогда* подѣлать, — докладывалъ староста, проникнувъ въ теченіе тайныхъ мыслей своего начальства.—Пріѣхали съ водкой... Изъ телѣги ведерныя бутылищи глядятъ, на солнышкѣ играютъ... А тутъ сходъ о недоимкѣ собрался толковать, — ѣсть нечего и сѣять надо. Не стерпѣли мужики и дали руки, а съ Филатомъ уже раньше дѣло обдѣлано было...

— Съ какимъ Филатомъ?

— А вонъ, дехтярь, что въ окошко глядитъ, бобыль, одинъ какъ перстъ, и старикъ...

Староста вздохнулъ.

Филатъ, куря трубку и что-то помѣшивая въ кринкѣ ложкой, сидѣлъ у окна въ своей ветхой лачужкѣ, приткнувшейся, какъ дитя малое къ матери, къ самому боку красавца-дома, щеголявшаго чистотой, опрятностью и смѣлой, какой-то беззастѣнчивою, удалью, немножко даже непрплпчной среди болѣе чѣмъ скромныхъ низенькихъ хатъ.

Замѣтивъ, что на него смотрятъ, дехтярь Филатъ прекратилъ свою работу, вынулъ трубку изо рта и вѣжливо раскланялся въ окошко. На лицѣ его, сплошь обросшемъ густыми черными волосами, совершенно тонули красноватый круглый носъ и маленькіе наивные глаза лѣниваго и добродушнаго человѣка, нашедшаго, наконецъ, свою „планиду“.

Вздохнулъ, въ свою очередь, и Никандръ Никандровичъ, хотя и не о томъ, о чемъ вздыхалъ староста. Онъ молча отвелъ глаза въ сторону и разстегнулъ свой сюртукъ.

„Вотъ тутъ никакой ревизіи не требуютъ“,—подумалъ онъ.

Жара, истома... Какая-то бабенка, спѣша на-перерѣзъ, кричитъ и машетъ руками. Требуетъ слова...

— За школу не платятъ... Двѣнадцать рублевъ... Зиму билась!— слышится сквозь стукъ и лязгъ тарантаса ея обиженный выкрикъ:— Дровъ однихъ сколько вышло, полъ испортили... Брались платить, а говорятъ—„Не могимъ“.

Никандръ Никандровичъ махнулъ рукой бабенкѣ.

— Надо!—кротко проговорилъ онъ тономъ, удивившимъ старосту, ждавшаго себѣ по меньшей мѣрѣ нахлобучки.

— Надо!.. — повторилъ онъ, краснѣя, что не зналъ о существованіи школы въ деревнѣ.

Въ это время, слегка раскачиваясь на ходу, къ тарантасу подошелъ молодой человѣкъ съ широкополой шляпою на головѣ, въ простой русской рубашкѣ, перехваченной ремнемъ, въ поношенныхъ черныхъ брюкахъ на выпускъ.

— Сельскій учитель.

Шляпа приподнялась.

Никандръ Никандровичъ, коснувшись козырька, тяжело перегнулся и протянулъ руку для пожатія, уныло думая: „Вѣрно, съ жалобой и этотъ“.

— Съ вами въ поле... Не позволите-ль?..

Приподнявъ брови, „баринъ“ не вдругъ сообразилъ, чего отъ него хочетъ этотъ новый проситель. Наконецъ, онъ, съ оттѣнкомъ нѣкотораго пренебреженія въ голосѣ, сказалъ:

— Очень радъ... Но... Что-же тамъ любопытнаго? Впрочемъ, очень радъ,—повторилъ онъ снова.—Садитесь!

— О, нѣтъ, благодарю васъ, я пѣшкомъ дойду, зачѣмъ васъ безпокоить!

— Давно здѣсь школа существуетъ?

— Четвертый годъ... Она, собственно, церковно-приходская... Жалованье мнѣ причтъ изъ своего дохода уплачиваетъ, какъ-бы замѣщая мною дьяконскую вакансію...

Тарантасъ, не останавливаясь, двигался впередъ, сопровождаемый съ одной стороны учителемъ, съ другой — сельскимъ старостою.

Повернувъ въ прогонъ, къ церкви, онъ заковылялъ съ боку на бокъ по вросшей въ землю мостовой изъ палокъ и прутьевъ, избитой и изъѣзженной, и, немного погодя, въѣхалъ на мостъ черезъ рѣчку, отдѣлявшую деревню отъ церковной зарѣчной стороны, играя колесами по бревенчатому настилу, какъ по клавишамъ дребезжащаго, испорченнаго фортепіано.

— Гляди, Ванька, баринъ ѣдетъ!

— Вре!..

— Вотъ-те хрестъ!..

Нѣсколько мальчугановъ, игравшихъ на рѣкѣ, мигомъ спрятались подъ мостомъ. Другіе, посмѣлѣе, храбро остались на мѣстѣ глядя вверхъ любопытными, смѣющимися глазами. Дѣвочка-крошка среди нихъ, вся розовая, прозрачная, съ большими черными глазами, повидимому, болѣе всѣхъ своихъ товарищей довольна была минутой. Она даже ножкой притоптывала, какъ-бы говоря: „А вотъ не боюсь, не боюсь, не боюсь!..“ Рубашонка у нея была поднята до самой груди.

„О, плуты мои!“...—вспомнилось Никандру Никандровичу стихотвореніе Некрасова, и онъ ласково погрозилъ дѣвочкѣ пальцемъ.

Дѣти съ хохотомъ и крикомъ, разбрасывая по мелководью брызги, стремглавъ пустились прочь по рѣкѣ...

Учитель и „баринъ“ повеселѣли оба разомъ.

Между тѣмъ, тарантасъ сталъ подниматься въ гору, къ церкви, гдѣ въ бѣломъ подрясникѣ, помахивая палочкой, поджидалъ „барина“ сельскій священникъ...

Тарантасъ выѣхалъ за околицу. Подпрыгивая и скрипя, началъ онъ объѣзжать ухабы и камни, въ изобиліи разсѣянные по извилистой, неудобоѣзжей дорогѣ между скудно зеленѣющею рожью

на полосахъ клирошанъ. Дальше, за ними, въ обширной низинѣ, начинались крестьянскія полосы, гдѣ посѣвы были еще хуже. Ѣхать было совсѣмъ уже неудобно, да и не зачѣмъ: все поле видно было, какъ на ладони.

Никандръ Никандровичъ слегка тронулъ ямщика за плечо. Лошади остановились. Ямщикъ слѣзъ съ облучка, обошелъ лошадей, поковырялъ кнутовищемъ у втулки колеса, отскребая засохшую грязь, и неподвижно устремилъ взглядъ въ пространство—туда, куда смотрѣлъ и земскій.

Печальная картина!..

Обширное поле разстилалось кругомъ на подобіе дорогого зеленаго сукна, облитаго купороснымъ масломъ. Черно-желто-бурыми пятнами, густо покрывавшими полосы, были „вымочины“, гдѣ застоявшаяся съ весны вода убила жизнь растеній, въ ту пору, когда молодые корни не успѣли еще проникнуть глубже въ почву. А жаркое лѣтнее солнце въ засуху наклонило къ землѣ нѣжные стебельки, изсушило ихъ, сожгло и предоставило свободно разгуливавшему по безбрежной равнинѣ вѣтру превратить все это въ пыль и разнести ее отъ этихъ кустовъ справа къ тому далекому лѣсу, зубчатой стѣной поднявшему слѣва надъ землей свою неподвижную синюю грудь. Охвативъ съ трехъ сторонъ молчаливое поле, сумрачный лѣсъ сдвинулся сплошнымъ полукругомъ, сплотился и, казалось, грозно наступалъ на сиротливые посѣвы, рѣденькіе и чахлые, и тѣснилъ ихъ ближе къ деревнѣ, къ сѣрымъ крышамъ, къ бѣлой церкви, къ огородамъ и огороднымъ изгородямъ. Одиноко торчащіе колоски, Богъ вѣсть какъ уцѣлѣвшіе,—пробивая толстый войлокъ распростертой у корней ржавой прошлогодней озими, вышли на свѣтъ Божій тонкими, какъ ниточка, соломинками, еле держащими на себѣ крошечныя метелки съ тощими зернышками. Даже запахъ надъ полемъ стоялъ особенный—запахъ гніющаго въ кучахъ сѣна... Ни птицъ, ни стрекотанья кузнечиковъ не было здѣсь слышно, точно и они чуяли несчастіе и не рѣшались строить себѣ гнѣзда на оголенномъ и опозоренномъ пространствѣ земли, еле прикрытомъ ветхимъ рубищемъ...

— Какой ужъ тутъ хлѣбъ!—какъ-бы про себя замѣтилъ ямщикъ и поправилъ шлею на лошадяхъ, бившихся подъ жужжанье тучи слѣпней, обрадованныхъ остановкой.

А земскій все глядѣлъ, глядѣлъ молча, сосредоточенно, не сходя съ тарантаса, не двигаясь съ мѣста. Ему казалось, что это поле живетъ, чувствуетъ и сознаётъ то, что оно тяжко и безнадежно заболѣло. Напрасно колоски тянутся съ мольбою къ небу, къ солнцу,—напрасно, задыхаясь, впитываютъ въ себя голубой теплый воздухъ: имъ не уйти отъ своей судьбы!.. И это блестящее, горячее солнце, несмотря на все свое могущество, напрасно будетъ звать ихъ къ себѣ, вытягивать изъ земли: оно не вдохнетъ въ нихъ новой жизненной силы, оно только повредитъ имъ своими жаркими поцѣлуями, приблизитъ ихъ конецъ, сократитъ агонію... „О, поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями?.. Чей борзый конь тебя топталъ во дни кровавой битвы? Чьи небо слышало въ ночи горячія молитвы?“.. твердилъ онъ про себя знакомыя слова. Да, это поле битвы! Темная злая сила ополчалась здѣсь, выбирая темныя ночи, и пападала, носясь на своихъ бурныхъ воздушныхъ коняхъ,—мертвящимъ грознымъ ураганомъ. Она била на-повалъ, все мяла конскими копытами, уничтожала... И вотъ—плоды ея сокрушительной работы! Зеленый колосъ гнулся передъ ней, гнулся безъ борьбы, ложился ничкомъ и... больше уже не вставалъ. По холоднымъ и мертвымъ трупамъ, съ неслыханной жестокостью, прошелъ морозъ, сдергивая съ нихъ бѣлоснѣжный теплый покровъ, чтобы насладиться чудовищнымъ сладострастіемъ... Все кончено. Поле битвы опустѣло... И то, что осталось, подрѣжутъ мужики косами и отдадутъ скоту... Или еще хуже: оставятъ совершенно забытымъ, гнить и пропадать безполезно, безслѣдно, въ забросѣ и въ уничиженіи... Кому это нужно?.. Высшая-ли это справедливость? Или слѣпая судьба?!.

Смотрѣли на эту картину смерти и уничтоженія и учитель, и сельскій священникъ, приставшій къ компаніи „барина“. Послѣдній явился сюда съ нѣкоторыми тайными планами и мыслями, разсчитывая улучить минутку остаться съ „земскимъ“ одинъ-на-одинъ и откровенно поговорить по поводу одного щекотливаго дѣльца съ деревней. Давно, давно, когда еще ни его, ни предшественника его, на дочери котораго онъ былъ женатъ, въ деревнѣ не было—крестьяне, по просьбѣ больного дьякона, а съ нимъ вмѣстѣ и остального причта,—уступили клирошанамъ часть берега, граничащаго съ церковной землею, въ обмѣнъ на такой-же, приблн-

зительно, участокъ въ отдаленномъ мѣстѣ церковныхъ владѣній. Это была любезность со стороны крестьянъ, но потомъ, самособою, какъ-то сдѣлалось такъ, что мѣна забылась, и теперешніе крестьяне считали промѣненный берегъ законной церковной собственностью. Такъ, вѣроятно, и осталось-бы это дѣло. Но онъ, священникъ, по неопытности, тотчасъ-же послѣ женитьбы, съ планомъ въ рукахъ обошелъ межи и увидѣлъ отторгнутую, какъ ему показалось, крестьянами землю, принадлежащую церкви. Онъ поговорилъ кое съ кѣмъ изъ крестьянъ въ извѣстномъ смыслѣ... Но вотъ, тутъ-то и разъяснилась вся эта забытая земельная исторія. Разъяснилось также и то, что мѣна-то была явно невыгодна для крестьянъ; и крестьяне потребовали размѣна участками. А на немъ, на крестьянскомъ-то участкѣ, стоялъ его, священника, домъ, а также раскинуты были обширные огороды клирошанъ...

Какъ тутъ быть? Вотъ объ этомъ-то-ему и хотѣлось посовѣтоваться съ земскимъ начальникомъ. Разсматривая неурожайное поле, онъ не могъ отдѣлаться отъ этой мысли—говорить, или не говорить? Вонъ тамъ, въ углу, вправо, у самаго „Бѣднаго ручья“, въ низинѣ лежитъ та самая бывшая церковная земля, на которую крестьяне промѣняли свой берегъ. Нехороши посѣвы и у клирошанъ, но ужъ здѣсь-то ровно ничего нѣтъ! А поэтому ловко-ли (теперь, по крайней мѣрѣ) говорить о землѣ, разрѣшать споръ, перегибая его въ явно невыгодную для крестьянъ сторону?!. Не повременить-ли? И дернуло-же тогда его, не спросясь броду, сунуться! А все *они*: „Зачѣмъ намъ свое терять?“.. Все это глупость одна и жадность... Сраму теперь не оберешься!—думалъ онъ, пощипывая мягкую русую бородку и вспоминая горячіе дебаты съ родственниками и сослуживцами насчетъ незаконнаго, яко-бы, завладѣнія крестьянами церковной землею.

Сельскій учитель, юноша, мало понимающій въ хозяйствѣ, глядѣлъ на поле съ другими чувствами на душѣ. Ему, новичку еще въ деревнѣ, вспомнились сборы къ посѣву, горячія молитвы крестьянина, обращеннаго лицомъ къ небу, прежде чѣмъ онъ броситъ горсть сѣмянъ въ землю,—вспомнилась эта ужасная работа первобытными орудіями на глинѣ и камнѣ, представилось, какъ уродливая соха бросается изъ стороны въ сторону, пляшетъ по крѣпкой, какъ цементъ, пашнѣ и мотается, таща за собой пахаря, бо-

сыми ногами поспѣвающаго за сохою по глыбамъ, напоминающимъ скопленіе полярныхъ льдовъ въ Ледовитомъ океанѣ... А дѣти?.. Нужда злая, лихая, уже знакома ему по деревенскимъ избамъ; а теперь грозитъ голодъ... Идти „въ кусочки“... И ему сдѣлалось невыразимо жутко, когда онъ представилъ себѣ свою школу—мальчиковъ и дѣвочекъ, бредущихъ по грязнымъ осеннимъ дорогамъ въ сосѣднія деревни собирать милостыню. Ихъ поливаетъ дождемъ, сѣчетъ снѣгомъ, морозитъ холодомъ... Что онъ можетъ тутъ сдѣлать? Ровно ничего! И онъ, въ порывѣ самоуниженія, проникся искреннимъ презрѣніемъ къ себѣ и къ своимъ силамъ...

Но вдругъ онъ вздрогнулъ: вдали послышалась пѣсня, которую онъ слышалъ на одномъ учительскомъ съѣздѣ. Онъ думалъ, что никто здѣсь не знаетъ этой пѣсни, думалъ, что потерялъ ее, забывъ записать слова... О, какъ она тогда понравилась ему своимъ тягучимъ, печальнымъ напѣвомъ!.. И онъ сталъ жадно прислушиваться. Пѣсня летѣла изъ глубины бора, виднѣвшагося слѣва за молодыми ольховыми кустами. Невидимый отсюда пѣвецъ (а не одни они), казалось, тоже смотрѣлъ на это поле и, поддавшись завладѣвшему имъ волненію, выражалъ въ плавныхъ, мелодическихъ звукахъ обуревавшія его думы:

«Полоса-ль ты, моя полоса!
Не распахана ты, сиротинка,
И тебѣ не колосья краса,
Не колосья краса, а былинка»...

Звуки неслись широкой, мощной волною, неслись и таяли въ тихомъ полуденномъ зноѣ. Голосъ пѣвца, какъ нельзя болѣе, подходилъ и къ смыслу, и къ напѣву пѣсни—безотрадной, уныломрачной, какъ безотрадна и мрачна была развертывавшаяся передъ глазами картина.

«Знать, хозяинъ-то твой въ кабакѣ,
Загулялъ не одну ужъ недѣлю!..
Иль отъ горя въ гробовой доскѣ
Отыскалъ на погостѣ постелю..
А быть можетъ и то: въ кандалахъ
По Владиміркѣ пахаря гонятъ,
За широкій, за вольный размахъ
Молодецкую силу хоронятъ!..»

Пѣсня катилась по полю, въ неподвижномъ воздухѣ, какъ прозрачная струя въ спокойномъ водномъ широкомъ заливѣ, движимая невидимо гдѣ-то бушевавшей бурею. Ея приливы и отливы мѣрно скользили, поднимались и падали, затопляя и поле, и кусты, покрывая верхушки лѣса... Но въ ней былъ смыслъ, была жизнь, чувствовалось біеніе сердца. И не пѣвецъ, казалось, вкладывалъ въ нее душу: но она, пѣсня, сама рвалась у него изъ души, пользуясь средствами его, какъ музыкантъ пользуется смычкомъ...

«Заростай-же, моя полоса,
Частымъ ельничкомъ ты, да березкой,—
И пускай-же ни серпъ, ни коса
Не сверкаютъ отсель надъ полоской!..»

Пѣсня вспыхнула и умерла,—умерла тихо, безропотно, покорно; умерла, чтобы не воскреснуть болѣе. Такъ гаснетъ огонекъ лампады, когда на днѣ не останется больше масла...

— Славный баритонъ,—сказалъ земскій, намѣренно не касаясь содержанія.—Кто-бы это такой?..

— А это семинаристъ, дьячковъ братъ... гостить пріѣхалъ,—сказалъ священникъ, показывая палкой на деревню.—Да, голосъ у него хорошъ...

VI.

Возвращаясь съ охоты, я случайно встрѣтилъ Никандра Никандровича у „Григорьевскаго гумна“. Такъ называлась часть поля, прилегавшая къ деревнѣ; здѣсь были развалины какого-то строенія, съ грудой размытыхъ кирпичей и всякаго мусора, вблизи дороги, въ виду рѣки и сельскаго кладбища за нею, густо поросшаго роскошными березами. Здѣсь-же, между дорогой и рѣкою, стоялъ межевой столбъ, означавшій границу между владѣніями крестьянъ, помѣщика и духовенства.

Не сходя съ тарантаса, земскій начальникъ что-то выслушивалъ отъ старосты, говорившаго бойко, съ одушевленіемъ и поминутно на что-то указывавшаго въ той или другой сторонѣ.

На лицѣ Никандра Никандровича видны были скука и упыніе,

точно у человѣка, рѣшившагося „претерпѣть до конца“. Мнѣ сначала показалось, что онъ просто спать хочетъ.

— Какими судьбами?..

Мы знакомы были давно, и отношенія у насъ были прекрасныя.

— Да вотъ,—отвѣчалъ онъ на мой вопросъ:—гляжу, слушаю старосту...

Потомъ, наклонясь въ мою сторону, онъ осторожно шепнулъ „...и ничего не понимаю...“

Онъ добродушно разсмѣялся, съузивъ глаза такъ, что морщины около нихъ разошлись лучами, какъ это бываетъ у всѣхъ „добрыхъ душою“ людей!

— Ты мнѣ больше не нуженъ!..—сказалъ онъ старостѣ:—Можешь идти.

Староста откланялся.

— Да смотри, къ первому числу чтобъ были казенныя недоимки! Слышишь?..

— Слушаю!—сказалъ староста и, поклонившись еще разъ, зашагалъ къ деревнѣ, заложивъ руки за спину и сильно раскачиваясь на ходу.

— Вотъ и всегда такъ: впередъ казенныя, а тамъ—хоть трава не расти!—сказалъ, смѣясь, земскій, когда староста ушелъ.—Да вы вѣдь слышали, конечно, объ этой исторіи съ землей,—началъ онъ серьезно.

Я сказалъ, что слышалъ, и въ двухъ-трехъ словахъ передалъ, что всю эту исторію считаю незаслуживающей вниманія, такъ какъ права крестьянъ внѣ всякаго сомнѣнія, — причемъ указалъ на столбъ, у котораго мы стояли, и разъяснилъ направленіе межевыхъ линій.

— Это мнѣ уже говорилъ староста... Однако... Однако...

Но онъ не докончилъ своей мысли, вѣроятно, изъ опасенія передъ ямщикомъ.

Межевая линія въ этомъ мѣстѣ проведена была съ большимъ смысломъ: она въ трехъ мѣстахъ пересѣкала рѣку, такъ что и у крестьянъ, и у помѣщика, и у духовенства—у всѣхъ совладѣльцевъ поочередно—и правый, и лѣвый берегъ оказывались собственными, что, очевидно, сдѣлано было въ виду возможности устройства

мельницы, не спрашивая согласія сосѣда. Я указалъ мѣсто, гдѣ у крестьянъ и была такая мельница устроена: тутъ-же, рядомъ, на огромномъ плоскомъ камнѣ когда-то стоялъ мельничный амбаръ, и между берегомъ и камнемъ и теперь еще сохранилось русло стараго рукава. Оба берега здѣсь были крестьянскіе. Нѣсколько ниже такая мельница могла быть устроена помѣщикомъ, а еще ниже—у самой почти деревни—у духовенства...

— Кстати, о духовенствѣ...

Но онъ покосился на ямщика.

— Не хотите-ли пройтись? Хоть вамъ и не по пути, но, вѣроятно, это не затруднитъ васъ...

Я съ готовностью согласился.

Онъ отпустилъ ямщика впередъ, и мы пошли, не торопясь, за нимъ слѣдомъ.

— *Онъ* мнѣ весь списокъ испортилъ...

Я не спрашивалъ, кто „онъ“.

— Этотъ, говоритъ, Богу лѣнивъ молиться... Этотъ не почтителенъ!..

И онъ развернулъ списокъ.

— Вотъ вы употребили выраженіе—„внѣ всякаго сомнѣнія...“ Молоды вы еще!.. Бываютъ случаи—можно усомниться въ томъ, что у васъ своя собственная голова на плечахъ...

И „земскій“ разговорился откровенно, точно обрадованный случаемъ отвести душу. Онъ жаловался на трудность исполненія служебныхъ обязанностей, на полную неувѣренность въ себѣ, т. е. на необходимость прислушиваться къ разнымъ голосамъ и молчать тамъ, гдѣ хочется говорить, на полную невозможность за массой дѣла провести что-нибудь въ народъ истинно полезное, живое, „разумное, вѣчное“, такъ-какъ одинъ недонмочный вопросъ можетъ захватить человѣка съ ногъ до головы. По его мнѣнію, выходило такъ, что собираніе недоимокъ и всякихъ такихъ вещей должно быть рѣшительно изъято изъ вѣдѣнія старшинъ, старостъ или земскихъ начальниковъ, если мы хотимъ только, чтобы лица эти оказывали благотворное вліяніе на деревню...

— Думаете-ли вы, что всѣ земскіе начальники съ вами согласятся?—спросилъ я.

— Думаю, что нѣтъ. Но вѣдь не всѣ и попы, напримѣръ, со-

гласятся съ такимъ идеаломъ житія, какъ часъ тому назадъ, вашъ учитель, подшучивая надъ „мірской“ жилкой нашихъ „батюшекъ“, отрапортовалъ... Я нарочно попросилъ записать,—любопытно... Это изъ поученія одного...

Никандръ Никандровичъ порылся въ карманѣ и наконецъ, доставъ бумажку, подалъ мнѣ. На ней карандашомъ значилось:

„Имена попомъ: Имена твоя многа и велика, по Господню словеси и святыхъ Его: свѣтъ міра, соль земли, врачъ больныхъ, вождь слѣпыхъ, наставникъ заблудшихъ, учитель и свѣтильникъ, око тѣла церковнаго, путь и дверникъ, ключарь и дѣлатель, и строитель, гостинникъ, стражъ и пастырь, воевода, судья и властитель, чиститель и жрецъ, холмъ высокъ, тайны домъ, столбъ премудрости, уста Божія, даяй миръ мірови, ангелъ Господень, труба небесная, отецъ братіи своея, Богу нудитель, миру молитвенникъ, подражатель Господень и апостольскій подобникъ, кормникъ и источникъ. По симъ всѣмъ именамъ и житіе твое буди“.

— Не правда-ли, любопытно?.. Да, да,—продолжалъ онъ свою мысль:—Это мое искреннее убѣжденіе (а его раздѣлятъ всѣ благомыслящіе люди)—изъять, изъять... У насъ слишкомъ много наберется своего кровнаго, родного дѣла, болѣе важнаго, болѣе созидательнаго. Таковъ вѣдь и смыслъ „Положенія“. Прочтите-ка, что говоритъ законодатель объ обязанностяхъ волостного сельскаго начальства... А я роль старшины низвелъ до роли палки въ рукахъ; въ сельскіе старосты никто изъ порядочныхъ крестьянъ нейдетъ, деньгами да водкой откупаются... Э, батенька! Я вотъ и самъ третьи сутки—ѣмъ и сплю въ тарантасѣ, не выходилъ изъ него...

— Куда вы теперь?

— Да вотъ сегодня, еще три деревни объѣхать надо... Съ утра, поди, ждутъ... Ахъ, батюшки, ужъ скоро шесть часовъ... Ну, извините,—заѣзжайте какъ-нибудь... А пока до свиданья!..

И онъ заторопился и остановилъ ямщика.

— Примите-ка въ разсчетъ, батенька, такую штуку,—крикнулъ онъ уже съ тарантаса:—пять деревень... Вездѣ сходы ждутъ. Пять деревень—минимумъ 30 домохозяевъ; это—полтораста работниковъ, или триста рабочихъ рукъ изъ поля вонъ... А каждая пара такихъ рукъ въ существѣ дѣла, въ сѣнокосъ—по крайней

мѣрѣ два рубля стоитъ! А это—триста рублей... Да... развѣ это нормально?.. Прощайте, прощайте!..

Онъ нѣсколько разъ кивнулъ головой, и лошади быстро понеслись по дорогѣ.

Надъ лѣсомъ слѣва собиралась гроза...

VII.

Проходя начинавшей уже темнѣть улицею, я видѣлъ группы крестьянъ, вышедшихъ послѣ ужина побесѣдовать на вольномъ воздухѣ, выкурить трубочку. Во многихъ мѣстахъ слово „баринъ“—не сходило съ языка. У избы сельскаго старосты собраніе было особенно многочисленно. Крестьяне, чинно и важно засѣдая на заваленкѣ и на бревнахъ, вели бесѣду все о томъ-же „баринѣ“. Всѣмъ хотѣлось знать, какъ отнесся онъ къ просьбѣ о ссудѣ сѣмянъ, какъ порѣшилъ насчетъ „ямы“ и пр. Но, къ общему неудовольствію, староста не могъ удовлетворить естественнаго любопытства своихъ односельчанъ.

— Богъ его знаетъ, молчитъ все...—говорилъ староста, по своему обыкновенію разводя руками.—Молчитъ, какъ идолъ, прости Господи!..

Толпа уныло выслушала отчетъ старосты.

— Несамостоятельный, одно слово!..

И это „несамостоятельный“, понятно толпѣ:—не хозяинъ, не господинъ себѣ, своей воли нѣтъ, по приказу и по указанію дѣйствуетъ, самъ за себя ничего не рѣшаетъ... Если говорятъ человѣку: „Дай мнѣ сапоги поносить“,—то самостоятельный человѣкъ скажетъ: „На, носи!“ А несамостоятельный понесетъ околесицу: какъ, да что, да зачѣмъ, да вотъ съ женой поговорить надо...

Но зато, крестьяне очень заинтересовались сообщеніемъ старосты, что священникъ о чемъ-то говорилъ съ „барномъ“. О чемъ? Пошли догадки, споры... Внутреннее, впрочемъ, чутье трудно было обмануть.

Петрушихинъ „сдворокъ".

I.

Петрушиха была старая, сѣдая старуха, лѣтъ двадцать назадъ овдовѣвшая. Мужъ ея, почтенный уважаемый мужикъ, оставилъ ей хорошо устроенный домъ и все крестьянское хозяйство. Но, такъ-какъ дѣтей у нихъ не было, то она, похоронивъ мужа, сдала землю въ общество, продала скотъ, домъ, а деньги положила на храненіе въ церковь, откуда понемногу и выбирала для своихъ надобностей. Вмѣсто благоустроеннаго хозяиномъ дома, она поставила себѣ небольшую, въ два окна избушку и зажила тихо, мирно, по монашески. Къ ней, кромѣ двухъ-трехъ бабъ да мальчика-племянника, почти никто не ходилъ, да и она не ходила ни къ кому. Она совершенно удалилась со сцены, если можно такъ сказать, общественной, мірской жизни. О ней почти забыли совсѣмъ. Это была жизнь только для себя, тихая, покойная, безъ особенныхъ радостей, но зато и безъ большихъ печалей. Маленькія свои средства она умѣла отъ времени до времени пополнять, занимаясь пряжей, а также продажей яблоковъ, собираемыхъ съ посаженныхъ мужемъ яблонь. Яблони были посажены, можетъ быть, случайно, въ свободную минуту, безо всякихъ плановъ въ будущемъ, но теперь онѣ стали для Петрушихи большимъ подспорьемъ, принося ей отъ 30 до 50 рублей доходу. Сбывала она яблоки тутъ-же, въ деревнѣ, въ праздники сидя съ корзинкой у церкви, или близъ хоровода парней и дѣвокъ на площади. Они были съ дикихъ яблонь, были малы и кислы, но народъ у насъ не требователенъ, а потому и разбиралисъ они охотно. Кромѣ яблонь, за избой имѣлся

еще небольшой клочокъ земли, гдѣ за лѣто старуха успѣвала наростить себѣ капусты, брюквы, картофеля. Въ хлѣвѣ, подведенномъ подъ одну повѣть съ избой, стояла корова, иногда хрюкалъ поросенокъ, котораго Петрушиха выращивала для продажи. Корова и поросенокъ ходили въ общемъ деревенскомъ стадѣ въ поле, за что деревня брала съ нея извѣстную ежегодную плату „на пропой". Такъ прямо и назывались въ деревнѣ статьи дохода, подобныя этой. Плата была не высока, она была условлена по обоюдному соглашенію съ міромъ: за пользованіе огородомъ, правильнѣе частью его, гдѣ росли яблони, за дрова, за „исхожу"— деревня брала съ нея пять рублей въ годъ.

Все шло хорошо. Петрушиха была довольна міромъ, міръ вспоминалъ о ней только тогда, когда требовалось вино; двѣ-три женщины-подруги ходили къ ней рѣдко, да и тѣ были молчаливы и незамѣтны, какъ и она сама. Кромѣ воспоминаній юности, ихъ связывало еще и то, что Петрушиха, какъ говорили на деревнѣ, была богомольна, строго соблюдала посты и любила божественные разговоры, что бываетъ всегда у тѣхъ людей, которые становятся въ сторонѣ отъ деревенскихъ общинныхъ интересовъ. Она даже, какъ разсказывали, не пила чаю, считая его чѣмъ-то проклятымъ, не угоднымъ Богу; даже цѣлая легенда—на деревнѣ сложилась, почему чай нельзя пить, и эту легенду шепотомъ разсказывали бабы-товарки другимъ бабамъ, склоннымъ вести душеспасительные разговоры. Откуда взялась легенда, Петрушиха-ли ее сочинила, слышала-ли она отъ кого, или же ея подруги сами выдумали— неизвѣстно. Суть-же ея заключалась въ томъ, что будто-бы во время сушки чая, въ Китаѣ, надъ сковородами со свѣжими зелеными листьями растенія китайцы подвѣшиваютъ за хвостъ змѣй. Змѣи эти, извиваясь отъ жара, испускаютъ изъ себя особую, предсмертную, слюну, отъ которой чай чернѣетъ и свертывается. Надъ этимъ разсказомъ деревенская молодежь смѣялась, какъ надъ сказкой, но нѣкоторыя старухи и старики склонны были этому вполнѣ вѣрить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ не пили чая, а другіе хотя и пили, но пили потому, что не могли устоять противъ соблазна побаловаться вкуснымъ горячимъ напиткомъ, вошедшимъ въ моду.

Несмотря на кажущійся пустякъ, вопросъ о „змѣиномъ чаѣ" имѣетъ для людей, подобныхъ Петрушихѣ, большое значеніе. Въ

безсмыслицѣ найдется смыслъ. Петрушиха, воспитавшаяся въ дореформенное время, вскормленная крѣпостнымъ правомъ, только въ томъ отдаленномъ времени, совпадавшемъ съ ея молодостью, и видѣла нѣчто, заслуживающее вниманія. Тамъ жизнь была ясна, проста и не требовала ни развитого ума, ни развитого чувства. Барщина, повиновеніе мужу, грибы, ягоды, полотна—вотъ и все, что отъ нея требовалось. Теперь пошли другіе порядки, въ которыхъ она ровно ничего не понимаетъ. Хороши-ли, дурны-ли эти порядки—она не знаетъ, знаетъ только, что пошелъ какой-то другой народъ, какого въ ея время не было: народъ-ругатель, пьяница, воръ-народъ, забирающійся иногда ночью къ ней въ садъ, чтобы оборвать недозрѣвшія кислыя яблоки, думала она. Ни боязни, ни страху въ немъ нѣтъ, отецъ боится сына, сынъ бьетъ отца, отказывается кормить мать, выгоняетъ изъ дому брата... И ни суда, ни управы на него нѣтъ. Ей казалось, что что-то такое покорти-лось въ колесѣ, что-то расшаталось, а что—кто его разберетъ! Въ ея время, она помнитъ, этого не было. И вотъ, она всю вину сваливаетъ на новшества, которыя приходится ей наблюдать: ситцевый сарафанъ, гармоника, сибирка, чай... „Тогда“—ничего этого не было,—носили синіе домотканные сарафаны, крашенинные балахоны, играли на балалайкахъ, пили квасъ и брагу. Свѣтъ не туда идетъ; люди, какъ ей кажется, не видятъ, что лучшее тамъ, назади, когда она была молода, ходила съ лентой въ косѣ, когда былъ живъ мужъ... И вотъ, она отказывается тянуть свою ноту въ пѣснѣ, въ которой ровно ничего не понимаетъ. Новшества прямо внушаютъ ей суевѣрный страхъ. Они, конечно, причина всего того зла, которое видно кругомъ. А люди, какъ нарочно, бѣгутъ къ этимъ новшествамъ, мало того, что бѣгутъ—они даже смѣются надъ тѣми, кто останавливаетъ ихъ, предупреждаетъ; ихъ даже не можетъ напугать страшная легенда о слюнявыхъ змѣяхъ. Такъ и всѣ люди, подобные Петрушихѣ,—убѣдившись, что они въ меньшинствѣ, что они совершенно не нужны новому поколѣнію и новымъ порядкамъ, забираются въ скорлупу, живутъ въ одиночку, молятся Богу, довольные, что имѣютъ право жить въ настоящемъ, какъ-бы въ прошедшемъ.

Петрушихѣ многіе изъ стариковъ завидовали, что она такъ хорошо устроилась: многія изъ ея сверстницъ жили въ большихъ

семьяхъ, въ тѣснотѣ, въ бѣдности, среди постоянныхъ ссоръ между семейными. Молодежь-же относилась къ ней нѣсколько иронически, какъ и ко всѣмъ дореформеннымъ людямъ, видящимъ лучшее назади и ничего не замѣчающимъ впереди.

— Тетка Татьяна опять въ огородѣ спитъ!—смѣялся какой-нибудь парень, замѣтивъ, какъ старуха, закутавшись въ шубу, съ палкою въ рукахъ пробиралась спать ночью подъ яблони.

— Яблоки караулитъ! И куда старая корга деньги копитъ? Все равно, Сергухѣ достанется.

Сергуха былъ ея племянникъ, который, бывало, маленькимъ лазилъ у ней по лавкамъ. Онъ теперь выросъ, женился, жилъ отдѣльно отъ отца,—былъ нѣсколько лѣтъ старостой, но за какую-то продѣлку съ общественными деньгами его смѣнили. Это былъ ловкій рѣчистый парень, вспыльчивый, своенравный и себѣ на умѣ. Онъ считалъ себя умнымъ и напрягалъ всѣ силы, чтобы какъ-нибудь выдвинуться изъ толпы, разбогатѣть, чтобы властвовать. На все это у него хватило-бы умѣнья, но онъ слишкомъ круто повелъ дѣла. Обогатиться онъ хотѣлъ не черезъ себя лично, не трудомъ рукъ своихъ (что очень трудно въ деревнѣ), а за счетъ мірского горба. Это не укрылось отъ вниманія общества, и съ него сбавили немного спѣси, отняли возможность хозяйничать за чужой счетъ. Сергуха съ того времени присмирѣлъ, слился съ обычной деревенскою средой и убралъ до поры до времени свои когти. Изъ него вышелъ-бы хорошій „дѣлецъ“, а, можетъ быть, современемъ и выйдетъ, но теперь общественная совѣсть не дремала и, чуя подвохъ, охладила его пылъ. Это былъ новый нарождающійся типъ. Такихъ людей не любитъ деревня, но боится, держитъ ухо востро и не даетъ имъ развернуться во всю ширь, просто изъ одного чувства самосохраненія.

Сергуха часто заглядывалъ къ своей теткѣ, закидывалъ удочку, нельзя-ли поживиться у нея деньгами, которыя, какъ онъ предполагалъ, были у ней; но хитрая старуха дѣлала непроницаемый видъ, какъ-будто не понимала его и, наконецъ, припертая къ стѣнѣ, рѣшительно объявила, что денегъ у нея нѣтъ. Вздумалъ-было онъ соблазнять ее выгодными предпріятіями, но и здѣсь потерпѣлъ неудачу. Осторожная тетка боялась его. Если только показать деньги, какъ справедливо она думала, то пле-

мянничекъ всѣ выудитъ: будетъ клянчить, на бѣдность свою жаловаться, разжалобитъ и отберетъ.

— Вотъ что, Сергушенька,—объявила она ему:—денегъ у меня нѣтъ, а помру—все тебѣ останется: изба, корова, садъ...

Сергушенька какъ-будто покорился, но въ душѣ никогда не забывалъ возможности поправить свои обстоятельства черезъ тетку. Тетка чуяла это и боялась его.

— Тетушка,—сказалъ онъ ей однажды:—пусти меня построиться рядомъ на твоемъ сдворкѣ, вотъ гдѣ яблони-то... Какъ бы съ тобой зажили!...

— Да что-же, кормилецъ, дома-то? У тебя вѣдь есть сдворокъ.

— Есть-то, есть, да то отцовскій сдворокъ, тѣсно намъ...

Сергуха жилъ въ раздѣлѣ съ отцомъ: отецъ въ передней избѣ, сынъ въ задней. Другихъ дѣтей у отца не было Имъ приходилось пользоваться однимъ огородомъ, однимъ дворомъ. Непріятностей было дѣйствительно много, тѣмъ болѣе, что мать у Сергухи была не родная.

— Я не знаю, Сергушенька, какъ міръ... Это мірское дѣло.

— Какой тамъ міръ! Это дѣло совсѣмъ не мірское, а твое!..

И Сергуха разсказалъ, какъ въ бытность его старостой ему приходилось присутствовать при разбирательствѣ дѣлъ въ волостномъ правленіи о землѣ. Сдворки—земля не общественная, а собственная того, кто на ней разъ поселенъ. Она, эта земля, идетъ въ потомство, передается по наслѣдству, ее даже можно продать... И онъ привелъ нѣсколько случаевъ, гдѣ вдовы, тягаясь съ міромъ, выигрывали сдворочныя земли, одна даже ухитрилась продать свой сдворокъ цѣловальнику, чужому для деревни человѣку. Тетка не вѣрила этому, считала это невозможнымъ да и несправедливымъ, такъ-какъ не несла никакихъ повинностей за землю; ея надѣлъ былъ давно уже сданъ въ міръ, поэтому міръ и несъ эти повинности, а, стало быть, и былъ хозяиномъ не только въ полевомъ надѣлѣ, но и въ огородѣ (огородъ у нея тоже былъ отобранъ, кромѣ той части его, которая прилегала къ избѣ и была засажена яблонями). Такой порядокъ исконп велся въ деревнѣ, онъ былъ заведенъ старпками,—стало быть, былъ святъ, какъ она думала. Но вѣдь она ничего не понимаетъ въ новыхъ порядкахъ, а

молодой ея племянникъ, да еще и бывшій староста, навѣрно знаетъ больше. Однимъ словомъ новые порядки показались ей уже не такъ плохи. Лично для нея они даже были хороши, слишкомъ даже хороши. Вѣдь за ея сдворокъ съ огородомъ, на самомъ лучшемъ мѣстѣ въ деревнѣ, худо-худо сто рублей дадутъ. Только вотъ какъ у міра оттягать-бы огородъ, какъ это доподлинно узнать: можно-ли продать сдворокъ, ея-ли это собственность?

— Я тебѣ это все обдѣлаю,—говоритъ Сергуха:—только вотъ дай построиться рядомъ съ тобой. Общество дастъ мнѣ, какъ крестьянину, весь твой сдворокъ, тотъ, который теперь пашутъ мужики, а переднюю его часть ты передашь мнѣ по родственному... Ну, а тамъ ужъ мы знаемъ, что сдѣлать...

У старухи закружилась голова. Съ одной стороны посмотришь — дѣло больно хорошо, съ другой—Сергухи боязно; ужъ что-нибудь онъ тутъ да не даромъ хлопочетъ... Обидитъ онъ старуху, либо деньги себѣ возьметъ, либо что-нибудь такое нехорошее сдѣлаетъ: шустрый онъ парень...

II.

Дѣло о сдворкѣ поступило, такимъ образомъ, на сходъ. Сергуха просилъ общество отвести ему отдѣльный отъ отца сдворокъ, такъ-какъ съ отцомъ имъ тѣсно на одномъ дворѣ и огородѣ, а у него, Сергухи, ростутъ дѣти. И онъ указалъ на сдворокъ тетки, какъ на свободный. На сходкѣ поднялся шумъ, крикъ... Рѣшили Сергухѣ сдворка не давать, а поселить на него Фрола Севастѣева, который уже давно проситъ у міра сдворка и заготовилъ даже лѣсъ для построекъ. Это былъ молодой крестьянинъ, состоятельный, жившій долго въ Питерѣ и теперь явившійся осѣсть въ деревнѣ. Сергухѣ-же разрѣшили построиться въ одну линію, рядомъ съ отцомъ. Рѣшеніе это было мотивировано тѣмъ, что отецъ Сергухи—старикъ, дѣтей у него больше нѣтъ, слѣдовательно послѣ его смерти сдворокъ, само собой, достанется сыну. Зачѣмъ-же ему Петрушихинъ сдворокъ? Тогда у него будетъ два сдворка. Э, да онъ не въ оборотъ-ли пустить его хочетъ? Продать!.. Ловокъ тоже, пальца въ ротъ не клади. Не давать ему сдворка! Поселить на это мѣсто Фрола Севастѣева!...

— Не имѣете права!—заявляетъ Сергуха.

— Какъ, чортъ, не имѣемъ права?

— Собственность, вотъ какъ...

— Откуда она собственность-то? Этакъ, у насъ двадцать старухъ наберется, да каждой и давай сдворокъ... Куда тогда крестьянинъ-то пойдетъ? Неплатящія вдовы занимаютъ лучшіе сдворки, а крестьянинъ въ поле иди?

— Согнать не имѣете права.

— Никто и не сгоняетъ. Живи, пока живется... А сдворку все-таки пропадать не слѣдъ, вонъ онъ сдворокъ-то: 12 саженъ ширины, 60 длиннику. Пробросаешься, братъ, такъ-то...

— Въ книгахъ стоитъ... Собственность...—не унимался Сергуха.

— Кой чортъ тебѣ книгу-то казалъ?

— Да хоть-бы и въ книгѣ—что намъ книга? Испоконъ вѣковъ дѣло такъ велось... Дуракъ, право, дуракъ. Вѣдь этакъ всю землю раздадимъ...

— Такъ неужели ей свое опускать?..

— Откуда оно свое?.. Свое!.. Выдумалъ тоже!.. Мы вонъ пять братьевъ на семи саженяхъ сидимъ, а она вишь одна сдворокъ займетъ... да еще тебѣ подаритъ...

— У ней садъ; законъ говоритъ, коли садъ имѣется, то...

— А вотъ и садъ, взять топоръ—живо за изгородой будетъ твой садъ... Садъ!.. Двѣ-бы десятины еще засадила садомъ... Людямъ жить негдѣ, а тутъ сады... Черти!.. Стройся, Фролъ Севастѣевъ! Что тутъ на нихъ смотрѣть!

Фролу Севастѣеву нос троиться, однако, не удалось. Для преду прежденія несчастій отъ пожаровъ земствомъ выработаны извѣстныя правила о промежуткахъ между постройками, и наблюденіе за исполненіемъ ихъ возложено на волостного старшину, обязаннаго каждый разъ давать письменное разрѣшеніе на возведеніе новыхъ построекъ. Какъ ни хороша эта мѣра въ противопожарномъ отношеніи, но между крестьянами и старшиной она родитъ кучу непріятностей и ирекапій, а иногда даетъ старшинѣ поводъ къ нѣкоторымъ злоупотребленіямъ.

Крестьяне дорожатъ землей и неохотно застраиваютъ мѣста сзади избы, на огородѣ; интервалы-же между избами остаются большею частію пустыми, такъ-какъ на нихъ, вслѣдствіе тѣсноты

и отсутствія солнечнаго свѣта, ничего не ростетъ. Поэтому построить амбарушку какую-нибудь всего выгоднѣе крестьянину не на огородѣ, гдѣ бы она заняла хорошую землю, а рядомъ съ избой, въ интервалѣ: построенная такимъ образомъ, она и близко, и удобно образуетъ „бѣлый“ дворъ (отъ амбара до избы обыкновенно выстраиваются ворота, по линіи передней стѣны избы). Кромѣ того, интервалы застраиваются избами, когда два брата живутъ на одномъ сдворкѣ. Если интервалъ застроенъ амбаромъ,—что предусмотрительные старики любили дѣлать,—то такой амбаръ сносится, и на его мѣсто ставится изба отдѣлившагося брата или сына, если общество не отведетъ, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, новаго сдворка. Нѣкоторые изъ зажиточныхъ и заботливыхъ крестьянъ дѣлаютъ это еще прежде, чѣмъ выростутъ дѣти. Они получали отъ этого двойную выгоду: свободное время наполнено пріятными заботами, удовлетворяющими чувству домовитости хорошаго мужика, и въ будущемъ, при дѣлежѣ братьевъ, предупреждаются раздоры: каждый изъ нихъ, если возможно, будетъ имѣть совершенно отдѣльную избу и свой, также отдѣльный, дворъ. Хуже нѣтъ отношеній между братьями, когда они пользуются общимъ дворомъ, или одинъ имѣетъ переднюю избу, а другой заднюю (Сергуха съ отцомъ), построенную окнами на дворъ, или еще хуже на задворки (бываетъ и такъ). Единственный выходъ изъ такого положенія тотъ, что интервалы должны быть больше, а это значитъ, чтобы общество не скупилось отводить сдворки выдѣлившимся изъ большой семьи крестьянамъ, что въ свою очередь обусловливается имѣніемъ большаго количества полевой земли, чѣмъ есть теперь. Вотъ почему крестьяне такъ упорно противодѣйствуютъ распоряженіямъ старшины въ требованіи законныхъ интерваловъ и строятся иногда безъ всякаго разрѣшенія со стороны старшины, а иногда прямо вопреки его распоряженію, лишь-бы общество разрѣшало. На этомъ-же основаніи на *полупустующіе* сдворки они стараются втиснуть кого-либо изъ просящихъ отдѣльнаго сдворка крестьянъ, какъ, напримѣръ, Севастѣеву данъ былъ Петрушихинъ сдворокъ. Новые сдворки отводятся только въ крайнихъ случаяхъ, когда въ нихъ имѣется *дѣйствительная* и неотложная надобность. Севастѣеву нуженъ былъ сдворокъ, онъ плѣсъ заготовилъ уже для постройки, и жить ему было

негдѣ, и ему отвели Петрушихинъ, такъ-какъ у нея не было дѣйствительной надобности во всемъ сдворкѣ: для ея одинокой и безхозяйственной жизни довольно было того, что она имѣла: баба кормилась, жила въ теплѣ—чего-же больше, когда рядомъ есть крестьяне, платящіе налоги и не имѣющіе ни сдворка, ни избы? Впослѣдствіи, когда старшина не далъ разрѣшенія Севастѣеву стать рядомъ съ Петрушихой (интервалъ былъ меньше требуемаго на одну сажень), тогда Севастѣевъ снова обратился къ міру и, несмотря на настоянія схода начать постройку, отказался селиться на указанномъ мѣстѣ и просилъ отвести новый сдворокъ за деревней, объясняя свою просьбу тѣмъ, что онъ—человѣкъ занятой, и таскаться по судамъ съ Петрушихой и старшиной ему некогда. Дѣло было, дѣйствительно, хлопотливое: возись тамъ, хлопочи, ходи по разнымъ присутствіямъ, а и построишься, такъ, можетъ быть, не радъ себѣ будешь отъ обозленнаго сосѣда. И общество отвело ему отдѣльный сдворокъ.

Петрушиха такимъ образомъ выиграла дѣло, хотя и не понимала ясно, въ чемъ тутъ выигрышъ. Порой ей казалось, что она много потеряла даже: во-первыхъ, возстановила противъ себя цѣлое общество, во-вторыхъ лишилась 50 рублей, которые Севастѣевъ предлагалъ ей, въ случаѣ ея согласія пустить его, не доводя разговоровъ до начальства, т. е. до писанныхъ законовъ. Всего огорода ей всетаки не дали: она осталась при томъ, что у ней и было.

Правда, она до сихъ поръ жила и безъ огорода, и жила хорошо, но теперь, когда племянникъ „вычиталъ“ законъ, что огородъ можно отобрать отъ общества въ полную свою собственность, продать даже, то ей какъ-то жалко его стало... Племянникъ все пугалъ ее, что мужики хотятъ срыть ея избенку, вырубить садъ и дать сдворокъ Севастѣеву. Такъ-ли это, нѣтъ-ли—просто голова кругомъ! Она знаетъ только то, что жила спокойно, тихо, молилась Богу, пила земляничный цвѣтъ, вмѣсто чаю, изрѣдка бесѣдовала съ двумя-тремя изъ своихъ подругъ, жизнь ея текла мирно, тихо, ясно,—а теперь?... Теперь она попала въ какой-то водоворотъ: то сюда, то туда ее бросаетъ, то бьетъ, то мнетъ; невмоготу старымъ костямъ!.. На сходку ходи, къ старшинѣ ходи за 12 верстъ, въ городъ за 60 верстъ... То, смотришь, мужики сурово глядятъ, не кланяются, то ребятишки вѣдьмой дразнятъ, то

Сергуха придетъ и напугаетъ, то туда, то сюда посылаетъ ее съ жалобой... Она чувствовала, что какая-то волна противъ ея воли выбросила ее на поверхность мірской жизни, выбила изъ привычной раковины и несетъ куда-то вдаль, всему міру на смѣхъ... Ея ли это старческое дѣло? Она теперь раскаивалась въ томъ, что слушалась Сергухи. Къ чему это все приведетъ? Въ самомъ лучшемъ случаѣ, если-бы даже она продала свой сдворокъ, Сергуха все равно выпроситъ деньги себѣ, не сразу, а понемножку,—ей не отказать...

Догадки ея въ такомъ родѣ были близки къ истинѣ. Сергуха во что бы ни стало хотѣлъ разбогатѣть и средствомъ къ этому выбралъ теткинъ сдворокъ. Когда ему не удалось поселиться на немъ, то онъ принялъ мѣры, чтобы сдворокъ не перешелъ, по приговору міра, въ другія, болѣе крѣпкія руки,—оттуда его уже никакъ не выцарапаешь. Поэтому онъ сталъ дѣйствовать, и самъ лично, и черезъ тетку, на старшину, чтобы тотъ не давалъ разрѣшенія Севастѣеву. При выборахъ, старшина много обязанъ былъ Сергухѣ, бывшему тогда сельскимъ старостой; кромѣ того, Севастѣевъ не особенно низко кланялся при встрѣчахъ со старшиной. Такимъ образомъ, не допустить Севастѣева къ полученію письменнаго разрѣшенія для Сергухи было дѣло нетрудное. Онъ ожидалъ, что Севастѣевъ будетъ жаловаться, будетъ хлопотать въ городѣ, но ошибся: Севастѣевъ, какъ было упомянуто, согласился лучше взять сдворокъ въ полѣ, чѣмъ судиться. Для Сергухи это было не особенно пріятно, потому-что оттягивало полученіе сдворка въ свои руки на неопредѣленное время. Ему очень-бы хотѣлось выяснить свои „права“ на этотъ сдворокъ. Судясь, онъ выяснилъ-бы это. Онъ зналъ, что въ законѣ стоитъ „наслѣдственный“, но тамъ къ этому слову прибавлены еще какія-то мало понятныя слова: районъ, мѣстный обычай, осѣдлость. Если переселиться къ теткѣ—свое хозяйство забросишь, да есть и вѣроятность, что выселятъ, пожалуй, послѣ смерти тетки. И онъ рѣшилъ ждать, стараясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы никто другой не могъ поселиться на теткиномъ сдворкѣ. Съ этою цѣлью онъ вымѣнялъ половину Петрушихинаго огорода, ходившаго въ міру, какъ полевая земля, вмѣстѣ съ надѣломъ покойнаго ея мужа. Огородилъ его, пахалъ и сѣялъ, стараясь мало по малу пріучить міръ къ мысли, что сдворокъ—его наслѣдство.

Исторія о сдворкѣ на этомъ было и покончилась, но случился пожаръ, и она снова выплыла наружу. Выгорѣла половина деревни. Пожаръ случился въ знойный іюньскій день, въ будни, и черезъ нѣсколько часовъ половина деревни была совершенно сравнена съ землей. Мѣсто походило на „ладонь“ гумна, гдѣ только что вымолотили и убрали хлѣбъ, даже золу развѣялъ вѣтеръ; трудно было узнать погорѣльцу свое пепелище. Изба Петрушихи, яблони ея, капуста и прочая овощь въ огородѣ—все было сожжено и развѣяно... Несчастіе было крупныхъ размѣровъ. Многіе изъ крестьянъ положительно разорились; у двухъ третей не была уплачена даже страховка. Такъ-какъ, по указаннымъ выше причинамъ, постройки были скучены, то многимъ крестьянамъ приходилось вырѣзать новые сдворки. Соблюдая правила, нельзя было втиснуть всѣхъ въ то пространство, на которомъ они жили. Такимъ образомъ, часть крестьянъ добровольно, часть по жеребью (братья) должны были перейти на новыя мѣста, на край. Тамъ-же міръ отвелъ сдворокъ и Петрушихѣ, собственно не сдворокъ, а остающійся свободнымъ клочокъ земли въ размѣрѣ занимаемаго ею пространства до пожара. Ея-же сдворокъ былъ переданъ одному изъ пяти братьевъ, жившихъ на 7 саженяхъ. Они были сосѣди съ ней, работящи, честны, трезвы, хотя очень бѣдны. Сдворокъ, полученный рядомъ, давалъ имъ возможность построить еще одну избу, увеличить огородъ, поставить баню, гумно. Старухѣ незачѣмъ портить хорошій сдворокъ, ей совершенно довольно того, что дано, на ея вѣкъ хватитъ. Такъ думало общество, такъ и постановило. Старшина принялъ приговоръ, размѣрилъ и намѣтилъ сдворки, далъ разрѣшеніе на возведеніе построекъ и уѣхалъ. Нужно было спѣшить съ постройками. Начнется сѣнокосъ, тамъ некогда будетъ. Работа закипѣла у тѣхъ, кто имѣлъ деньжонки; другіе ждали страховки. Появились плотники. Одна за другой выростали маленькія черныя избушки въ одно-два окна, передѣланныя изъ бань, ригъ, хлѣвовъ, перевезенныя изъ сосѣднихъ деревень—все грязно, мизерно, убого, но крестьяне были рады и этому: все-же надъ головой не каплетъ. У кого не было денегъ—мѣняли на избу коровъ, лошадей, или покупали въ разсрочку, въ счетъ будущихъ заработковъ зимой. Крестьяне и другіе жители изъ непогорѣвшихъ, сбывая старое гнилье, могли-бы нажить значительныя для деревни

деньжонки, но справедливость требуетъ сказать, что этого не было: избы продавались не выше, или немногимъ выше, ихъ настоящей цѣны. Были, напримѣръ, избы, покупаемыя за семь рублей. Уже по этому можно заключить, какъ зажиточны были крестьяне, находящіе возможнымъ жить въ семирублевой избѣ. Въ отношеніи многихъ крестьянъ Петрушиха была въ лучшихъ условіяхъ. У ней избушка была застрахована въ 200 рублей. Получивъ страховку, она могла-бы выстроить такой-же самый домикъ, какой былъ до пожара, да еще осталось-бы на мелкія хозяйственныя потребности. Она и купила-было уже старый, но крѣпкій, амбаръ съ барскаго двора и хотѣла уже строиться на вновь отведенномъ ей мѣстѣ, примирившись съ потерей стараго сдворка, на которомъ, впрочемъ, ничего не осталось. Но не такъ думалъ Сергуха. Онъ чувствовалъ, что сдворокъ уплываетъ, и энергично принялся за дѣло. Приходилось бороться съ обществомъ. Открыто бороться было неудобно, и онъ, какъ и прежде, повелъ подкопы черезъ тетку. Съ таинственнымъ видомъ онъ ходилъ къ ней (послѣ пожара она жила въ одномъ знакомомъ семействѣ), толковалъ о чемъ-то, что-то доказывалъ; старуха стала избѣгать людей, ходила всегда озабоченною, съ какимъ-то особымъ, скорбнымъ лицомъ, какъ-будто весь міръ Божій повернулся къ ней спиной, какъ будто во всѣхъ и во всемъ она видѣла только враговъ-обидчиковъ... Петрушиха вдругъ куда-то исчезла. Это встревожило нѣсколько деревню. Чортъ ее знаетъ, глупую бабу, пожалуй бѣду накличетъ!— думала деревня, всегда склонная думать, что бѣда, какъ громъ изъ тучи, является, незванная, непрошенная, неизвѣстно когда и откуда. Деревнѣ отовсюду можно ждать бѣды, и страхъ передъ ней—страхъ, воспитанный столѣтіями, всегда живетъ въ душѣ крестьянина. Дальше отъ начальства, дальше отъ бѣды и мытарства... Однако молодежь деревни подсмѣивалась и надъ Петрушихой, и надъ Сергухой. Молодежь была увѣрена, что коли на то пошло—міръ всегда приструнитъ и ту, и другого, заставитъ уважать себя. Молодежь, не испытавшая крѣпостного права, грамотная, частію побывавшая въ войскахъ, видавшая жизнь и людей, не вѣрила, чтобы начальству была какая-либо надобность подчинять волю цѣлаго общества какому-то мертвому закону, отъ котораго хорошо будетъ только одному Сергухѣ и худо цѣлому

обществу въ 109 душъ. Сергуха пока молчалъ, пустивъ слухъ, что тетка пошла жаловаться въ уѣздное присутствіе на старшину и общество. Старшина, по неизвѣстнымъ причинамъ, былъ теперь на сторонѣ общества, а не Сергухи. Но вотъ, дня черезъ 3—4 тетка, наконецъ, вернулась. Она никому, кромѣ племянника, не говорила о результатахъ своего путешествія въ городъ. Но изъ того, что Сергуха началъ смѣло выходить на улицу съ поднятой головою, съ увѣренностью и самодовольною улыбкой вступалъ въ споры о Петрушихиномъ сдворкѣ—было видно, что они съ теткой ждали чего-то для нихъ благопріятнаго.

III.

Дѣло было въ августѣ. Многія избы послѣ пожара были уже выстроены, деревня съ выжженной серединою сомкнулась въ цѣлое, оставляя лишь изрѣдка промежутки для непостропвшихся хозяевъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находился одинъ изъ вышеупомянутыхъ пяти братьевъ и Петруниха. Братья не строились потому, что не знали, насколько приговоръ общества уважается начальствомъ, не было увѣренности въ этомъ. Петруниха ждала отмѣны этого приговора. Общество возмущалось кляузничествомъ Сергухи; оно видѣло, что здѣсь Петруниха—только орудіе въ рукахъ племянника. Возбужденіе достигло высшихъ предѣловъ, когда въ деревню пріѣхалъ старшина съ какимъ-то предписаніемъ отъ начальства по вопросу о Петрушихиномъ сдворкѣ. По улицѣ ходили группы мужиковъ, ругались, кричали, что никакого ей сдворка давать не надо за кляузничество, что на сходъ не стоитъ идти, что приговоръ составленъ, что новаго приговора никакого не будетъ. Толки объ этомъ шли на завалинкахъ подъ окнами, на крылечкѣ кабака, въ избахъ; въ нихъ принимали участіе не только мужики, но и бабы, и ребятишки. Общее мнѣніе было весьма неблагопріятно для Петрушихи. Старшина нѣсколько разъ, въ сопровожденіи писаря, прогулялся по деревнѣ и, конечно, слышалъ эти разговоры, но до поры до времени молчалъ, какъ-бы соображая. Писарь зашелъ въ кабачокъ, гдѣ было нѣсколько человѣкъ крестьянъ, и тотчасъ-же вступилъ съ ними въ бесѣду, изъ кото-

рой слушатели смекнули, что старый приговоръ рѣшено отмѣнить и постановить новый—въ пользу Петрушихи. Тѣмъ временемъ собиралась сходка въ избѣ старосты. Наиболѣе рьяные защитники правъ общества первыми явились на сходку; другіе, изъ скромныхъ и мягкихъ, рѣшили совсѣмъ нейти на сходку, считая, что отсутствіе ихъ будетъ нѣкоторымъ протестомъ противъ власти старшины, вздумавшаго руководить міромъ на сходкѣ, передѣлывать приговоры. Многіе изъ равнодушныхъ къ судьбамъ міра пошли изъ простого любопытства. Сторонниковъ у Петрушихи и раньше, кромѣ Сергухи, никого не было, а теперь и подавно.

Но вотъ, и сходка...

За столомъ, освѣщеннымъ тусклымъ свѣтомъ лампы безъ колпака, сидитъ здоровый краснощекій, съ широкой бородою старшина, въ жилеткѣ, при часахъ, въ красной рубахѣ. Лицо его нѣсколько смущено: вѣроятно, трудность положенія провести какую-то *свою* мысль, а можетъ быть и сознаніе незаконности вмѣшательства въ общественныя дѣла на сходѣ, мучили его. Зато, писарь—тощій, съ рѣденькой бородкой господинъ, въ сюртукѣ и крахмальной, плохо выглаженной сорочкѣ, сіялъ торжествомъ, стараясь скрыть хитрую, нѣсколько насмѣшливую улыбку. Онъ, вѣроятно, подсмѣивался надъ старшиной, не знавшимъ, какъ приступить къ дѣлу, а можетъ быть ясно видѣлъ, что старшина поступаетъ опрометчиво, незаконно, самъ не зная, чего отъ него требуетъ начальство. Выраженіе лица писаря говорило: „я ничего не знаю, мое дѣло сторона, я наемная шкура!“ И при этомъ—хитрое прищуриванье глазъ, какъ-бы въ ожиданіи, что вотъ-вотъ старшина обратится къ нему съ просьбой о помощи. Но старшина молчалъ. Онъ рылся въ какой-то толстой книгѣ, пыхтѣлъ, кряхтѣлъ, щурилъ и протиралъ глаза: видно, что книга для него—такая-же трудная штука, какъ угадываніе мыслей на непроницаемомъ лицѣ начальства. Однако онъ упорно, не глядя на писаря, перелистывалъ книгу, очевидно, самъ стараясь своими средствами разобраться въ предстоящей трудности. Ближе къ столу, въ освѣщенномъ пространствѣ виднѣлись сосредоточенныя лица старосты, десятскихъ и крестьянъ побогаче, лично болѣе или менѣе извѣстныхъ старшинѣ. Далѣе, въ полутьмѣ, по лавкамъ, на полу, у печки и на порогѣ растворенной избы тѣсно сидѣли остальные крестьяне.

Много ихъ помѣщалось за порогомъ, въ темныхъ сѣняхъ; тамъ шелъ тихій, сдержанный говоръ, и попыхивали цыгарки.

Всѣ ждали, что скажетъ старшина.

Старшина, наконецъ, рѣшился прервать молчаніе. Онъ оторвался отъ книги, утеръ ладонью потъ на лысинѣ и обратился къ мужикамъ, стараясь не глядѣть на писаря, часто запинаясь и останавливаясь.

— Вотъ, господа-мужички,—началъ онъ:—тогда я не видалъ еще вотъ этой книги... Онъ сказалъ названіе книги, прочитавъ полностью ея заглавный листъ. — Мнѣ тогда неизвѣстно было (онъ говорилъ о приговорѣ послѣ пожара), какъ на это дѣло,—на сдворки стало быть,—смотритъ законъ... Это вотъ „новые“ законы...—Онъ приподнялъ книгу и подержалъ ее въ рукахъ.— Ихъ я только третьяго дня... Такъ кажется, Дмитрій Михайловичъ?..—Писарь кивнулъ головой.—Я только третьяго дня получилъ эту книгу, потому и не зналъ, какіе-такіе вышли новые законы...

Въ такомъ родѣ рѣчь его длилась полчаса. Онъ читалъ выдержки изъ книги, статьи, примѣчанія первыя и вторыя... Передъ слушателями звенѣли слова: кассаціонный... рѣшеніе... сенатъ... департаментъ... исключеніе... ссылка на статью... сводъ... уложеніе... узаконеніе... положеніе... томъ... наслѣдство... собственность... мѣстный...

Старшина читалъ. Народъ слушалъ... Изъ этого чтенія видно было, что, во-первыхъ, старшина очень усталъ и сидѣлъ красный, какъ ракъ, отъ жары, во-вторыхъ, что онъ клонитъ въ сторону передѣлки стараго приговора. Какъ только выяснилось послѣднее, такъ его почти никто не слушалъ: одни выходили курить, другіе шепотомъ толковали о частныхъ своихъ дѣлишкахъ. Старшина и писарь, а за ними и староста съ соннымъ и усталымъ лицомъ, принуждены были нѣсколько разъ кричать: „Тише, черти!“ Шумъ на минуту смолкалъ, но затѣмъ опять начиналъ усиливаться. Было скучно. Это-же, вѣроятно, подумалъ и старшина. Онъ оборвалъ чтеніе именно на томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о наслѣдственности въ усадебной осѣдлости. Но, такъ-какъ всѣ уже знали, куда старшина клонитъ, то и не слушали; онъ-же, считая, вѣроятно, что мысль свою болѣе или менѣе высказалъ ясно словами печатнаго закона, тѣмъ болѣе желалъ прекратить малопо-

нятное и ненужное словоизверженіе. Онъ закрылъ книгу и сказалъ:

— Теперь, господа, я долженъ буду прочитать вамъ отношеніе ко мнѣ моего начальства за № 000, поступившее ко мнѣ 17 сего августа... Такъ, кажется... Да, 17 августа... Которое отношеніе есть послѣдствіе жалобы вдовы Татьяны Кирилловой Петровой Н—му уѣздному присутствію по крестьянскимъ дѣламъ... Вотъ это отношеніе...

— Слушайте, олухи!—крикнулъ проснувшійся староста, замѣтивъ все болѣе и болѣе поднимавшійся шумъ при имени Петрушихи.

— Такъ вотъ... отношеніе...—продолжалъ старшина:—Предсѣдатель мнѣ пишетъ: „Предписываю тебѣ немедленно собрать справки въ деревнѣ К... подвѣдомственной тебѣ волости о причинахъ, побудившихъ крестьянъ К... общества отобрать усадебную осѣдлость, принадлежащую крестьянской вдовѣ Татьянѣ Кирилловой Петровой. Обо всемъ этомъ немедленно-же донести мнѣ“.

Окончивъ чтеніе, старшина вздохнулъ съ облегченіемъ. Главное сдѣлано. Теперь предстояла другая, менѣе трудная работа въ которой онъ достаточно понаторѣлъ. Онъ попросилъ старосту, достать изъ поддевки платокъ, утеръ потъ съ лица и шеи и ждалъ, что скажетъ сходъ. Но сходъ хранилъ гробовое молчаніе. Это смущало старшину. Онъ не зналъ, съ чего начать, и мялся. Но его выручилъ писарь.

— Семенъ Семенычъ думаетъ, что старый приговоръ, какъ неправильный, слѣдуетъ уничтожить и написать новый, а за Татьяной Кирилловой оставить старый сдворокъ...

Поднялся шумъ десятковъ голосовъ, словно замѣчаніе писаря прорвало плотину, мѣшавшую этимъ голосамъ вылиться наружу.

— Старый сдворокъ?.. Ловко!.. Ишь куда хватила.. Дать ей экое мѣсто!.. Самолучшему крестьянину экова сдворка и во снѣ не видать... Чѣмъ неправиленъ старый приговоръ? Она дура... да и... и больше ничего... Тьфу!

Шумъ все усиливался. Слышалось искреннее негодованіе.

— Кто у ней отобралъ сдворокъ? Вретъ! Ей новый нарѣзали... Вѣдь если ей ѣсть нечего будетъ — кто кормить должонъ? Мы, обчество̀... А она вретъ...

— Каки-таки новые законы?.. Книгу привезъ... Жили и безъ законовъ, другъ дружку не обижали... Эва, по новымъ-то законамъ, Сергухѣ сдворокъ надо отдать, а Андрея Иванова съ четырьмя братьями на семи саженяхъ оставить...

— Андрею Иванову нарѣжьте новый сдворокъ! — вставляетъ слово старшина, стараясь перекричать остальныхъ.

— Новый?.. А гдѣ его взять?.. Вонъ, глянько-сь, луга-то почти всѣ застропли, черезъ десять годовъ такъ-то пахать негдѣ будетъ...

— Андрею новый сдворокъ—хорошо. А отчего и Анашихѣ не дать новаго сдворка? Такая-же вдова, какъ и Петрушиха.

— У насъ десятка два такихъ вдовъ... Каждой сдворокъ дать?.. Эва, выкуси...

— Черти! Дьяволы!.. Да вѣдь книга...

— Ну ее... книгу! Безъ книги жили...

— Вѣдь предписаніе...

— Ну его и предписаніе!..

— Эй, не кричи! Заарестую!

— Не заарестуешь. Мы вонъ положили приговоръ, а ты разорвать его хочешь... Вотъ тебѣ и предписаніе!.. Отъ нашего предписанія никому обиды нѣтъ, а отъ твово—цѣлому обчеству обида, утѣсненіе.

— Да какое-же это предписаніе?—раздается чей-то разсудительный голосъ: справки требуютъ... Почему такому... причину то-есть.

Этотъ неожиданный голосъ заставилъ притихнуть собраніе. На середину избы вышелъ молодой мужикъ (солдатъ). Повертываясь то вправо, то влѣво, махая шапкой, онъ продолжалъ:

— Эта бумага до обчества не касается, и читать ее тутъ тоже нечего... Она къ старшинѣ писана... Справь, что требуется по бумагѣ, и шабашъ...

Солдатъ повернулся и отошелъ на свое мѣсто.

— Опять и то сказать,—онъ снова вышелъ на середину,—вонъ мы стояли въ селѣ Матицѣ... Сдворки больше полдесятины, „проширенье“ не наблюдается... Это то-же какъ гдѣ... А законъ-то одинъ... Такъ и тутъ—есть обычай, ну и обычай... Ну и все тутъ.

Солдатъ плохо выразилъ свою мысль, но она была всѣмъ понятна. Выходило, что статьи, читанныя старшиной въ толстой книгѣ, кое-гдѣ и не исполняются... Значитъ, старшина самъ въ ихъ мало смыслитъ.

— Знамое дѣло!—послышались голоса: Развѣ земли жалко?.. Будь она, матушка, въ препорцію—сдѣлай милость, бери сколько хошь... Тѣснота, вотъ гдѣ корень.

— А что, насчетъ корня-то есть-ли что въ законѣ?

— Эва выдумалъ! Законъ корней не трогаетъ, онъ только яблоки рветъ...

Шутка понравилась, возбудивъ веселый смѣхъ. Послѣдовало нѣсколько замѣчаній, за которыя, обыкновенно, даютъ въ провожатые жандармовъ.

Писарь всталъ изъ-за стола, подошелъ къ порогу и закурилъ папиросу.

Тамъ шелъ разговоръ въ-полголоса. Что-то вспоминали объ уставной грамотѣ, находящейся неизвѣстно гдѣ, о дорогѣ, которую загородилъ новый землевладѣлецъ, объ изгороди вокругъ помѣщичьяго поля, которую вышло распоряженіе городить мужикамъ...

— Пишетъ...—шепнулъ писарю мужикъ, вынувъ трубку изо-рта и кивнувъ головой въ сторону старшины.

Старшина, склонясь надъ столомъ всѣмъ грузнымъ своимъ тѣломъ, дѣйствительно что-то писалъ карандашомъ на клочкѣ бумаги. Лицо его было красно. Онъ помпнутно отиралъ потъ съ лысины. Писарь искоса бросилъ взглядъ на старшину, пыхнулъ папироской и улыбнулся

— Надо дать... Измучился сердешный...

Мужикъ добродушно засмѣялся...

— Что онъ такое тамъ пишетъ?—съ тревогой въ голосѣ спросилъ старый, сѣдой мужикъ, заглядывая въ избу.—Закону этого нѣтъ, чтобы безъ обчества писать...

— Самоуправничаетъ...—поддержалъ старика чей-то молодой голосъ, и оба недовольные, нахлобучивъ шапки, ушли домой. За ними направилось еще нѣсколько человѣкъ.

— Рукъ, ребята, не давать...

— Ты куда, Иванъ Фомичъ?—остановилъ писарь степеннаго мужика, съ важной осанкой, въ дубленой шубѣ.

— Ужинать пора!—уклонился тотъ отъ прямого отвѣта.

— Подожди... Неловко...

Старшина, наконецъ, кончилъ писать, онъ всталъ изъ-за стола и усталой, развалистой походкой прошелся по избѣ.

— Такъ какъ-же, братцы?

Никто не отвѣчалъ.

Онъ опять прошелся по избѣ и вдругъ ударился въ лирику.

— Тоже, говорятъ, старшина! Жалованье получаетъ... Тьфу! Въ тысячу разъ лучше-бы дома сидѣть... Богъ съ нимъ и съ жалованьемъ! Вы вотъ, черти, сидите здѣсь, вино пьете, на сходкѣ балагурите,—а кто отдуваться за васъ долженъ?.. Старшина. Кого въ клоповникъ за васъ садятъ? Старшину. Кого всякая затычка въ грудь тычетъ?.. Все его-же, старшину...

Рѣчь старшины, повидимому, нравилась собранію, казалась забавной. Послышался кой-гдѣ сдержанный смѣхъ.

— Да, это дѣйствительно...

Ободренный старшина продолжалъ: хоть взять это дѣло, о сдворкѣ... Баба дура, и стара, и глуха, умирать пора чорту, а вотъ который разъ изъ-за неё ломалъ сюда дорогу... Вы думаете—старшина ѣдетъ въ таратаечкѣ, съ колокольчикомъ, что ему?.. Попробуйте-ка поѣздить по этакимъ дорогамъ — небось, брюхо-то растрясетъ...

Въ толпѣ послышался новый смѣхъ. Смѣхъ—добрый признакъ. Старшина это знаетъ и продолжаетъ уже смѣло:

— Одного письма въ правленіе—не приведи Богъ! Просто голова кругомъ. Гдѣ тутъ за всѣмъ усмотрѣть, все обдумать? Бросаетъ тебя, какъ лапту: то туда, то суда... То въ городъ требуютъ, то въ станъ, то въ усадьбу... Лопни моя утроба, больше не останусь, дослужу свой срокъ, выбирайте новаго старшину. Полно!.. Будетъ!.. Отъ выколачиванья недоимокъ однѣхъ ошалѣешь, да отъ бумагъ... Вотъ и теперь. Пишутъ: навести справки... Знаю я эти справки! За справкой потащутъ въ городъ, изъ города опять сюда пошлютъ, отсюда опять въ городъ. . Тьфу! Анаѳемская должность!

Старшина потеръ лобъ, прошелся въ раздумьи. Онъ думалъ, сказать-ли все. Не поймутъ! Да и зачѣмъ?.. Дѣло въ томъ, что онъ, какъ гласный земства, положилъ избирательный шаръ не туда, куда хотѣлось Чмутову. А Чмутовъ сила, и вотъ теперь онъ

мстить, радъ придраться ко всякому случаю,—изъ дѣла Петрушихи сдѣлаетъ такую штуку, что старшину закидаютъ грязью, смѣнятъ, оплюютъ, опозорятъ. Онъ, однако, не сказалъ ничего этого и, махнувъ рукой, вдругъ сѣлъ къ столу.

— Я написалъ вотъ примѣрно приговоръ...—началъ онъ нѣсколько заискивающимъ тономъ.

Въ публикѣ послышался недовольный ропотъ, но не такъ замѣтный, какъ прежде. Видно было, что разсказъ старшины о своей горькой жизни подѣйствовалъ на крестьянъ смиряющимъ образомъ. Толпа была настроена въ болѣе мягкомъ тонѣ. „Да, всяко бываетъ... И ихнему брату тоже приходится туго“, казалось, думалъ сходъ, относя эти слова къ старшинѣ. Лица свѣтились сочувствіемъ и улыбающимся доброжелательствомъ. Если рукъ сходъ не дастъ, по приговоръ всетаки выслушаетъ...

И старшина прочелъ новый приговоръ о сдворкахъ, отводимыхъ погорѣвшимъ крестьянамъ. Онъ былъ совершенно схожъ со старымъ, только въ двухъ мѣстахъ были сдѣланы поправки, а именно: крестьянину Андрею Иванову отводился сдворокъ за деревней, а Петрушиха оставлялась на старомъ „мѣстѣ“. Въ приговорѣ старшины такъ и было сказано „мѣсто“, а не сдворокъ. Всѣ крестьяне въ приговорѣ значились на сдворкахъ, а Петрушихѣ отводилось „мѣсто для постройки избы“, что было не одно и тоже: земля, занятая ея постройкою, послѣ ея смерти, дѣлалась отъ этого опять собственностью общества: ни заложить ея, ни продать нельзя было-бы, нельзя также и подарить Сергухѣ, напримѣръ, того, что общество какъ-бы изъ милости дарило вдовѣ.

Общество выслушало примѣрный приговоръ въ молчаніи.

— Я теперь соберу голоса,—сказалъ старшина:—Ты какъ думаешь, Иванъ Севастьяновичъ?.. Согласенъ, аль нѣтъ?

Иванъ Севастьяновичъ, тупой и равнодушный ко всему мужикъ, почесалъ переносицу и сказалъ:

— А мнѣ что?.. Я согласенъ.

— Ну, а ты, Флоръ Силантьичъ?..

— Да по мнѣ пущай строится, что-жъ!..

Шумъ голосовъ опять началъ усиливаться, въ немъ слышалось недовольство и раздраженіе противъ старшины; говорилось, что

онъ не-въ-правѣ даже присутствовать при составленіи общественнаго приговора, не только писать его. Но старшина, повидимому, не смущался этимъ, онъ продолжалъ собирать голоса.

— Ну, ты что скажешь, Григорій Елисѣичъ?..

Григорій Елисѣичъ минуту соображаетъ: отказать-бы слѣдовало, да это будетъ непріятно старшинѣ,—вишь, онъ бѣдный сколько мытарствъ терпитъ!.. И онъ говоритъ:

— Согласенъ, чего тутъ!

Къ удивленію даже самого общества, до сихъ поръ не было ни одного противнаго голоса. Лицо старшины просвѣтлѣло, и онъ сталъ выкрикивать имена крестьянъ прямо по списку. Отвѣчали „согласенъ“ даже за тѣхъ, кого не было на сходѣ, несмотря на то, что мужики громко изъявляли свое неудовольствіе. Причина та, что во-1-хъ недовольные ушли со схода, во-2-хъ присутствующимъ надоѣло это дѣло, хотѣлось ужинать и спать, и въ-3-хъ не хотѣлось навлечь неудовольствіе на старшину отъ высшаго начальства. Одинъ только человѣкъ, солдатъ, разсказывавшій про порядки въ какой-то Матицѣ, сказавъ „согласенъ“, прибавилъ: „А всетаки ее, паскуду, выдрать-бы надо!“ Это разсмѣшило сходъ, но предложеніе солдата запоздало: толпа была настроена добродушно.

Многихъ крестьянъ не было на сходѣ, не доставало законнаго числа голосовъ; но и тутъ дѣло было улажено: староста предложилъ писать всѣхъ „подъ-свалъ“, начиная съ края деревни и до края. Предложеніе было принято старшиной, приговоръ переписали, домохозяева были поименованы, и солдатъ росписался за неграмотныхъ, каковыми являлись почти всѣ крестьяне.

— Небось, кто тутъ пойдетъ жаловаться!—утѣшалъ староста солдата:—Пиши, не впервой...

Сходъ, наконецъ, разошелся, унося въ душѣ сознаніе какого-то досадливаго стыда, что сдѣлалось не такъ, какъ думалось...

Василій Ивановичъ и его „дѣло".

Тощій, испитой, съ подурнѣвшимъ и потускнѣвшимъ лицомъ, съ глубоко запавшими подо лбомъ глазами, въ дубленомъ полушубкѣ сидѣлъ предо мною давнишній мой знакомый землякъ, когда-то бывшій щеголь и красавецъ на всю округу, Василій Ивановичъ, молодой мужикъ изъ сосѣдней деревни. Горе сокрушило Василія Ивановича, согнало розовую краску съ его щекъ, вскосматило-всхохлатило его вьющіяся русыя кудри, заволокло, какъ-будто туманомъ, когда-то красивые, добрые голубые глаза... Глаза были и теперь добрые, правда, но что-то грустное, безконечно изсушающее вплось въ нихъ и поселилось, казалось, навѣки, спугнувъ съ лица веселье и былую безпечность. Тонкія губы завяли и поблѣднѣли; окладистая, широкая, шелковистая борода непокорными прядями лѣзла въ сторону, какъ-будто обрадовавшись, что рука Василія Ивановича перестала ее по-прежнему гладить—смирять и холить; дремучимъ боромъ пошла она вокругъ крутого подбородка и впалыхъ щекъ.

— Что съ тобой, Василій Ивановичъ? Перемѣнился-же, братъ, ты!..

— Что дѣлать!

Троекратное крестное знаменіе въ передній уголъ, поклонъ въ мою сторону, робкое откашливаніе въ руку, и землякъ таинственно-серьезно произнесъ:

— Къ вашей милости!

Голосъ его былъ слабъ до шепота, запавшіе глаза съ минуту въ упоръ смотрѣли на меня грустно, задумчиво.

— Дѣло есть...

При этомъ указательный палецъ правой руки многозначительно поднялся вверхъ, какъ-бы знаменуя, что дѣло это настолько важно и серьезно, такъ много требуетъ ума, что о немъ надо говорить, очень и очень подумавши.

— Объ землѣ!—со вздохомъ и болѣе громко прибавилъ онъ, откидываясь всѣмъ корпусомъ назадъ и опуская руку, знаменіе которой теперь не нужно уже было, потому-что слово *земля* само собою говоритъ, какое это важное и великое *дѣло*...

Приготовивъ меня такимъ образомъ къ своему разсказу, гость, по моему приглашенію, сѣлъ на край стула,—осторожно, наклонясь, положилъ шапку на полъ и началъ говорить.

Но *дѣло* Василія Ивановича я до нѣкоторой степени и раньше зналъ хорошо, благодаря деревенскимъ новостямъ, въ которыя, обыкновенно, спѣшатъ посвятить старые пріятели вновь пріѣхавшаго къ нимъ земляка.

Вотъ это *дѣло*...

При нарѣзкѣ земли, по выходѣ изъ крѣпостной зависимости, отецъ Василія Ивановича съ тремя своими братьями получили надѣлы: старшему брату на двѣ души, т. е. два надѣла, такъ-какъ у него одинъ изъ сыновей попалъ въ ревизію, остальнымъ братьямъ по одному надѣлу, исключая того, съ которымъ сталъ жить старый отецъ—„дѣдкова душа“, которая и равняла количество земли у этого брата съ землей старшаго. Отцу Василія Ивановича приходился одинъ надѣлъ, но случай пришелъ на выручку, и у него получилось тоже два надѣла: младшій братъ ушелъ въ солдаты, сдавъ ему свою землю. Эту-то, солдатскую, „душу“ и отнимали теперь у моего гостя, ставшаго домохозяиномъ послѣ смерти отца.

Дѣло, казалось-бы, просто, но оно осложнялось слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Солдатъ, возвратясь со службы, своей земли у брата не требовалъ,—„отказался отъ земли“, какъ говоритъ Василій Ивановичъ. Причиной этому могло быть то, что онъ не желалъ „разорять“ брата, а, можетъ быть, и то, что нашелъ для себя нѣчто лучшее. Какъ-бы тамъ ни было, но братъ-солдатъ поселился въ другомъ сельскомъ обществѣ, гдѣ оказался свободный душевой надѣлъ,—былъ принятъ, какъ членъ этого общества, и живетъ въ немъ на дарованной ему усадьбѣ, обрабатывая полевую землю на одну душу,

платя за нее всѣ повинности и сборы и участвуя до послѣдняго времени на сельскомъ сходѣ наравнѣ съ прочими домохозяевами принявшаго его общества,—цѣлыхъ 22 года.

Василій Ивановичъ, можетъ быть, такъ и остался-бы владѣльцемъ двухъ участковъ, если-бы въ семьѣ его дяди не произошло раздѣла. Отдѣленному сыну нужно было дать землю. Общество указало ему на забытый отцовскій надѣлъ и постановило выдѣлить на его долю половину души. Земскій начальникъ утвердилъ приговоръ общества, но съ надѣленіемъ въ полдуши не согласился, находя справедливымъ взять полный надѣлъ, т. е. на одну ревизскую душу, иначе — всю ту землю, что была нарѣзана когда-то солдату. Въ такомъ смыслѣ высказался и уѣздный съѣздъ, куда обжалованъ былъ приговоръ сельскаго схода, съ той разницею, что съѣздъ призналъ самый приговоръ сельскаго общества не имѣющимъ значенія (общество не имѣло право распоряжаться землей, не ему принадлежащей),—но солдатская душа признавалась, какъ Высочайше дарованная, принадлежащею законнымъ ея владѣльцамъ—дядѣ-солдату и его наслѣдникамъ.

— Брось, Василій Ивановичъ, ничего не высудить.

— Какъ не высудить?

И въ длинной, *разсудительной* рѣчи Василій Ивановичъ сталъ доказывать мнѣ, почему онъ считаетъ эту землю незаконно присужденною претенденту. Мнѣнія его сводились къ слѣдующему:

На сельскомъ сходѣ, когда происходилъ раздѣлъ,—ихъ, т. е. крестьянъ его, Василія Ивановича, общества, не было, слѣдовательно раздѣлъ произведенъ неправильно, не по закону, который говоритъ, что кто производитъ раздѣлъ, тотъ и долженъ надѣлить отдѣленнаго землей.

— Но вѣдь приговоръ признанъ незаконнымъ!

— Постойте... Стало-быть, *мы* (Василій Ивановичъ и его общество) не стали-бы дѣлить: живите, какъ жили.

— Но старикъ-то, отецъ-то вѣдь, имѣетъ право взять свою землю?

Василій Ивановичъ находитъ, что старику земля не нужна: у него есть земля, которою онъ владѣетъ 22 года, правда, въ чужомъ обществѣ, но это общество ему не отказываетъ.

— Ну, а если откажетъ?

Василій Ивановичъ придвинулся ко мнѣ, сдѣлалъ мрачное лицо и опять, мотнувъ передъ носомъ пальцемъ и тряхнувъ головой, сказалъ:

— Запрошено, больше ничего! Враги...

Онъ понялъ выразившееся на моемъ лицѣ удивленіе и повторилъ:

— Враги, враги! Ужъ что ни говорите. Мнѣ вѣрный человѣкъ сказывалъ. Потому—я подалъ къ *отмѣнію* (Василій Ивановичъ выговарпвалъ къ „отмѣнію“ вмѣсто „къ отмѣнѣ“); я подалъ къ отмѣнію ихняго неправильнаго приговору и утвердить нашъ правильный.

— Ничего, Василій Ивановичъ, не понимаю, извини, голубчикъ... Какого *приговору*? Куда подалъ?

— Неправильнаго... Въ губернское присутствіе подалъ и губернатору подалъ... И въ уѣздный съѣздъ подалъ. Теперь пришелъ къ вашей милости...

— Зачѣмъ-же?

— Подать въ губернское присутствіе.

— Но ты ужъ подалъ?

— Подовторить... Оно вѣрнѣе. Вотъ тутъ у меня въ карманѣ квитанціи, что посылалъ и земскому, къ отмѣнію неправильнаго приговору, и въ губернское... Тутъ вѣдь все извѣстно, не утаишь... Приложить ихъ надо къ прошенію. Сдѣлайте Божескую милость. Помогите. Я ужъ вамъ вотъ отблагодарю!..

Онъ всталъ и сдѣлалъ низкій поклонъ, все съ тѣмъ-же мрачно-покорнымъ видомъ, выражающимъ полную безпомощность и уныніе.

— Разскажи по порядку. О чемъ ты просилъ уѣздный съѣздъ?

— Отмѣнить неправильный приговоръ и утвердить нашъ правильный.

— Такъ. Объ этомъ я уже слышалъ. А еще?

— На старшину... За самоуправство. А въ губернское — на земскаго: къ отмѣнію его приговора, значитъ, насчетъ штрафу и высидки... Губернатору, значитъ, чтобы вѣрнѣе было, чтобы не затиснули, значитъ...

Долго, очень долго пришлось толковать мнѣ съ моимъ гостемъ, прежде чѣмъ я понялъ, въ какую сѣть запутался бѣдный Василій Ивановичъ. И понялъ я это не изъ того, что онъ говорилъ,—онъ самъ, какъ говоритъ, „ничего въ толкъ взять не можетъ“,—а изъ

документовъ и засаленныхъ бумажонокъ—черновыхъ его прошеній, какія оказались у него въ карманѣ. Ясно было только одно: Василій Ивановичъ борется нестолько за землю, которой, очевидно, ему не удержать, сколько за свои личныя человѣческія права, на которыя, будто-бы, мѣстное начальство не обращаетъ должнаго вниманія. Онъ не вѣритъ ни старшинѣ, ни земскому начальнику, ни даже уѣздному съѣзду. Нѣсколько больше довѣрія питаетъ онъ къ губернскому присутствію, и то потому, что тамъ „засѣдаетъ самъ губернаторъ“.

— Я, коли что, до сената дойду...

— Запутался ты, Василій Ивановичъ...

— Вотъ, вотъ... Мнѣ это слово и писарь нашъ говоритъ: „ёнъ те, говоритъ, запутаетъ“...

— Кто это *ёнъ*?

— А земскій.

— Не клевещи!

Въ результатѣ этого путаннаго дѣла явилось то, что Василій Ивановичъ и домохозяева его общества, въ числѣ трехъ человѣкъ, т. е. почти все сельское общество, обвинялись въ сопротивленіи законному распоряженію властей и приговоромъ земскаго начальника присуждались къ 8-ми-дневному аресту, или штрафу — по 16 рублей.

Все это видно было изъ имѣвшейся у Василія Ивановича копіи. Но самъ мой землякъ недостаточно ясно понималъ, за что именно онъ подвергнутъ взысканію. Онъ утверждаетъ, что взысканіе наложено за то, что онъ въ срокъ не обжаловалъ постановленія земскаго начальника, и я никакъ не могъ разубѣдить его въ этомъ.

— Вѣдь вотъ бумага! Слушай...

— Эта бумага подложная!—отрѣзываетъ онъ.

— Какъ подложная? Что ты?..

Но и тутъ разубѣдить Василія Ивановича было трудно: копіи написаны были небрежно, и на одной изъ нихъ, на которую особенно и налегалъ онъ, не было печати.

— Оттого и печати нѣтъ, что подложно. Отчего эта копія съ печатью, а та нѣтъ? Запрошено, одно слово...

— А это что у тебя за бумага?

— Писарь писалъ... Да я не подалъ: сначала-то какъ-будто на мою руку пишетъ, а потомъ—какъ земскій, тянетъ на ту сторону. Я и не подалъ. Другую въ городѣ написалъ. Всѣ—и писарь тоже—за старшину, да за земскаго стоятъ...

Бумага, между тѣмъ, составлена была совершенно правильно, по формѣ и какъ-разъ о томъ, что было нужно: въ ней Василій Ивановичъ просилъ уѣздный съѣздъ отмѣнить постановленіе земскаго начальника, утверждающаго приговоръ чужого сельскаго общества о надѣлѣ землею сына солдата.

— Я ужъ ее на цыгарки зачалъ курить...

Я отложилъ въ сторону забракованную писареву бумагу, отъ которой, дѣйствительно, оторвано было нѣсколько четыреугольныхъ прямоугольниковъ.

— А это что?

Это было прошеніе въ тотъ-же съѣздъ объ отмѣнѣ постановленія земскаго начальника, присуждающаго 16-ти рублевый штрафъ, или арестъ.

За нею шли: лоскутокъ черновой, гдѣ уѣздному-же съѣзду (а не земскому, какъ слѣдовало-бы) Василій Ивановичъ жаловался на самоуправство старшины, явившагося отбирать спорную землю до окончанія дѣла о ней въ съѣздѣ (дѣло о землѣ, оказывается, было кончено, но Василій Ивановичъ не зналъ этого: ему забыли вѣроятно, прислать копію съ рѣшенія; это самая важная статья въ дѣлѣ; но объ этомъ ниже); за нею — квитанціи почтовой конторы (въ городѣ) на письма и прошенія: земскому начальнику, уѣздному и губернскому съѣздамъ, губернатору и пр., и пр. Во всѣхъ этихъ черновпкахъ, копіяхъ, квитанціяхъ могъ разобраться только знающій человѣкъ, искушенный въ разныхъ хожденіяхъ по дѣламъ, нанюхавшійся канцелярскаго воздуха. Объ Васильѣ-же Ивановичѣ, неграмотномъ, никогда не выѣзжавшемъ изъ своей деревни, и говорить нечего. Лѣсъ дремучій лучше. Писарь былъ правъ: темный человѣкъ—онъ былъ, что муха въ паутинѣ...

Ко мнѣ онъ явился, чтобы „грохонуть“ настоящую просьбу, „подовторить“, въ губернское присутствіе, обнявши въ ней все дѣло съ начала и до конца и приложивши къ ней всѣ копіи и квитанціи, такъ-какъ ему казалось, что просьбы его „затискиваются“, не доходятъ по назначенію. А тамъ-де по этимъ докумен-

тамъ провѣрятъ, что и когда было послано,—тамъ не увернешься, потребуютъ все дѣло съ первой до послѣдней бумажки и все разберутъ *по закону*.

Я успокоилъ взволнованнаго Василія Ивановича, что все дѣло идетъ и теперь по закону, что „затиснуть“ его нельзя и некому, и что никакого прошенія писать теперь не нужно, такъ-какъ и объ освобожденіи отъ штрафа и пересмотрѣ дѣла прошенія поданы, куда слѣдуетъ, правильно; не „подовторять“ ихъ надо, а ждать.

Гость мой, слушая внимательно то, что я говорилъ, недовѣрчиво покачивалъ головой, вздыхалъ, наклонялся и — то бралъ и мялъ въ рукахъ свою шапку, то снова клалъ ее на полъ.

— Да, это такое дѣло, что его надо разбирать съ головой, да и съ головой! Не всякому даже и понять можно. Ахъ, голова попался мнѣ одинъ адвокатъ въ городѣ: немудрый такъ съ виду, а какъ пошелъ, пошелъ—такъ и рѣжетъ... „Только я — говоритъ — за это дѣло меньше ста рублевъ не возьму“...

Ясно было, что Василій Ивановичъ и мнѣ не довѣрялъ. Я, по выраженію его лица, видѣлъ, что онъ разочаровался въ моихъ способностяхъ понимать такого рода дѣла. Онъ, видимо, не того ожидалъ, направляясь ко мнѣ. Но дѣлать было нечего, пришлось огорчить земляка.

— Слушай, Василій Ивановичъ,—сказалъ я ему въ заключеніе.—Ждать надо, какъ рѣшится твое дѣло, безъ этого нельзя. А тамъ, когда рѣшатъ, мы съ тобой снова потолкуемъ и увидимъ, можно-ли что сдѣлать. Тебя вызовутъ въ судъ, непремѣнно иди,— хоть, по закону, ты можешь и не быть на судѣ, дѣло отъ этого не остановится. Но ты иди и внимательно выслушай все. (Мнѣ хотѣлось дѣйствовать на него фактами, а не предположеніями). Прошеніе ты подалъ 30 мая; значитъ, скоро получишь повѣстку изъ суда, тебѣ на домъ принесутъ.

— Повѣстку?—встрепенулся Василій Ивановичъ:—Что-же такой повѣстки не было мнѣ изъ уѣзднаго суда на первую просьбу объ отмѣнѣ?...

— Вѣроятно, была, да ты забылъ.

— Нѣтъ, не было. Развѣ что будетъ...

Повѣстки, а равно и копіи съ рѣшенія уѣзднаго суда, дѣйствительно не было въ бумагахъ Василія Ивановича.

Объ этомъ рѣшеніи только можно заключить, что оно было въ декабрѣ, изъ присланной 9 іюня бумаги земскаго начальника, налагающей денежный штрафъ, или арестъ за сопротивленіе. Такое непонятное упущеніе въ дѣлопроизводствѣ и было причиной всѣхъ золъ Василія Ивановича: не будь этого, не было-бы и самаго „сопротивленія“, выразившагося въ томъ, что мужики не отвели присужденной властями земли новому члену общества и, когда старшина лично явился въ деревню для отвода, то требовали у него указать *право*, по которому онъ все это дѣлаетъ.

— Покажи право, по чему такому ты, Иванъ Севастьянычъ, такъ поступаешь?

— Право у меня въ карманѣ!—гордо отвѣчалъ старшина, ударивъ себя по карману и продолжая орудовать саженью.

Очевидно, вся эта исторія надоѣла мѣстному начальству, и оно не особенно заботилось о формальностяхъ. Но въ судѣ, когда дѣло доходитъ до топоровъ, или когда пропускаются сроки на обжалованіе рѣшенія, хотя-бы и неумышленно, мелочи эти очень важны. Старшина дѣйствовалъ по предписанію земскаго начальника, которое, можетъ быть, и лежало у него въ *карманѣ*, но обижаться, что у него просятъ *вычитать* эту бумагу, онъ не былъ въ-правѣ, какъ справедливо думалъ Василій Ивановичъ.

Земскій начальникъ отдалъ приказъ волостному старшинѣ, конечно, послѣ рѣшенія по аппеляціонной жалобѣ въ съѣздѣ; но съѣздъ, или-же земскій начальникъ, *обязаны* были предупредить Василія Ивановича и его товарищей о такомъ рѣшеніи. Это ужъ ихъ право. Правда, Василію Ивановичу сообщается обо всемъ этомъ, но попутно, въ постановленіи объ арестѣ и притомъ заднимъ числомъ, когда дѣло разгорѣлось и самое сообщеніе было уже безполезнымъ. Здѣсь виною всему—пренебрежительное отношеніе къ „темному“ человѣку... Что можно сказать про священника, притягивающаго прихожанина къ суду за оскорбленіе словомъ; учителя, горячащагося, когда ученикъ проситъ у него объясненій; врача, платящаго ударомъ за ударъ больному, который не могъ спокойно вынести боли при выдергиваніи у него страшно ноющаго зуба,—то можно сказать и о блюстителяхъ закона, и о

судьяхъ, когда у нихъ просятъ указать тотъ законъ, на основаніи котораго они могутъ разорять ближняго. Все это—азбука гражданственности. Но ее-то лѣнивѣе всего и проходятъ наши деревенскіе судьи и блюстители, изъ которыхъ иные прямо начинаютъ съ „тверда“, а то и прямо читаютъ *по верхамъ*, т. е. по зубамъ...

Такъ думалъ Василій Ивановичъ, считающій себя гражданиномъ страны. Но этотъ гражданинъ *не вѣритъ*, чтобы въ казенной бумагѣ не было подлога, не вѣритъ, чтобы формально начатое дѣло нельзя было затянуть; не вѣритъ, наконецъ, въ то, что передъ закономъ всѣ равны. Все отечество, по его мнѣнію, дѣлится на двѣ половины—одна половина, меньшая, только и занимается тѣмъ, что, при помощи законовъ, уловляетъ другую, большую. Сдѣлавшись предметомъ такой ловитвы, Василій Ивановичъ мечется, грызется, раздаетъ толчки направо и налѣво, какъ тетеревъ, запутавшійся въ охотничью сѣть. И чѣмъ больше онъ мечется, тѣмъ больше самъ себя запутываетъ; и въ концѣ концовъ приходитъ къ заключенію, что вѣрить ни во что не слѣдуетъ, что на все слѣдуетъ наплевать и жить по пословицѣ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Василій Ивановичъ не дошелъ еще до этого состоянія, но близокъ къ нему.

— Вы говорите: повѣстка. Нужно къ ней подписываться?

— Какъ подписываться?

— Да вѣдь эта бумага... Къ подпискѣ, можетъ, „подгонять“ будутъ. Какъ бы худа какого не было...

Я успокоилъ, кажется, на этотъ разъ бѣднаго просителя. Кажется, онъ повѣрилъ. Я разъяснилъ ему смыслъ повѣстки и то, для чего *расписываются* на повѣсткахъ (а не подписываются).

— То-то... Мы вотъ не знаемъ этого. Вонъ земскій два штрафа за то наложилъ.

— За что?

— А за то, что мы не подписались къ неправильному приговору, а подписались къ нашему правильному.

Василій Ивановичъ сѣлъ опять на своего конька. Во всемъ, рѣшительно во всемъ, ему чудится подвохъ, недоброжелательство, затаенное желаніе обойти, обмануть, *подсидѣть* и самымъ звѣрскимъ манеромъ перекусить ему горло. Онъ и теперь еще не знаетъ, за что собственно наложено на него *два штрафа* (съ-

дѣть, или деньги), хотя бумага у него въ карманѣ, и онъ, безъ сомнѣнія, читалъ ее; изъ этого чтенія онъ вынесъ только то, что „не всякій человѣкъ пойметъ, что это за дѣло такое,—нужна голова да и голова“.

— Разскажи, какъ это было.

— Да вотъ спервоначалу все дѣло...

Жестикулируя и, то откидываясь назадъ, то наклоняясь впередъ, то загибая пальцы на рукѣ, то вновь разгибая ихъ, Василій Ивановичъ, оживившись, началъ разсказывать.

— Когда у насъ бываетъ Ивана Богуслова?... Ну все равно, по осени... Хорошо... Общество составило приговоръ объ раздѣлѣ. Мы, т. е. *наше* общество, на сходѣ и не были. Старшина и говоритъ: и безъ нихъ можно. Ладно. Въ октябрѣ пріѣзжаетъ земскій провѣрять приговоръ. Собралъ сходъ общій, т. е. и того общества, въ которомъ дядя живетъ, и нашего (у насъ вѣдь деревня-то одна, только нарѣзка-то отъ разныхъ помѣщиковъ — Малиновскіе и Краешковы). Вызываетъ насъ.

— Согласны вы, Малиновскіе, отводить усадебное мѣсто такому-то? (Мы—Малиновскіе.)

— Никакъ нѣтъ, ваше выскородіе, не согласны. Онъ не нашъ.

— Какъ не вашъ?

— Такъ точно, ваше выскородіе—не нашъ. Онъ двѣ давности лѣтъ пропустилъ, за землю не платилъ. Онъ осѣдлость получилъ у Краешковыхъ и душевой надѣлъ; Краешковы пущай надѣляютъ его землей. Онъ никогда не платилъ за землю у насъ и не пользовался.

— А, такъ вотъ какъ!.. Подпишитесь.

Мы сейчасъ дали руки и подписались *къ правильному нашему приговору этому*. Вотъ этотъ-то нашъ *правильный* приговоръ я и не могу нигдѣ найти, затиснутъ... Вѣрно слово. А все дѣло ведется по неправильному приговору, по ихнему, по Краешковыхъ... Вотъ оно что!

Бѣдный Василій Ивановичъ! Въ какую кашу все это дѣло обратилось въ его сбитой съ толку головѣ...

— Ну, дальше что?

— А дальше сталъ опрашивать Краешковыхъ и подгонять къ

подпискѣ. Тѣ, значитъ, говорятъ, что земля была залишная, ну и дали солдату. Хорошо. Ихній приговоръ онъ утвердилъ (по мнѣнію Василія Ивановича, *неправильный*), а отъ насъ присудилъ не на полдуши, какъ они говорили, а на цѣлую душу земли, выдѣлить дядиному сыну. Хорошо. Въ ноябрѣ мы получаемъ копію... Вотъ эту, съ рѣшенія земскаго начальника. Я сейчасъ грохнулъ прошеніе въ съѣздъ, объ отмѣнѣ. А отвѣта никакого и сейчасъ (іюнь) никакого... Хорошо. Только въ маѣ мѣсяцѣ вдругъ пріѣзжаетъ волостной старшина отводить землю подъ усадьбу, значитъ, какъ сказано въ ихнемъ *неправильномъ* приговорѣ. Собралъ понятыхъ, старосту—все это ихняя родня, да свойственники. Хорошо, ладно... Мы тоже вышли...

— А по какому, позвольте васъ спросить, праву вы, Иванъ Севастьянычъ, землю мѣряете?

— А вотъ у меня право въ карманѣ!

И себя стало быть по карману похлопалъ.

— Вы,—говоритъ,—покажите свое право!

— Слава тебѣ Господи,—говоримъ,—тридцать лѣтъ за нее, матушку, платимъ. А вы намъ вычитайте право! Ни подписокъ, ни приговоровъ мы не давали... Вдобавокъ вы и по хлѣбу топчетесь.

Вотъ за это-то на насъ старшина и нажаловался, что будто мы, значитъ, съ топорами вышли и топорами ему грозили. А топоровъ у насъ не было. Топоръ былъ у нихъ, самъ старшина велѣлъ взять. Хорошо. Ладно. Это было 14 мая, а 18 мая мы—прошеніе въ съѣздъ за самоуправство волостного старшины. Земскій потомъ говоритъ, что вы прошеніе должны мнѣ подать, а не въ съѣздъ: я сужу волостного старшину. А какой судъ? По евонному приказу старшина поступаетъ, да онъ-же его и судить будетъ? Ловко! Ну... въ съѣздъ. А отвѣта все насчетъ земли никакого...

Василій Ивановичъ откашлялся, вытерся рукавомъ сѣраго кафтана и подвинулся подальше отъ полосы солнечнаго свѣта въ окнѣ.

— Отвѣта все еще не получаемъ. Вдругъ 27 мая опять пріѣзжаетъ земскій. Вызываетъ насъ, Малиновскихъ, три человѣка. Тутъ староста, понятые опять-же. Спрашиваетъ:—Онъ вашъ?—Нѣтъ.—Подпишитесь... А мы и не знаемъ—что такое, къ чему

подписаться. Мы и не подписались на этотъ разъ, потому-что и не знаемъ, къ чему это... Потомъ спрашиваетъ:

— Ну, такъ волостной старшина самоуправникъ?

— Точно такъ, ваше выскородіе, самоуправникъ.

— Подпишитесь!—опять-таки сказалъ.

Мы не подписались и тутъ: не знаемъ — къ чему? Такъ до трехъ разовъ. Мы не подписываемся. Понятые подписываются, а мы нѣтъ. А самъ земскій не спрашиваетъ, въ чемъ старшина самоуправникъ?

— Ну, теперь,—говоритъ,—выйдите вонъ.

Мы спросили: „Совсѣмъ идти?“

— Нѣтъ, я еще судить буду васъ.

Послѣ выхода судить насъ зачалъ:

— Ну, такъ старшина самоуправникъ?—опять-таки спрашиваетъ.

— Самоуправникъ.

— А Дмитрій Ефимовъ не вашъ? (Это кому земля присуждена.)

— Не нашъ.

Потомъ далъ записку въ губернское и при понятыхъ говоритъ:

— Годъ дѣло длится, а вы не обжалуете, никакого извѣстія мнѣ. Чтобы обжаловать!

А что обжаловать, мы и не знаемъ. Спросили, а онъ ничего толкомъ не сказалъ. Наложилъ два ареста: одинъ—зачѣмъ не обжаловали, а *что*—мы и не знаемъ; другой—за самоуправство старшины... Вобче, не знаемъ... Зачѣмъ не обжаловали ему...

Разскащикъ мой совсѣмъ спутался. Онъ, очевидно, не понималъ, что съ законнической точки зрѣнія поступокъ его и его товарищей, какъ сопротивленіе, хотя-бы пассивное, распоряженіямъ законныхъ властей, является преступленіемъ, предусмотрѣннымъ закономъ.

Я нарочно привелъ подлинный разсказъ Василія Ивановича о томъ, какъ „дѣло“ отразилось въ его собственной головѣ. Пусть читатель самъ судитъ, какое крупное несчастіе можетъ выйти изъ столкновеній крестьянской семьи съ судомъ. Иногда цѣлыя сель-

скія общества попадаютъ подъ судъ и дѣлаются какъ-бы преступными изъ-за сущихъ пустяковъ, благодаря своей темнотѣ въ пониманіи судебныхъ и иныхъ дѣлъ, благодаря, наконецъ, равнодушію и халатности *низшихъ* исполнителей и истолкователей законовъ. За примѣрами далеко ходить не нужно...

Говорятъ, служба эта трудна,—думалось мнѣ,—терпѣнія много нужно, характера, знанія, труда. Но вѣдь и желѣзнодорожному сторожу все это нужно. Однако въ рукахъ этого сторожа сотни и тысячи человѣческихъ жизней: что, если онъ допуститъ, по халатности, крушеніе поѣзда? Здѣсь-же, у корней народной жизни, отвѣтственность еще важнѣе: здѣсь воспитаніе цѣлаго народа сознательныхъ гражданъ, уважающихъ себя, любящихъ свое отечество и выше всего ставящихъ законъ, ограждающій и охраняющій личную и общественную свободу. Посмотрите, при кажущемся многолюдьи, какое безлюдье окружаетъ Василія Ивановича съ его „дѣломъ“, если мы отстранимъ старшину, писаря, этихъ *опричниковъ* во мнѣніи людей, подобныхъ Василію Ивановичу,—опричниковъ, окружающихъ особу земскаго начальника, слѣдовательно—не могущихъ внушить къ себѣ особаго довѣрія, какъ думающихъ и дѣлающихъ по *приказанію*. Законъ хотя и существуетъ, но все-таки безъ *приказанія* онъ, какъ-будто, ничего и не значитъ. Къ кому обратиться съ просьбой, посовѣтоваться, растолковать дѣло, прежде чѣмъ костокрушительная мельница суда будетъ пущена въ ходъ и перемелетъ въ муку тебѣ кости. Вотъ Василій Ивановичъ посовѣтовался съ писаремъ на первый случай, но почему-то довѣрія къ его рукописанію не оказалъ. Куда-жъ теперь идти? Къ старшинѣ? Но старшина хлопаетъ себя по карману и говоритъ, что право у него въ карманѣ. А Василію Ивановичу нужны не карманныя, а настоящія, „права“: ты не сердись, не вламывайся въ амбицію, а *вычитай* законное право, — тогда-де я смирюсь и покорюсь передъ закономъ, а не передъ карманомъ. Къ священнику, къ учителю? Хорошо, если они есть по близости, да еще достаточно-ли они свѣдущи въ вопросахъ, касающихся крестьянскаго землевладѣнія? Да еще захотятъ-ли взяться распутать и себѣ, и ему сложное дѣло? Городъ—вотъ, гдѣ всякая бѣда судебная можетъ быть распутана.

И Василій Ивановичъ идетъ въ городъ. Гдѣ-же онъ ищетъ

защиты, кто его совѣтники?.. Послушаемъ, какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ.

— Осенью ходилъ, узнать, значитъ, можно-ли мнѣ хлопотать... Надо, думаю, абвоката искать. Прихожу въ Московскую улицу—баринище страсть, квартера такая, что ума помраченье. Спрашиваю—отказалъ, не веду, говоритъ, такихъ дѣловъ...

— А можно-ли вести-то?—говорю.

Посмотрѣлъ въ книжку.

— Вести, говоритъ, можно, только я за такое дѣло меньше ста рублевъ не возьму...

— Во, у какого абвоката былъ,—говоритъ Василій Ивановичъ съ чувствомъ подобострастнаго удивленія, вызваннаго адвокатскимъ гонораромъ.

— Вотъ это абвокатъ!.. Вижу, не по намъ,—продолжаетъ онъ съ сожалѣніемъ:—Я къ другому, въ Славянскую улицу.

— Приди ко мнѣ завтра въ два часа и принеси копію съ постановленія земскаго начальника.

— А сколько?—говорю.

— Десять,—говоритъ,—рублевъ.

— А нельзя-ли за пять? (У меня только и было 5 рублевъ.)

— Нѣтъ,—говоритъ,—нельзя.

Вотъ хорошо. Я къ третьему...

— Пойдемъ,—говоритъ,—въ съѣздъ, мнѣ по пути.

Пришли въ съѣздъ, вытребовалъ мое дѣло.

— Пиши,—говоритъ,—къ отмѣнію земскаго начальника.

Я писать, писать,—и писать не знаю, кого просить. Далъ 20 конѣекъ,—указалъ сторожъ мнѣ хорошаго писаря... Хорошо... Просьба написана, а все мнѣ какъ-то не нравится. Запечатана у меня въ конвертѣ, а прочитать мнѣ ее хочется, — что такое въ ней написано. Хорошо. Иду такъ улицей, задумамшись. На мосту, впжу, баринъ. Шляпа новая и пальто новое, брюки тоже хорошіе на панель. Я къ нему...

— Позвольте васъ спросить, говорю,—будетъ-ли сегодня засѣданіе въ губернскомъ присутствіи? (Мнѣ хотѣлось узнать все, могу ли хлопотать тамъ объ этомъ дѣлѣ, а что присутствіе есть — я зналъ.)

— Будетъ, а что?

— Да вотъ насчетъ земли.

Разсказалъ и просьбу свою, сумнительную-то, показалъ ему. Хорошо. Сломалъ печать. Читаетъ.

— Брось,—говоритъ,—подальше, просьбу-то.

Вотъ оно что!—думаю,—не даромъ мнѣ показалось тогда.

— Пойдемъ,—говоритъ,—со мной, я тебѣ другую напишу!..

Пошли къ нему на квартеру (въ Петербургской улицѣ живетъ).. Бумаги потребовалъ, сѣлъ и за два рубля нажарилъ... Послѣ на остальныя деньги я въ монастырь (за 75 верстъ) съѣздилъ — Богу помолиться, чтобы мое дѣло, значитъ, вышло правое.

Бѣдный Василій Ивановичъ! Не представляется-ли онъ вамъ, читатель, бродящимъ по городскимъ улицамъ около „подъѣздовъ судовъ и палатъ“? Мнѣ такъ и рисуется его печальная фигура въ сѣромъ кафтанѣ на городскомъ мосту рядомъ съ „хорошей шляпою“ и „брюками на панель“ барина, величественно говорящаго ему, подавая назадъ невѣрную просьбу: „Брось подальше!“ Но не сразу дошелъ Василій Ивановичъ до этого барина. Ему, какъ мы видѣли, пришлось побывать во многихъ мѣстахъ, и побывать не одинъ, а нѣсколько, разъ. Каждое такое путешествіе требуетъ по крайней мѣрѣ трое сутокъ времени (до города 60 верстъ) и денежныхъ расходовъ на дорогу и за писаніе просьбъ.

Василій Ивановичъ сталъ считать, сколько у него вышло за все это время денегъ:

— Волостному писарю — 2 рубля; что въ съѣздѣ писарь — 2 рубля; ему-же, что земскому просьба подана—2 рубля; абвокату, что за самоуправство старшины подавалъ—2 рубля; онъ же подавалъ губернатору—2 рубля; барину на мосту, что объ арестѣ писалъ—2 рубля. Всего 12 рублевъ. Да что прошеніе—три рубля на дорогу (5 разъ ходилъ). Послѣ ходилъ справляться въ съѣздъ—опять-таки тройка. Всего выходитъ 12, да 15, да 3 — тридцать рублевъ.

Тридцать рублей—большая сумма для крестьянина. А если приложить здѣсь потраченное время, то сумма эта удвоится. Бѣдный Василій Ивановичъ! Такъ и просится на языкъ гоголевскій Иванъ Ивановичъ съ его увѣренностью, что не сегодня—завтра рѣшится его дѣло съ Иваномъ Никифоровичемъ, и притомъ непремѣнно въ его, Ивана Ивановича, пользу.

— Брось, Василій Ивановичъ! Разворятъ тебя писаря да адвокаты, а дѣла-то ты все равно не выиграешь... Да и не справедливо оно, дѣло-то твое!

— Какъ несправедливо?

— Такъ. Твой дядя за отца твоего и за другихъ братьевъ служилъ. Братья-то его на маслянницѣ катались, на свадьбахъ пировали, а человѣкъ царскую службу несъ, да еще какую службу! Николаевскую. Слыхалъ ты про эту службу, про рекрутчину? Вотъ то-то и есть. Въ то время, какъ отецъ твой жилъ дома, да васъ, дѣтей своихъ, ростилъ, дядя-то, можетъ быть, большой дорогой щи солдатскіе за спиною въ походѣ несъ. А теперь старикъ принужденъ хлопотать о своей землѣ и съ кѣмъ-же? Съ племянникомъ, съ сыномъ своего родного брата. Вы отрекаетесь отъ него, лишаете его земли, стало быть, родины, — что-же, его на поселенье что-ли выслать? Грѣшно это...

Но Василій Ивановичъ зашелъ уже слишкомъ далеко въ своемъ „дѣлѣ“. Въ настоящее время онъ получилъ отвѣтъ изъ уѣзднаго съѣзда, рѣшившаго дѣло не въ его пользу, и,—я слышалъ, — онъ два раза куда-то ѣздилъ изъ деревни (куда — неизвѣстно), чтобы найти хорошаго писаря и написать просьбу въ губернское присутствіе, хотя мнѣ и обѣщалъ, что прекратитъ дѣло.

Просьба всетаки, какъ слышно, подана.

Мой землякъ, какъ видно, нашелъ-таки нужныхъ ему „повѣтовыхъ судей въ богоспасаемомъ градѣ Миргородѣ“...

Искатель правды.

I.

— Не сидится... Эхъ, не сидится непутевому!.. И чего ему только надо?!..

Такъ говорилъ сельскій батюшка, отецъ Иванъ, расхаживая по комнатѣ съ дѣвочкой на рукахъ, своей дочкою Манюшей, первымъ отпрыскомъ счастливой жизни его съ матушкою Авдотьей Авксентьевною, находившейся въ настоящую минуту далеко въ городѣ, верстъ за 60.

— Я говорю, что это безпокойство одно только и больше ничего! Не такъ-ли, Сеня?

— Совершенно вѣрно, батюшка, изволили сказать,—отвѣчалъ тотъ, кого звали Семеномъ Семеновичемъ, или просто Сеней,—молодой безусый псаломщикъ со взъерошенной стрпженою головой, въ коломянковомъ костюмѣ, и ростомъ напоминавшій гоголевскаго дядю Митяя. Не больше, чѣмъ дядя Митяй, онъ былъ разговорчивъ и догадливъ; но усердіе, безкорыстная преданность, съ завѣтной мечтою—служить подъ началомъ священника, какъ это искони велось въ его псаломщицкомъ родѣ („Вѣдь всякій человѣкъ желаетъ быть дьякономъ!“—говаривалъ онъ въ задушевной бесѣдѣ)—такъ и свѣтились на его лицѣ.

Батюшка, ходя по комнатѣ, звонко стучалъ каблуками; полы его поношенной сѣрой рясы хлестали по голенищамъ, мѣшая ему ходить; но это, очевидно, его нисколько не затрудняло. Повременамъ онъ останавливался, чтобы спустить на полъ Манюшу, которая тянулась къ пестрому резиновому мячику въ углу. Поп-

гравъ съ нею мячикомъ, онъ откидывалъ слегка вьющіеся длинные русые волосы на лобъ, бралъ дѣвочку на руки и снова начиналъ маршировать съ нею изъ угла въ уголъ небольшой комнатки, съ бѣлыми, строганными стѣнами, съ круглой желѣзною печкой у стѣны и столомъ съ откидными верхними досками у окна. Въ переднемъ углу висѣли иконы въ золоченыхъ ризахъ, съ теплящейся бронзовою лампадой передъ ними на розовой лентѣ и со стекляннымъ синимъ стаканчикомъ съ гранеными свѣтлыми круглыми пятнами по бокамъ. Единственная дверь выходила въ корридорчикъ, гдѣ виденъ былъ входъ въ спальню, откуда то-и-дѣло выходила няня—старушка, нянчившая въ былое время жену батюшки, теперь уже матушку, и дождавшаяся счастья няньчить и дѣточку своей любимицы—Манюшу. Она поминутно заглядывала въ „залу“,—не плачетъ-ли ребенокъ,—и, успокоенная, удалялась, бросивъ дружелюбный взглядъ въ сторону Сени, тоже ея любимца, стяжавшаго въ ея старческихъ глазахъ это лестное званіе „святой простотою“ и преданностью дому священника. Изъ корридорчика глядѣло черное пятно внизъ,—это была лѣстница въ нижній этажъ дома. Самый домъ—новой и красивой стройки—былъ годъ тому назадъ питейнымъ заведеніемъ; но заведеніе, по приговору сельскаго общества, закрылось, сидѣлецъ уѣхалъ, и батюшка снималъ его теперь себѣ подъ квартиру, пока не выстроитъ своего собственнаго дома, за рѣкой, близъ церкви, рядомъ съ домомъ старой попадьи—вдовы.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что Семенъ Семеновичъ, или Сеня, тоже не имѣлъ своего дома близъ церкви; онъ жилъ тоже въ деревнѣ, неподалеку отъ бывшаго кабачка, въ крестьянской избѣ, ходившей по три рубля въ годъ, въ той-же квартирѣ, гдѣ помѣщался прежній дьяконъ, теперь уѣхавшій священствовать куда-то далеко. Взоры и батюшки, и Сени въ минуту раздумья часто обращались изъ деревни за рѣку, гдѣ бѣлѣла чистенькая, красивая, хотя и небольшая, сельская церковь, обрамленная зелеными кудрями липъ, и ограда—съ бѣлыми оштукатуренными столбами. Вправо отъ нея виднѣлись крыши домовъ—бывшаго священника, бывшаго псаломщика, пономаря, дьякона (доисторическаго), сторожа и пр., и пр... Все это было окаймлено и окутано волнистымъ моремъ яркой зелени садовъ; все это было красиво, уютно и спокойно,—не то что въ деревнѣ,—но въ то-же время все это

было чужое: тамъ жили *вдовы* и *сироты* бывшихъ церковниковъ, населеніе исключительно женское. Единственнымъ мужчиною тамъ былъ—церковный сторожъ, заштатный пономарь, по жалобѣ строптивой своей супруги на его невоздержанность лишенный прежняго званія, — но онъ уже глядѣлъ въ могилу... Нужно, нужно-бы туда переселиться, поближе къ церкви, на прекрасно культивированную церковную землю, но что дѣлать? Сиротъ не выгоняшь,—надо ждать, пока не соберутся кое-какіе гроши, и можно будетъ построиться въ „проширеньи“ между старыми домами.

И отецъ Иванъ, и псаломщикъ терпѣливо ждали своей очереди строиться... Оба вѣрили, что это будетъ именно тамъ, за рѣкой. Не большая бѣда годъ-два прожить среди буйнаго (и, по праздникамъ, зачастую пьянаго), народа, въ деревнѣ: всему свой чередъ. Время не за горами. У Сени прикоплено уже сто рублей на покупку избы, а у батюшки есть надежда купить на церковныя деньги домъ старой матушки...

— Такъ какъ-же, Сеня, ѣхать? А?

— Не знаю, батюшка, какъ благословите...

— Да что—благословите?! Я у него совѣта спрашиваю, а онъ „благословите“!..

Высокій бѣлый лобъ священника слегка покрылся мягкими поперечными складками; особенно выдѣлились двѣ линіи между бровей. Правая рука нервно закрутила лѣвую косичку бороды, русой и шелковистой, росшей на всей своей волѣ, куда только она хотѣла; видно было, что особеннаго вниманія ей не удѣлялось, хотя, при желаніи, это была-бы чудная „борода-бородушка“, вполнѣ гармонирующая съ бѣлымъ открытымъ лбомъ, тонкимъ носомъ и тонкими-же, энергично очерченными, блѣдными губами батюшки. Голубые добрые глаза, свѣтившіеся какой-то тревожною и вдумчивой мыслью, оживляли это красивое и умное лицо; но въ игрѣ взгляда, въ улыбкѣ, въ складкахъ бровей опытный наблюдатель прочелъ-бы то, что мы назвали тревожнымъ: какую-то неудовлетворенность, боязнь, разочарованіе, какую-то неясную, словно смущенную мысль, свойственную людямъ высоко-интеллигентнымъ, поставленнымъ въ положеніе очень неудобное между службой долгу, какъ его понимаетъ вся окружающая родственная среда,

и между затаенными стремленіями сердца, между службой по призванію.

— Какъ благословите, батюшка!—снова повторилъ Сеня и даже всталъ и поклонился въ поясъ, крѣпко прижимая руки къ своему большому животу.

— Тю-тю-ю! Лови, лови!—крикнулъ батюшка, мелкими шажками спѣша за мячикомъ, брошеннымъ вдоль пола, чтобы развлечь дѣвочку, начавшую-было плакать.

— Ты, говоришь: благослови... Ну, такъ я благословляю... Ѣдемъ! Посмотримъ, какой-такой есть на свѣтѣ Ѳома Ѳоминъ. Какія-такія штуки онъ замышляетъ?! Ба! Искатель правды... истины!.. А что такое истина?..

Батюшка повернулся на каблукахъ и, обратясь къ Сенѣ, повторилъ:

— Что такое истина?

Растерявшійся Сеня ничего не нашелся на это сказать, какъ только то, что, опять прижавъ руки къ туловищу и низко кланяясь, „почтительнѣйше доложилъ“, что онъ, Сеня, „очень и глубоко благодаренъ батюшкѣ за всѣ его ласки и доброту“.

Батюшка искренно засмѣялся и принялся снова за мячикъ и возню съ Манюшей.—Неисправимъ!..

— Ну-съ, такъ ѣдемъ,—прибавилъ онъ, немного спустя.

— Слушаю-съ, батюшка. А ладону не надо?

— Возьми и ладонъ... Возьми...

Сеня, низко кланяясь, вышелъ, нырнулъ въ черную дыру за дверью въ корридорчикѣ и черезъ минуту широко шагалъ уже вдоль деревни, къ своей „хатѣ“...

II.

Оставшись одинъ, отецъ Иванъ долго еще ходилъ по комнатѣ, то что-то напѣвая вполголоса, то балагуря съ Манюшей, пока дѣвочка не расплакалась. Потомъ онъ сдалъ ее съ рукъ на руки старушкѣ-нянѣ, походилъ еще немного, подошелъ къ раскрытому окну, облокотился на косякъ, побарабанилъ пальцами по выкрашенному бѣлой краскою подоконнику и крѣпкою задумался.

Изъ окна далеко было видно: чуть не вся деревня, съ ея соломенными, лучинными и тесовыми обвѣтренными крышами, съ ея улицей—сухою и пыльною, съ гумнами, амбарами, низенькими банями, закоптѣлыми и покривившимися надъ рѣчкой,—изъ окна все это было видно, какъ на ладони. Влѣво,—выходя на деревенскую площадь однимъ угломъ,—густо зеленѣли высокія березы помѣщичьяго сада. Садъ былъ заброшенъ, и даже прекрасный еловый тынъ, съ точеными острыми верхушками, изъ толстыхъ бревенъ „стараго“ крѣпкаго лѣса, сооруженный лѣтъ 40—50 тому назадъ, былъ разобранъ новымъ управляющимъ новаго владѣльца (нѣмца) и перепиленъ на дрова. Его замѣнила неуклюжая изгородь изъ разноколиберныхъ, длинныхъ, кривыхъ и прямыхъ, толстыхъ и тонкихъ, березовыхъ, осиновыхъ и другихъ жердей, нисколько не мѣшавшихъ возвращающемуся изъ поля стаду спокойно пробираться и пастись въ зеленомъ четыреугольникѣ, гдѣ когда-то зрѣли малина, смородина, вишни, румянились яблоки и пр., и пр. Пусто и уныло теперь было въ немъ; оголенные новой изгородью стволы частыхъ березъ какъ-то стыдливо глядѣли на улицу, позволяя взору проникать внутрь сада, въ самую суть запустѣнія. Даже корни яблонь и ягодныхъ кустовъ были тщательно выкорчеваны, такъ-какъ управляющій призналъ породы этихъ старыхъ плодовыхъ растеній никуда не годными, а новыхъ не насадилъ. Зато, рябятишки подобрали выброшенныя за тынъ растеньица и успѣшно занимались ими у себя на огородахъ... Чтобы оголеніе довести до настоящаго своего конца—а всё, повидимому, къ этому и шло—не хватало только топора, чтобы ударить по бѣлымъ ногамъ березовой рамки сада, повалить на землю могучую древесную дружину и сдѣлать съ нею то-же, что было сдѣлано съ еловымъ тыномъ. Черезъ рѣку—быструю, съ мелкимъ песчанымъ дномъ—виднѣлся край „барскаго“ моста, прежде—съ тесанымъ гладкимъ поломъ и съ перилами, а теперь—также, какъ и „деревенскій“ (нѣсколько выше, у церкви), — устроеннаго изъ неудобныхъ кругляшей съ изъяномъ—съ неопиленными концами, съ зіящими темными дырами и безъ перилъ. За мостомъ садъ продолжался на другомъ берегу; онъ былъ здѣсь гуще, выше и состоялъ изъ великолѣпныхъ, широкихъ и могучихъ, старыхъ липъ. Но и здѣсь ничего изъ того, что приноситъ земля въ даръ чело-

вѣку, ничего плодоносящаго, согрѣвающаго зрѣніе и душу, какъ и въ первомъ саду, не было. Помѣщичій обширный деревянный домъ грузно осѣлъ въ землю и чуть-чуть виднѣлся тусклыми, безъ цвѣтовъ и занавѣсей, иногда разбитыми окнами, скрытыми на-половину отъ взглядовъ прохожаго высочайшимъ еловымъ, безобразнымъ и плотнымъ, тыномъ съ глухо закрытыми воротами во дворъ... Это, казалось, не жилье человѣка, благоустроенное и тихое, а грозная крѣпость... Правда, никто не жилъ въ домѣ, кромѣ управляющаго, ютившагося гдѣ-то въ задней комнатѣ, выходившей окнами во дворъ, да рабочихъ, обѣдавшихъ и спавшихъ во флигелькѣ напротивъ,—но все-же это было скучно и неуютно, не по-просту, не по-русски. Могильная тишина здѣсь царствовала и днемъ, и ночью, нарушаемая лишь львинымъ рычаньемъ и лаемъ громаднаго жирнаго пса на цѣпи, какъ-бы негодующаго на шумную деревенскую улицу, когда она, особенно въ праздникъ, что-то ужъ слишкомъ долго не можетъ успокоиться за рѣкой, шумитъ до зари, гремитъ пѣсней, заливается гармоникой, скрипитъ качелями...

Отцу Ивану невольно припоминалось все это, когда онъ смотрѣлъ изъ своего высокаго окна. „Земля мертва, люди даютъ ей душу“,—думалъ онъ, разбираясь въ мелочахъ видимой ему со своего „высока“ панорамы. Эту невидимую *душу* людей ему *нужно* знать, чтобы пасти ее, возвышать, направлять на путь правды и добра. Такъ онъ мечталъ, такъ думалъ теперь, у окна, вполнѣ увѣренный, что хочетъ и можетъ совершить свое высокое признаніе, что его собственная душа достаточно просвѣщена, укрѣплена и очищена, чтобы успѣшно воздѣйствовать на души, наполняющія собою то пространство на землѣ, какое ему было видно изъ оконъ дома, и даже дальше. Но что-же онъ до сихъ поръ сдѣлалъ?..

Да, онъ не жалѣлъ силъ... Проповѣди его въ церкви,—простыя и ясныя бесѣды на различные случаи, пользовались заслуженной славою. Частная его жизнь, простая и кроткая, давала ему во всей силѣ возможность вліять на людей. Видимыми, внѣшними, такъ сказать, результатами за одинъ годъ, явились въ приходѣ—школа (новое зданіе для нея), библіотека; благодаря ему, закрытъ кабакъ, открылись школки почти по всѣмъ деревнямъ, расчищены и улучшены дороги... Но...

Отецъ Иванъ съ грустью сознавалъ, что этотъ годъ трудно ему

достался: онъ не то, чтобы охладѣлъ къ дѣлу, но какъ-то усталъ, „разбился въ мысляхъ“, такъ что ощутилъ настоятельную потребность въ помощникѣ. Онъ горько усмѣхнулся, вспомнивъ, что единственнымъ у него помощникомъ являлся Семенъ Семеновичъ,— добрый Семенъ Семеновичъ... А сердце проситъ крѣпкаго разумнаго ободренія, ума зрѣлаго мужа! Такъ гоголевскій Остапъ жаждалъ вѣры въ своего „батьку“ на площади, предъ началомъ тяжкихъ страданій, смутившихъ его закаленную въ ужасахъ войны душу. Но кругомъ не было людей... И у отца Ивана то-же: не на кого опереться... Больше того: „сироты“ за рѣкой иногда дѣлали ему различныя „представленія“, портившія всегда ровное и благожелательное его настроеніе, мѣшались въ его манеру дѣйствовать, когда этимъ „сиротамъ“ казалось, что интересы ихъ могли-бы въ томъ или другомъ случаѣ пострадать. „Представленія“ раза два дѣлали и крестьяне, снаряжая къ нему, въ качествѣ депутата, сельскаго старосту, съ просьбой—не „конфузить“ передо всѣмъ приходомъ: намъ-де стыдно, батюшка, надъ нами смѣются, когда вы обличаете насъ... Дѣйствительно, иногда онъ проступокъ отдѣльнаго лица дѣлалъ предметомъ своей устной бесѣды въ церкви хотя этотъ проступокъ касался не всей деревни—но онъ строго порицалъ иногда за него всю деревню передъ лицомъ всего прихода, въ торжественные праздники. Грустно...

Вотъ и теперь... Нечаянно взглядъ его упалъ на смятый и кругомъ исписанный кривыми строчками листъ бумаги на столѣ... Этотъ листъ онъ только-что вчера получилъ съ какою-то бабой отъ одного изъ мужиковъ дальней деревни своего прихода,—что, между прочимъ, и было сейчасъ предметомъ разговора его съ псаломщикомъ. Вотъ онъ!..

Онъ взялъ листокъ въ руки, повертѣлъ его, улыбнулся жалкимъ каракулямъ, вспомнилъ, какъ онъ смѣялся, толкуя Семену Семеновичу съ забавной стороны „сіе рукописаніе“...

Но, впрочемъ, что-же тутъ смѣшного?

Онъ припялся, можетъ быть, въ десятый разъ читать письмо, и улыбка, по мѣрѣ чтенія, мало-по-малу начала сбѣгать съ его лица и, наконецъ, совсѣмъ погасла. Онъ серьезно и вдумчиво читалъ, сдерживая свой густой, мягкій басокъ до шепота:

„Батюшка и отецъ духовный, пастырь словеснаго стада! Обращаюсь я къ вамъ со просьбою и желаю я нѣчто сказать вамъ, ибо трепещетъ мое горестное сердце, и также не въ спокойствіи моя душа, такъ-какъ уже многіе годы, которые я помню, и во снѣ текущее время, — не предвижу я въ сей деревнѣ В...ѣ добрыхъ дѣлъ и спасительнаго наставленія; но всѣ такіе сквернословники и похабники, такъ что хуже язычниковъ, по моему мнѣнью. И затѣмъ я обращаюсь къ тебѣ, батюшка и духовный нашъ пастырь, со просьбою: не обратите-ль насъ на доброе дѣло, на Господнее покаянье. Повели, батюшка, часовенному старостѣ по воскресеньямъ и праздникамъ Господнимъ въ часовню ходить и *прочитывать часовенникъ и другія книги.* Но я обращаюсь къ вамъ, отецъ духовный: что повелишь, то мы и будемъ прочитывать. Но я думаю по себѣ: *хотя у насъ въ часовнѣ ни одной книги нѣтъ*, то можно будетъ купить, какія вы прикажете... Но хотя *часовенный староста неграмотный*, то найдутся чтецы, которые могли-бы читать; но и я со усердіемъ и со Божіею помощью *радъ-бы былъ читать*, ибо у насъ ни одного праздника не являлось въ часовнѣ *добраго и спасительнаго чтенія. Не оставь*, батюшка, мою просьбу, *вразуми* насъ, грѣшныхъ людей, не *обдумаемся-ли* мы, грѣшники... Когда у насъ будетъ по воскреснымъ днямъ и праздникамъ Господнимъ колокольный звонъ на богомолебство въ часовню всѣхъ живущихъ въ деревнѣ, тогда, можетъ, другой и одумается и *заброситъ злость творить*, когда прндетъ въ часовню и послушаетъ громогласное чтеніе духовныхъ книгъ. *Прости меня*, батюшка, духовный пастырь, что я это составилъ и написалъ, но всетаки мнѣ *очень хотѣлось-бы*, если-бы у насъ въ часовнѣ открылось доброе чтенье. Да будетъ намъ Господь помощникъ и во всякое время, во вѣки, аминь. 189*** года, 23 апрѣля. Ппсалъ сіе составленіе Ѳома Ѳоминъ“ *).

Солнечный шаръ нависъ надъ самымъ лѣсомъ, за деревней, справа, и лучи его, заглядывая въ боковое окно, обливали пурпурно-золотистымъ свѣтомъ сосновыя стѣны квартиры отца Ивана, играли на золоченой рамкѣ олеографіи, висѣвшей на стѣнѣ, дрожали въ подвѣскахъ маленькой висячей лампы. Отецъ Иванъ сп-

*) Подлинное письмо крестьянина. *Авт.*

дѣлъ, устремивъ неподвижный взоръ на розовую, всю въ лучахъ, красивую, чистенькую, какъ снѣжинка, церковь за рѣкой, выступавшую изъ-за темной зелени липъ и легко и стройно возносившуюся къ голубому небу своими двумя главами, увѣнчанными сіяющими, какъ два огонька, крестами. Онъ сидѣлъ, не двигаясь, и просидѣлъ-бы, можетъ быть, очень долго, обдумывая, или, правильнѣе сказать, наблюдая въ своей душѣ цѣлый вихрь разнородныхъ думъ, мыслей, чувствъ и ощущеній, поднявшихся въ глубинѣ ея подъ вліяніемъ прочитаннаго. Онъ просидѣлъ-бы, можетъ быть, и еще дольше, рѣшая накипѣвшіе въ душѣ вопросы, воскрешая давно минувшее и заглядывая, быть можетъ, въ будущее, если-бы его не вывелъ изъ забытья легкій кашель въ руку...

У двери стоялъ въ почтительной позѣ Семенъ Семеновичъ, пришедшій узнать, будетъ-ли завтра служба, такъ-какъ батюшка „соизволили выразиться, что завтра нужно будетъ ѣхать во В...о: а эта деревня не близко, верстъ 9 будетъ, если не больше“.

— Отвѣчай мнѣ, Семенъ Семеновичъ, на вопросъ! — сказалъ отецъ Иванъ, не слыша, или не обращая вниманія на то, о чемъ говорилъ ему псаломщикъ:—Когда оселъ кричалъ такъ, что весь *міръ* слышалъ?

Семену Семеновичу не въ первый разъ приходилось слышать подобныя загадки отъ батюшки, и онъ, какъ и всегда, поднялъ очи *горѣ*, похлопалъ вѣками, что-то пошепталъ губами—изъ приличія, чтобы показать, что онъ думаетъ и соображаетъ (а на самомъ дѣлѣ онъ и не думалъ, и не соображалъ; да этого и не нужно было, такъ-какъ, если отвѣтъ нуженъ, то, онъ увѣренъ, отвѣтъ этотъ спрятанъ у о. Ивана подъ его бѣлымъ лбомъ), потомъ, какъ-бы отбывъ повинность, онъ опустилъ глаза, отряхнулъ пылинку на рукавѣ новаго своего пиджака и, помолчавъ, сказалъ, какъ-бы продолжая разговоръ:

— Четвертакъ за аршинъ платилъ... дешево... За шитье—полтора взяли...

И онъ снова началъ отряхивать рукавъ пиджака, такъ и щеголявшаго своей лоснящейся бѣлизной, такъ и вздымавшагося необмятыми еще переломами угловатыхъ складокъ...

Онъ не сказалъ бы этого своего слова, но... батюшка такъ упорно, казалось, вперилъ свой взглядъ на его новый костюмъ, что

онъ счелъ долгомъ предупредительно сообщить ему и о цѣнѣ за матерію, и о цѣнѣ за шитье.

Отецъ Иванъ, правда, и не ждалъ отвѣта на свой вопросъ отъ „Сени“, но, услышавъ то, что сказалъ онъ, и мигомъ проникнувъ въ теченіе его мысли—искренно развеселился:

— Идолъ!.. Валаамова ослица!—вскричалъ онъ, вскакивая и тормоша „Сеню“:—дай тебя расцѣловать!.. Ха-ха-ха!.. Удружилъ! Четвертакъ! Ха-ха-ха! Дурачокъ: весь міръ тогда слышалъ, какъ кричалъ оселъ, когда этотъ міръ весь заключенъ былъ въ Ноевомъ ковчегѣ!.. А онъ... Ха-ха-ха!.. Ну не идолъ-ли ты?!..

„Идолъ“ стыдливо, но радостно, улыбнулся, какъ китайскій божокъ, раздувая щеки и краснѣя отъ сознанія своего внутренняго довольства собою: вѣдь, что бы тамъ ни говорилъ батюшка, все-таки онъ, Сеня, парень умный и находчивый... Онъ разсмѣшилъ его и сразу разогналъ черныя, злыя думы на его, о. Ивана, лицѣ. А что у о. Ивана были нехорошія, злыя думы, это Сеня какимъ-то внутреннимъ непонятнымъ чутьемъ всякій разъ угадывалъ, и невольно какъ-то выходило такъ, что, желая искренно помочь своему настоятелю, но не зная какъ, онъ всегда говорилъ что-нибудь такое, отчего батюшка хватался за бока и разливался густымъ басовымъ раскатистымъ смѣхомъ. Отчего это? Но не все-ли равно... Злость, съ которой о. Иванъ задалъ ему вопросъ, такъ ясно для Сени слышавшаяся въ его голосѣ,—вся ушла куда-то, исчезла какъ дымная струя, забравшаяся въ кустъ орѣшника и внезапно подхваченная порывомъ вѣтерка съ поля...

— Такъ по чемъ?.. По четвертаку?.. Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!..—Батюшка отъ удовольствія повернулся даже на каблукѣ и, дирижируя рукою, на-распѣвъ сказалъ:

— „Отъ юности моея не стяжалъ есмь разума остра, и, великовозрастну сущу, не обрѣтеся ми мѣсто, точію пономаря, еже въ било бити и кадило разжигати. Такожде пребываю и до сего дне“...

Наконецъ, Сеня ушелъ, довольный и успокоенный и за себя (все-таки онъ пригодился батюшкѣ на что-нибудь), и за батюшку (не будетъ скучать онъ!)... Сенѣ казалось, что онъ скучаетъ по отсутствующей матушкѣ...

Отецъ Иванъ, между тѣмъ, успокоившись отъ неожиданнаго припадка веселья, снова сѣлъ къ окну, взялъ листокъ и вдумчиво

углубился въ чтеніе кривыхъ строчекъ, останавливаясь особенно на тѣхъ мѣстахъ, что были у него подчеркнуты краснымъ карандашомъ...

III.

Бѣлоголовый, въ красной рубахѣ, мальчикъ, приблизительно школьнаго возраста, взлѣзъ по обветшалымъ перилamъ часовни на крышу и съ нѣкоторымъ усиліемъ досталъ-такп заброшенную туда вѣтромъ и прибитую дождемъ, присохшую къ тесу бѣлую и выгорѣвшую на солнцѣ веревку. Торопливо дернулъ онъ за нее, не дожидаясь, пока сойдетъ внизъ, на ступеньки, покривившіяся и подгнившія,—и первый ударъ небольшого, заплѣснѣвѣлаго отъ времени колокола, висѣвшаго надъ низкимъ входомъ, гулко и бодро разнесся по деревенской улицѣ. Нѣсколько человѣкъ прохожихъ остановились, посмотрѣли на мальчишку, къ которому собралась уже цѣлая толпа его сверстниковъ, и который успѣлъ теперь благополучно перемѣнить свое воздушное помѣщеніе на болѣе безопасное—внизу, на галлерейкѣ, крытой и обнесенной плохимъ подобіемъ перилъ, идущихъ по ту и по другую сторону отъ входа въ часовню. Нѣсколько любопытствующихъ лицъ выглянуло изъ оконъ. Вдали—налѣво—прекратились танцы молодежи, шумной и веселой гурьбою собравшейся подъ темно-зелеными молодыми липами и кленами, нѣсколько лѣтъ тому назадъ перенесенными сюда, на деревенскую улицу, изъ лѣса „для украшенія ради“ голой и безпріютной улицы деревни В—ка. Справа отъ часовни, по той-же улицѣ, виднѣлась группа мужиковъ у одной изъ крытыхъ тесомъ хатъ, съ зелеными косяками и красными—кирпичнаго цвѣта рамами, вѣроятно, избы сельскаго старосты. Вотъ толпа заколыхалась, разлилась въ ширь и, медленно разбившись на живописныя кучки, стала подвигаться по бѣлесоватой „хвершовой“ дорогѣ, усыпанной мелкой галькою и желтымъ пескомъ, по всей видимости—земскому тракту — къ часовнѣ. Въ кучкахъ народа порой виднѣлась ряса священника и высокая фигура молодого человѣка съ круглымъ добродушнымъ лицомъ и малороссійскимъ воротомъ рубашки, ярко выдѣлявшимъ эту фигуру изъ остальной сѣро-мутно-желтой толпы. При болѣе внимательномъ взглядѣ наблюдатель увидѣлъ-бы подъ

круглой пуховой черною шляпой священника роскошные волосы отца Ивана и его благообразное, серьезное лицо, а подъ козырькомъ „семинарской“ фуражки молодого человѣка—невозмутимое и спокойное лицо псаломщика Семена Семеновича.

— Тутъ что-то затѣвается...—сказалъ прохожій въ длинномъ одѣяніи и темной высокой шапкѣ, обращаясь къ своей спутницѣ, не старой еще женщинѣ съ кожаной котомкою за плечами и съ палкою въ рукахъ, какъ обыкновенно ходятъ богомолки или люди, отправляющіеся въ далекое странствованіе.

— Что-жъ такое можетъ быть?—отвѣтила та.—И день—только воскресенье, и чужого народа нѣтъ... Я эту деревню знаю: сегодня никакого въ ней праздника нѣту-ти...

— Пождемъ мало, мать моя...

— Подождемъ, торопиться некуда: присядемъ вотъ тутъ на канавкѣ, подъ липами... Кстати, и колодецъ тутъ, а мнѣ давно испить хотѣлось.

— Инъ ладно!—поддакнулъ прохожій.—На травкѣ, такъ на травкѣ... Ой травка, ты, травка, зеленая травка!

Глаза спутницы прищурились, и расходящіяся вокругъ глазъ ея мелкія морщинки сдѣлались замѣтнѣе, но лицо отъ того нисколько не теряло привлекательности и сердечнаго, какого-то скрытаго, добродушія, смѣшаннаго съ лукавствомъ.

Парочка расположилась у колодца, въ тѣни подъ деревцами, какъ-разъ противъ часовни.

А колоколъ все гудѣлъ... Гудѣлъ, правда, не густымъ басомъ и не такимъ краснвымъ баритономъ, что балуетъ ухо горожанина, но всетаки гудѣлъ, — гудѣлъ настолько, что его слышала вся деревня и даже болѣе того—его слышали разстилавшіяся за деревней поля ржи, овса, ячменя и гороха; его слышалъ зубчатый синій лѣсъ, за полями!..

— И чего они звонятъ?—какъ-бы про себя сказала спутница путешественника въ высокой шапкѣ, на что тотъ, закусывая ватрушкой и свѣжимъ огурцомъ, поданными въ окошко, философски замѣтилъ, мало обращая вниманія на происходившее вокругъ:

— А вотъ, слѣпой сказалъ, посмотримъ!..

А посмотрѣть, дѣйствительно, было на что.

IV.

Началось это самой простой, обыкновенною сходкой, какія бываютъ всегда и вездѣ по разнымъ причинамъ въ селахъ и деревняхъ. Но на этотъ разъ сходка состоялась не по приказу старосты и не по желанію самихъ крестьянъ, а по лично выраженному старостѣ приглашенію со стороны пріѣхавшаго изъ села священника, отца Ивана. Староста, хотя и удивился нѣсколько такому необычному въ его вѣдомствѣ явленію—тѣмъ болѣе, что отецъ Иванъ не хотѣлъ говорить прямо, зачѣмъ собственно созываетъ онъ сходку, о чемъ хочетъ бесѣдовать съ крестьянами,—но желаніе священника всетаки исполнилъ.

Это была тихая, мирная сходка, съ особымъ оттѣнкомъ миролюбія, доброжелательства другъ къ другу, трезвой, разумной бесѣды, такъ-какъ ничьихъ матеріальныхъ интересовъ не касалась, ничьихъ правъ не подтачивала и не расшатывала, лично никого не задѣвала...

Всяко вѣдь бываетъ на сходкахъ! Отецъ Иванъ сначала и самъ не зналъ, что собственно онъ будетъ дѣлать въ В—кѣ, о чемъ и, главное, *какъ* онъ будетъ толковать съ крестьянами, Были разные планы, роились мысли, слетали съ языка отрывки предполагаемыхъ рѣчей... Но все это въ концѣ концовъ никуда не годилось, по его мнѣнію, казалось сухо, шаблонно, напыщенно или мелочно... А ему хотѣлось задѣть народъ за живое, затронуть его душу, иначе нѣтъ искренности, нѣтъ пониманія какъ для той, такъ и для другой стороны!..

Обстоятельства складывались благопріятно, и онъ поступилъ, воспользовавшись ими, пожалуй—не хуже, чѣмъ хитрый московскій царь Иванъ III-й, при покореніи Новгорода спрашивавшій у новгородцевъ, какого они хотятъ отъ него государства? Но эта внезапно осѣнившая его мысль явилась только въ послѣднюю минуту, когда онъ, нѣсколько взволнованный и смущенный, стоялъ лицомъ къ лицу съ сельскимъ сходомъ и подыскивалъ приличное начало для своей рѣчи: онъ вспомнилъ о письмѣ.

Рука его мгновенно опустилась въ карманъ подрясника, и онъ развернулъ извѣстный уже намъ листокъ...

Больше всего изумило сходъ неожиданное открытіе, что среди нихъ живетъ „сочинитель“, какъ сказалъ священникъ; онъ-то и написалъ это письмо. Но какъ зовутъ этого сочинителя—священникъ не сказалъ, скрылъ, заявивъ, что не можетъ этого сдѣлать, пока тотъ самъ не объявится. Но никто не объявлялся. Ужъ тутъ-ли онъ? На сходѣ-ли?.. „Ужъ не ты-ли это?..“ обращались во всѣ стороны вопросительные взгляды мужиковъ, устремленные другъ на друга. Но отвѣтомъ были вездѣ приподнятыя брови и такія-же вопрошающія лица: „Ужъ не ты-ли?..“ Удивленію не было границъ! Но это было хорошее удивленіе, смѣшанное съ гордымъ чувствомъ достоинства и смутнаго восторга. „Вѣдь какъ пишетъ-то шельмецъ! Точно въ книжкѣ... Да что иная и книжка!..“

Письмо очень понравилось сходу. Мысли, въ немъ высказанныя, и дали отцу Ивану поводъ приступить прямо къ дѣлу, объясняя причину пріѣзда:

— Чего именно сходъ отъ меня желаетъ?

Сходъ молчалъ, какъ-бы говоря этимъ, что онъ ни о чемъ не просилъ и ничего не желаетъ.

— Но вы слышали письмо... Вѣдь это писалъ одинъ изъ васъ... Разберемъ это письмо: худо-ли оно, хорошо-ли? Польза тутъ въ немъ человѣку желается, или вредъ... Что касается меня — я вполнѣ раздѣляю мысли того, кто писалъ, и говорю съ нимъ вмѣстѣ: „Да, язычники мы!..“

Хорошо говорилъ отецъ Иванъ. Онъ и проповѣди въ церкви говорилъ всегда безъ книги, но никогда не чувствовалъ себя такъ легко и свободно, никогда рѣчь его не лилась такъ плавно, мягко, сердечно, вразумительно. Онъ даже сначала какъ-будто удивился этой необыкновенной легкости и, такъ сказать, прозрачности мысли. Стоя на крылечкѣ часовни, онъ смотрѣлъ поверхъ головъ густой и внимательно слушавшей его толпы и говорилъ, говорилъ... Онъ велъ рѣчь о нестроеніи въ деревнѣ, объ упадкѣ нравовъ, о грубости этихъ нравовъ...

— Молю васъ,—раздавался его тихій спокойный голосъ, выходившій, казалось, изъ души:—Молю васъ, братцы, избавить вашего священника—меня или того, кто будетъ на моемъ мѣстѣ,—отъ удручающей душу скорби при взглядѣ на разладъ въ семьяхъ вашихъ, на жестокія драки, кончающіяся увѣчьемъ, смертоубій-

ствомъ иногда... Господи! Смертоубійство!.. Не виню васъ, братцы или правильнѣе сказать—виню, но виню и себя вмѣстѣ съ вами, даже больше виню себя, чѣмъ васъ...

Тутъ взглядъ его скользнулъ поверхъ соломенныхъ крышъ на противоположной сторонѣ улицы, черезъ амбары и гумна—въ поле, гдѣ по высокому хребту плоской возвышенности желтой лентою вилась дорога, и синѣлъ казенный сосновый боръ. Это была старая дорога изъ Новгорода на Ладогу, сухопутный трактъ временъ новгородскаго вѣча, теперь заброшенный и заличалый. По обѣ стороны отъ этого тракта, какъ онъ зналъ, почти отъ самаго Новгорода, широко шли воздѣланныя поля, обработанныя, культурныя, впитавшія въ себя потъ многихъ и многихъ поколѣній. Многихъ селъ и деревень, что есть на старинныхъ картахъ, теперь и въ поминѣ нѣтъ, даже мѣста, гдѣ они когда-то стояли, не найти; другіе—появились вновь... В—ко была именно такая старинная деревня, помнящая новгородскую республику; встарину она была даже селомъ, о чемъ свидѣтельствовало кладбище за деревней съ вросшимъ въ землю фундаментомъ церкви. А выпахиваемыя на огородахъ во множествѣ кости людей, домашняя утварь, цѣпи, багры и сковороды странной формы напоминали преданіе о литовскомъ нашествіи и казняхъ, его сопровождавшихъ.

Передъ умственнымъ взоромъ о. Ивана въ одно мгновеніе, какъ при вспышкѣ магнія въ темнотѣ, мелькнули образы Гостомысла и первыхъ призванныхъ князей; представилось ихъ тяжелое вооруженіе, суровые взгляды всадниковъ и пѣшихъ воиновъ изъ-подъ надвинутыхъ и крѣпко застегнутыхъ вокругъ шеи желѣзныхъ шапокъ... Они, безъ сомнѣнія, проходили здѣсь; поля эти слышали топотъ ихъ ногъ, лѣсъ эхомъ повторялъ бряцаніе оружія и сигнальные рожки... Проходили здѣсь и позднѣйшія дружины... Куда все это дѣлось? Куда унеслось?.. Что далъ тысячелѣтній опытъ этимъ полямъ, этому народу? Были тутъ, конечно, и крестные ходы, и учительныя слова, и книжное ученіе... Но что-же такъ бѣдна,—бѣдна и духовно, и матеріально,—эта въ почтительномъ молчаніи склонившаяся передъ нимъ толпа? Можемъ-ли мы въ одинъ этотъ пріѣздъ, въ одинъ годъ, въ одно

даже столѣтіе сдѣлать то, чего не могли сдѣлать многія столѣтія, многія рабочія руки, если только были такія руки?!. „Могу-ли я?!.“

Этотъ послѣдній вопросъ выплылъ какъ-то самъ-собою и своей черной, неуклюжею, громадной безформенной массой заслонилъ все, о чемъ до сихъ поръ думалъ о. Иванъ.

„Могу-ли?..“

Дерзкая и самонадѣянная мысль! Ты не можешь забѣжать впередъ и отвѣтить утвердительно!.. Но тайный голосъ говорилъ именно утвердительно:

— Да, могу и смѣю!

О. Иванъ даже поблѣднѣлъ немного, и его бросало то въ дрожь, то въ испарину: не грезится-ли ему все то, что онъ въ одну минуту успѣлъ перечувствовать, пережить? И какъ все это странно, неожиданно,—онъ совсѣмъ къ этому не былъ подготовленъ и ничего подобнаго не предчувствовалъ раньше. Не тѣни-же стертыхъ съ лица земли поколѣній управляютъ его мыслями! Не они-же нашептываютъ ему, подсказываютъ, рисуютъ картины, сбившись въ легкую крылатую массу безтѣлесныхъ существъ подъ этой тесовою крышею полуразрушенной часовни! Ужъ не они-ли заставили его сейчасъ сказать во всеуслышаніе, что въ грѣхахъ этихъ людей, которымъ вымершія поколѣнія приходились родоначальниками, виноватъ больше всего самъ онъ? Неужели онъ это сказалъ? Да, сказалъ. И если здѣсь присутствуютъ также души умершихъ учителей и просвѣтителей народныхъ, готовыхъ оказать помощь и защитить его, о. Ивана, живущаго и дѣйствующаго на землѣ ихъ собрата,—то они, эти души, совершенно тонутъ въ массѣ духовъ обвиняющихъ, и ихъ вліяніе ничтожно...

О. Иванъ почувствовалъ себя совсѣмъ нехорошо. Ужъ здоровъ-ли онъ? Откуда такія мысли? Онъ все время не переставалъ говорить съ народомъ, но что онъ говорилъ—рѣшительно теперь онъ не могъ-бы припомнить. Зато, все сказанное выше онъ помнилъ отчетливо, ясно, какъ-будто все это было вычеканено изъ серебра. Повидимому, онъ служилъ орудіемъ—но въ чьихъ рукахъ?..

Онъ безпомощнымъ взглядомъ окинулъ толпу, какъ-бы ища въ ней защиты отъ обступавшихъ его властныхъ образовъ, мрачныхъ и угрюмыхъ, и увидѣлъ, какъ сотни глазъ его добрыхъ прихо-

жанъ, старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ, дѣтей и отроковъ—впиваются въ него со слезами несознаннаго восторга на рѣсницахъ, слушаютъ, заглядывая ему прямо въ душу... И самъ онъ, въ свою очередь, какъ ему показалось, проникая за тѣлесную оболочку, смотрѣлъ въ душу собравшагося передъ нимъ народа; онъ видѣлъ, казалось, приливы и отливы чувства въ ней, зарожденіе стремленій... Не одна-ли душа у всей этой толпы, душа слабая, грѣшная, неумѣющая, какъ дитя, робкая, колеблющаяся въ добрѣ и злѣ, безразличная ко всему, стихійная, какъ волны на озерѣ, какъ порывы вѣтра въ вѣтвяхъ деревьевъ?.. Да, это одна душа, разбитая, какъ звенья стекла, на множество частей, и части эти свѣтятся и льютъ къ нему въ душу свои слабые многочисленные лучи, собираясь въ ней, какъ въ фокусѣ, и разсѣиваясь въ словѣ...

Уловивъ въ сознаніи эту послѣднюю мысль, о. Иванъ вдругъ почувствовалъ себя радостно и спокойно, точно преодолѣлъ какое-то невидимое препятствіе, которое стояло у него на дорогѣ и которое ему непремѣнно преодолѣть было нужно. Онъ почувствовалъ, что теперь знаетъ то, чего не зналъ раньше. И на вопросъ, выплывшій сначала въ видѣ пугающаго чудовища—могу-ли я?—онъ смѣло самъ себѣ отвѣтилъ теперь:

— Да, могу!

Онъ жаловался на неимѣніе помощниковъ, шипы и терніи трудной дороги; но теперь онъ знаетъ, гдѣ искать этихъ помощниковъ. Помощникъ, это—коллективная душа ввѣренныхъ его служенію людей, жаждущихъ свѣта и правды, ищущихъ и скорбящихъ по этому свѣту, по этой правдѣ, чающихъ и ожидающихъ, смятенныхъ и сбитыхъ сутолокой жизни на затемненную и загрязненную дорогу.

„Да, у нихъ нѣтъ ни одной книги (вспомнилось ему полученное письмо), у нихъ не было книги, можетъ быть, съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ здѣсь часовня, съ тѣхъ поръ, можетъ быть, какъ здѣсь воевала Литва, проходилъ со своими закованными въ желѣзо людьми Рюрикъ... Что-жъ? Пусть тысячу лѣтъ не было у нихъ книги, но это еще не значитъ, чтобы другая тысяча лѣтъ начиналась такъ-же... У нихъ староста часовенный неграмотенъ; но онъ прямой потомокъ зажареннаго литовцами своего предка, кости

котораго онъ выпахиваетъ теперь на огородѣ... Но это еще не значитъ, чтобы потомокъ его, часовеннаго старосты, былъ также неграмотенъ и также суевѣрно открещивался отъ того, чего не знаетъ и что знать ему должно"...

— Ты, Иванъ Петровичъ, прости меня Христа ради,—заключилъ о. Иванъ свою рѣчь, полную чистаго смиренія и глубокаго религіознаго чувства:—Прости, но прошу тебя, другъ, сними часовенные ключи съ твоего пояса и передай ихъ другому старостѣ, грамотному... Общество укажетъ... А книгъ я вамъ дамъ. И разрѣшаю вамъ каждый праздникъ, какъ вы просили меня, звонить въ колоколъ въ часовнѣ, собираться и читать эти книги... Грамотные у васъ найдутся! Да будетъ-же надо всѣми нами благодать Святаго Духа!..

V.

Былъ одинъ только человѣкъ, не принимавшій, повидимому, никакого участія во всемъ томъ, что происходило вокругъ часовни и въ часовнѣ. Человѣкъ этотъ—„сочинитель" извѣстнаго намъ письма.

Какъ только на сходѣ былъ вынутъ священникомъ изъ кармана его листокъ, онъ, стоявшій позади другихъ, съежился какъ-то, присмирѣлъ, подогнулъ колѣни, чтобы его не было видно изъ-за головъ другихъ крестьянъ, и все время не подымалъ глазъ, боясь пошевелиться, изъ опасенія, что вотъ-вотъ его узнаютъ и подымутъ на-смѣхъ.

По дорогѣ въ часовню, слѣдуя за другими, онъ, какъ-бы ненарокомъ, отсталъ отъ толпы, завернулъ за уголъ и бѣгомъ пустился по пустынному переулку, черезъ огороды, въ озимое поле, и спрятался тамъ—въ глубинѣ души обрадованный и потрясенный оборотомъ дѣла, поднятаго его письмомъ. Теперь, лежа во ржи, онъ припомналъ всѣ мельчайшія подробности, съ которыми сопряжено было у него написаніе этого письма... Онъ много писалъ такихъ писемъ, но всѣ они исчезали безслѣдно: онъ или рвалъ ихъ, или подкидывалъ куда-нибудь,—большею частію, пользуясь темнотою ночи, затискивалъ ихъ въ щель колодца на деревенской улицѣ, съ тайнымъ желаніемъ, что вотъ утромъ бабы пойдутъ на колодецъ за водой, найдутъ это письмо и отнесутъ его къ старостѣ,

и староста, проникшись благородными стремленіями — послужить бѣдному человѣчеству, соберетъ сходку и... Неизвѣстно, что долженъ былъ сдѣлать староста дальше, но что онъ долженъ непремѣнно сдѣлать что-то хорошее, — это казалось вполнѣ естественнымъ. Однако староста ничего не дѣлалъ, хотя бабы приносили ему нѣсколько разъ эти удивительныя бумажки, что находили иногда у колодца. Кто ихъ знаетъ—что въ нихъ написано? Не грозятъ-ли пожаромъ? Не напускаютъ-ли какую болѣзнь на народъ? Можетъ быть, наговоры какіе, колдовство?.. Староста прочиталъ только первыхъ два такихъ письма и рѣшилъ, что это письма не „сурьезныя“, а такъ—„блажь одна и воображеніе“, потому—гдѣ-жъ ему народъ учить и проповѣди вести: онъ просто староста и его дѣло *согнать* сходъ, да *очистить* всѣ недоимки... и только... А то на-ткось! Слѣдующіе за первыми двумя листами онъ уже прямо-таки не читалъ, видя въ нихъ повтореніе одного и того-же, и отдавалъ ихъ своей бабѣ, румяной и красивой неграмотной молодкѣ, а та оклеивала этими листами свой сундукъ... „Мало-ли шляющихъ людей проходитъ“,—разсуждалъ староста:— „Упаси Богъ!.. Съ этими-то писаніями нынче ой-ой: еще начальство узнаетъ—бѣда!“

И онъ благоразумно замалчивалъ письма...

Но то, что просится изъ души помимо нашей воли, не можетъ быть остановлено... Не остановила и Ѳому Ѳомина неудачная попытка сѣять добрыя чувства и мысли чрезъ посредство сельскаго начальства. Онъ былъ увѣренъ, что, если письма не подѣйствовали, какъ должно, безъ обнаруженія ихъ автора, то не подѣйствовала бы и его открытая проповѣдь въ народѣ, мало того—его, пожалуй, осмѣяли-бы, дали-бы какую-нибудь обидную кличку, и эта кличка перешла-бы потомъ къ его дѣтямъ, навѣки заклеймивъ ихъ насмѣшкою, ибо сказано: не принимается пророкъ въ отечествѣ своемъ...

Но мало походилъ на „пророка“ нашъ бѣдный Ѳома Ѳоминъ. Это былъ молодой, 30-лѣтній мужикъ, съ чахлой грудью и худощавымъ лицомъ, съ глазами какъ-бы выцвѣвшими отъ долгаго и неподвижнаго смотрѣнія въ пространство (любимая его поза, когда онъ о чемъ-либо задумывался)... Рѣдкіе бѣловатые волосы и жиденькая бородка съ придачей неумѣнья (и неимѣнья во что) одѣться прилично, застѣнчивость его, доходящая до полнаго отрѣшенія

отъ личности — передъ своей даже собственной бабой-женою, — все это дѣлало изъ „пророка“ нѣчто такое, что никоимъ образомъ не могло увлечь толпу. Онъ это чувствовалъ, онъ зналъ и потому дѣйствовалъ тайно. Къ тому-же, эта ужасная гримаса, судорожно являвшаяся у него на лицѣ, когда онъ былъ чѣмъ-нибудь взволнованъ, гримаса смѣющагося человѣка, хотя бы ему хотѣлось плакать—дѣлала прямо невозможной его фигуру для публичнаго представительства небесныхъ жителей на землѣ—добра и правды.

Лежа теперь подъ навѣсомъ колыхающихся и шепчущихся надъ нимъ колосьевъ, онъ мучительно вспоминалъ, что долженъ прятаться отъ жены, какъ воръ, какъ фальшивый монетчикъ, чтобы писать свои письма: баба не пощадила-бы его. О, она не пощадила-бы! Насмѣшливая, хотя и не злая, она отдала-бы его на посмѣяніе всей деревнѣ, всей волости, еслибы знала, о чемъ онъ пишетъ, запершись въ своемъ чуланчикѣ, въ сѣняхъ, при свѣтѣ керосиноваго ночника, въ то время, когда всѣ домашніе ложатся спать. Она вмѣстѣ съ подругами подсматривала иногда въ замочную скважину за его занятіями въ чуланчикѣ, видѣла случайно оставленные на столѣ листы, но была неграмотна и не могла знать, что въ нихъ написано. Практическая особа,—она не простила-бы мечтаній и порываній въ даль! Она цѣнила только то, что можно было купить или продать, что измѣрялось мѣрой и добывалось мускульной силою. Старикъ-отецъ былъ слѣпъ и глухъ, мать—удручена старческими болѣзнями; одна только сестра, замужняя, въ сосѣдней деревнѣ, понимала его, раздѣляла его чувства, и ей-то онъ иногда довѣрялъ то, что написано было у него въ таинственныхъ тетрадяхъ. Съ ней-то онъ и рѣшился послать свое послѣднее письмо къ священнику, за полной своей подписью, съ полной, какъ на духу, откровенностью.

И вотъ, результаты этого письма...

Онъ выпрямился надъ рожью, длинная и нескладная фигура его съ отвислыми плечами и болтающимися на нихъ, не въ мѣру широкими для худыхъ костлявыхъ рукъ, рукавами старой заношенной и много разъ починенной рубахи, далеко видна была средь ровнаго, колосистаго поля. Онъ постоялъ съ минуту, подумалъ и, согнувшись, пошелъ назадъ, къ деревнѣ, спотыкаясь о кочки

и покачиваясь, какъ мачта затонувшаго корабля, въ золотомъ ржаномъ морѣ...

Лицо его горѣло, глаза безпокойно блуждали, и лихорадочная дрожь пробѣгала по спинѣ, когда онъ подошелъ къ народу у часовни.

— Жеребенка искалъ,—сказалъ онъ стоявшему рядомъ мужику, неловко передергивая плечомъ и обнаруживая свою несносную гримасу.

Но мужикъ ничего не отвѣтилъ: онъ, казалось, не понялъ, о чемъ говоритъ этотъ парень, и началъ усерднѣе креститься, такъ какъ въ часовнѣ шла вечерня.

— А какъ нынче хороша рожь-то!—шепнулъ Ѳома Ѳомичъ, наклонясь въ другую сторону, къ сосѣду.

Тотъ посмотрѣлъ на него недоумѣвающимъ взглядомъ и отодвинулся дальше.

„Неловко все это“,—подумалъ онъ и отошелъ отъ часовни на канаву, гдѣ сидѣла извѣстная намъ спутница странника въ высокой шапкѣ. Самъ странникъ, какъ это видно было черезъ головы молящихся, находился въ часовнѣ и раздувалъ уголья въ кадилѣ, подпѣвая въ то-же время и помогая Сенѣ править псаломщицкую службу.

Но и здѣсь, рядомъ съ неизвѣстной женщиною, Ѳома Ѳоминъ чувствовалъ себя нехорошо; съ чего онъ подсѣлъ къ ней, когда весь народъ молится? Два-три человѣка обернулись къ нему изъ заднихъ рядовъ, и онъ, точно ужаленный, вскочилъ на ноги и, обойдя часовню, всталъ у бокового окна ея, недовольный собою и раздосадованный „дурацкимъ своимъ карахтеромъ“, — какъ онъ иногда любилъ втихомолку ругнуть себя за неумѣнье владѣть собою:—„Ну, и чего я?.. Никто и вниманія даже не обращаетъ“...

И онъ началъ молиться, мало-по-малу успокаиваясь. Тѣсная часовня биткомъ была набита мужиками, бабами, ребятишками: потныя раскраснѣвшіяся лица, тискотня и давка, шумъ вздымаемыхъ и опускаемыхъ рукъ, звяканье кадила, громогласное и неистовое пѣніе Семена Семеновича, вообще не отличавшагося мастерствомъ въ этомъ искусствѣ, а теперь, подъ низкимъ потолкомъ, въ тѣснотѣ и духотѣ, и совсѣмъ потерявшаго мѣру своему усердію и осторожности,—все это успокоительно подѣйствовало на расходившіеся

нервы бѣднаго „сочинителя“ писемъ, и онъ, подхваченный широкой волною молитвеннаго настроенія, скоро самъ почувствовалъ, что онъ здѣсь ничто, что онъ—не болѣе какъ щепка, уносимая теченіемъ въ глубину невѣдомаго моря, и бороться съ теченіемъ — думать о себѣ не можетъ и не хочетъ... И онъ отдался увлекавшему его потоку, какъ птица со сложенными крыльями,—отдался тому среднему, непонятному, таинственному состоянію на границѣ между дѣйствительной жизнью тѣла и пареніемъ духа, которое мы называемъ молитвою. По-временамъ лишь, разбуженный отъ своего полузабытья громкимъ возгласомъ священника, усердіемъ неловкихъ пѣвчихъ или крикомъ сдавленнаго толпой ребенка, онъ какъ-бы снова возвращался къ дѣйствительности и тогда видѣлъ ясно и загорѣлую шею Семена Семеновича, и красное прыщеватое лицо странника, стоявшихъ за рѣшоткой окна, останавливалъ взглядъ даже на промокшихъ отъ пота воротникахъ ихъ рубашекъ. Въ глубинѣ часовни, въ темномъ ея углу, замѣчалъ онъ суетящагося около выручки часовеннаго старосту, озабоченнаго, казалось, тѣмъ, что вотъ-вотъ напирающая въ двери толпа ворвется и въ безъ того уже биткомъ набитую часовню, разопретъ-раздвинетъ ея ветхія стѣны, и потолокъ обрушится прямо на обнаженныя головы молящагося народа... Но мгновеніе проходило, и все опять исчезало отъ взора и слуха, все погружалось въ полумракъ...

VI.

Вечеръ былъ тихій, теплый; кроткія звѣзды мигали на небѣ, догорала заря; гдѣ-то въ отдаленіи пѣлъ соловей... Но деревня не шумѣла своей обычной праздничною неурядицей: ни шума, ни пѣсенъ, ни гармоники не было слышно на улицѣ, хотя никто еще не спалъ. Кой-гдѣ въ окнахъ мелькали огоньки, и между избами виднѣлись одиноко проходившія фигуры запоздавшихъ приготовить ужинъ хозяекъ. Часовня была освѣщена, и тамъ шло чтеніе; группы народа сидѣли и въ часовнѣ, и вокругъ нея, на травѣ. Кой-гдѣ шла бесѣда вполголоса...

— Нѣтъ, мать моя,—слышалось въ одномъ мѣстѣ:—молодежь вовѣкъ не устоитъ супротивъ стариковъ! Старый читаетъ вразу-

мительно, тебѣ и понятно какъ-будто все... А эти—даромъ что въ школѣ учились: та-та-та! И скоро оно, и гладко; а все того нѣтъ скусу...

— Слава тебѣ, Господи! Въ свѣтлый Христовъ праздникъ не проводилъ такъ денька, какъ сегодня!—слышалось въ другомъ мѣстѣ.

А изъ часовни доносилось внятное неторопливое чтеніе: „Поставн, Господи, законоположителя надъ ними, да разумѣютъ языцы, яко человѣцы суть“...

Это былъ голосъ Ѳомы Ѳомина, вслѣдъ за другими робко приблизившагося къ аналою и, дождавшись очереди, осмѣлившагося почитать народу. Онъ читалъ хорошо, и чтеніе его дѣйствительно могло нравиться, какъ говорилось о томъ въ толпѣ.

„Тамо убояшеся страха, идѣже не бѣ страхъ...“ Въ каждое слово, казалось, онъ влагалъ свой особый смыслъ.—„Не тако нечестивіи, не тако: но яко прахъ, его-же возметаетъ вѣтръ отъ лица земли...“ грустно и проникновенно звучалъ его слабый, но искренній, голосъ среди торжественной тишины... А между тѣмъ, въ сторонѣ отъ часовни между мужиками шелъ оживленный разговоръ о наймѣ учителя. И учитель былъ нанятъ: онъ оказался тѣмъ самымъ странникомъ, что закусывалъ на канавѣ огурцомъ...

Мужики были рады, что человѣкъ не дорожился цѣною... Рады были и ребятишки. Рады были матери. Радъ былъ и самъ скитающійся по бѣлу-свѣту странникъ со своей подругою: довольно вольной птицею безъ толку и безъ цѣли бродить по свѣту! Теперь есть пріютъ, есть дѣло, есть друзья...

VII.

Недавно проѣзжалъ я деревней В—омъ, слушалъ чтеніе въ часовнѣ, разсматривалъ книги, что прислалъ отецъ Иванъ,—видѣлъ новую школу и бесѣдовалъ съ Ѳомой Ѳоминымъ. Инкогнито его, благодаря нескромности его жены, теперь открыто, но это его уже не смущаетъ такъ, какъ тогда, въ первый пріѣздъ отца Ивана. Общество выбрало его часовеннымъ старостой, и предшественникъ его, богатый мужикъ, не только не чувствовалъ къ

нему никакой непріязни, зависти или недоброжелательства, но—напротивъ—былъ самымъ усерднымъ и ревностнымъ его помощникомъ въ дѣлѣ поднятія нравственнаго и умственнаго уровня деревни, помогая деньгами. Я говорилъ съ Ѳомой Ѳоминымъ; онъ рѣшительно подтверждаетъ теперь общую въ округѣ молву, что деревню даже и не узнать противъ прежней,—до того перемѣнился буйный и драчливый нравъ, поддерживавшійся кабакомъ, который, кстати, теперь вовсе закрытъ. Бѣднякъ жаловался только, что не можетъ найти подходящаго учителя для ребятишекъ...

— А что-же тотъ странникъ? Развѣ не хорошъ?

— Э, странникъ! Ищи вѣтра въ полѣ... Какъ пришла зима—сбѣжалъ... Оставилъ записку и сбѣжалъ, даже свою бабу забылъ захватить съ собою,—живетъ теперь у меня въ работницахъ... А вотъ и записка...

Онъ вынулъ изъ „божницы“ желтый лоскутъ бумаги, гдѣ карандашомъ нацарапано было: „Оставляю тебѣ твою шапку и твои (шло неразборчивое слово), а самъ бѣгу, потому—пить хотца! До пріятнаго свиданія!“

И больше ни слова...

Такъ закончилась исторія съ письмомъ Ѳомы Ѳомина. Но закончилась-ли?

Не есть-ли это начало большого славнаго дѣла?

— А не боитесь вы сектантства? — спросилъ я при встрѣчѣ съ отцомъ Иваномъ.

Онъ ласково улыбнулся.

— Думалъ я объ этомъ... Но отвѣтственность беру на себя! Не боюсь — какъ не боюсь огня, который можетъ сдѣлать пожаръ въ домѣ,—потому-что знаю, какъ имъ пользоваться. Иначе пришлось-бы не топить печей и не зажигать лампы, и моя Манюша должна была-бы жить въ темнотѣ и умереть отъ холода...

Отецъ Иванъ громко и славно засмѣялся.

„Дѣдъ“.

I.

Я стоялъ на самомъ краю могилы и смотрѣлъ въ ея темную, сырую пропасть, мрачную и унылую, съ неровными боками и грязнымъ дномъ, съ чернымъ пластомъ перегноя, мусора и щепокъ вверху, зловонныхъ и мокрыхъ, однимъ своимъ видомъ способныхъ убить всякую мысль о безсмертіи, о мѣстѣ вѣчнаго упокоенія... Словомъ, это былъ типическій образецъ петербургскихъ могилъ, иногда размываемыхъ паводненіемъ! И вотъ, въ нее-то, въ эту безобразную яму, сейчасъ опустятъ гробъ человѣка, чье сердце билось возвышенной любовью къ жизни, къ свѣту, къ людямъ...

Мнѣ вспомнилась другая такая-же могила. Желтый, сухой, точно сплоченный изъ промытыхъ и очищенныхъ крупинокъ золота песокъ чередовался въ ея шероховатыхъ обрѣзахъ съ бѣлыми, какъ снѣгъ,—мелкими известковыми камешками, съ кусочками кварца и полевого шпата разныхъ породъ, блестѣвшими на солнцѣ разноцвѣтными полосками, крапинками и пятнами. Лѣтнее солнышко грѣло сильно, и могила казалась уютной, теплой кельей, куда измученная душа человѣка уходитъ отъ насъ, чтобы отдохнуть отъ горя и заботъ, навсегда похоронить себя во мракѣ и тишинѣ ничѣмъ ненарушаемаго покоя. Все это вспомнилось мнѣ, когда я стоялъ на краю хмурой петербургской могилы. Вспомнился и яркій день, и согрѣтое лѣтними лучами кладбище, съ ветхими, про-

стыми старыми и новыми крестами, съ шумящей внизу быстрой мелководною рѣчкой, съ бѣлой церковкой съ одной стороны, помѣщичьимъ садомъ—старымъ и тѣнистымъ—съ другой и съ раскинувшимся за рѣкой хаосомъ низенькихъ деревянныхъ строеній деревни—съ третьей.

Тогда мы хоронили сельскую учительницу, теперь—народнаго учителя...

„Помолимся, братіе,—началъ молодой священникъ, по окончаніи обѣдни, грустнымъ и проникновеннымъ голосомъ,—помолимся объ упокоеніи души сельской учительницы...“ Толпа собравшихся по случаю праздника крестьянъ вздрогнула, какъ-бы зашевелилась и вся превратилась въ слухъ и вниманіе: что-то скажетъ отецъ Иванъ?..

Я какъ сейчасъ вижу эту маленькую деревенскую церковь, всю пронизанную лучами утренняго солнца; солнце играетъ на ризахъ иконъ, на лицахъ молящихся, осыпаетъ золотыми искрами простенькій деревянный гробъ, обитый голубой шерстяной матеріей, съ коленкоровыми сборками по краямъ, осторожно касается сложенныхъ на груди рукъ и, подвигаясь все выше и выше, мягко и нѣжно скользитъ по подбородку покойницы и, наконецъ, останавливается на блѣдномъ и спокойномъ лицѣ ея...

Мертвая тишина царила кругомъ—бабы съ плачущими дѣтьми поспѣшно выходили изъ церкви, мужчины сдерживали дыханіе. А отецъ Иванъ все говорилъ, говорилъ, и каждое его слово—неторопливое, спокойное, сказанное искреннимъ, убѣжденнымъ тономъ—падало, казалось мнѣ, каплей, долбящей камень. Передъ умственнымъ взоромъ внимательно слушающаго народа, по волшебному слову о. Ивана, какъ живыя, вставали грустныя лица труженниковъ на пользу народную, работниковъ, „добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ“, но людей не обезпеченныхъ, не защищенныхъ ни съ какой стороны, кротко и терпѣливо подставляющихъ свою грудь подъ удары ужасныхъ условій, въ которыхъ имъ приходится трудиться. Потъ каплетъ съ ихъ лба, голосъ надрывается, опускаются руки, закрываются навѣки глаза...

— А между тѣмъ, на нихъ-то, на этихъ труженикахъ, смиренно складывающихъ свои кости въ глухихъ, безвѣстныхъ селахъ и деревняхъ нашихъ, держится все зданіе государственное,

какъ держится на столбахъ всякое строеніе,—продолжалъ о. Иванъ, указывая широкимъ жестомъ на бренные останки одной изъ представительницъ „труженичества“.

На лицахъ окружающихъ, загорѣлыхъ и загрубѣлыхъ на работѣ подъ жгучими лучами солнца, мнѣ чудилось неясное пробуждающееся сознаніе, мерещилась чуть-чуть сознанная, но еще дремлющая, мысль: Россія,—что такое Россія?.. По словамъ о. Ивана, выходило что-то могучее, крѣпкое, сильное, безконечное какъ море, но—какъ море-же—темное и страшное въ глубинахъ своихъ, гдѣ идетъ вѣковѣчная глухая борьба, скрытая для глазъ драма, гдѣ нѣтъ враговъ, но есть побѣжденные, гдѣ нѣтъ крестовъ, но есть мученики...

Взволнованный и смущенный смѣлостью сужденій о. Ивана я вышелъ на паперть и сѣлъ на ступеньку лѣстницы у входа За мной, одинъ за другимъ, выходили мужики и бабы и размѣщались въ живописномъ безпорядкѣ на травѣ, на солнечномъ припёкѣ, и подъ липами, на выступѣ церковной ограды.

— Вотъ, братецъ мой,—донесся до моего слуха чей-то мужской голосъ:—ты говоришь—„проповѣдь“... Всякая бываетъ проповѣдь. Помнишь архирея: и хорошо говорилъ, и складно, а все не то... Все одно и то-же: почитай родителевъ, не убей, не крадь... Это-то мы ужъ, може, тыщу разъ слыхали...

— Что и говорить, попъ добрый намъ попался, надо его, братцы, поддержать, не убѣгъ-бы на другое мѣсто...

— А какъ ёнъ про Рассею-то! Ахъ ты, дуй-тя горой! Отрадясь не приходили такія мысли въ голову. Вотъ-те и русскій человѣкъ!..

— А мнѣ, братцы, такъ и представилось вотъ, что тамъ, гдѣ-то далече, далече—стоятъ эти учители и учительши въ полѣ, въ Рассеи, значитъ, и складываютъ крестомъ руки, и на колѣняхъ стоятъ, стоятъ, этта, и умираютъ... стоятъ и умираютъ... и руки крестомъ...

— Гм... далече! Чего далече искать—у насъ это...

— И то, братцы, правда... Надо-бы намъ школу-то объютить получше, а то нечего грѣха таить—холодъ, грязь, тѣснота... Фершалу тоже-бы малость квартирку прибавить, потому—семьища у человѣка...

Въ это время покойницу вынесли изъ церкви. И, слѣдуя за многочисленной толпою, только теперь, послѣ рѣчи о. Ивана, понявшей, что она хоронитъ дорогого и близкаго ей человѣка, друга безкорыстнаго и преданнаго, только теперь почувствовавшей, что сама она, толпа, есть ни больше, ни меньше, какъ одинъ сплошной, стоголовый другъ и покровитель—можетъ быть, единственный на этомъ свѣтѣ,—этой скромной и незамѣтной при жизни молодой труженицы,—я направился къ свѣжей могилѣ на берегу.

— Надо могилку-то обгородить... Да пусть-бы ребятишки кустовъ насажали!—толковали шедшіе сзади меня мужики, тѣ, что разсуждали о Россіи.

Бѣдная улетѣвшая душа! Она порадовалась-бы, навѣрное порадовалась-бы и на минуту хоть была-бы счастлива—этой простой и немудрой похвалою, выразившеюся въ заботливости о „кустахъ“. Вѣдь это—признаніе заслугъ, памятникъ въ сердцахъ многихъ поколѣній, о чемъ такъ часто, вѣроятно, думалось ей въ глухія осеннія ночи, въ низенькой каморкѣ, при тускломъ свѣтѣ плохой керосиновой лампы... Но мертвые не слышатъ и не видятъ. Дѣло жизни кончено, итоги подведены...

На минуту, чрезъ головы народа, я видѣлъ качнувшійся сначала вправо, потомъ влѣво голубой гробъ и затѣмъ разслышалъ глухіе удары земли о крышку гроба...

Могильщики дѣлили пожертвованныя бабами концы холста, на которыхъ опускали покойницу.

Добрый другъ опоздалъ со своимъ привѣтствіемъ...

II.

И вотъ, опять на могилѣ...

„И много такъ могилъ, и много такъ крестовъ“... Послѣдняя фраза не давала мнѣ покою,—вѣроятно, слова когда-то вычитаннаго стихотворенія, но когда, откуда,—я никакъ не могъ вспомнить. „И много такъ могилъ, и много такъ крестовъ“—жужжало у меня въ ушахъ съ самаго ранняго утра, еще когда я собирался на кладбище. Эти слова сверлили мой мозгъ еще въ то время, когда траурная колесница, окруженная большой толпою народа, пока-

залась изъ-за угла прилегающей къ кладбищу улицы, и тогда, когда гробъ внесли по широкимъ каменнымъ плитамъ въ кладбищенскую церковь, биткомъ набитую молящимся народомъ, провожавшимъ другихъ покойниковъ... Вырвавшись изъ давки и тѣсноты въ церкви, я пошелъ бродить по усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ среди могилъ, отыскивая приготовленную учителю.

„И много такъ могилъ, и много такъ крестовъ!..“

Мнѣ это надоѣдало, безпокоило меня. Я отмахивался отъ этого жужжанія, какъ отъ назойливой мухи, но выходило только хуже: оно звучало громче, смѣлѣе и, наконецъ, даже стало звучать какимъ-то дикимъ напѣвомъ, мрачнымъ и угрожающимъ...

Я усиленно курилъ, снималъ шляпу, теръ лобъ, виски, то читалъ надписи на памятникахъ, то садился на скамейку, гдѣ-нибудь въ уголкѣ, то, наконецъ, вмѣшивался въ говорливую толпу, стоявшую на площадкѣ у церкви, разговаривалъ со знакомыми... Но наводящая тоску фраза ни на минуту не покидала меня.

— Что, братъ, ты... такой?—разслышалъ я за собою чей-то знакомый, бодрый и веселый голосъ.—Точно землю продалъ?..

Передо мной былъ мой старый другъ Ярема. Я очень обрадовался встрѣчѣ съ нимъ, и мы сѣли на обглоданную временемъ плиту чьей-то забытой могилы.

Я разсказалъ...

Добрые голубые глаза моего друга какъ-то многозначительно прищурились.

— Брысь!..

Это было его любимое восклицаніе, когда онъ бывалъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, не желалъ о чемъ-либо говорить, или находилъ бесѣду не у мѣста.

— Вотъ послѣ обѣдни забѣжимъ помянуть „дѣда“... Потолкуемъ... „Кока“ будетъ, „Васяпа“, „Петро“ (онъ выговаривалъ—„Пѣтро“, это все были имена товарищей—учителей, своеобразно имъ искаженныя—для краткости, какъ онъ объяснялъ).

— Про какого ты „дѣда“ говоришь?

— Ну?!. Да покойника-же. Мы всѣ его такъ окрестили: онъ старшой былъ между нами.

И вслѣдъ затѣмъ онъ снялъ шляпу, погладилъ свои коротко остриженные, преждевременно сѣдые волосы (ему не было еще и

40 лѣтъ) и полушутя, полусерьезно произнесъ: „Наши дѣды стали стары, глаза стали слѣпы, ноги стали слабы, и всѣ стали плохи!“— выраженіе изъ азбуки Толстого, языкомъ котораго онъ восхищался.

Онъ производилъ, дѣйствительно, такое впечатлѣніе—быстро идущаго къ старости человѣка и этимъ выраженіемъ, между прочимъ, характеризовалъ послѣдніе годы жизни покойника, когда онъ зачастую въ классѣ, а иногда на улицѣ или въ книжномъ магазинѣ, гдѣ-нибудь, хватался за грудь и внезапно опускался на корточки, а то и просто садился на землю, не въ силахъ будучи вынести мучившей его боли.

— Что за болѣзнь у него была?

— Главная артерія ухнула... Въ минуту дѣло сдѣлалось... Ха-арашо, братъ!..

Ярема закурилъ и грустно умолкъ.

Замолчалъ и я, такъ-какъ въ ушахъ у меня опять начинало раздаваться: „И мно-ого такъ мо-огилъ“... Но уже мотивъ былъ другой, невыразимо печальный, какъ-бы отвѣчающій доносившемуся изъ церкви возгласу діакона: „Мирна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ у Господа просимъ“...

III.

Съ „дѣдомъ“, какъ звалъ Ярема народнаго учителя Капитона Степановича Можайскаго, я встрѣчался часто. Особенно мнѣ памятна встрѣча на праздникѣ въ сельскомъ 2-хъ-классномъ училищѣ, куда я былъ приглашенъ въ качествѣ бывшаго ученика. Это былъ школьный праздникъ, юбилейное торжество, собравшее въ стѣны заведенія не только деревню, всю—отъ мала до велика, но и много народа изъ разныхъ мѣстностей Россіи, когда-либо учившагося въ этомъ училищѣ и потомъ разсѣяннаго преимущественно по селамъ и деревнямъ. Изъ числа учившихся въ немъ 38% потомъ сдѣлалось учителями.

Я запоздалъ явиться на вокзалъ къ назначенному друзьями времени, а потому ѣхалъ одинъ, съ послѣднимъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги. Въ глухую морозную ночь я очутился

на пустынномъ полустанкѣ въ N—ой губерніи и недоумѣвалъ, какъ мнѣ быть, чтобы попасть въ село, до котораго было довольно далеко. Дулъ вѣтеръ, мела метель, огни на станціи гасплись. Надо было что-нибудь предпринять...

— Вы не въ училище-ли?

При тускломъ свѣтѣ мигающаго станціоннаго фонаря изъ окружающей тьмы высунулось на меня закутанное въ армякъ бородатое, объиндѣвѣвшее лицо съ нахлобученной на глаза мохнатой шапкою.—Пожалте! Лошадка готова.

Оказалось, что это былъ подряженный училищемъ ямщикъ, чтобы ѣздить за гостями на станцію. Онъ ѣздилъ за ними съ самаго утра, къ каждому поѣзду, и это была послѣдняя его поѣздка сегодня...

Онъ похлопалъ рукавицами и, точно обрадовавшись, что не пустому приходится ѣхать назадъ, побѣжалъ къ лошади, шмыгая валенками по обледенѣлой платформѣ.

— Много народу пріѣхало?—спросилъ я, когда мы ныряли уже въ полѣ между сугробами...

— Народу? И, много, братъ, мно-ого!..

Ямщикъ говорилъ правду: на другой день оказалось, что собравшихся было до 200 человѣкъ, изъ нихъ добрая половина—пріѣзжихъ.

— Васъ прпказано къ Пахомову отвезти, такое распоряженіе Капитона Степаныча, потому тамъ зачалась школа и тамъ ёпъ, значитъ, впервой учить зачалъ. Всѣ тамъ, кто постарше... А тѣ, что послѣ курсъ окончили—въ школѣ, али у дьячка, у „бати“, али такъ по избамъ по знакомымъ да по товарищамъ почуютъ... Вонъ—и огонекъ еще не погашенъ у Пахомовыхъ.

Ямщикъ сталъ стучать въ ворота, и послѣ нѣкоторыхъ усилій ему удалось заглушить вой метели звонкими ударами кулаковъ въ калитку; насъ услышали, и на вопросъ—кто тамъ?—ямщикъ закричалъ:

— Свои, отворяй! Учители!..

Кое-какъ, ощупью, по разнымъ ходамъ-переходамъ, въ темнотѣ, руководимый вышедшимъ отпереть намъ ворота мужикомъ, впослѣдствіи оказавшимся хозяиномъ дома, я вошелъ, наконецъ, въ теплую кухню, погруженную во мракъ. На полу—и въ сосѣд-

ней комнатѣ, и въ кухнѣ—слышно было, спятъ какіе-то люди. Это была семья хозяина, уступившая свое мѣсто въ комнатахъ почище—пріѣзжему люду...

— Вотъ сюда пожалуйте!

Онъ тихонько толкнулъ досчатую дверь налѣво, сквозь которую мерцалъ въ щеляхъ огонекъ, и мы сразу очутились въ полосѣ свѣта, шедшей черезъ раскрытыя настежъ двери изъ просторной свѣтлой комнаты съ бѣлыми стѣнами—гладко строганными, новыми; на окнахъ висѣли зубчатыя занавѣски, стояли какіе-то горшки съ цвѣтами; на столѣ, бокомъ къ лампѣ, блестѣлъ самоваръ, а на полу, протягивая ноги за половину комнаты, лежало на наваленномъ сѣнѣ, покрытомъ простынями, 7—8 полураздѣтыхъ гостей, или „своихъ“ людей, какъ выразился ямщикъ. Послѣ мнѣ говорилъ хозяинъ, что онъ очень-бы обидѣлся, еслибы не къ нему наѣхали ночевать Капитонъ Степановичъ и его пріятели.

— Вотъ вамъ и еще гостя привелъ!—сказалъ онъ, улыбаясь всѣмъ своимъ широкимъ, румянымъ, круглымъ лицомъ и одергивая подолъ красной кумачовой рубашки.

Не успѣлъ я раздѣться какъ слѣдуетъ, какъ очутился въ веселой дружеской компаніи, и пошли обычные въ такихъ случаяхъ разговоры, всю прелесть которыхъ составляетъ свободное, искреннее задушевное слово. Друзья мои передъ моимъ приходомъ частію спали, частію, протянувшись на сѣнѣ, попивали чаекъ, частію ютились у самовара, тихо бесѣдуя, чтобы не разбудить спавшихъ за стѣной хозяевъ. Душою собравшагося здѣсь общества былъ Капитонъ Степановичъ, одинъ изъ дѣльныхъ и заслуженныхъ народныхъ учителей. Онъ лежалъ въ непринужденной позѣ, закинувъ руки на подушку подъ голову, и что-то разсказывалъ внимательно слушавшимъ его пріятелямъ. Послѣ перерыва, произведеннаго моимъ пріѣздомъ, разсказъ его вновь продолжался, порою заглушаемый чьимъ-либо смѣхомъ, замѣчаніемъ. Видно было, что ему пріятно вспомнить свои первые учительскіе годы въ этомъ именно селѣ, даже въ этомъ домѣ.

— Онъ теперь (домъ) не тотъ, что былъ. Тотъ сгорѣлъ. А этотъ послѣ пожара выстроенъ,—говорилъ Капитонъ Степановичъ своимъ густымъ отрывистымъ басомъ, дополняя рѣчь, жестами

руки и взглядомъ большихъ выразительныхъ глазъ, смотрѣвшихъ поверхъ золотыхъ очковъ, которыя онъ обыкновенно снималъ передъ самымъ уже сномъ. — Тотъ домъ былъ двухъ-этажный, классы—наверху, здѣсь—хозяева (это говорилось для тѣхъ, кто поступилъ въ училище позже другихъ, когда оно было переведено въ казенное каменное зданіе, бывшее гостинницей на петербургско-московскомъ шоссе, когда не было еще „чугунки“).—Вотъ говорю я разъ Михайлѣ (учителю, товарищу его по школѣ): „Давай-ка, братъ, лучше ляжемъ да поплюемъ въ потолокъ... „Давай“, говоритъ“... Вотъ лежимъ. Куримъ. Молчимъ. Вдругъ звонокъ. Сторожъ вбѣгаетъ—„князь“, говоритъ (бывшій мировой посредникъ, попечитель)... Мы лежимъ на кроватяхъ... Онъ по комнатѣ бѣгаетъ, горячится...—„Что вы дѣлаете? Что дѣлаете? Подписывайте“.—Нѣтъ, князь, извините, не можемъ согласиться!.. Вотъ оно какъ было дѣло-то. Ого!.. Ну, потомъ плюнули на все и поѣхали: я—въ самарскую, Михайла—въ попы, въ полкъ поступилъ...

Капитонъ Степановичъ повелъ своимъ большимъ орлинымъ носомъ, снялъ, протеръ очки и снова легъ поудобнѣе, натянувъ повыше свою теплую енотовую шубу, которою былъ одѣтъ.

— Я до сихъ поръ не слыхалъ, что „это“ вамъ такъ трудно далось.—раздался чей-то голосъ изъ угла.

— А какъ-же! Было... А всетаки по нашему сдѣлалось: прежде, чѣмъ уйти, я—въ Гатчину, Михайла—въ Питеръ. Можно принять? Можно, если экзаменъ выдержатъ. Ну, засадили мы своихъ ребятъ—вотъ этихъ разбойниковъ, за работу, лѣтомъ подготовили, а потомъ—съ Богомъ и въ дорогу, разъѣхались...

Непонятный съ перваго раза разговоръ дѣлался мнѣ все яснѣе и яснѣе: Капитонъ Степановичъ разсказывалъ о тѣхъ затрудненіяхъ, какія имъ, учителямъ перваго, такъ сказать, призыва, приходилось испытывать на нивѣ народнаго образованія. Столкновеніе произошло съ инспекторомъ народныхъ училищъ и попечителемъ-княземъ (кстати сказать—гуманнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ) изъ-за принципіальнаго вопроса: куда направить юношей, только-что окончившихъ школу (двухклассную). Это былъ первый выпускъ, могущій существенно повліять на направленіе всѣхъ послѣдующихъ выпусковъ. Князь и инспекторъ рѣшили сдѣлать воспитанниковъ учителями школъ грамоты въ деревняхъ,

окружающихъ двухклассную школу. Учителя-же стояли на томъ, что воспитанникамъ необходимо прежде окончить курсъ спеціальнаго учебнаго заведенія, а потомъ уже идти учить другихъ, такъ какъ двухклассная школа не можетъ дать „учителя“ ни въ какомъ случаѣ; это значило-бы понизить самое дѣло образованія народа, исказить самое понятіе „учитель“... Бурныя засѣданія школьнаго совѣта по этому вопросу дошли до того, что оба учителя, устроивъ предварительно принятіе своихъ учениковъ въ учительскія семинаріи и институты, только-что открывавшіеся тогда, вышли въ отставку.

Этотъ разсказъ я привожу въ подробностяхъ потому, что на другой день, на торжествѣ въ школѣ, эти-же два взгляда на одинъ и тотъ-же предметъ опять встрѣтились.. Въ наполненномъ сотнями народа залѣ училища пріѣхавшій на праздникъ одинъ изъ представителей оффиціальнаго міра сказалъ рѣчь, въ которой съ особенной силою выразилъ ту мысль, что ученики школы, оканчивая въ ней курсъ, должны остаться такими-же крестьянами, что и отцы ихъ, а не идти въ другія учебныя заведенія. Но эта мысль вызвала горячую отповѣдь въ рѣчахъ, сказанныхъ вслѣдъ за тѣмъ съѣхавшимися сюда бывшими воспитанниками училища. Недоразумѣніе—тѣмъ болѣе непріятное, что лицо это взяло на себя смѣлость произвольно толковать намѣренія высшей власти, всегда стоявшей за широкое развитіе образованія...

— Ты разскажи-ка, какъ тебя чиномъ наградили!—сказалъ кто-то изъ лежащихъ на полу.

Капитонъ Степановичъ не вдругъ разговорился, но всетаки разговорился...

IV.

— Гм... Гм... Не въ томъ, братцы, штука,—какъ наградили! Я говорю, штука-то не въ томъ...

Онъ всталъ со своего ложа, вынулъ изъ кармана брюкъ серебряный портсигаръ, закурилъ на лампѣ и опять легъ на свое мѣсто, подъ шубу.

— „Народы“ старѣютъ. Старѣютъ „народы“ и болѣютъ... Дѣтвору народили „народы“... Гдѣ Михайла? Нѣтъ Михайлы... Былъ—

и нѣтъ... Волею Божіею помре Михайла... Андрейка помре... Янька Коротышъ—тожъ... Много „народовъ“ умерло, такъ что мнѣ, старому „дѣду“, стыдно на свѣтѣ жить становится...

Каптонъ Степановичъ крякнулъ нѣсколько разъ и сердито заворочался у себя подъ шубой.

„Народы“, какъ звалъ онъ перечисленныхъ имъ народныхъ учителей, его бывшихъ учениковъ,—всѣмъ намъ были знакомы. Люди эти умерли послѣ нѣсколькихъ недолгихъ лѣтъ учительства въ деревенской глуши, оставивъ безъ куска хлѣба большія семьи. Такихъ „народовъ“ много на святой Руси. О нихъ-то и сокрушался „дѣдъ“, особенно о ихъ „дѣтворѣ“, которую надо не только кормить, но и учить, чтобы поставить въ возможность зарабатывать свой хлѣбъ интеллигентнымъ трудомъ. А какъ, гдѣ учить—объ этомъ „дѣдъ“ былъ освѣдомленъ лучше, чѣмъ кто-либо другой изъ насъ, такъ-какъ и личный опытъ, и многочисленныя жалобы на недоступность образованія для дѣтей сельскихъ педагоговъ—все это давно камнемъ ложилось на его отзывчивую душу.

— Въ семинарію ученика возилъ... Разговорились съ директоромъ... Жалуется, что много „народовъ“ мретъ, не успѣвъ, какъ слѣдуетъ, послужить школѣ сельской... Я прямо такъ и сказалъ: „Ѣдятъ скверно, ваше превосходительство!..“ Съ 8-ми рублевой стипендіей,—да еще и одѣться, и квартиру нанять въ городѣ,—здоровья много не напасешь... А *тамъ*—подточенное и расшатанное легко уже доканать... Такъ и сказалъ.—„Вѣрно“, говоритъ, „да только не намъ объ этомъ судить“...

„Дѣдъ“ опять закряхтѣлъ и заворочался на полу.

— Вотъ тоже про чины говорите. Какже! Было... Я никогда не просилъ себѣ ничего. Ну, нашли, что надо чинъ дать. Ну надо—такъ надо! Хорошо. „Вы,—говорятъ,—только такъ, знаете-ли, для формы одной, только для формы... Чуть-чуть такъ, хоть вотъ столечко... Не намъ это, мы васъ знаемъ, а чтобы законъ-то, законъ-то говорятъ, соблюсти, чтобы его-то, говорятъ, подлеца, закона-то 28-го года, не потревожить,—старыя его кости чтобы какъ не задѣть!..“

Оригинальный способъ выраженія, какимъ владѣлъ Каптонъ Степановичъ, необычайная серьезность при этомъ, выразительные жесты, которыми онъ умѣлъ въ совершенствѣ дорисовывать картину,

едва-едва лишь набросанную словами (онъ не отличался говорливостью вообще, но, если говорилъ, то говорилъ горячо и съ одушевленіемъ),—все это было интересно, завлекательно; а необыкновенная память, острая наблюдательность и безчисленное множество лицъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться и которымъ онъ давалъ въ разсказѣ мѣткія характеристики, дѣлали рѣчь его умной и поучительной, заставлявшей слушателей сдвигаться тѣснѣе, чтобы не проронить ни слова.

На полу нашлось мѣсто и мнѣ. Выпивъ наскоро стаканъ холоднаго чаю, полураздѣтый, я залегъ въ одну общую кучу „народовъ“, внимательно слушавшихъ своего „дѣда“. Близъ дверей, охвативъ руками колѣни и положивъ на нихъ свою черную косматую бороду, сидѣлъ самъ хозяинъ, молодой мужикъ, бывшій ученикъ школы, и, казалось, съ гордостью, поглядывалъ на „дѣда“ и на всю нашу компанію, впервые вылетѣвшую, такъ сказать, изъ *его* дома, когда еще онъ былъ ребенкомъ, и теперь вновь собравшуюся сюда, на старое пепелище, болѣе или менѣе счастливо переплылъ 25-ти-лѣтній опытъ странствованія по морю житейскому. Вотъ они, учители—почти всѣ тутъ, съ „дѣдомъ“ во главѣ, всѣ тѣ, чьи имена онъ часто слышалъ отъ родныхъ, всѣ тѣ, чьи лица—измѣнившіяся, обросшія бородами—смутно напоминаютъ ему тѣ неопредѣленныя живыя тѣни, что носились порою въ его нетвердыхъ воспоминаніяхъ.

О, какъ-же они измѣнились!..

— Что-же это за законъ такой?—вдругъ неожиданно спросилъ онъ, поднимая свою кудластую бороду и широко улыбаясь. Очевидно, „подлецъ-законъ“ сильно его заинтересовалъ, и ему хотѣлось знать, что такое напроказилъ этотъ таинственный законъ, что „дѣдъ“ такъ непочтительно къ нему относится, этотъ добрый „дѣдъ“, по отзывамъ его старика-отца, курицы не могшій обидѣть.

— Гм... Гм... Это братъ мой, штучка такая, махонькая, такъ—немудреное твореніе, въ родѣ-бы мухи... А сидитъ та муха египетская въ толстой книгѣ и величаетъ себя домашнимъ учительствомъ. Примѣрно, ты учился въ школѣ сельской, и много васъ училось, и много школъ есть въ деревняхъ и много въ школахъ учителей... но не домашнихъ, а сельскихъ. Тебѣ не надо было на домъ учителя, а мнѣ—надо... т. е. *было* надо... Нашмалъ я такъ

разную нестоющую братію, такъ-какъ стоющая братія не шла ко мнѣ... А отъ того государству ущербъ... Вотъ и придумалъ я издать законъ такой, чтобы дать чины и пенсіи по службѣ всѣмъ тѣмъ, кто запишется въ эту стоющую братію. Стоющая братія валомъ повалила учить моихъ недорослей... Теперь-же дѣтвора выросла, ушла въ школы, и я домашнему-то учительству отказываю... Такъ-какъ некого стало учить, а еслибы и было кого,—такъ на это немного силъ надо, куда меньше, чѣмъ для настоящихъ людныхъ школъ. А законъ-то, мошенникъ, забрался въ щель поглубже, да—втихомолку выглядываетъ оттуда и пальцемъ указываетъ: „Вотъ этимъ, молъ, дай, потому—у нихъ въ паспортѣ написано, что они дома *могутъ* орудовать: а тѣмъ, молъ, не давай, потому—они мошенники и прохвосты, въ школахъ *учатъ*, сто да полтораста человѣкъ сразу учатъ!... Понялъ?.. Вонъ, братъ, какая муха-то съ 28-го года сидитъ въ законѣ, какъ сѣрая мышка въ сырѣ, живи себѣ потихоньку, да жуй...

Длинная тирада эта вызвала искренній смѣхъ въ слушателяхъ, и больше всего смѣялся самъ хозяинъ.

— А и мастеръ ты объяснять задачу, Капитонъ Степанычъ!— сказалъ онъ, вытирая рукавомъ слезы, вызванныя припадкомъ смѣха.

— На томъ, братъ, стоимъ!—отвѣтилъ тотъ шутливо.—Серьезно,—удивительный законъ! Условія жизни такъ измѣнились, такъ все перестроилось, а онъ все живетъ, да живетъ.

— Шельмецъ-законъ.

— А не пора-ли его пообчистить, попричесать, поприличнѣе принарядить для нашего времени?...

— Упорный старикъ! Самъ ни за что не захочетъ.

Остротамъ и каламбурамъ на-счетъ бѣднаго устарѣвшаго ветерана-закона не было конца... Бесѣда принимала нѣсколько шумный и веселый характеръ. Кто-то даже усомнился, существуетъ-ли такой законъ: ужъ очень онъ пахнетъ анахронизмомъ.

— Да вѣдь мнѣ-же предлагали!—серьезно замѣтилъ „дѣдъ“:— „Держите экзаменъ—и все тутъ! Чинъ—какъ слѣдуетъ, пенсія и все такое“.

— Ну и что-же вы?

— Что-жъ я?.. Поблагодарилъ, честь—честью, а самъ и говорю:

не могу... „Это почему? Вѣдь только для формы“... Вотъ для „формы“-то я и не могу... Когда-бы права эти даны были всѣмъ „народамъ“, что живутъ тамъ гдѣ-то, въ дебряхъ и вездѣ, всѣмъ моимъ товарищамъ по дѣлу,—ну, тогда я хоть каждый день готовъ былъ-бы экзаменъ держать. А то—чѣмъ я лучше другихъ? Нѣтъ, говорю, освободите, ваше превосходительство: зазорно передъ товарищами и обидно за нихъ... Давать, такъ давать всѣмъ!..

Разговоръ былъ прерванъ двумя новыми, только-что пріѣхавшими, гостями...

V.

Мы не спали всю ночь, да и спать было некогда. Вновь прибывшіе учителя, ученики этой-же школы, и явились-то случайно, незадолго передъ тѣмъ узнавъ о юбилеѣ,—явились на поѣздѣ не съ петербургской, а съ московской стороны. О пріѣздѣ ихъ не знали, и потому они принуждены были идти со станціи пѣшкомъ—въ мятель и вьюгу, въ темнотѣ, по глухой и пустынной дорогѣ, не защищенные даже кустарникомъ отъ непогоды.

Холодные и голодные, но бодрые, веселые, смѣющіеся надъ маленькимъ приключеніемъ „въ степи“, гдѣ приходилось имъ ощупью искать дорогу, плавать въ снѣгу, кувыркаться въ канавахъ—они внесли новыя впечатлѣнія, новую струю добродушія, простоты и пріязни въ нашъ и безъ того тѣсно сплоченный воспоминаніями и родомъ дѣятельности кружокъ. Хозяинъ (его звали Василіемъ) былъ наверху блаженства, видя, что его тихій деревенскій пріютъ, пустынный и строго-благочинный, вдругъ наполнился такой тьмой (относительно, конечно) народа, что не зналъ кого слушать, кого угощать, кого гдѣ посадить... О снѣ никто уже и не помышлялъ, тѣмъ болѣе, что въ окно заглядывала ранняя заря. За перегородкой, слыша шумные и оживленные голоса „гостей“ и, вѣроятно, видя наступленіе утра,—зашевелились. На суету явился самъ дѣдъ Пахомъ, родоначальникъ семьи и первый въ селѣ человѣкъ, пріютившій 25 лѣтъ тому назадъ школу въ своемъ домѣ...

За старикомъ, перегибаясь станомъ назадъ, съ пузатымъ самоваромъ въ рукахъ, плыла его дочь-дѣвушка, Паша, статная,

румяная, улыбающаяся какъ намъ улыбалось въ окно само декабрьское утро. Она тоже была ученицей школы, но временъ „не столь отдаленныхъ".

— Господа, чайку...

— Васяпа, есть ромъ?

— Петро, готова-лп рѣчь?

— Рѣчь готова... А стихи?

— Никола?.. Ярема?.. „Дѣдъ?".. Что-же вы,—приступайте, хлебнемъ чайку, да и тово... Сейчасъ звонъ начнется...

За окномъ просыпалась деревня. Въ синевато-розовомъ освѣщеніи, послѣ утихшей бури, дорога бѣлѣла, какъ только-что вымытое полотенце; закутанныя въ бѣлую ватную, какъ лебяжій пухъ мягкую, пелену—прямо на насъ глядѣли своими маленькими, темными четыреугольниками-окнами низенькія хаты съ противоположной стороны дорогп. Въ нѣкоторыхъ окнахъ багрово-краснымъ блескомъ свѣтилось пламя печей. Улица просыпалась, показывались закутанные въ шубы и кафтаны люди. Сельская церковь вправо,—опушенная тонкимъ кружевомъ снѣга и инея, сама бѣлая и казавшаяся утромъ еще болѣе побѣлѣвшею, съ чуть-чуть замѣтнымъ розовымъ оттѣнкомъ живого человѣческаго тѣла,—высилась въ неопредѣленныхъ мягкихъ очертаніяхъ и тонула серебрянымъ крестомъ въ бѣловато-мутно-сѣрой мглѣ просыпавшагося дня.

— Бумъ!.. Бумъ!..

Мы всѣ оглянулись. Неужели началось?.. Такъ рано?..

Да, это звонили къ обѣднѣ...

Черезъ полчаса вся церковь была уже набита народомъ, и на обще-сѣромъ однообразномъ фонѣ всегдашнихъ богомольцевъ, сельчанъ, рѣзко выдѣлялись многочисленныя фигуры новаго народа, очевидно, не здѣшняго, пріѣзжаго, въ костюмахъ городского покроя. Но вниманіе молящихся главнымъ образомъ обращено было на высокую могучую фигуру „дѣда" Каппгона Степановича: крѣпкая, точно вылитая изъ темной бронзы, стройная, съ большимъ, крупно очерченнымъ носомъ, черными „персидскими", опущенными внизъ усами и большой черною съ просѣдью бородой, фигура эта производила впечатлѣніе; онъ стоялъ въ черномъ сюртукѣ, все время не шевельнувъ бровью; только

широкая грудь его изрѣдка порывисто вздымалась, и на глазахъ нѣтъ-нѣтъ да и проступала влага—слѣдъ сдерживаемыхъ слезъ, когда произносились на поминовенія или имя умершаго его друга Михайлы, или имена умершихъ за все 25-лѣтіе бывшихъ учениковъ школы... Торжественная и грустная картина!

Въ концѣ обѣдни пріѣхали мѣстный директоръ и инспекторъ, но на нихъ никто не обратилъ вниманія, кромѣ подчиненныхъ, т. е. мѣстныхъ учителей, такъ-какъ прочіе пріѣзжіе не были и знакомы съ ними. Высокомѣріемъ и оффиціальной натянутостью такъ и вѣяло отъ двухъ этихъ фигуръ, затерянныхъ среди простой и немудрой братіи. Это высокомѣріе и эта чиновная натянутость чувствовались и тогда, когда, одинъ за другимъ, послѣ обѣдни (Капитонъ Степановичъ и другіе пріѣзжіе) гости представлялись его превосходительству, рекомендуемые однимъ изъ подчиненныхъ ему учителей. Но все это было недолго, только на минуту, только въ церкви и на самомъ торжествѣ въ школѣ, куда вскорѣ всѣ и направились.

Тутъ были, кромѣ оффиціальныхъ лицъ и учителя, и учительницы, и крестьяне, и крестьянки, и дѣвушки, и молодые парни, и учащіяся дѣти, виднѣлась даже ряса одного дьякона, фигуры сѣдобородыхъ старцевъ, какъ дѣдъ Пахомъ, и старушекъ, какъ напримѣръ, тѣхъ двухъ старыхъ дѣвицъ, въ чьемъ домѣ жили (и теперь живутъ) крестьянскіе мальчики-ученики изъ сосѣднихъ селъ и деревень, воспитавшіеся на земскій счетъ (по 3 руб. въ мѣсяцъ за человѣка, съ полнымъ, кромѣ одежды, пансіономъ). Вся эта разношерстная и разнокалиберная толпа растянулась по деревенской улицѣ, поражая прохожаго разнообразіемъ костюмовъ (начиная отъ армяка и паневы и кончая столичнымъ пальто и рясой) и „смѣсью лицъ и состояній“.

А во главѣ этой толпы торжественно и невозмутимо-чинно, не глядя по сторонамъ и ни съ кѣмъ не разговаривая, точно отправляя обязанности жреца,—шелъ Капитонъ Степановичъ.

VI.

Что дальше было? Все то, что обыкновенно и бываетъ на юбилейныхъ торжествахъ: часть оффиціальная—скука, неоффи-

ціальная—закуска и все въ такомъ родѣ... Закуска на этотъ разъ была великолѣпна, и попечитель былъ очень радъ, что „телецъ“, заколотый имъ для „подобной оказіи“, понравился „народамъ“. Но рѣчи имѣли нѣкоторую особенность, о чемъ уже было упомянуто выше. До чего ярко обнаружился разладъ между міромъ оффиціальнымъ и міромъ обыкновенныхъ смертныхъ, болѣе или менѣе независимыхъ людей, видно, напримѣръ, изъ того, что одинъ изъ моихъ старыхъ друзей дѣтства (однокурсники по школѣ) вдругъ пересталъ узнавать меня въ многочисленной толпѣ, послѣ того, какъ приготовленное мною привѣтствіе не позволили мнѣ прочитать, толкуя его въ такую сторону, о которой автору и не снилось. Но зато, я видѣлъ ясно, какъ сочувственно отнеслись къ этому крестьяне, считая меня незаслуженно обиженнымъ,—хотя я особенной, личной, обиды въ душѣ не чувствовалъ, такъ-какъ по-своему понималъ свои обязанности и взгляды мѣстнаго начальства. „Привѣтствіе“ это потомъ цѣликомъ было напечатано въ одной изъ столичныхъ газетъ, какъ-бы въ подтвержденіе того, что ничего „нецензурнаго“ въ немъ не было...

Вечеромъ я вздумалъ прогуляться... Было темно, холодно; народъ толпился на улицѣ, въ школѣ были освѣщены окна,—тамъ шло чтеніе съ туманными картинами (помнится, о реформахъ Александра II). Какая-то закутанная въ ковровую шаль фигура неотступно слѣдовала за мною. Что такое? Я невольно обратилъ вниманіе. Это, оказалось, была дѣвушка-крестьянка, кончившая курсъ въ мѣстной школѣ, гдѣ и я когда-то былъ ученикомъ. Она первая со мной заговорила, и я въ голосѣ ея тотчасъ почувствовалъ такія нотки, какъ-будто ей было жаль меня—какъ брата-единомышленника и товарища, хоть мы съ ней и не были знакомы. Это глубоко меня растрогало, и маленькая непріятность была мною забыта, особенно—когда отецъ ея, сѣдой старикъ, съ которымъ она меня познакомила,—сочувственно пожалъ мнѣ руку...

Другая особенность юбилея заключалась въ томъ, что на немъ было не мало и другого мѣстнаго начальства, кромѣ представителей дирекціи. Между прочимъ, торжественно засѣдали за актовымъ столомъ два ближайшихъ земскихъ начальника. Въ уютномъ уголкѣ школы, въ библіотекѣ, куда уединилось „избранное“ мень-

шинство („сѣрое большинство“, къ общей нашей досадѣ, угощалось въ заднихъ комнатахъ)—рѣшенъ былъ, между прочимъ, вопросъ—объ основаніи при училищѣ народной читальни имени перваго учителя его Капитона Степановича Можайскаго, и земскій начальникъ былъ до того любезенъ, что взялъ на себя хлопоты по начальству... Читальня и до сихъ поръ не открыта (хотя подписка въ тотъ-же день дала 400 руб), но всетаки это утѣшительно... Жаль только, что заказанный „дѣдомъ“ тотчасъ послѣ юбилея шкафъ, стоющій сто рублей (единственное сбереженіе „дѣда“ за 25 лѣтъ) и теперь еще стоитъ пустой...

Далѣе, былъ вечеромъ „чай“ у законоучителя, гдѣ „начальство“, сбросивъ холодную маску оффиціальной неприступности, великолѣпно пѣло и съ увлеченіемъ отплясывало подъ скрипку вмѣстѣ съ нами... А утромъ всѣ мы разъѣхались...

VII.

Воспоминанія близкія и въ то-же время далекія! Воспоминанія печальныя, воспоминанія радостныя!.. Плывете вы воздушною вашей дорогой, облеченныя въ сіяющія одежды юности, окрыленныя свѣтлыми надеждами... То было такъ давно и... было такъ недавно!.. Я вновь встрѣчаюсь съ вами—и гдѣ-же? На краю свѣжей могилы...

Чистое, ясное октябрьское небо (рѣдкій случай петербургской осенью) грустно и задумчиво, точно прощаясь съ землей, смотритъ на меня сквозь безпомощно раскинутыя вѣтви кладбищенскихъ березъ, сквознымъ желтымъ золотомъ шумящихъ по вѣтру свою послѣднюю пѣсню... День, недѣля, и—спадетъ эта послѣдняя краска съ оголенныхъ вершинъ грустной кладбищенской рощи. Подуютъ вѣтры буйные, зашумятъ бѣлогривыя метели, и снѣгомъ сыпучимъ заволочетъ-принакроетъ и могилу, и кусты, и ближайшія скамейки по забытымъ дорожкамъ непривѣтливаго кладбища.

— Придетъ-ли кто сюда?—спросилъ я Ярему, все время задумчиво молчавшаго, погруженнаго въ свои, вѣроятно тоже не веселыя, думы.

Но онъ какъ-то странно взглянулъ на меня и провелъ рукой по глазамъ, точно я разбудилъ его отъ долгаго сна...

А тамъ, надъ могилой, уже говорились рѣчи друзьями и товарищами покойнаго. Слышался тихій безпомощный плачъ матери; двѣ закутанныя во все черное дѣвушки, рыдая, рвались къ могилѣ.

Это были дочери покойнаго...

Мнѣ почему-то вспомнилось, при взглядѣ на эту картину, выраженіе: „вѣрноподданный Его Величества“ — выраженіе, которымъ покойный Капитонъ Степановичъ отвѣтилъ на неумѣстную шутку на его счетъ одного изъ власть имущихъ лицъ на „юбилеѣ“. *Лицо* необдуманно бросило ядовитое замѣчаніе. Капитонъ Степановичъ гордо вскинулъ голову. Въ высшей степени гуманный, сердечный—онъ вдругъ выпрямился и приготовился къ отпору, какъ дубъ передъ грозою... Всегда готовый придти на помощь слабому и нуждающемуся въ защитѣ, онъ вдругъ поблѣднѣлъ, поглядѣлъ черезъ очки и, поправляя Владиміра на шеѣ, медленно и съ достоинствомъ произнесъ:

— Я такой-же вѣрноподданный Его Величества, какъ и вы, ваше превосходительство.

Въ его спокойномъ, строгомъ голосѣ слышалась сдержанная сила.

— Конечно, конечно... Я не сомнѣваюсь, и вы меня извините великодушно,—поспѣшило загладить свою вину опрометчивое начальство.

— Миръ праху твоему, „вѣрноподданный“, незабвенный „дѣдъ“!..

VIII.

Въ этотъ день мы поминали „дѣда“ въ одной изъ прилегающихъ къ кладбищу „тавернъ“ (точное выраженіе Яремы), по-просту—въ трактирѣ...

Тутъ были и „Петро“—итальянецъ въ нѣніи и испанецъ по наружности, и длинный „Васяпа“—образецъ благодушнаго и спокойнаго душевнаго уклада, и „Кока“—великій дамскій любимецъ и распорядительнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, и „Генералъ“—съ его изящнымъ профилемъ и мягкой молчаливою улыбкой, и „Андрій-

батько“—съ лысиной Сократа и съ душой послѣдняго запорожца, и „Іеремія Вишневецкій“ и много, много другихъ...

Поминки были шумны и даже *веселы*.

Всѣмъ стало „весело“—послѣ третьей-четвертой поминальной чарки... Только у меня не выходили изъ головы вырвавшіяся изъ расчувствовавшагося закорузлаго сердца крестьянскаго слова: „...далече, далече стоятъ эти учителя и учительши въ полѣ, въ Рассеи, значитъ, и складываютъ крестомъ руки, и на колѣняхъ стоятъ,—стоятъ, и умираютъ, стоятъ и умираютъ... и руки крестомъ“...

— „И много такъ могилъ, и много такъ крестовъ!“—вспоминалась мнѣ преслѣдовавшая меня на кладбищѣ фраза...

Мірское вино.

I.

— Подходи... Эй, подходи, ребята...

Мужики одинъ за другимъ подходили къ „застойкѣ“ и конфузливо вытягивали руку, принимая граненый хрустальный стаканчикъ, такъ и сверкавшій своими отполированными гранями.

— Не пролей!

— Выдумай еще!..

Со всѣми признаками крайней осторожности, стаканчикъ принимается правою рукою, медленно подносится къ носу и на мгновеніе исчезаетъ въ густой заросли усовъ и бороды, предварительно расправленныхъ свободной рукою въ томъ мѣстѣ, гдѣ подобаетъ быть губамъ.

— За твое здоровье!

— Эге... Мое здоровье! Не мое, а Силъ Савича здоровье, да Пудъ Пудыча...

— И не Силъ Савича и не Пудъ Пудыча, а за обчествò!

— Ври больше: причемъ тутъ обчество! Пей просто за свое! Вѣдь ты работалъ даромъ, а не за деньги.

— И то, голова!

— Это вѣрно: обчество тутъ не важитъ! Управляющій, примѣрно, уполномоченъ... Ну, и далъ. А за что далъ? За уваженіе, кто работалъ, значитъ, у него, корчевалъ пни—пей на здоровье, а платы не спрашивай.

— Да это и не плата, а всѣмъ чертямъ *заплата*, въ родѣ-бы спасиба, что на твоей спинѣ горохъ молотили...

Дружный и продолжительный смѣхъ встрѣтилъ удачную, какъ всѣмъ показалось, остроту.

Но дѣло было, очевидно, не въ остротѣ. Острота была нужна какъ масло къ кашѣ, какъ соль во щи, какъ предлогъ, чтобы громко выразить веселое настроеніе, приличествующее минутѣ. Мужики теперь готовы были острить надъ чѣмъ угодно: измученные и усталые, прямо съ работы явившіеся сюда, въ деревенскую „таверну“, даже не успѣвшіе перемѣнить мокрой и забрызганной грязью одёжи, они отдыхали теперь и душой и тѣломъ, сбившись въ тѣсную кучу въ стѣнахъ теплой деревенской избы. Пора ужинать, ихъ дома ждутъ... Но маленькая комнатка кажется такой уютною, такъ соблазнительно булькаетъ вино въ большой ведерной бутыли, когда она, звякнувъ о край стакана, все ниже и ниже склоняется надъ нимъ, а молчаливая весь день компанія такъ весело и празднично настроена,—что, право, не грѣшно часокъ - другой побыть здѣсь, покалякать, погрѣться, дать волю „сыграться“ позастоявшимся мыслямъ. Семья подождетъ. Пускай ужинаютъ... Что-жъ, не въ частое бываньe! Когда-то, когда еще другой такой случай вывернется. Впрочемъ, пора, пора домой. Жена, поди, сидитъ у окна и скучно глядитъ на дорогу. Ребятишки взяли ложки; а на столѣ щи стынутъ. Пора, полно баловаться, два стаканчика—одинъ большой, другой поменьше — пришлось на долю, ну и довольно, ну и будетъ!.. Но какъ-то не хочется встать съ лавки, лѣнь какая-то, „влады“ ни въ рукахъ, ни въ ногахъ нѣтъ; зато, голова бѣсовски работаетъ, и какъ-то весело и тепло въ груди и во всѣхъ суставахъ.

— Налей-ка, братъ, еще, да домой пойду...

— Что, Архиповъ, аль зашумѣло?

— Зашумитъ, братъ, не ѣмши-то...

— Ты-бы закусочки припасъ.

— И то припасъ: вонъ лучку по дорогѣ выдернулъ.

Архиповъ разжалъ кулакъ и показалъ головку зеленаго луку.

— Налей ему.

— Примай.

Бутыль все больше и больше пустѣетъ. Шумъ голосовъ дѣлается замѣтнѣе, все слышнѣе и, наконецъ, сливается въ одинъ неопредѣленный перекрестный говоръ, въ которомъ ничего нельзя

разобрать: слышны отдѣльные выкрики, взрывы тамъ и сямъ веселаго смѣха, виднѣются раскраснѣвшіяся лица, сверкающіе отъ удовольствія глаза, блаженныя улыбки, но связать все это было-бы трудно.

Публика достаточно-таки подпила. Но ничего буйнаго и непріятнаго, какъ то иногда случалось, не слышно было въ смѣшанномъ хорѣ голосовъ. Правда, кой-гдѣ уже начинались „сурьезные“ разговоры, но они тотчасъ-же были прекращаемы или самими разговаривающими, какъ начатые безо времени и не у мѣста, или ихъ родственниками и пріятелями.

— И зачѣмъ тебѣ телушка?.. Эхъ, братъ, братъ! — слышится прочувствованный возгласъ. Это разговариваютъ два брата,—одинъ высокій и дюжій крестьянинъ съ добродушнымъ и мягкимъ выраженіемъ лица и съ большой лысиною на головѣ, другой — только что вышедшій изъ военной службы молодой парень. Имъ необходимо было дѣлиться, но они никакъ не могли столковаться другъ съ другомъ: предметомъ спора была телушка, которую никакъ они не могли подѣлить; теперь, благодаря выпитому вину, они были покладистѣе и откровеннѣе. Впрочемъ, столковаться, дѣйствительно было трудно: одна изба, лошадь, двѣ коровы и телушка, — какъ ни кинь, а послѣдняя увеличиваетъ долю или въ ту, или въ другую сторону.

— Эхъ, братъ, братецъ ты мой родненькій!..

— Полно, при людяхъ-то!

— Э-эхъ!.. Вѣдь я тебя люби-плъ, безъ отца воспиталъ... А ты: телушку ему подай.!. А дѣти?!.

— Перестань... Сдѣлаемся какъ-нибудь.

— Да вѣдь любилъ-же я тебя? Любилъ... А?

— А топоромъ-то замахнулся, помнишь?..

— Другъ мой, да какъ-же я жить буду: одна изба, да и та— какъ рѣшето. Хоть-бы телушку-то...

Обнявшись по-братски, оба спорщика плачутъ искренними слезами.

— Эхъ!..

— Брось!

— Братъ!...

— Ну, ну...

Публика прибываетъ. Вотъ зашли на минуту парни—полюбопытствовать, какъ пьютъ старики. Въ тѣснотѣ и давкѣ шныряютъ подростки, грызутъ сѣмячки, пока ихъ не выгонятъ взрослые вонъ.

— Ты куда лѣзешь?

— Чего куда? Никуда.

— То-то, гляди. Пошелъ вонъ!..

— Кто это?

— Да Мпхеевъ мальчонко. Шельма такая,—не приведи Богъ: все къ бутыли тискается.

— Кокни его въ вершину хорошенько.

Вино совсѣмъ уже приходило къ концу. Перешли на рюмки. Всѣ были удовлетворены, наконецъ; никого не осталось, кто-бы не получилъ своей доли, не исключая и непьющихъ, даже отсутствующихъ изъ деревни: за нихъ получили домохозяйки, ихъ жены, пришедшія за мірскимъ виномъ съ бутылочками, стклянками и чайниками. Но вино всетаки еще было.

— Подходи, кто еще хочетъ?

Тѣ, кто завѣдомо былъ любитель выпить, выдвинулись впередъ, нерѣшительныхъ и конфузливыхъ подталкивали сзади.

— Ну, иди, не кобянься! Вѣдь сверлитъ!

— Развѣ ужъ одну...

— Кумъ, валяй мою долю!

— Микула, передай мою Гришкѣ...

Гришка, холостой парень, съ серьгой въ ухѣ, въ бѣлой ситцевой рубашкѣ и съ гармоніей подъ мышкой,—ухмыляясь, подошелъ къ Мпкулѣ, все время разливавшему мірское вино, дѣля его „по чести и справедливости“.

— Валяй, Гришка, на „тальянкѣ“ лучше будешь играть!..

Гришка, и безъ того, кажется, бывшій „съ мухой“, принялъ стаканъ, тряхнулъ красивой русою головой и однимъ духомъ осушилъ его. Поблагодаривъ, онъ снова надѣлъ снятую-было шапку и, сплевывая на сторону, развалистой походкою вышелъ за дверь. Черезъ минуту гармоника оглушительно залаяла на улицѣ; подъ ея громъ и трескъ запѣли женскіе и мужскіе голоса. Темнѣло... Кабатчикъ, Терентій Ивановичъ, зажегъ свѣчку и воткнулъ ее въ горлышко бутылки, стоявшей на верхней полкѣ за прилавкомъ. Съ появле-

ніемъ свѣта оживленіе, какъ-будто, сдѣлалось еще замѣтнѣе. Всѣ говорили, никто никого не слушалъ, казалось. Многіе уже сильно пошатывались, другіе неподвижно прилипли спиною къ стѣнѣ и, разставивъ циркулемъ ноги, прицѣливались глазами къ двери: какъ-бы это поудобнѣе выбрать моментъ, чтобы сразу отчалить и однимъ ловкимъ движеніемъ, благополучно шагая, вынырнуть у двери и вцѣпиться въ ея скобку. А тамъ, когда скобка будетъ въ рукахъ,—выйти на улицу и добраться до дому ничего уже не стоитъ. Многіе пытались совершить такое путешествіе,—черезъ комнату, полную народомъ,—но глазомѣръ у нихъ, очевидно, былъ не особенно сильно развитъ: они или сталкивались съ кѣмъ-либо изъ кочующихъ по комнатѣ, такихъ-же нагруженныхъ кораблей, и терпѣли аварію, или-же, благополучно миновавъ шхеры и камни, встрѣчавшіеся на пути, попадали носовой частью, мимо двери, въ косякъ, высившійся на подобіе маяка, тогда какъ корма заносилась на лѣвый бокъ и прибивалась сильною зыбью къ „застойкѣ“, колотясь о нее такъ, что всѣ стаканы и рюмки на ней страшно звенѣли.

— Эй-эй, дядя!.. Осторожнѣе!—волновался Терентій Ивановичъ, широко растопыривъ руки и охраняя стеклянную братію, какъ напуганная курица охраняетъ своихъ цыплятъ.

— Выведи, поддержи, Игнатій.

Какъ-бы тамъ ни было, но нагруженные карабли отплывали болѣе или менѣе благополучно. Были и такіе, что отплывали на буксирѣ своихъ супружницъ, явившихся сюда, казалось, въ полной увѣренности, что ихъ лоцманскія услуги будутъ для многихъ якоремъ спасенія.

Компанія мало-по-малу стала рѣдѣть, хотя отъ того шуму, казалось, не было меньше. Вотъ отплыли, забирая то правымъ, то лѣвымъ плечомъ впередъ—два брата, все еще толковавшіе о своемъ оскудѣвшемъ отцовскомъ хозяйствѣ, которое—увы!—никакъ нельзя было раздѣлить, чтобы человѣку *жить можно было*. Вотъ и сельскій староста—здоровенный краснощекій дѣтина—двинулся къ двери, грузно топая своими тяжелыми сапогами и пошире разставляя, на всякій случай, ноги; онъ, какъ начальство, держитъ себя солидно и съ достоинствомъ, пустяковъ не говоритъ, пьянъ не напивается и съ важнымъ видомъ выслушиваетъ тѣхъ, кто съ

нимъ разговариваетъ. Около него семенитъ юркій полицейскій десятскій и что-то толкуетъ ему. Но ни староста, съ покраснѣвшимъ кончикомъ носа, съ глазами „будто у окуня“, ни самъ говорившій, казалось, не знали, о чемъ собственно они говорятъ и чего хотятъ... „Много выпито и съѣдено, затянулася бесѣдина“, казалось, думалъ староста. Едва только вышелъ староста и та часть крестьянъ, которые были подомовитѣе и, слѣдовательно, потрезвѣе, какъ шумъ усилился до того, что нельзя было разобрать—дерутся здѣсь, или цѣлуются. Никто уже не говорилъ, а всѣ кричали, кричали такъ, что стѣны, казалось, готовы были разсыпаться и потолокъ—обвалиться на головы.

Ну, что-жъ? Покричатъ и разойдутся, какъ это всегда бываетъ. Единицы, можетъ быть, застрянутъ гдѣ-нибудь по дорогѣ, избравъ мѣстомъ „сладкаго усыпленія“ мягкую травку на канавѣ или крапиву у огороднаго плетня... Все это, можетъ быть, и хорошо (если есть что-нибудь хорошее въ подгулявшемъ не въ мѣру человѣкѣ), но обстоятельства часто складываются такъ, что всѣ наши разсчеты на собственное благополучіе идутъ прахомъ.

Дѣло было такъ...

Пользуясь толкотней и давкой у „застойки“, гдѣ стояло вино, Михеевъ мальчонко протянулъ руку за спинами мужиковъ и, схвативъ налитый стаканъ, мигомъ выпилъ его. Но его замѣтили. Кто-то изъ стоявшихъ вблизи мужиковъ, крѣпко выругался и „кокнулъ“ парнишку. Парнишка, разумѣется, заоралъ благимъ матомъ...

Это-то и послужило началомъ конца веселаго вечера.

II.

— Никакъ дерутся!..

Этотъ крикъ, какъ набатъ, пронесся по деревнѣ и превратилъ ее въ настоящій муравейникъ суетливо бѣгающаго, плачущаго и стонущаго люда. Кто тамъ дерется, съ кѣмъ дерется?.. У всѣхъ тамъ, у кабака, были родные, или друзья. Особенно волновались бабы, заламывали руки, падали въ изнеможеніи на землю, съ перепугу будучи не въ силахъ добѣжать до мѣста общей свалки Старухи-матери, забросивъ свой костыль, торопливо, хватаясь за

стѣны избъ, также спѣшили туда, въ надеждѣ отговорить кого-либо изъ дѣтей своихъ отъ участія въ страшномъ дѣлѣ и увести поскорѣе домой. Старики, тѣ, кто не могли сами двигаться съ мѣста, просили внучатъ свести ихъ на заваленку, гдѣ всетаки слышнѣе, чѣмъ дома, или посадить на лавкѣ у окошка, откуда виднѣй былобы глядѣть на улицу. Но напрасны были ихъ просьбы; внуки давно уже, задравъ бѣлокурыя головенки, неслись во всю прыть къ мѣсту побоища. Барскій работникъ, случайно бывшій по дѣлу въ крайней избѣ и разговаривавшій съ хозяиномъ, поспѣшно взялъ шапку и по задворкамъ направился домой. Середина деревни, гдѣ былъ кабакъ, сдѣлалась сердцемъ ея, центромъ, куда быстро приливала кровь съ окраинъ, куда стремилась горькая деревенская дума...

— Что тамъ такое, Хромой?—тревожно спросилъ староста, выглядывая въ окошко.

Хромой—молодой сосѣдъ старосты. вышедшій на дорогу, чтобы прислушаться къ шуму, долетавшему изъ деревни,—сдѣлалъ руку козырькомъ и долго смотрѣлъ вдоль улицы.

— Кто ихъ разберетъ! Прибѣжалъ мальчишка—„дерутся“ говоритъ:—„Микулкѣ Корнышеву рубаху разорвали, а Степкѣ Савинову Гришка голову проломилъ“.

— Изъ-за чего у нихъ?

— Да такъ, зря... Вина мало, видно, хватило. Михеевъ, вишь, мальчонко схватилъ стаканъ мірского вина, хотѣлъ выпить (дрянной мальчишка-то), ну, а Сенька или Митрій тамъ—кто-то изъ мужиковъ—тиснулъ что-ль тамъ его. Микулка Корнышевъ присталъ... За зятя-то... Ударилъ кого-то... И пошла писать! Я-то былъ тамъ сначала, да какъ зашумѣли—я скорѣе домой. Ну ихъ къ Богу! Дома лучше. А ты не пойдешь?

— Да какъ ты не пойдешь? И радъ-бы нейти, да должность такая,—сказалъ староста, захлопывая окошко. Черезъ минуту онъ вышелъ въ черномъ пиджакѣ и съ должностнымъ знакомъ на груди.

— Пойдемъ.

— Пожалуй, покуда баба картошку варитъ.

Хромой и староста, заложивъ руки за спину, медленной походкою пошли вдоль деревни. Ихъ то-и-дѣло обгоняли ребятишки, носившіеся взадъ и впередъ на подобіе пчелъ на развѣд-

кахъ. Лица ихъ носили всѣ признаки страшнаго перепуга, смѣшаннаго съ жаднымъ любопытствомъ. Нѣкоторые плакали.

— Ой, мамынька, татку прибили!...

Минуя ряды избъ, или совсѣмъ опустѣвшихъ, или широко распахнувшихъ свои рамы съ торчащими въ нихъ, неподвижно смотрѣвшими вдаль головами ихъ хозяевъ, староста и сосѣдъ его Хромой, все ближе и ближе подвигались къ самому пеклу драки, гдѣ, какъ многочисленные рои черныхъ жуковъ, кишѣли и кричали люди. Слышался трескъ ломавшихся палокъ, женскіе вопли; порой изъ общей кучи вылетали отдѣльныя фигуры и, сломя голову, улепетывали куда-нибудь въ сторону, преслѣдуемыя другими такими-же черными, тяжело дышавшими фигурами.

— Дѣло-то, кажется... тово... Я думалъ: пьяные только дурака валяютъ... А тутъ гляди-тка: молодежь вмѣшалась...

Староста прибавилъ шагу, увлекая за собой и своего пріятеля.

Какъ-разъ въ это время увѣсистое полѣно просвистѣло надъ старостиной головою и шлепнулось въ плетень огорода, выходящаго на улицу. Отскочивъ, оно чуть - чуть не ударило по ногамъ сбившихся въ кучу дѣвокъ и ребятишекъ, прикованныхъ любопытствомъ къ мѣсту драки.

— Прочь вы... Ахъ!.. И чего только лѣзутъ?.. Что смотрите? Живо домой! Я васъ...

Староста разогналъ хворостиной любопытствующую компанію.

— Филипъ, что глядишь? Пойдемъ, братъ, помоги. Дураки до уголовщины дойдутъ.

Черезъ дорогу кучка парней ломала изгороду. Хрустнула жердь.

— Съ ума сошли!

— Да што ты съ имъ подѣлаешь!..

Филиппъ, здоровенный, высокаго роста дѣтина, первый силачъ въ деревнѣ, босой, безъ шапки, въ одной рубахѣ стоялъ у угла сосѣдней избы и наблюдалъ побоище. Онъ былъ семейный—съ женою и дѣтьми и жилъ смирно въ своей хаткѣ, построенной изъ бани, которую онъ при раздѣлѣ получилъ отъ отца на свою долю. Дѣла у него сначала шли очень плохо. Онъ самъ приноровилъ баню къ жилью, ухитрился выстроить хлѣвушку и завести корову съ лошадью. Теперь его дѣла шли довольно сносно, благодаря его неномѣрной силѣ въ работѣ и силѣ его замѣчательно крѣпкой

и выносливой бабы. Онъ съ-молоду, бывало, дрался, но теперь давно уже оставилъ эти замашки: не пилъ, баловался иногда въ карты гдѣ-нибудь за гумномъ во ржи съ молодыми ребятами; но и это переставало доставлять ему удовольствіе. Приближался такой возрастъ, когда человѣкъ уже угомонился, устроился и хочетъ жить въ покоѣ. Общественное дѣло онъ любилъ, но былъ крайне неразвитъ. Его можно было подъучить на что угодно, — до того онъ считалъ себя въ душѣ ниже другихъ. Грамотѣ онъ совсѣмъ не зналъ. Но на сходкѣ кричалъ такъ, что мужики, смѣясь, зажимали уши: оглушитъ. На общественныхъ работахъ, — чинятъ - ли, бывало, изгороды, дорогу, мостъ черезъ рѣку, возятъ-ли камни къ церковной оградѣ, косятъ-ли на помочи,—Филиппъ всегда впереди и покрикиваетъ, на мужиковъ такъ, что и лѣнивый, хотя и смѣется, а—дѣлать нечего—идетъ, чтобы поковырять топоромъ или лопатой.

— Опять курить усѣлся, солдатъ!—кричитъ, бывало, Филиппъ, неся чудовищную ношу на плечахъ и поглядывая на отлынивающаго отъ дѣла товарища.

Тотъ бросалъ папироску и нехотя брался за дѣло, напутствуемый веселымъ смѣхомъ мужиковъ.

— Ай да Филиппъ! Хорошенько его! Что молъ ты, привыкъ въ казнѣ-то лодыря гонять?

Къ нему-то и обратился теперь староста, обрадованный, что попалъ подъ руку трезвый и сильный молодецъ: неровенъ часъ— защита потребуется.

— Бери палку!

— Зачѣмъ палку, и безъ палки можно.

Староста и Филиппъ, держась ближе другъ къ другу, вмѣшались въ толпу, въ самую середину невообразимаго хаоса изъ рукъ, ногъ, спинъ, головъ, движущихся съ невѣроятною быстротою, свившихся клубомъ, барахтающихся, какъ живые раки въ горшкѣ. Отъ крика и шума готова, кажется, лопнуть барабанная перепонка; отъ топота и гула дорога дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Братцы, братцы! Что вы дѣлаете?

— Караулъ!..

Женщины бросались впередъ—блѣдныя, растрепанныя, съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ, съ широко раскрытыми глазами,—

бросались, силясь выхватить изъ драки кого-либо изъ своихъ, какъ горячій уголь изъ печки, но это рѣдко имъ удавалось: мужчины не слушались ихъ, отталкивали въ грудь, вырывались изъ объятій, чтобы снова, съ пѣной у рта, броситься вперед, разыскивая своихъ противниковъ. Многіе были совершенно голы; изорванныя въ клочки рубашки мотались, какъ знаменные значки, у запястья на рукавахъ, тамъ, гдѣ ихъ сдерживали крѣпко пришитыя пуговицы. Нѣкоторые изъ дерущихся сами нарочно сбрасывали съ себя рубахи, чтобы „ухватиться“ было не за что, и въ такомъ видѣ, свободные отъ всякихъ „доспѣховъ“, наносили удары направо и налѣво, точно такъ-же, какъ и принимали ихъ. Къ этимъ отчаяннымъ драчунамъ принадлежалъ и Гришка, тотъ самый парень — гармонщикъ, что угощался въ кабакѣ за мірской счетъ. Около него, какъ мухи около меду—лѣпилось десятка полтора парней. силясь половчѣе схватить его и повалить на землю; но это имъ не удавалось; отчаянный головорѣзъ ловко вывертывался (благодаря отсутствію костюма отчасти) и быстрѣе молніи наносилъ удары то тому, то другому, сохраняя полное присутствіе духа, точно онъ не дрался, а игралъ въ три листика въ карты. Какъ только онъ чувствовалъ, что сила его одолѣваетъ, онъ быстро отбѣгалъ на нѣсколько шаговъ, окидывалъ мгновеннымъ взглядомъ противниковъ и съ неудержимой силою снова врѣзывался въ ихъ толпу, раскидывая ее на обѣ стороны, какъ брызги...

Это была уже не драка. Это была дикая, и при всемъ томъ артистическая, „работа“ молодого животнаго...

Его, наконецъ, схватили.

Онъ упалъ на четвереньки, лицомъ внизъ и закрылъ голову руками, стиснувъ зубы и не издавая ни единаго звука. Началась настоящая молотьба на его спинѣ, молотьба стоившая бы жизни, если-бы на его мѣстѣ былъ другой, менѣе сильный человѣкъ.

— Да вѣдь вы убьете, черти!

Староста палкой разогналъ артель. Гришка вскочилъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и, отбѣжавъ нѣсколько шаговъ въ сторону, схватилъ валявшійся на дорогѣ булыжникъ и запустилъ имъ въ своего защитника.

— Разбойникъ!..

Нѣсколько человѣкъ бросились вслѣдъ за убѣгающимъ Гришкой и исчезли гдѣ-то въ заулкѣ.

— Нѣтъ, тутъ не Мпхеевымъ парнишкомъ пахнетъ!—подумалъ Хромой и подвинулся блпже, рпскуя завертѣться въ общей свалкѣ.

— А, это ты, Хромой?

— Я. А тебѣ что, Ванюха?

— Да нпчего. Здравствуй!

— Здравствуй.

Ванюха,—сильно подпившій мужпкъ-середнякъ въ красной рубахѣ, тщедушный и „несамостоятельный“, какъ называютъ въ деревнѣ плохпхъ пахарей и хозяевъ — пошатываясь, протянулъ правую руку, между тѣмъ какъ въ лѣвой что-то пряталъ за спиной.

— Что у тебя тамъ?

— Да вотъ, гостинецъ... Неравно кто наскочитъ.

И онъ иоказалъ небольшое круглое березовое полѣно.

— А вѣдь ты, Хромой, мнѣ за овчины-то не отдалъ,—сказалъ онъ ласково и съ улыбкой. Нѣ, не отдалъ... Бралъ двѣ овчпны, а не отдалъ...

— Отдамъ!—сказалъ Хромой и оглянулся въ ту сторону, куда побѣжали парни.

— Отдать надо... Надо отдать... Надо!.. Надо!..

У Хромого изъ глазъ искры посыпались... Онъ схватился за голову.

— Кто тебя? Кто?—разслышалъ онъ голосъ своего брата.

— Ванька... О!..

Братъ, холостой парень, скрпнпулъ зубами и, звонко гудя подкованными мѣдью каблуками по дорогѣ,—ринулся куда-то въ пространство.

— Мужики, черти!.. Съ ума вы сошли! Братцы, да пособите-же! Филипъ, гдѣ ты Филипъ?—крпчалъ староста, бросаясь изъ стороны въ сторону, какъ судно въ опасныхъ порогахъ...

Нѣсколько другпхъ мужиковъ, потрезвѣе, стали помогать старостѣ разгонять толпу. Филиппъ,—сначала сдержанный и спокойный,—носился теперь, какъ пушечное ядро въ живой массѣ человѣческпхъ, извпвающихся, какъ на огнѣ, тѣлъ. То-и-дѣло на его спину—какъ въ подушку, сыпались удары то съ той, то съ этой стороны, жалили его, какъ осы; онъ поводилъ плечами и, совер-

шенно забывъ свою обязанность миротворца, искалъ только своихъ противниковъ.

Но бѣда въ томъ, что онъ былъ нѣсколько косоватъ и слабъ глазами: широко раскрывъ руки, онъ несся впередъ, какъ сѣверный китъ съ раскрытой пастью въ погонѣ за мелкой рыбешкою,—но обнималъ лишь воздухъ или наскакивалъ на изгороду, не зная въ то-же время, кого онъ ловитъ и что будетъ дѣлать съ тѣми, кто попадетъ въ его руки.

— А, попался!—сказалъ онъ, схвативъ въ свои могучія объятія что-то слабое, тощее, еле стоящее на ногахъ.

— Ты что, крестникъ? Очукурѣлъ!

— Да это ты, крестный?.. А я думалъ, братъ, Митька Оленинъ. Надо-бы, чорту, спину сбить, а то курицъ шельмецы воруютъ.

Пьяненькій, безобидный крестный, „поваръ“, какъ его всѣ звали, когда-то бывшій дворовый человѣкъ, пріютившійся въ своемъ домѣ на данномъ ему деревней одномъ душевомъ надѣлѣ,—уже успѣлъ поспать, какъ слѣдуетъ, дома послѣ выпивки, но, улучивъ минуту, когда жена ушла доить корову, и слыша шумъ на улицѣ, не усидѣлъ дома.

Онъ вышелъ, какъ былъ дома—босой, безъ шапки—и, распѣвая „Въ одной знакомой улицѣ“ добрелъ до народа и, видя, что тутъ дѣло ему не по душѣ, хотѣлъ-было уже отойти подальше, какъ наскочилъ на Филиппа. Это было его несчастье, потому-что Филиппъ, узнавъ своего крестнаго, легонько оттолкнулъ его въ противоположную сторону отъ драки, не подозрѣвая, что не люди сегодня ходятъ за дракой, а сама драка ходитъ за людьми.

— Ступай, крестный... А то двину, ей-Богу!

Падая на носъ, крестный едва-едва удержался на ногахъ и, двигаясь по инерціи, далеко отлетѣлъ за опасную черту.

— Вѣрно, крестникъ... Вотъ это вѣрно! Это хорошо. Драться я не хочу, а если и захочу — не буду. Пускай мужики - дураки дерутся. А я не согласенъ. Пѣсни пѣть, это—можно...

— Въ бѣломъ фартучкѣ красотка
И ва сафьянныхъ башмачкахъ,—
Для красотки было нужно
Въ косу лента и платокъ.
Во ушкахъ серьги жемчужны
И и на ножку башмачокъ...

— Ай да поваръ! Онъ еще поетъ!.. А вонъ, гляди-ко, жена-то съ палкой идетъ...

„Поваръ“ остановился, озираясь. Онъ очень боялся жены, которая, будучи моложе его („взялъ за красоту“) иногда била бѣднягу, связавъ пьянаго по рукамъ и ногамъ.

— Ха-ха-ха! Спугался!..

Только теперь замѣтилъ онъ въ окнѣ налѣво бородатую голову своего сосѣда — Семена Петрова. Они жили съ нимъ, правда, не ссорясь, но и особенной дружбы не водили. Это дало ему возможность сообразить — гдѣ онъ. Чувствуя себя въ безопасности, вблизи своего дома, и желая вслухъ опредѣлить географическое свое положеніе, онъ крикнулъ:

— А, здѣсь живутъ молошники!..

Это была обидная кличка. Дѣло въ томъ, что когда-то въ древніе годы семья Петровыхъ, очень бѣдная, „голодная“ такъ сказать, несмотря на то, что работниковъ въ ней было много, семья непьющая—питалась исключительно однимъ творогомъ, разводя его съ водой. Хлѣба своего никакъ не хватало, а купить—денегъ не было. Тогда-то и началась эта старая кличка, дѣдовская, можетъ быть, но всетаки обидная, несмотря на то, что Петровы теперь раздѣлились и живутъ такъ себѣ — не лучше и не хуже, чѣмъ другіе крестьяне. Живучая кличка!..

— Молошники, молошники! Вотъ выйдите сюда: я васъ расчешу, — вздумалъ покуражиться „поваръ“, вспомнивъ объ этой кличкѣ.

Въ сосѣдней избѣ хлопнуло окно. Это была изба другого брата, „молошника“.

— Это ты, Ѳома?—послышалось изъ первой избы.

— Я.

— Молошники... Молокомъ объѣлись.

— Ну-ка, Ѳома, выходи, да давай черемшину...

Какъ ни пьянъ былъ „поваръ“, но сообразилъ, что дѣло скверное.

Онъ не хотѣлъ обидѣть никого, но такъ ужъ, духъ такой буйный напалъ на него—духъ противорѣчія, дебоша, куража въ нѣкоторомъ родѣ. Могло это все кончиться перебранкой — вотъ и все. Но могло выйти и хуже. Ихъ два брата, а у него застуны

нѣтъ. Хорошо еще, что своя изба тутъ, рядомъ: шмыгнуть въ калитку, защелкнуть ворота—пускай лаются, а бить себя онъ не позволитъ.

И, какъ неумѣющій плавать утенокъ, онъ широко разставилъ руки и, загребая ими воздухъ, зигзагами заспѣшилъ къ дому. Но двѣ калитки на противоположной сторонѣ улицы уже стукнули. Уже слышно, какъ чьи-то руки поспѣшно ломаютъ недавно посаженныя березки подъ окномъ...

Еще мгновеніе, и онъ былъ-бы спасенъ!

Но его схватили сзади за волосы въ ту минуту, какъ онъ перенесъ уже одну ногу за порогъ калитки.

— Господи... Душегубы, за что вы его?..

Какая-то женщина съ воплемъ кинулась между свистящихъ палокъ и прикрыла своимъ хилымъ тѣломъ опрокинутаго навзничъ на порогъ „повара“...

III.

Въ то время, какъ распивалось мірское вино, я сидѣлъ въ гостяхъ у своего товарища, учителя Александра Сампсоновича. Я часто заѣзжалъ къ нему и зимой, и лѣтомъ—побесѣдовать за чайкомъ, потолковать о томъ, о семъ, отдохнуть въ обществѣ людей, которыхъ искренно любилъ. Онъ былъ недавно женатъ; жена его, Наталья Алексѣевна, происходила изъ старинной, но разорившейся, дворянской семьи. Она была сирота; обстоятельства дали ей возможность окончить гимназію, и одно время она была даже учительницей гдѣ-то въ уѣздномъ городкѣ.

Въ настоящую минуту у нея гостила мать-старуха, пріѣхавшая къ ней, чтобы повидать только-что родившагося внука и познакомиться съ зятемъ.

Александръ Сампсоновичъ,—по матери—купецъ, а по отцу—крестьянинъ, — пользовался прекрасной репутаціей какъ среди крестьянъ, такъ и у своего начальства: опытный учитель, много читающій, развитой и съумѣвшій выработать себѣ „убѣжденія“, онъ могъ по справедливости считаться виднымъ представителемъ этого молодого, чуть только нарождающагося, учительскаго сословія. „Сословіе“!.. Это-то именно слово и служило предметомъ

нашей бесѣды въ ту самую минуту, когда улица что-то ужъ очень шумно повела себя въ описываемый нами вечеръ. Маленькій Володя, сынъ Александра Самсоновича, любимецъ и баловень бабушки (у него было даже двѣ бабушки—теща Александра Самсоновича и родная мать послѣдняго)—кто онъ, Володя? Куда, къ какому сословію его причислить? По отцу онъ сынъ учителя, по дѣду—въ немъ текла крестьянская кровь, по матери—дворянская, по одной бабушкѣ—купеческая, а по другой—мѣщанская (мать Натальи Алексѣевны по второму браку была мѣщанка). Не хватало только одного—духовнаго сословія въ этой странной учительской семьѣ.

— Ну, онъ женится на духовной,—шутилъ отецъ, щекоча у дворяно-мѣщано-купеческо-крестьянско-учительскаго „сословія“ кругленькій подбородокъ.

„Сословіе“ было, видимо, довольно, барахтаясь на подушкѣ и силясь укусить себя за большой палецъ лѣвой ноги.

— Да,—серьезно сказалъ Александръ Самсоновичъ:—помучили меня достаточно-таки съ этой исторіей: полиція требуетъ паспортъ, а мое начальство не даетъ паспорта, пока не представлю свидѣтельства объ отбываніи воинской повинности. Гдѣ это свидѣтельство? Не знаю. Безъ меня вынимали жеребій, зачислили въ запасъ куда-то, никакихъ документовъ у меня на рукахъ нѣтъ. Показываю свое назначеніе на мѣсто отъ моего начальства.—„Не годится“, говорятъ.—Почему? Вѣдь тутъ сказано прямо: „учитель“ и пр.—„Срока, говорятъ, не прописано. Да тутъ, говорятъ, не сказано, когда вы родились, какой волости!..“—„А“, думаю, „сословіе необходимо“. Сказалъ сословіе. Немножко отношенія измѣнились. Письменный приказъ получается: „обязать доставить свидѣтельство объ отбываніи повинности“. Далъ подписку, что добуду и представлю... А и взять не знаю гдѣ, да и времени нѣтъ разъѣзжать, да и... хочется повторить вопросъ велемудраго Санчо-Пансо, сдѣланный имъ своему господину однажды, а именно: „На какія деньги благородные рыцари путешествуютъ?..“ Не знаю, какъ вывернулся здѣсь великолѣпный герой Сервантеса, но что касается до меня, такъ я опять къ своему начальству:—„Дайте“, говорю.—„Не имѣемъ права!..“ Плюнулъ на все—пусть дѣлаютъ что хотятъ...

— Да ты-бы въ уѣздное присутствіе обратился, въ свое уѣздное присутствіе, гдѣ призывался?—говорю я.

— Былъ. Говорятъ: „числился пять лѣтъ, а потомъ исключенъ изъ списковъ“.

— Ну въ наше-бы, въ здѣшнее присутствіе.

— Былъ-съ и въ вашемъ. Говорятъ: „На учетѣ у насъ не значитесь. Доставьте свидѣтельство, тогда на учетъ васъ примемъ“.

— Ну такъ какъ-же?

— Не знаю. По всѣмъ признакамъ, я—безпаспортный... Жду что со мной будетъ поступлено по законамъ Россійской Имперіи..

— Ну, какія глупости ты говоришь, Саша: человѣкъ двадцать почти лѣтъ на службѣ и—вдругъ... такая чушь!—сказала недовольно Наталья Алексѣевна.

— Ничего, матушка, не подѣлать. Законъ! — смѣясь, сказалъ мужъ:—Законы не для насъ однихъ пишутся.

— Ба!—воскликнулъ я:—А прямо изъ волостного правленія, оттуда, съ твоей родины? Чего лучше?

— Да, это правда... такъ можно-бы, да боюсь... Ха-ха-ха!. Случай такой былъ. Пріѣхалъ я въ третьемъ году туда къ себѣ домой (домикъ тамъ у меня есть). Хорошо. Гощу себѣ съ женой да погащиваю. Матушка тамъ у меня живетъ. Огородъ есть, садъ развожу. Какъ-разъ въ это лѣто составлялись по нашему уѣзду статистическія таблицы. Хорошо. „Это чей домъ?“—Александра Сампсонова.—„Крестьянинъ?“ — Нѣтъ.—„Дворянинъ, мѣщанинъ, купецъ?“—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. — „А, понимаемъ: на собственной землѣ, значитъ?“—Нѣтъ, на общественной.—„Тьфу! Да кто онъ?“ —А учитель, изъ нашинскихъ, значитъ, крестьянъ.—„Но вѣдь землю онъ имѣетъ?“—Никакъ нѣтъ, земли онъ не имѣетъ.—„Да вѣдь домъ-то у него есть, вѣдь домъ-то стоитъ на землѣ!“—Такъ точно. Общественная земля!.. — „Но платитъ-же онъ повинности?“.—А какъ-же ты съ него возьмешь повинности, когда онъ не владѣетъ землей?..—Да вѣдь паспортъ-то отъ васъ онъ беретъ?— Нѣтъ, онъ самъ къ намъ пріѣзжаетъ съ паспортомъ (отъ начальства отпускъ).—„Тьфу!“

Такъ и не могли записать учителя Александра Сампсонова въ земскую вѣдомость. Ни подъ какую таблицу не подходитъ, ни въ какія рамки не умѣщается... Александръ Сампсоновичъ все это раз-

сказалъ такъ живо, въ лицахъ, съ такой мастерскою интонаціей въ голосѣ, дополняя разсказъ выразительными жестами и мимикой, что не смѣяться было невозможно.

— Такъ вотъ,—продолжалъ онъ:—я теперь и не знаю, какъ обращусь я въ волостное правленіе. А какъ меня и тамъ не числится? (Оказалось—такъ и есть, это потомъ я узналъ: въ правленскихъ податныхъ спискахъ по сельскому обществу его не числилось, ибо онъ—неплательщикъ, хотя, съ другой стороны—по страховому отдѣлу онъ былъ записанъ).

— Мудреныя, братъ, дѣла? Не правда-ли?

Дѣла, дѣйствительно, были мудреныя.

— Ну, какъ-же ты думаешь поступить съ паспортомъ-то?

— Поступилъ. Добрый человѣкъ посовѣтовалъ. А что изъ того выйдетъ—поживемъ, увидимъ... Я подалъ прошеніе, куда вышерѣченный добрый человѣкъ указалъ, и двѣ марки прихлопнулъ, на тотъ предметъ, чтобы мнѣ разрѣшено было исходатайствовать копію съ моего призывного свидѣтельства. Верчусь, верчусь, братъ, въ этомъ дѣлѣ, да и надоѣло, наконецъ. Начальство наше на полицію валитъ, полиція на меня, я опять къ начальству... Бѣлка въ колесѣ, одно слово. Сказка про бѣлаго бычка!

— Но вѣдь съ тобою ничего-же непріятнаго не могутъ сдѣлать?—сказала Наталья Алексѣевна, и въ голосѣ ея послышалась тревога.

— Все могутъ сдѣлать, матушка, все. Всѣ данныя на лицо: и безспаспортный, и уклоненіе отъ воинской повинности, и сословія непзвѣстнаго... Ха-ха-ха!

— Чего-же ты смѣешься? Глупо это.

— Ну, никто какъ Богъ! Похожу еще, покланяюсь—авось снизойдутъ на мою униженную просьбу...

— Фи, какія гадости ты говоришь, Саша! Вотъ ужъ не люблю, когда о серьезномъ вопросѣ ты начинаешь говорить такимъ... такимъ скверпымъ тономъ.

Наталья Алексѣевна нахмурила свои тонкія черныя брови и порывисто наклонилась къ самовару (мы пили чай), чтобы наполнить вновь наши стаканы.

На нѣсколько минутъ въ комнатѣ водворилась тишина. Дешовая висячая лампочка скупо лила свой слабый свѣтъ на голыя,

строганыя стѣны школы. Мы сидѣли въ классной комнатѣ, откуда на лѣто была вынесена мебель. Самая-же квартира находилась за перегородкой. Въ этой узенькой, но длинной, коморкѣ, съ окномъ по фасаду, на дорогу и съ другимъ окномъ въ поле, откуда ирекрасно можно было зимой наблюдать бушующую за деревней вьюгу,—помѣщался самъ Александръ Сампсоновичъ со своимъ семействомъ, отгородивши себя занавѣской, а по эту сторону занавѣски, ближе къ порогу, раздѣвались школьники и стояла русская печь, гдѣ сторожиха (она же и кухарка) стряпала на Александра Самсоновича, и гдѣ сушились иногда ученическіе полушубки и валенки. Не мудрено, поэтому, что семья учителя чувствовала себя великолѣпно въ классной комнатѣ, въ этомъ обширномъ лѣтнемъ помѣщеніи, „совсѣмъ какъ на дачѣ.“ Много проведено было здѣсь у насъ хорошихъ лѣтнихъ вечерковъ, за чайкомъ, за душевными разговорами, — съ пѣніемъ, чтеніемъ, если попадала въ нашу компанію хорошая книга. Собирались сюда учителя и учительницы изъ окрестныхъ деревень, заходилъ иногда кто-нибудь изъ причта, случайно заѣзжали изъ волости—старшина, писарь, фельдшеръ или земскій докторъ и пр. пр. Вообще, школа Александра Сампсоновича была дѣйствительнымъ разсадникомъ „свѣта и знанія“, что проникалъ въ народъ или непосредственно черезъ учениковъ, или-же черезъ посредство многочисленной партіи знакомыхъ и друзей, окружавшихъ Александра Сампсоновича, обладавшаго, помимо всякихъ другихъ своихъ качествъ, однимъ неоцѣнимымъ свойствомъ души—собирать вокругъ себя, какъ въ фокусѣ, разрозненныя силы деревенскихъ дѣятелей въ сферѣ какъ интеллигентнаго, такъ и неинтеллигентнаго труда. Иногда сюда пріѣзжалъ кто-нибудь изъ его петербургскихъ друзей, или заглядывало свое начальство. Такимъ образомъ къ намъ проникали свѣжія новости изъ области политики, науки, литературы, привозились книги, несовсѣмъ старые номера газетъ или разрозненныя книжки журналовъ. Сердцемъ всего этого былъ, разумѣется, самъ хозяинъ, а солнцемъ, „вокругъ котораго земля вертится“, какъ мы въ шутку выражались,—была красивая и привѣтливая Наталья Алексѣевна. Александра Самсоновича знали, кажется, рѣшительно всѣ въ уѣздѣ изъ лицъ „правящихъ, наблюдающихъ, стрегущихъ“ и пр., и пр.,—такъ-какъ ему приходилось часто бывать

въ городѣ—въ земствѣ, на съѣздахъ, у своего учебнаго начальства, а также приходилось сталкиваться,—большею частію по дѣламъ крестьянъ,—съ лицами судебно-полицейскаго и медицинскаго вѣдомствъ,—такъ что, собственно, ему, какъ человѣку, давно живущему въ краѣ, отлично себя зарекомендовавшему—никто, какъ это говорится—„никакой лысый бѣсъ“—не угрожалъ и не могъ угрожать. Все, что онъ сейчасъ говорилъ о своихъ неудачахъ и вознѣ съ паспортомъ, начавшейся съ перемѣной какого-то начальства—все это съ его стороны было просто шуткой. *Его* ужъ ни въ какомъ случаѣ не могли серьезно потревожить. Но тѣмъ не менѣе вопросъ оставался вопросомъ, однимъ изъ тѣхъ вопросовъ, что иногда волновали нашъ маленькій кружокъ, обсуждались нами, комментировались на разные лады, Хорошо, что впновнымъ лицомъ является здѣсь *онъ*, Александръ Сампсоновичъ, котораго „всякая собака“, какъ онъ любилъ выразиться,—знаетъ. *Ему* это можно. Ну а если на его мѣсто поставить такого-то, или вотъ такого-то?.. Намъ были извѣстны случаи (курьезные случаи!) когда вновь назначенный начальникъ пріѣзжалъ въ школу и обращался къ учителю (или учительницѣ) съ вопросомъ:—„А ваши документы? У меня въ бумагахъ нѣтъ вашихъ документовъ, потрудитесь доставить, иначе вы, какъ лицо, не имѣющее права на занимаемую вами должность, должны оставить мѣсто“.—Но, ваше—ство, вѣдь я не могъ быть утвержденъ безъ предъявленія документовъ?..—„Ничего не знаю-съ!“—Вѣдь я-же восемнадцать лѣтъ занимаю это мѣсто!..—„Ничего-съ, ничего не знаю!.. Документы представьте“.—Но они были представлены вашему предшественнику и должны быть у васъ!..—„Не знаю-съ, ихъ тамъ нѣтъ“!.. И это не одна такая исторія—потеря документовъ.

Александръ Сампсоновичъ разсказалъ намъ про одного учителя (изъ „стариковъ“, перваго, какъ онъ выразился, призыва),—горячаго и знающаго себѣ цѣну человѣка, который будучи выведенъ изъ терпѣнія „мотыжествомъ“ по розысканію затерявшихся гдѣ-то своихъ документовъ, что требовались отъ него подлежащими властями,—пришелъ въ совершенное отчаяніе и воскликнулъ въ лицо пристающему начальству:—Такъ гоните-же меня вонъ, какъ прохвоста? Зачѣмъ вы держите меня, зачѣмъ держали до сихъ поръ?. Вы, по закону, не имѣете права меня держать. Гоните, какъ само-

званца и облыжника, присвоившаго себѣ не подходящее званіе и двадцать лѣтъ занимающаго неподобающее ему мѣсто!“...

— Да. Все это старыя исторіи,—сказалъ Александръ Сампсоновичъ нѣсколько пріунывшимъ тономъ.—Но дѣло въ томъ, что никто не мѣшаетъ имъ быть вѣчно юными, какъ и моя исторія съ паспортомъ. Бѣда вся въ томъ, что некогда заниматься всѣмъ этимъ, а тѣ, кто долженъ былъ-бы этимъ заняться—люди, стоящіе выше насъ—не считаютъ это въ числѣ своихъ обязанностей. Мнѣ, разумѣется, ничего не будетъ. Но вѣдь вы посмотрѣли-бы, какъ на меня глядитъ „сверху внизъ“,—вслѣдствіе этихъ мытарствъ и ходатайствъ,—господинъ урядникъ, а нашъ несравненный попечитель школы—Сысой Сысоичъ—прямо-таки выражаетъ свое сочувствіе и сокрушеніе по случаю сего несчастно-случившагося случая. Вѣдь онъ, Сысой Сысоичъ, а за нимъ и всѣ крестьяне, —вѣдь они въ сущности должны чувствовать ко мнѣ обидную жалость, какъ къ безписьменному и чуть-чуть не безправному человѣку, котораго допекаютъ“. Какое-же я могу оказывать послѣ этого на нихъ вліяніе? Они знаютъ, что я ровно ничего „не могу“, что подъ моимъ начальствомъ, кромѣ учениковъ и сторожихи— ровно никого нѣтъ, и что, напротивъ—надо мной—всякаго начальства сколько угодно, начиная съ ихъ сельскаго старосты и попечителя. Что-же я могу для нихъ сдѣлать?.. Да они, по настоящему-то, и слушать-бы меня не захотѣли, если-бы не мои знакомства и связи съ міромъ оффиціальныхъ властей..

Но Александръ Сампсоновичъ сильно ошибался, возвеличивая вліяніе „оффиціальныхъ“ властей и умаляя свое собственное, „неоффиціальное вліяніе. Мы это ему и замѣтили съ Натальей Алексѣевной, а наступившія вслѣдъ за тѣмъ событія только потвердили нашу мысль.

IV.

— Ты что тамъ, Саша?—спросила Наталья Алексѣевна, отрываясь отъ самовара:—Чѣмъ-такимъ могъ ты заинтересоваться, что не отвѣчаешь на наши вопросы?

Она встала изъ-за стола и подошла къ окну, гдѣ Александръ Сампсоновичъ, лежа грудью на подоконникѣ и наклонивъ голову на бокъ, прислушивался къ шуму, долетавшему изъ деревни.

Шумъ былъ до того ясенъ, то того выразителенъ, что не было сомнѣнія: въ деревнѣ не совсѣмъ благополучно.

— Дерутся!—спокойно сказалъ онъ и, отрываясь отъ окна, сталъ застегивать пиджакъ и подтянулъ выше голенища длинныхъ охотничьихъ сапогъ (онъ имѣлъ обыкновеніе носить такіе сапоги и зимой, и лѣтомъ).

Наталья Алексѣевна сначала поблѣднѣла и какъ-бы растерялась. Подумавъ немного, она спросила:

— Неужели ты пойдешь?

И потомъ, немного погодя, прибавила:

— Конечно, что-жъ, надо идти, сходи. Надо ихъ унять...

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее: никогда еще мнѣ не случалось наблюдать, чтобы жена такъ разумно говорила съ мужемъ объ ужасахъ деревенской драки. „Можетъ быть, она не знаетъ, что на это требуется большой запасъ смѣлости?—думалось мнѣ:—Это вѣдь не школьники разыгрались на перемѣнѣ“... То-же, кажется, подумалъ и ея мужъ, также пристально взглянувшій на нее при послѣднихъ словахъ.

— Я тоже пойду!—неожиданно заявила она, порывисто накидывая себѣ на плечи теплую кофточку. Это было уже слишкомъ. И старушка, ея мать, и я, и даже самъ Александръ Сампсоновичъ, никто изъ насъ, несмотря на всѣ доводы, не могъ отговорить ея отъ опаснаго, какъ мнѣ думалось, и напраснаго намѣренія. Впрочемъ, мужъ какъ-будто улыбался, можетъ быть—ему пріятно было видѣть свою жену такой „храброй“; можетъ быть, онъ хотѣлъ показать ей, что въ посѣщеніи деревенской улицы,—хотя-бы и сильно подгулявшей улицы,—нѣтъ ничего ни опаснаго, ни предосудительнаго. А можетъ быть и то, что случай сегодня—былъ уже не впервые. Такъ или иначе, минутъ черезъ пять мы всѣ трое быстро шагали отъ школы къ деревнѣ, минуя слѣва дома дьякона, псаломщика, священника, а справа—сторожку и маленькую сельскую церковь. Мы спустились къ рѣкѣ на мостъ, за которымъ, на „деревенской половинѣ“, виднѣлись избы крестьянъ, съ мелькавшими кое-гдѣ огоньками, и слышался новообразимый шумъ и гамъ сотенъ голосовъ.

На мосту мы нашли цѣлую компанію гуляющихъ церковниковъ: священника съ его мать-попадьей, дьяконицу, семью отстав-

ного пономаря и какихъ-то еще незнакомыхъ мнѣ двухъ барышень. Разговоръ шелъ вполголоса; молодой священникъ недурно острилъ, барышни присѣдали отъ удовольствія и хихпкали. Скоро къ намъ подошелъ лавочникъ, погасившій въ своемъ домѣ огни—онъ-же церковный староста, а за нимъ двое юношей—гостей съ помѣщичьей усадьбы,—ириличные, приглаженные, въ бѣлыхъ, тугихъ крахмальныхъ воротничкахъ, виднѣвшихся изъ-подъ сиортсменской жакетки, они,—какъ можно было заключить изъ разговора,—только вчера пріѣхали на велосипедахъ изъ города и утромъ разсчитывали выѣхать обратно, чтобы попасть въ свои конторы, гдѣ они занимали какія-то значительныя мѣста, на занятія. Они съ большимъ удовольствіемъ и знаніемъ дѣла распространились о велосипедахъ, о дальней и неудобной дорогѣ (досталось-же отъ нихъ этимъ дорогамъ!), о ночлегахъ по деревнямъ. Выводъ былъ таковъ, что нѣтъ лучше мѣста для велосипеда, какъ Каменноостровскій просиектъ и острова, съ чѣмъ мы виолнѣ и иосиѣшно согласились.

— Пойдемте,—шепнула мнѣ Наталья Алексѣевна, слегка потянувъ меня за руку.

Александра Сампсоновича уже не было около насъ. Видно было, какъ онъ, въ видѣ длиннаго чернаго привидѣнія—широко шагалъ ио „прогону“, ведущему отъ моста къ деревнѣ.

— Пойдемте,—иовторила она капризно и сама взяла меня подъ-руку, какъ-бы безсознательно пща оиоры. Она была въ приподнятомъ, какъ мнѣ казалось, настроеніи и слегка вздрагивала не то отъ холода, не то отъ волненія, ее охватившаго.

— Неужели вы туда?—спросилъ священникъ:—не совѣтую...

Наталья Алексѣевна оглянулась, хотѣла что-то сказать, но ничего не сказала, и мы пошли впередъ, больше не оглядываясь.

V.

Не успѣли мы сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ изъ сосѣдняго огорода, ломая своею тяжестью жерди, къ намъ на дорогу перелѣзъ какой-то человѣкъ. Наталья Алексѣевна сначала испугалась-было, но тотчасъ-же оправилась, признавъ въ незнакомцѣ Гришку. Она окликнула его, и онъ подошелъ къ намъ—весь мокрый, безъ

шапки; въ одной рукѣ онъ держалъ снятые зачѣмъ-то сапоги, а въ другой камень.

— Откуда это ты?

И Гришка разсказалъ, какъ за нимъ гнались ребята, хотѣли его побить, но онъ—парень не промахъ: добѣжалъ до рѣки и, видя, что дѣваться некуда больше, а погоня настигаетъ, мигомъ стащилъ съ ногъ сапоги, бросился въ воду и переплылъ рѣку. Ребятамъ пришлось только руками развести.

— А шапку потерялъ, уплыла,—сказалъ онъ, улыбаясь и обнаруживая рядъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, и ровныхъ зубовъ.

— У меня всегда душа болитъ,—замѣтила моя спутница какъ-бы про себя,—когда ребята дерутся. Красивѣе парней я не видала въ другихъ деревняхъ, чѣмъ у насъ, и красивые, и здоровые—кровь съ молокомъ, дѣвушки тоже—прелесть что такое! И вдругъ—ахъ, Боже мой!..

— Да это ничего, Наталья Алексѣевна, мы, какъ-бы Ермакъ, воюемъ!—сказалъ Гришка добродушно.

— Глупый ты человѣкъ, да вѣдь Ермакъ-то зналъ, на кого поднимается, на какое дѣло силу свою теряетъ. А ты... посмотрика на себя! Какъ ты къ своей матери придешь?

Гришка стыдливо оглянулся на свои печальныя лохмотья и, замедливъ шагъ, началъ отставать, далеко швырнувъ камень.

— Ступай-ка домой, вонъ чрезъ огородъ-то и иди, чтобы тебя бабы не засмѣяли. Изъ-за чего ты дрался-то?..

— Да вѣдь ихъ двѣнадцать, а я одинъ, кому хошь доведись, обидно.

Онъ совсѣмъ отсталъ отъ насъ, и я видѣлъ, какъ онъ, на-ходу надѣвая сапоги, повернулъ назадъ и вдоль берега, „задами“, пошелъ въ „свой конецъ“. И это было для него очень недурно, потому-что на поворотѣ въ деревню насъ встрѣтила компанія парней. Они ходили кучками и тихо разговаривали между собою, то-и-дѣло заглядывая вглубь „прогона“, откуда мы шли; навѣрное, они поджидали Гришку, по крайней мѣрѣ у многихъ изъ нихъ были въ рукахъ палки. Мы спокойно прошли; парни вѣжливо раскланялись съ Натальей Алексѣевной, одинъ даже спросилъ, не Александра-ли Самсоновича она ищетъ,—такъ онъ тамъ, у мужиковъ.

И парень махнулъ рукой направо вдоль деревни. Но мы не

пошли туда, а, по желанію моей спутницы, повернули налѣво, чтобы посмотрѣть, что такое былъ за шумъ въ той сторонѣ. Тотъ-же парень сообщилъ, что это Пинька (Пименъ) дерется съ братомъ.

Здоровый, плечистый, еще молодой, рыжій мужикъ, въ сильномъ подпитіи, стоялъ противъ высокой крѣпкой избы старой постройки, съ маленькими окнами, и дубиной колотилъ, что есть силы, въ простѣнокъ.

— Вонъ изъ моей избы! Изба моя! Вонъ!

Онъ подошелъ къ запертымъ воротамъ, попробовалъ ихъ открыть, но неудачно. Съ разбѣга давъ нѣсколько толчковъ ногою и кулаками въ калитку, крѣпко припертую изнутри, онъ понялъ, наконецъ, что усилія его безплодны, и снова подошелъ подъ окна.

— Вонъ, такіе-сякіе! Чтобы и духу вашего не было!..

Окна безмолвствовали. Ни звука, ни движенія въ избѣ, ни огня. Чудилось, что въ страшной тоскѣ и смятеніи притаились тамъ люди и отсиживаются, какъ въ осажденномъ городѣ.

— А Гаврилкѣ полѣна осиноваго не дамъ!

Точно пушечная пальба раздавались глухіе тяжелые удары дубины по звонкому, высохшему какъ кость, бревенчатому срубу.

— Я вамъ покажу!..

Мы съ Натальей Алексѣевной подошли вплотную къ буяну. Онъ насъ сначала не замѣтилъ.

— Пименъ, что это съ тобой. Господи Боже мой, вотъ-то удивилъ! Никогда-бы не повѣрила, первый разъ вижу!—сказала Наталья Алексѣевна, становясь передъ нимъ.

Пименъ взглянулъ на нее съ самымъ удивленнымъ выраженіемъ на лицѣ, широко раскрывъ глаза и закинувъ назадъ свою кудластую со спутанными волосами голову. Приди, казалось, выходцы съ того свѣта, они не удивили-бы его такъ, какъ наше съ ней появленіе—среди безлюдной тихой улицы, гдѣ онъ, какъ ему, вѣроятно, казалось, воевалъ на всей своей полной волѣ. Съ кѣмъ воевалъ? Вѣроятно, съ тѣми воображаемыми врагами-недругами, что на подобіе темныхъ силъ являлись въ его разгоряченномъ и разстроенномъ умѣ.

Онъ думалъ, что онъ—одинъ только во всемъ мірѣ, одинъ—какъ въ пустынѣ, голосъ его, грозный и повелѣвающій,—одинъ только царитъ въ мертвомъ и глухомъ пространствѣ. Онъ самъ любовал-

ся этимъ грознымъ голосомъ. Онъ, можетъ быть, и не подозрѣвалъ раньше, что у него такой грозный голосъ, такая могучая крѣпкая рука. Скройся, лютый врагъ! И онъ чувствовалъ, что врагъ скрывался и трепеталъ. Онъ сознавалъ себя властью, карой, судомъ Божіимъ. Давайте „ихъ“ сюда, враговъ, давайте ихъ больше, онъ имъ покажетъ... покажетъ... покажетъ... Но что покажетъ? Вотъ тутъ-то и штука. Гдѣ его враги? Кто они? А вотъ эта самая стѣна, которую ему надо во что-бы то ни стало разбить, опрокинуть, уничтожить!.. А дальше что? Дальше, дальше онъ не знаетъ что.

— Я имъ докажу!

— Да что ты докажешь?

— Изба моя!

— Ну и твоя, что-жъ дальше?

— Брата Гаврилку вонъ... Мать вонъ... Сестеръ вонъ. А, онѣ въ Питерѣ живутъ, кофеи да чаи пьютъ, а я—какъ песъ какой—между „ихъ“...

Пименъ жилъ хорошо, лучше всѣхъ въ деревнѣ, земли у него было много (отдѣльной барщины отъ деревни). Особенно хорошо онъ сталъ жить послѣ того, какъ въ рукахъ у него скопились вымороченыя земли двухъ дядей. Онъ съ братомъ (солдатъ, жилъ въ артельщикахъ въ Петербургѣ) былъ единственнымъ владѣльцемъ обширной площади посѣвовъ, луговъ, порядочнаго лѣса. Но братъ еще не владѣлъ своею частью и даже не былъ въ раздѣлѣ съ нимъ. Онъ только-что пріѣхалъ погостить лѣтомъ и остановился у матери, жившей въ отдѣльной избѣ, куда пріѣзжали къ ней и дочери ея—двѣ старыя дѣвицы, жившія на мѣстахъ въ Петербургѣ-же. Самъ Пименъ, съ помощью сестеръ—(„богатыхъ“, потому-что онѣ получали „жалованье“), выстроилъ себѣ отдѣльную—хорошую, свѣтлую и просторную—избу рядомъ съ матерью, гдѣ и жилъ съ женою и многочисленной артелью ребятишекъ. Вина онъ не пилъ, но если случался такой грѣхъ, то—обыкновенно молчаливый, мрачный и угрюмый—онъ превращался въ нѣчто дикое и ужасное: ему вездѣ грезились враги, не любящіе и не уважающіе его люди... Нужно правду сказать, что въ дѣтствѣ мать вдова, дѣйствительно какъ-будто не любила его, страшно била и одинъ разъ даже возжами давила его за шею, раздраженная какимъ-то его незначительнымъ проступкомъ (порча въ хозяйствѣ).

Мальчика отняли уже чужіе люди. Женатъ онъ былъ на тихой и „покорливой“ бабенкѣ, которая боялась его пуще огня. Боялись его, впрочемъ, всѣ—и мать, и сестры, и младшій братъ, особенно-же когда онъ былъ пьянъ. Такъ и теперь—они сидѣли взаперти дома и даже не подавали признаковъ жизни, чтобы не раздражать и безъ того раздраженнаго и озлобленнаго человѣка.

— Эхъ, Пименъ Николаевичъ, Пименъ Николаевичъ!—сказала Наталья Алексѣевна, ласково взявъ его подъ руку:—Пойдемъ-ка лучше съ нами, по деревнѣ прогуляемся. Что тутъ шумѣть да ссориться? Вѣдь скучно это! Правда—вѣдь скучно!..

Она глядѣла на него грустная и печальная, поправила спутанные волосы на лбу съ чисто женскимъ умѣньемъ и тактомъ. Искренній тонъ ея голоса, точно она чутьемъ узнала, чего не хватаетъ мнящей себя обиженной, одинокой душѣ, нелюбимой будто-бы своими кровными,—добрая улыбка и довѣріе, именно—*довѣріе* къ нему, этому страшному буяну и силачу, грубому дикарю, отъ котораго даже мать прячется,—все это тронуло незримыя струны въ сердцѣ опьянѣвшаго Пимена, тронуло мягкими нѣжными перстами, и онѣ зазвучали на другой ладъ.

— Наталья Алексѣвна, матушка ты наша! Вотъ, вотъ...

Брошенная дубина валялась на землѣ. Я ее поднялъ и забросилъ въ огородъ. А Пименъ Николаевичъ кланялся въ ноги моей спутницѣ.

— Жизнь за тебя положить—мало!

Непривычная ласка сильно подѣйствовала на Пимена. Но Натальѣ Алексѣевнѣ этого было мало.

— А я-то думала,—продолжала она, отстраняясь отъ поклоновъ:—вотъ, молъ, молодецъ мужикъ Пименъ Николаевъ: не только самъ хорошо устроился и живетъ, не только свою семью соблюдаетъ,—дворикъ выстроилъ, какъ сундукъ, избу новую, какъ игрушечку, поставилъ, гумно—полно житомъ,—а онъ еще и мать бережетъ, кормитъ, дровецъ ей привезетъ, коровку далъ... да и не только мать—сестрицъ своихъ пріючаетъ, когда онѣ отдохнуть къ нему пріѣдутъ, брата не обижаетъ... Вотъ, думаю, мужикъ! Вотъ мужикъ—и хозяинъ хорошій, и сердце доброе...

— А ты думаешь у меня нѣтъ сердца? Есть, есть, родная моя,

есть! И сердце есть, и люблю я всѣхъ, и никого-то никогошеньки не хочу обидѣть...

Окошко тихо стукнуло. Старушка въ бѣломъ платкѣ выглянула въ форточку и внимательно прислушивалась. Въ другомъ окнѣ мелькали еще какія-то лица.

— Матушка!—сказалъ Пименъ, замѣтивъ мать и поднимаясь на ноги.—Родная ты моя! Развѣ я тебѣ не сынъ, развѣ я не любилъ тебя, не берегъ?.. И дровецъ, и коровку... Это правильно...

Онъ облокотился на стѣну и глядѣлъ вверхъ на старуху слезящимися глазами, молящими о прощеніи и участіи.

— Иди, кормилецъ, иди спать, завтра поговоримъ.

— Нѣтъ, спать я не пойду, я посижу вотъ здѣсь, на заваленкѣ. Я твой спокой буду караулить... Онъ сѣлъ, закрывъ лицо руками и заплакалъ.

Стукнула калитка. Изъ воротъ вышелъ, братъ, артельщикъ, въ ситцевой рубахѣ, съ коротко-остриженной головою, плечистый и красивый юноша.

— Давай-ка покуримъ, Пима! Чего намъ ссориться?

Онъ сѣлъ рядомъ на заваленку и сталъ свертывать папироску.

— Изъ-за чего у насъ, знаете,—сказалъ онъ:—въ гости другъ-друга звали. Пименъ говоритъ: „Ко мнѣ пойдемъ, курицу зажаримъ“. А я говорю: „Нѣтъ, ко мнѣ, чай пить въ мою избу“.— Какъ въ *твою* избу? Развѣ изба твоя?—„Моя!..“—Нѣтъ, моя!.. „Нѣтъ, моя!..“ И пошло, и пошло...

Черезъ пять минутъ братья, обнявшись, любовно и по-дружески простились и разошлись каждый въ свою избу.

— Охъ, ужъ это вино!—сокрушеннымъ шепотомъ замѣтила старуха въ отвѣтъ на утѣшенія Натальи Алексѣевны: — Какъ только зачнутъ „тамъ“ пить, такъ и ждешь уже чего-нибудь, душенька не на мѣстѣ...

— Прощай, бабушка!

— Простите Христа ради!

Окно захлопнулось...

VI.

Мы повернули назадъ.

— Однако вы не боитесь,—сказалъ я Натальѣ Алексѣевнѣ.

— Хотите сказать, что я не боюсь мужиковъ, не боюсь ходить по улицѣ, не боюсь ихъ крика, дракъ ихъ между собою... Это объясняется привычкой, вѣроятно.

— Одной привычки мало.

— Какъ вамъ сказать? Пожалуй, тутъ есть капелька сочувствія, пониманія... Вѣдь каждую семью я отлично знаю черезъ ребятишекъ, что въ школу ходятъ. Знаю—что̀ варится въ горшкѣ къ обѣду, знаю, за что отецъ мать побранилъ или побилъ, отчего сестра плакала, чѣмъ ребенокъ нездоровъ... Однимъ словомъ—нѣтъ ничего такого сокровеннаго въ деревнѣ, чего-бы я не могла знать утромъ, когда дѣтвора собирается въ школу и начинаетъ болтать между собою. Слушая ее, невольно дѣлаешься участникомъ чужой семейной жизни. И крестьяне это отлично знаютъ, т. е. знаютъ то, что ихъ житье-бытье домашнее отлично извѣстно мнѣ и извѣстно именно такъ, какъ есть, какъ на самомъ дѣлѣ его понимать слѣдуетъ, безъ прикрасъ, безъ преувеличеній, безъ слащавости и безъ презрительнаго „свысока“. Люди всѣ—люди. Мнѣ отъ нихъ ничего не нужно. Имъ—если только это понадобится—я отдаю... какъ бы это сказать... дружбу, что-ль, простую и искреннюю дружбу, на подобіе того, какъ мы готовы всегда радостно встрѣтиться со старымъ товарищемъ по школѣ, съ которымъ много пережито и горькаго, и сладкаго. Такъ и я—сжилась съ ними. Какъ я знаю, что у нихъ въ горшкѣ варится, такъ и они про меня,—ребятишки не утаятъ, все дома разскажутъ. Вѣроятно, они говорятъ: когда и почему я веселая, когда скучная, когда ребенокъ заболѣлъ и отчего онъ заболѣлъ, какъ я его лѣчила, какъ, наконецъ, я хожу, говорю и обращаюсь съ мужемъ, что мнѣ нравится, что не нравится,—однимъ словомъ нѣтъ ничего скрытнаго въ моей жизни для нихъ, какъ въ ихъ жизни для меня... И это—изо-дня въ день, изъ года въ годъ. Всякое мое горе—я увѣрена—дойдетъ до нихъ и встрѣтитъ участливое отношеніе. Равно и они—прекрасно знаютъ, что всякое деревенское несчастіе больно коснется и меня. Я не знаю, понимаете-ли вы мою мысль, я не могу ея хорошо выразить. Это именно отношенія старыхъ товарищей въ горѣ и въ радости, отношенія, ничѣмъ, никакимъ матеріальнымъ вопросомъ не омраченныя. Деревня, это—большой магнитъ; дѣтвора—телеграфная проволока; школа—компасъ. Неладно въ де-

ревнѣ, въ большомъ магнитѣ—мы чувствуемъ возмущеніе магнитной стрѣлки... Впрочемъ, темно я говорю...

— О, нѣтъ, пожалуйста, я васъ понимаю!.. Продолжайте, пожалуйста. Вы прекрасно обрисовали вашу, такъ сказать, „небоязнь“ въ деревнѣ. Вамъ бояться, дѣйствительно, нечего.

— Да и никому бояться нечего! Да и неприлично бояться среди своего народа, какъ неприлично было-бы офицеру на войнѣ бояться своихъ солдатъ.

— Мѣткое сравненіе.

Наталья Алексѣевна засмѣялась.

— Знаете-ли... Первый разъ я сюда пріѣхала... Школка въ простой избѣ, въ деревнѣ, лѣтомъ была. Хорошо такъ... Солнышко, сплю долго, встану—купанье въ рѣчкѣ, чай или кофе, книжка въ рукахъ, гулянье по цвѣтамъ въ полѣ; на окружающихъ—ноль вниманія. Только вдругъ нарвалась: обругала меня одна баба. Да какъ обругала-то! Съ роду этого со мной не было. „Барыней“ (презрительно такъ) назвала, что-то въ-родѣ нищей, только-де одна юбка и есть за душой. Боже мой! Это было мнѣ такъ больно, т. е. брань—точно кто кнутомъ по лицу стегнулъ. Я въ слезы, сказала мужу. Саша изъ себя было вышелъ. „За что она?“—спрашиваетъ.—Не знаю!—„Не можетъ быть!“—Просто такъ, ни за что, говорю:—на „ключикѣ“, говорю (это родникъ чистой воды, ключъ) умывалась, да воду замутила.—„Ну, такъ и есть“, говоритъ. Теперь мнѣ смѣшно, а тогда не до смѣху было. Представьте, я теперь сама-бы возмутилась, если-бы кто нибудь сталъ умываться въ ключѣ, откуда вся деревня въ сѣнокосъ беретъ—какъ кристаллъ, чистую и, какъ ледъ, холодную воду. Но тогда ничего подобнаго мнѣ и въ голову не приходило. Стою-себѣ надъ „ключикомъ“, жара такая, тутъ холодненькая чистенькая водица, лицо умыла, ноги... Вдругъ эта баба съ ведеркомъ, идетъ, видно—прямо съ сѣнокоса: подолъ подобранъ, лицо потное, красное...

— Все-таки она должна была-бы объяснить.

— Ну, вотъ еще! Всякій ребенокъ понимаетъ это, и бабѣ въ голову не могло придти, чтобы взрослый, да еще „ученый“, человѣкъ, претендующій на нѣкоторый умъ, не понималъ-бы. Теперь она моя кума, вотъ она живетъ въ этой избѣ...

— Молчите-ка, молчите, господа!..

Мы съ удивленіемъ оглянулись. Въ окно, собственно, въ форточку его,—глядѣла сѣдая старушечья голова, освѣщенная яркой луной. На улицѣ никого не было. Вдали слышенъ былъ еще шумъ, но рядомъ съ шумомъ пищала гармоника, и порой вырывалась пѣсня. Все это такіе признаки, что указывали на нѣкоторое успокоеніе въ деревнѣ, на окончаніе дракъ.

— А, это ты, тетка Татьяна! Что ты смотришь?

Мы подошли подъ окно.

— Аль мужа ждешь, не спишь?

— Нѣ, мой-то давно дрыхнетъ. Все пѣсни пѣлъ, да въ ноги кланялся... Слушайте, слушайте!.. Вотъ опять... вотъ...

Она говорила шепотомъ, наклоняя ухо въ сторону улицы.

Мы тоже прислушались. Откуда-то долетали глухіе удары—не то кто-то колотилъ въ пустую бочку, не то кто дверью сильно и плотно хлопалъ.

— Сёмка воюетъ съ отцомъ. Глядите-ка, глядите...

Тутъ только мы замѣтили, что на противоположной сторонѣ улицы, затѣненное высокой крышею, зіяло раскрытое окно въ избѣ. Къ окну какой-то старикъ приставлялъ лѣсницу, и по ней изъ окна спускалась какая-то человѣческая фигура на землю, очевидно, женская—съ бѣлыми рукавами и въ бѣлой кофточкѣ поверхъ сарафана.

Скоро передъ нами очутился сѣдой и лысый плечистый старикъ, коренастый, представительный съ красивой круглой головой, обрамленный сѣдыми вихрами взлохмаченныхъ волосъ. Лицо его было очень взволновано, глаза „метали молніи“, грудь тяжело дышала; онъ былъ до крайности возбужденъ.

— Разбойникъ... Надо къ старостѣ идти...

Слѣдомъ за нимъ къ намъ подошла и жена его, крошечное, но юркое, существо, съ простымъ и мелкимъ лицомъ. Она тоже была взволнована, но, казалось, ее больше безпокоила мысль о разсердившемся старикѣ, чѣмъ забота о себѣ.

— Не ходи ты, не ходи никуда, ни къ старостѣ, никуда. Покуражится, заснетъ—вотъ и все.

— Прокляну мерзавца... въ острогѣ сгною,—горячился старикъ:—черезъ окно ходить заставилъ.

Онъ то грозилъ на зіяющее въ избѣ окно, то одергивалъ на себѣ рубаху, то сморкался и теръ глаза.

— Моя передняя изба!

— Ну, ну! Твоя, твоя!.. Успокойся только, ради Христа, не кричи!

Разговоръ все время шелъ въ-полголоса. Видно было, что и старушка, и старикъ не хотѣли, чтобы кто-нибудь слышалъ о семейной неурядицѣ, видѣлъ безобразіе въ домѣ. А можетъ быть, и то, что они громкимъ говоромъ боялись привлечь вниманіе буянившаго въ домѣ сына,—женатаго и семейнаго человѣка Сёмки, жена котораго приходилась той кумой Натальѣ Алексѣевнѣ, о которой она говорила.

— Изъ-за ней-то и вышло все,—сказалъ старикъ:—пришелъ пьяный, раскуражился, бить ее зачалъ. Я заступился, онъ—того хуже: къ телѣгѣ за косы привязалъ, а самъ спать на телѣгу легъ, на дворѣ... Прибѣжали шурьяки, ейные, значитъ, братья. Хотѣли ему кости смять, да она, бабенка-то, упросила. Хотѣли отвязать, такъ и отвязать-то молила Христомъ Богомъ не отвязывать. Знамо, хуже только вышло. Отвязали и увели къ себѣ. А онъ пришелъ въ домъ, да всю одёжу у ней топоромъ перерубилъ. Сидитъ на порогѣ да рубитъ, въ своей-то избѣ, стало быть, въ задней. А мы съ бабой уже на крюкъ заперлись у себя. Ребятишекъ разогналъ, затопилъ „чугунку“, да всѣ обрубки и лоскутки въ печку врылъ. Потомъ къ намъ ломиться зачалъ. Мы не пустили. „Моя“, говоритъ, „передняя изба, а тебѣ, старому чорту, задняя!“ Тьфу!.. Проклятый тотъ человѣкъ, кто это вино самое выдумалъ! Срамота...

Старикъ съ негодованіемъ отплюнулся.

— Да что онъ, съ ума сошелъ! Связать надо!—сказалъ я, чувствуя, какъ злое, мстительное чувство поднимается у меня въ душѣ.

— Знамо, связать!—яро поддерживалъ меня старикъ.

— Еще пожару надѣлаетъ, ходитъ тамъ съ огнемъ,—какъ-бы про себя замѣтила и тетка Татьяна.

— Связать чорта и въ магазею запереть.

— Кости смѣсить ему.

Послѣднія восклицанія сдѣланы были вновь подошедшею куч-

кой людей,—это были: жена Сёмки, плачущая и дрожавшая всѣмъ своимъ худымъ тѣломъ въ лохмотьяхъ женщина и ея четыре брата—молодцы, какъ на подборъ.

Оказалось, что она не усидѣла тамъ, у матери, и выпросилась домой, опять къ мужу, несмотря на всѣ увѣщанія матери и братьевъ. Теперь братья провожали ее, готовые защищать ее кулаками. Они были настроены очень воинственно, и, если-бы не слезныя мольбы „заступницы-жены“, то въ этотъ вечеръ туго пришлось-бы Сёмкѣ. Услышавъ, подходя къ дому, что ея ненагляднаго Сёму хотятъ связать и запереть въ магазею, и чуя, что здѣсь дѣло не шутка, она встрепенулась, что осиновый листъ, и бросилась умолять и меня, и братьевъ, и старика-свекра—не трогать его, не ходить туда, не раздражать, потому-что у него ужъ, у Сёмы, такой „карахтеръ“: себя не пожалѣетъ, а на своемъ поставитъ. Однажды-де заперли его такъ-то въ магазею пьянаго, такъ онъ всю голову себѣ разбилъ и самъ-себя всего перераниль, колотясь о стѣны.

— Я одна пойду!.. Ради Самого Господа, пустите меня одну... И не ходите вы туда, братцы мои родненькіе, батюшка-кормилецъ...

— Куда ты, дура, пойдешь! Мало онъ ломалъ тебя.

— Мнѣ все равно! На то евоная мужнина воля.

— Да зачѣмъ, зачѣмъ тебѣ, за какимъ такимъ рожномъ на муку мученическую лѣзть... Зачѣмъ?

— Ахъ, братецъ, ты ничего не понимаешь. Вѣдь онъ безъ меня все тамъ переломаетъ, все перебьетъ, послѣднюю одежонку испортитъ...

Какъ-бы въ подтвержденіе ея словъ, внутри двора гдѣ-то опять начали раздаваться глухіе удары, что-то зазвенѣло, загромыхало...

— Пустите!

Она рванулась впередъ и бѣгомъ, не оглядываясь, побѣжала черезъ улицу и скрылась въ воротахъ.

Братья только рукой махнули и мрачно отвернулись въ сторону. Подождемъ-де, можетъ—потребуется и наша работа.

Наступила тишина, „мертвая“ тишина, если-бы не взвизги гармоники въ другомъ концѣ деревни и не слышался вдали шумъ голосовъ.

Мы ждали долго. Изнутри двора—ни звука, точно все тамъ вымерло. Братья не выдержали, наконецъ.

— Сходи, Степанъ, погляди, что онъ тамъ, дуракъ, дѣлаетъ.

Спутница моя не одобрила этого рѣшенія и предложила свои услуги, справедливо догадываясь, что встрѣча братьевъ съ зятемъ, не можетъ ни съ какой стороны быть дружелюбною. Она становилась на сторону жены и ее только одну считала способною, какъ видно, укротить буйный нравъ „раскуражившагося“ мужика. Это былъ смирный и непьющій мужикъ, но чрезвычайно самолюбивый, подозрительный и упрямый. Съ отцомъ они хлопотали изъ-за дѣлежа: отецъ далъ ему ветхую лачугу, „заднюю“ избу, а себѣ съ женой оставилъ „переднюю“—крѣпкую и просторную. Мать была не родная. Считая себя обиженнымъ, сынъ—отвѣтственное лицо въ домѣ, домохозяинъ, плательщикъ всѣхъ сборовъ мірскихъ, поплечъ и кормилецъ многочисленной семьи, человѣкъ, наконецъ, когда-то бывшій сельскимъ старостой—затаилъ обиду въ сердцѣ, и теперь, пользуясь, вѣроятно, выпитой водкою, взвинтивъ себя на надлежащій ладъ въ горячей атмосферѣ кабака и дракъ, происходившихъ на улицѣ, и, набравшись такимъ образомъ „вольнаго“ духу, приступилъ къ отцу, заставивъ его ходить черезъ окошко, а не черезъ общія сѣни.

Все это невольно пришло мнѣ въ голову, когда мы съ Натальей Алексѣевной, отдѣлившись отъ толпы подъ окномъ тетки Татьяны, проходили во дворъ Сёмки. Дворъ былъ тѣсный и грязный, заваленный всякимъ домашнимъ хламомъ.

Маленькая, низенькая, вросшая въ землю избушка „задняя изба“—свѣтилась тускло своими двумя выходившими на этотъ дворъ окнами. Темныя сѣни отдѣляли „заднюю“ избу отъ „передней.

Внутри избы и въ сѣняхъ тишина была мертвая.

Наталья Алексѣевна, нѣсколько встревоженная этой загадочной тишиною, потянула меня къ окну.

Тусклая „керосинка“ стояла на печкѣ противъ окошка, и при ея слабомъ свѣтѣ налѣво у стѣны ясно различилъ кровать, на которой въ сапогахъ, въ красной рубахѣ и съ лицомъ, прямо обращеннымъ къ окнамъ, лежалъ самъ Сёмка. Казалось, онъ поджидалъ кого-то, такъ-какъ наши осторожные шаги не укрылись

отъ его чутко настороженнаго уха. Догадываясь, что за окномъ кто-то есть, онъ самодовольно, какъ мнѣ показалось, улыбнулся.

За нимъ—видно было—прижатая къ самой стѣнѣ лежала хозяйка, также не раздѣтая, какъ и онъ. Глядя на эту картину, можно было-бы подумать, что здѣсь отдыхаетъ самая мирная пара супруговъ въ послѣобѣденный часокъ. Но это было-бы грубой ошибкою. Что покой этотъ былъ вынужденнымъ, но крайней мѣрѣ для женщины, это тотчасъ-же и обнаружилось, какъ только Наталья Алексѣевна постучалась въ стекло.

— Кто тамъ и чего надо?—спросилъ Сёмка, не мѣняя положенія своего тѣла на кровати, въ то время какъ блѣдное и испуганное лицо жены приподнялось у него изъ-за плеча и полно было безпредѣльнаго ужаса.

— Лежать смирно!.. Приказываю!—крикнулъ мужъ грозно.

Голова опять опустилась.

Онъ все такъ-же не вставая, поднялъ руку и, не торопясь, опустилъ ее сбоку на лежавшій рядомъ съ нимъ на кровати топоръ...

Наталья Алексѣевна забарабанила во всю мочь.

— Кой тамъ чортъ?

Сёмка, не торопясь, всталъ съ кровати. За нимъ то-же хотѣла сдѣлать и жена, но грозный окликъ тотчасъ-же уложилъ ее опять въ постель, на мѣсто, какъ въ могилу.

— Кто и зачѣмъ?

Сёмка, передвинувъ топоръ по лавкѣ, подошелъ къ окну и однимъ толчкомъ пальца распахнулъ створчатую раму, оставаясь самъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ окна. Рослый, дюжій, упиравшійся, чуть не въ потолокъ низенькой избушки, стройный и молодой—онъ могъ-бы назваться красавцевъ въ своемъ родѣ: красная рубаха, перехваченная ремешкомъ, курчавые бѣлокурые волосы на такой-же круглой и красивой головѣ какъ и у его отца, могучія широкія плечи и сильныя мускулистыя руки, сложенныя на груди, небольшая русая бородка, шелковистая и мягкая—такова была фигура хозяина, гордо стоявшаго передъ нами. Осанка, взглядъ, лукавая усмѣшка,—все это изобличало въ немъ грознаго владыку дома, самовластнаго и неограниченнаго царька въ своей избѣ, гордаго и надменнаго, знающаго себѣ цѣну смѣлаго воителя. От-

куда этотъ взглядъ, откуда эта улыбка? Еще недавно я видѣлъ Сёмку, смирнаго и скромнаго работника на полосѣ, затертаго на сельскомъ сходѣ въ толпѣ, общественника робкаго и нерѣшительнаго... А тутъ—непонятное превращеніе!—передо мною стояло какое-то чудо самоуваженія, личнаго достоинства, твердой и непреклонной воли.

— Что̀ надо господамъ?

Не узнать насъ было нельзя. Сёмка насъ и узналъ, конечно, но роль свою хотѣлъ выдержать до конца, хотя и видно было по его лицу, что появленіе наше доставляетъ ему большое удовольствіе, удовольствіе лишній разъ представить собою заправскаго царька-домовладыку.

— Что ты буянишь тутъ, Семенъ Андреевичъ? Говорятъ, разогналъ всю деревню, весь народъ въ страхъ и трепетъ привелъ? Что такое случилось?—стараясь быть спокойной, заговорила Наталья Алексѣевна.

Я видѣлъ, какъ при первомъ звукѣ голоса ея опять приподнялось на кровати лицо хозяйки, но на немъ былъ написанъ уже не страхъ, какъ прежде, а сіяла самая безумная радость, радость, какъ мнѣ показалось, о томъ, что здѣсь, у окна, были не тѣ люди, о комъ она думала и появленія кого боялась.

— Буянишь, буянишь! Не отпирайся: отца, говорятъ, изъ дома выгналъ,—продолжала Наталья Алексѣевна:—Сосѣдей, говорятъ, настращалъ тоже...

Все время, пока говорила Наталья Алексѣевна, Семенъ Андреевичъ самодовольно крутилъ свой усъ и бороду, наклоняя голову то въ правую, то въ лѣвую сторону. Видно было, что извѣстія, принесенныя Натальей Алексѣевной, были ему пріятны, пріятенъ былъ и тонъ, какимъ извѣстія эти были переданы: такъ только говорятъ съ великой державой.

И это понялъ Семенъ Андреевичъ, и понялъ, и радовался: есть-де такіе люди, что и насъ съ тобой, Семенъ Андреевичъ, боятся!..

— А, правда, а? Наталь Ликсѣвна,—вѣдь въ своемъ я домѣ, а... Эй, жена! Живо на колѣни!..

Покорно и быстро жена, исполняя волю мужа, сползла съ кровати на полъ и встала на колѣни, какъ на молитву...

Наталья Алексѣевна бурно выразила свой протестъ „великой державѣ“.

Онъ, смѣясь, велѣлъ женѣ встать, довольный ея послушаніемъ.

— Отворяй-ка, отворяй, не трусь. Я думаю тебѣ заутреню прочитать. Отворяй-ка!—настаивала Наталья Алексѣевна. Хорошенькое личико ея было взволновано, но не гнѣвно.

Черезъ минуту мы были уже въ избѣ, дѣлая видъ, что не замѣчаемъ безпорядка кругомъ насъ. Наталья Алексѣевна держала себя, какъ званая гостья. Семенъ Андреевичъ, присмирѣвшій нѣсколько, вѣжливо встрѣтилъ насъ у порога и все время не переставалъ быть любезнымъ съ гостьей. Нахлобучку онъ получилъ большую, но эта нахлобучка могла быть имъ отнесена вообще на счетъ всей деревни. Ему только приходилась та доля, что причиталась по развесткѣ, такъ сказать, по душамъ.

— Безобразіе, Семенъ Андреевичъ! Стыдъ. Ты вотъ старостой былъ, человѣкъ ты умный, это—твое дѣло потолковать съ мужиками. На что вамъ кабакъ? Закройте его! Не отпирайся: я вѣрю, что, если ты (есть еще два—три человѣка) захочешь, такъ и сходомъ повернешь.

Семенъ Андреевичъ любилъ „сурьезные“ и „умственные“ разговора и съ удовольствіемъ поддакивалъ своей гостьѣ, но на этотъ разъ особеннаго пристрастія къ нимъ не оказалъ. Гвоздемъ сидѣла у него въ головѣ какая-то другая мысль. Онъ пересталъ насмѣшливо улыбаться, сдѣлался какъ-то добрѣе, мягче, но нѣтъ-нѣтъ да и блеснетъ угнетающая его дума въ его восклицаніяхъ.

— А вѣдь дома я? Кто смѣетъ, а?

— Да дома, дома! Ну тебя!..

— Справедливо! Жена!.. Степаша... Ну-ка, пѣсню... Можно, Наталь Ликсѣвна, пѣсню?

Засуетившаяся-было съ приходомъ нежданныхъ гостей хозяйка, повеселѣвшая и ободрившаяся послѣ недавняго униженія, вдругъ какъ-будто опять упала духомъ. Дѣло въ томъ, что она никогда не пѣла пѣсенъ. Это всѣ знали, но... дѣлать нечего. Пѣть надо. Она умоляюще поглядѣла на своего повелителя, но на лицѣ его ничего не прочла для себя утѣшительнаго. Не могло ея избавить отъ этого новаго испытанія и заступничество гостей.

— Чего нога хочетъ?.. Умереть прикажу—умрешь! А чтобъ твои братья... меня... смѣли...

Но жена уже пѣла, стараясь всѣми силами души припомнить дѣвическія, давно позабытыя, пѣсни. Она сидѣла вмѣстѣ съ нами за столомъ и выводила старую, теперь въ деревнѣ уже позабытую, пѣсню:

— Пожила я со миленькимъ полгодочка,
Съ роднымъ батюшкомъ жила я двадцать лѣтъ,—
Не видала я горюшка-мученьица,
Какъ связалася съ тобою молодцомъ...

Она пѣла и плакала. Слезы текли у нея по лицу, и она боялась утереть ихъ своимъ рукавомъ.

— Изъ (за) тебя-ли, мой милый, молодца,
Потеряла я красоту съ лица...

Грустная пѣсня такъ подходила къ обстановкѣ, къ настроенію сегодняшняго дня, что вчужѣ жаль было смотрѣть на эту пѣвицу, жаль оторваться отъ этихъ гнетущихъ душу переливовъ голоса. Нѣтъ-нѣтъ да и Семенъ Андреевичъ кое-гдѣ подхватывалъ своимъ грудным и звучнымъ голосомъ. Онъ пѣлъ очень хорошо и славился когда-то этимъ.

— Строилъ миленькій мой дружокъ палаты,
Полатушки строилъ бѣлы-каменны...
Не достроивши миленькій пала ы...

— Полно, брось!.. Брось, брось, Стеша, брось!.. Ахъ ты, дьяволенокъ ты мой этакой черноглазый!.. Да какъ она хорошо да складно выводитъ!..

Онъ привлекъ ее къ себѣ и, несмотря на наше присутствіе, началъ цѣловать.

— Самоварчикъ намъ, водочки... Жива-а!..

VII.

Невеселая просыпалась деревня на другой день, невеселая, унылая, точно пришибленная. Былъ какой-то праздничекъ. Солнышко поднялось уже высоко, а на улицѣ никого, или почти никого, не было видно. Вотъ прошелъ пастухъ слѣдомъ за своимъ стадомъ, кое-гдѣ—видно—бабы промелькнутъ, хлопоча по хозяй.

ству, заспанные ребятенки копаются въ огородѣ на картофельной полосѣ—и снова все тихо, все уныло,—точно дума тяжелая повисла надъ деревней, распласталась струйками сизаго дымка надъ трубами. Зазвонили за рѣкой къ заутренѣ. Изъ сосѣднихъ деревень прошли богомольцы, преимущественно женщины и дѣти, Немало дивуются они передъ нѣкоторыми избами,—разбиты стекла, выломаны рамы, точно здѣсь былъ пожаръ. Деревенская улица въ одномъ мѣстѣ загорожена бревномъ, завернутымъ поперекъ дороги.

— Что это?—говорятъ они:—Бревно зачѣмъ-то заворочено, палки вездѣ валяются...

— А просто Мамаево побоище!—соображаетъ кучка парней, чистенько и даже щеголевато одѣтыхъ:—тутъ все такая деревня драчливая... Гляди, вонъ и лоскутья...

— А эво, глянько-сь: дверь высажена и крыльцо разобрано. Больше ничто, какъ битва Мамаевская...

— Гляди, гляди: старикъ по лѣстницѣ въ окошко лѣзетъ! Вотъ-то оказія!

— Оказія и есть!

Изъ крапивы поднялся человѣкъ, весь въ рѣпьяхъ, съ синеблѣднымъ лицомъ, съ дрожащимъ подбородкомъ.

— Ай холодно, братъ?

Но человѣкъ отвернулся и юркнулъ за кусты орѣшника, густо росшаго въ этомъ мѣстѣ, за огородами, близъ рѣки.

— Коробитъ сердягу.

— Это конюхъ, я знаю. Пьянчуга... Въ Ильинщинѣ вмѣстѣ въ карты играли.

— Да, вотъ тоже Ильинщина: здѣшніе-же парни всю деревню разогнали, все гулянье! Ходятъ стѣной и все норовятъ подраться-бы съ кѣмъ. Ничего, что въ гостяхъ! Ну, тотъ разъ съ ними не связывались... Такъ что-же? Между собой всѣ передрались, не съ кѣмъ больше было!..

— Притча тоже...

— И удивительно! Диви-бы народъ какой особый былъ! А то вѣдь село, духовенства сколько, да и школа церковная все время была, какъ помню.

— Ну что-жъ школа! Школа и у насъ есть...

— Такъ-то такъ, а только во всѣхъ тѣхъ деревняхъ, гдѣ мнѣ случалось видѣть земскую или министерскую школы—дракъ меньше. Вѣрь, не вѣрь, а мнѣ кажется, это такъ. Впрочемъ, я еще не провѣрилъ...

У самой церковной ограды компанія встрѣтилась съ псаломщикомъ. Двоимъ изъ нихъ псаломщикъ пожалъ руки, такъ-какъ эти два паренька были воспитанниками учительской семинаріи и теперь пріѣхали гостить (и работать) на лѣто домой! Такъ можно было заключить, по крайней мѣрѣ, изъ ихъ разговора съ псаломщикомъ.

VIII.

Послѣ обѣдни былъ крестный ходъ на рѣку. Немногочисленная толпа, большею частію состоявшая изъ женщинъ и дѣтей, наполовину изъ чужихъ деревень, въ благоговѣніи стояла вокругъ вынесенныхъ на рѣку иконъ. Мальчишки уже начали обычное въ этотъ день купанье въ рубахахъ. Не было налицо здѣсь многихъ мужиковъ-домохозяевъ и парней. Причины понимались сами собой. Въ толпѣ шепотомъ передавалась вчерашняя исторія. Оказались сильно пострадавшими трое: извѣстный намъ уже Филиппъ (свернули челюсть) и семья Микулки Корнышева—мужъ и жена, родственники того „Михеева мальчонки“, изъ-за котораго и загорѣлся весь сыръ-боръ. Микулка Корнышевъ вступился, но силы у него въ партіи были значительно слабѣе, чѣмъ въ партіи противной. Прибѣжавшая къ кабаку жена его увидѣла, что его сильно-таки мнутъ въ дракѣ. Не долго думая, она, защищая мужа, вопреки всякимъ правиламъ и обычаямъ, кого-то ударила. Отвѣтомъ на это послужилъ взрывъ негодованія въ толпѣ противниковъ и съ ней рѣшили поступить такъ-же, какъ съ мужчиной: однако ей удалось убѣжать; вывернулся и убѣжалъ слѣдомъ за ней и самъ Микулка. Они заперлись въ своей избѣ на крюкъ. Но это не спасло ихъ: изба была взята приступомъ, двери выломаны, и оба—и мужъ и жена—за волосы были вытащены на улицу... Былъ заявленъ судъ. Микула Корнышевъ вчера-же ночью сѣлъ на лошадь и уѣхалъ въ правленіе. Филиппъ самъ не могъ ѣхать, онъ даже говорить не могъ, и за него уѣхала сегодня утромъ жена. Таковы были утреннія новости въ деревнѣ. Между этими печальными новостями были и забавныя. Разсказывалось,

напримѣръ, что вчера подрались двое изъ самыхъ миролюбивыхъ, скромныхъ, вѣкъ жившихъ въ дружбѣ сосѣдей—Савушка и Павушка. Савушка, плечистый дюжій мужчина, почувствовавъ зачто-то неудовольствіе на Павушку—маленькаго карликоподобнаго мужика, жившаго въ карликоподобной-же избушкѣ,—вздумалъ ни больше ни меньше опрокинуть эту-же самую избушку вмѣстѣ съ другомъ своимъ, сидѣвшимъ взаперти у окна. Павушка не на шутку испугался, когда длинный и дюжій Савушка согнулъ свою широкую спину, чтобы лучше ухватиться за уголъ. Но Савушка былъ пьянъ, тогда какъ другъ его не пилъ вина; преимущества поэтому были на его сторонѣ. Быстро сообразивъ это, онъ вооружился кочергой, и, какъ только Савушка наклонялся къ углу, кочерга, выдвинутая изъ окна, очень ловко дѣйствовала по его спинѣ. Видя, что ничего ему тутъ не подѣлать, онъ принесъ тогда изъ дому бревно—то самое, что валялось теперь на улицѣ. Ну, ужъ тутъ Павушка напраздновался трусу: онъ закричалъ на всю улицу, когда конецъ бревна былъ заложенъ подъ-уголъ... Передавалась также исторія и насчетъ Гришки. Оказалось, что онъ, послѣ встрѣчи съ нами въ прогонѣ, переодѣлся дома и опять вышелъ на улицу. Подкарауливъ проходившаго мимо своей избы степеннаго мужика Клементія, онъ погнался за нимъ съ коломъ. И уложилъ-бы, говорятъ, на мѣстѣ его, да Клементій успѣлъ вскочить въ старостины сѣни, и колъ, скользнувъ по косяку, сильно повредилъ только руку. Такъ всю ночь и просидѣлъ Клементій у старосты въ избѣ,—а съ нимъ и самъ староста,—не смѣя снять крюка съ дверей. Парень всю ночь разгуливалъ подъ окнами, какъ на часахъ.

— За что-ты, тавлинецъ, на меня?—спрашиваетъ его Клементій.

Оказалось, какъ-то разъ, при дѣлежѣ мірской земли, Клементій упрекнулъ Гришку, что онъ такой-де молодой мальчишка, а ругается-де не хуже стариковъ. Надо-бы-де жить посмирнѣе!.. Гришка полѣзъ-было въ драку, но легкаго толчка Клементія въ грудь было достаточно, чтобы отстранить „мальчишку“. Онъ упалъ нарочно и закричалъ, что его ударили.

— Другой никакой моей причины нѣту!—говорилъ Клементій.

Но и этого было для Гришки довольно.

Такимъ-то образомъ о ночной дракѣ всѣ узнали не только въ деревнѣ, но и во всемъ приходѣ. Разговоры пойдутъ по волости. А тутъ еще суда жди: съ часу на часъ можетъ получиться приказъ явиться въ правленіе, кстати—сегодня и день присутственный, старшина тамъ, судьи, земскій.

— Не запугаешь! Ничего не будетъ! Драка промежду собой была.

— А Филипъ? А въ чужую избу ворвались!

— Эка важность—чужая изба!

— Чужая-то изба?!. Зеленъ ты еще, братъ! За чужую избу отвѣтишь. Изъ своей избы я, братъ, топоромъ орудовать могу, изъ ружья стрѣлять. А это—какъ разбой!

Такъ толковали мужики, расходясь послѣ крестнаго хода по домамъ.

— А всетаки скверно, братъ!

— На что хуже!.. Да, конецъ-то не знаешь, какъ *ей* окаянной положить.

— Да вѣдь вотъ Александро Самсонычъ давно толкуетъ: давай только руки. Я, гритъ, никого не боюсь, коль на то пошло.

— Что говорить—человѣкъ дѣльный.

— И дѣльный, и хорошій! „Мнѣ—гритъ—не васъ жалко, черти, а учениковъ. Примѣръ имъ даете!“

— А что, другъ, пожалуй и правда это: всѣ дракуны-то какъ есть вѣдь неграмотные! Сосчитай-ка: Гришка, Астафьевы два дуролома, Рожновъ, Ѳедькинъ...

— Э-хе-хе!.. Въ лѣсу живемъ, братъ, пню Богу молимся, отопкомъ щи хлебаемъ.

— Грѣхи, грѣхи!

— Надо, братъ, что-нибудь обдумать.

— Да вотъ потолкуемъ ужо.

IX.

Сходка была настроена въ минорномъ тонѣ. Говорили большею частію тѣ, кто въ обыкновенное время почти всегда молчитъ. Говорили старики и тѣ изъ молодыхъ домохозяевъ, кото-

рые не пили вовсе, или пили весьма умѣренно. Остальная братія въ большинствѣ молчала, „уставя брады“ въ землю. Чувствовалось, что побранить есть за что и есть кому. Старики бранили, и молчаніе на ихъ брань показывало, что бранить они были вправѣ. Заслуженная брань и заслуженные упреки... Многіе изъ домохозяевъ, вѣроятно, благодаря ожидаемой ругани за вчерашнее дѣло (правильнѣе—бездѣлье) совсѣмъ не явились на сходъ, какъ напримѣръ—Семка. Они прятались дома или въ полѣ и на огородахъ. Другіе были больны или имѣли на лицѣ такіе знаки, что явиться на сходъ съ ними было-бы нѣсколько неудобно. Были, впрочемъ, и такіе, что на это послѣднее обстоятельство не обращали ровно-таки никакого вниманія.

— А, ты-исъ, примѣрно, ребята, могу я фарты раздуть!—заговорилъ-было Архиповъ, что закусывалъ лукомъ въ кабакѣ.

— Ну, говори!

— Ты-ись, дьяконица корову-то пущаетъ, а въ обчество нынче не платила... Полведерка-бы...

Но на него нѣкоторые прикрикнули такъ, что самъ говорившій счелъ удобнымъ отойти къ сторонѣ и полѣзъ въ кисетъ за трубкой и табакомъ, сохраняя на лицѣ своемъ „стыдѣніе“...

Былъ здѣсь и учитель Александръ Сампсоновичъ. Въ красной рубахѣ и въ поярковой шляпѣ онъ сидѣлъ средп схода, какъ главное лицо въ картинѣ. Онъ что-то говорилъ о винѣ и прочелъ даже не то пѣсню, не то сказку какую-то, гдѣ говорилось про „хмѣль“. Особенно порадовало публику то, что самъ хмѣль такъ откровенно мѣтко и правдиво характеризовалъ себя: „Ахъ никто-то, братцы, про хмѣлинушку не знаетъ, еще какъ-то я, хмѣль, зародился. Зародился я, хмѣль, у мужика въ огородѣ“...

— Вотъ ужъ что вѣрно, то вѣрно,—поминутно слышались восклицанія.

„По дубовымъ я бочкамъ разливался, въ молодецкія головы забирался“...

— Ахъ, дуй-тя горой!

„Отсмѣю-жъ я крестьянину насмѣшку: я ударю его въ тынъ головою, я посуну его въ грязь бородою!..“

— Эка, братцы, правды-то... Чтобъ-те пусто было!..

Александръ Сампсоновичъ „ногъ подъ собой“, такъ сказать,

не слышалъ: минута именно была такая, что онъ надѣялся навсегда покончить съ кабакомъ. Настроеніе схода было именно такимъ, какъ ему давно хотѣлось.

Кабаку приближался конецъ.

Это и видно было по всему. Не хватало только одного послѣдняго слова: закрытъ. Это слово и долженъ былъ сказать учитель. Но онъ пока медлилъ произнести это слово, вполнѣ законно наслаждаясь пріятнымъ чувствомъ довольства собою и окружающимъ міромъ.

— А что я вамъ скажу, братцы,—неожиданно вдругъ вышелъ на средину схода—подъ окномъ сельскаго старосты—молчавшій до сего времени Архиповъ.

— Скажи...

— Опять о полведеркѣ...

— Нѣ, братъ! Не все глупости, да вредъ. Будемъ, ты-пись, говорить такъ... Не помнитъ-ли кто изъ васъ пономаря Кирилу?

Нашлись такіе изъ стариковъ крестьянъ, что помнили Кирилу—рослаго, здороваго причетника, добраго и простого человѣка, но зѣло любившаго урѣзать.

— Случай, браты мои, былъ, дѣйствительно... Съ похмѣлюги такой, ты-пись, сидимъ мы разъ съ покойнымъ у сторожа Корнилы въ сторожкѣ... „Братцы, говоритъ,—что хотите дѣлайте, а дайте". Ты-пись, водчонки... А у Корнилы-то деньги были. „Бороды", гритъ, „дай—половину сбрить". Далъ вѣдь. Ей-Богу, далъ! „Брѣйте", гритъ. Я-то какъ-бытто маленько, ты-пись, посовѣстился: жена, дѣти и служба. Къ тому-же, въ храмъ—зазорно какъ-бы человѣку, жалось взяла. А Корнило—чортъ, а не человѣкъ: въ одинъ, ты-пись, секундъ полголовы и полбороды ему откачалъ. Тотъ пьетъ, а этотъ—лязгъ-лязгъ ножницами... Готово... Тотъ бутылку кончаетъ, а этотъ—голову... Пьянъ-пьянъ, а я всетаки думаю—дѣло неладно. Домой... Пономарица, думаю, прибѣгетъ—бѣда. Что-жъ вы думаете? Пропалъ человѣкъ! Ты-пись, съ вина съ этого проклятаго. Двѣ недѣли на печкѣ вылежалъ: стыдно съ такой головой женкѣ показаться. Потомъ сталъ на крылосъ ходить—лѣтомъ, а зимній армякъ съ воротникомъ зачалъ носить. Закроется, ты-пись, воротникомъ-то, да такъ и поетъ...

Сходу разсказъ очень понравился. Что пономарь Кирило, дѣй-

ствительно, рано умеръ, объ этомъ многіе знали, но никто, кажется, не подозрѣвалъ, кромѣ разскащика, объ истинной причинѣ его преждевременной смерти.

— И теперь, ты-ись, жилъ-бы тоже человѣкъ, да тутъ такая статья вышла: жонка у него баба была гораздо сурьезная. И!.. Бѣда!.. Ко всему-то тому, что сказывалъ, еще приключилась, ты-ись, исторія. Вареньемъ парень захотѣлъ побаловаться. Баба-то ушла куда-то, а онъ открылъ шкапъ, да этакъ пальчикомъ, ты-ись... А она-то вдругъ и приди. И увидала... Мой Кирило, какъ стоялъ, такъ и грохнулся объ землю... И духъ вонъ.

— Вотъ оказія!

— Спужался...

— Должно, сердце перегорѣло съ вина-те...

— Да и со стыда...

Очень интереснымъ показался разсказъ и учителю Александру Самсоновичу. Онъ пообѣщалъ даже справки навести, гдѣ слѣдуетъ,—такъ-ли это дѣйствительно было.

— Да вѣдь Архиповъ и соврать не дорого возьметъ,—замѣтилъ кто-то.

— Вотъ-те крестъ!

— Ой, заливаешь!..

— Да коли мы съ нимъ друзья были!

— А ты былъ тогда, какъ упалъ-то Кирило?..

— Ты-ись, умеръ-то... Нѣ, я не былъ.

— А какъ-же ты про то знать можешь?..

Архиповъ частенько-таки привиралъ, но, несмотря на вранье, разсказъ его всетаки былъ дѣльный и билъ прямо въ цѣль, къ которой стремился учитель. Онъ еще разъ похвалилъ разсказъ и даже объяснилъ, какъ только могъ, дѣятельность сердца въ человѣческомъ организмѣ.

Какъ-разъ во время этихъ объясненій подошли къ мужикамъ и мы съ Натальей Алексѣевной. Мы отыскивали Александра Самсоновича. Мы не видали его со вчерашняго дня. Вечеромъ онъ вернулся домой поздно, когда всѣ мы уже спали. Гдѣ онъ пропадалъ—мы не знали. Онъ ограничился простымъ и краткимъ указаніемъ, что разнималъ дерущихся. Утромъ, по обыкновенію, онъ руководилъ пѣніемъ на клиросѣ, обязанный къ тому служ-

бой, такъ что мы его опять-таки не видѣли, вставъ съ постели тогда, когда уже звонили „для лѣнивыхъ“. Мнѣ непремѣнно нужно было ѣхать домой, и я искалъ Александра Самсоновича, чтобы съ нимъ проститься. Наталья Алексѣевна, захвативъ къ себѣ на руку сына, „разбойника Володьку“, рѣшила прогуляться со мною по деревнѣ, да кстати завернуть провѣдать свою куму и ея мужа Семку, котораго намъ вчера съ большимъ трудомъ удалось уломать и уговорить, чтобы онъ легъ спать. Было у нея также намѣреніе посѣтить несчастнаго Филиппа, котораго, какъ мы слышали, жена поитъ съ ложечки, такъ-какъ онъ ничего не можетъ ни ѣсть, ни пить. Мужики раздвинулись на заваленкѣ и дали намъ мѣсто. Прошло часа полтора, пока освободился Александръ Самсоновичъ, и намъ можно было двинуться къ школѣ.

Наше присутствіе на сходѣ никому не показалось ни праздникомъ, ни неподходящимъ въ данномъ случаѣ, никого не стѣснило и никого не обидѣло. Напротивъ, разговоръ принялъ еще болѣе, если такъ можно выразиться, откровенный и любовный оттѣнокъ.

Кабакъ, въ концѣ концовъ, рѣшено было закрыть.

Такъ и постановили...

Что-же касается вчерашней драки, то восемнадцать человѣкъ вытребованы были въ тотъ-же день въ волостное правленіе. Они шли бодро и весело, шутили, острили на свой счетъ и, повидимому, волостного суда нисколько не боялись и не стыдились. Но зато, трое изъ парней, кстати—грамотныхъ, все время ходили за мной, намѣреваясь что-то сказать, или о чемъ-то попросить.

— Что вамъ?—спросилъ я ихъ уже передъ самой школою.

Они замялись и умоляюще посмотрѣли на Наталью Алексѣевну.

— Они хотятъ попросить васъ, чтобы вы на нихъ, „въ типографію“ не жаловались...

Мы хохотали до слезъ.

Не страшенъ волостной судъ—страшна „типографія“, такъ какъ объ одной изъ прежнихъ дракъ мнѣ уже случилось написать корреспонденцію въ газету. Парни объ этомъ знали и теперь просили, чтобы вчерашнюю исторію я не „пропечаталъ“...

— Нѣтъ, шалите, милые,—сказалъ я, садясь въ тарантасъ:— непремѣнно пропечатаю...

Два приговора.

Въ послѣобѣденное время явились ко мнѣ двое крестьянъ съ просьбой идти на сходку, чтобы написать приговоръ.

— О чемъ-же вашъ приговоръ?

Оба улыбаются самодовольной веселою улыбкой, переглядываются.

— Кабакъ порѣшили закрыть!—разражается, наконецъ, одинъ и смѣется. Другой вторитъ ему, махнувъ рукой.

— Порѣшили!.. Ну его къ Богу...

Я не могъ не раздѣлить съ ними какого-то смутнаго радостнаго волненія. Что это такое? Неужели извѣстіе о закрытіи кабака такъ на меня подѣйствовало? Хорошее намѣреніе, но такими намѣреніями адъ, говорятъ, выстланъ, во-первыхъ; а во-вторыхъ-отъ намѣренія до дѣла очень большое разстояніе. Ходатайство крестьянъ могутъ не уважить, а если и уважатъ, то кабакъ можетъ появиться на владѣльческой землѣ. У меня уже были на этотъ счетъ справки, я зналъ, что есть предприниматели, готовые каждую минуту завязить лапу въ щель деревенскихъ распорядковъ. Нужно ухо держать востро... Однако, всетаки мнѣ было весело. Весело просто потому, что эти двое крестьянъ явились передо мною въ новомъ, совершенно неожиданномъ для меня, свѣтѣ. Трудно представить себѣ, чтобы эти суровые люди съ вѣчно угрюмымъ выраженіемъ лица, съ быстрой, отрывочной рѣчью, всегда серьезные и углубленные въ какую-то мрачную думу, могли такъ младенчески-чисто, такъ искренно улыбаться! Скорлупа приниженности, горя, вѣчной боязни чего-то, словно раскололась, распалась, и передо мною явился человѣкъ во всей красотѣ своей духовной и тѣлесной „мочи“.

— Ну чтожъ, Пётра, пойдемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже передъ избой старосты. Кучки народа сидѣли на завалинкѣ, на канавѣ, лежали на травѣ, мирно бесѣдуя. Съ нашимъ приходомъ всѣ встали и оживленно заговорили. То-же имянинное выраженіе лицъ, тѣ-же добродушно-лукавыя улыбки. За столомъ въ избѣ сидѣлъ сельскій староста, молодой еще мужикъ, и что-то писалъ, склонясь къ листу сѣрой бумаги. У оконъ, на лавкахъ и у порога сидѣли крестьяне, покуривая махорку. Шаловливый весенній вѣтерокъ врывался въ раскрытую форточку окна и шевелилъ листъ, на которомъ писалъ староста.

— Закрой окно!

— Жарко.

— Чего жарко?.. Вишь, писать мѣшаетъ.

— Сейчасъ, сейчасъ,—говоритъ староста.—Вотъ и кончилъ.

Онъ всталъ изъ-за стола, подулъ на чернила, посмотрѣлъ съ боку на написанное и вдругъ обругался.

— Ахъ, ты...

Кругомъ разсмѣялись. Смѣялся и самъ староста.

— Ахъ, ты волкъ те заѣшь...

Ни женщинъ, ни дѣтей въ избѣ не было.

— Что такое?—посыпались вопросы.

— Да вотъ чорта написалъ на приказѣ... То-то гляжу, какъ будто не на той бумагѣ пишу... А это на приказѣ... Ахъ ты, ежова голова!

Кругомъ продолжали смѣяться.

— Помню, братецъ мой, что отложилъ свѣжій листъ, а онъ вотъ гдѣ...

Староста вынесъ изъ чуланчика, сбоку, измятый въ восьмушку листъ и за одинъ уголокъ потрясъ его передъ собраніемъ.

— Вотъ!.. Нарочно приготовилъ, а онъ лежитъ себѣ въ сундукѣ... И вдругъ на приказѣ... Ахъ ты, чортова дудка!

Комическая фигура старосты выражала искреннее, сердечное сокрушеніе о задаромъ потраченномъ времени. Оказалось, онъ писалъ куда-то какое-то отношеніе, что, видимо, стоило ему большихъ трудовъ, и написалъ это отношеніе какъ-разъ на томъ листѣ, который присланъ былъ къ нему съ запросомъ.

— Ничего, перепишемъ!—слышались утѣшающіе голоса.

— Да вѣдь время, братецъ! Сейчасъ надо корову доить, а тутъ пиши.

У старосты была жена больна, и онъ самъ доилъ корову.

— Да вѣдь и бумага стоитъ денегъ, — глубокомысленно замѣтилъ сидѣвшій у окна старичокъ съ трубкой во рту.

— Извѣстно, стоитъ.

Нѣсколько головъ протянулось къ столу и смотрѣло на злополучную бумагу, съ одной стороны которой виднѣлся печатный бланкъ съ красиво написаннымъ приказомъ, а съ другой неровныя строчки старостинаго письма.

— Ну, видно, дѣлать нечего!

— Оторви на цыгарки.

— Ишь, дѣдъ! На цыгарки хочетъ... На цыгарочки-то поди-ка да купи у Сергѣя Иваныча (лавочникъ).

— Копѣечку за листъ пожалуй.

— Нѣ, я, братъ, плачу по двѣ за три листа...

— Ловко.

— Чего лучше! Газетина—во! Пологъ, а не газетина, бумага что твой пухъ, тонкая, ровная...

— Ну ладно, будетъ съ газетиной... Такъ какъ-же, ребята, на счетъ кабаку?

Староста уже успѣлъ убрать со стола лишнюю бумагу, подсунулъ мнѣ новый листъ и придвинулъ баночку съ чернилами.

— Строчи.

Перекрестный говоръ вдругъ смолкъ. Всѣ придвинулись къ столу съ серьезными лицами. Тѣ, что курили, спрятали свои трубки за спину, а цыгарки побросали въ печку и въ лохань.

— Всѣ-ли согласны,—спросилъ я, не зная съ чего начать.— Нѣтъ-ли противниковъ? Можетъ быть, голоса будутъ за кабакъ?..

— Какое за кабакъ!—загудѣли кругомъ.—Богъ съ нимъ!.. Будетъ! Одного сраму не обраться...

— Пиши: закрыть.

— Валяй его по боку...

— Двадцать рублевъ, какъ одну копѣечку, въ нынѣшній годъ... Прорва!

— Клади и поболѣ двухъ-то красненькихъ: на однихъ праздникахъ двадцать-то выскочитъ.

— А вотъ, братцы, какъ случись двугривенный—куда думаешь такую штуку? Сейчасъ къ Терентью Иванычу (кабатчикъ).

— Это вѣрно. Раззоръ, чистый раззоръ!

— Гляди-ка, парень, мальчишки какъ дуютъ: намедни осѣка засѣкали... Левкинъ, да еще Колобовъ парнишка, такъ впередъ и лѣзутъ, такъ и трясутся... „И мнѣ, и намъ!..“ Вонъ она штука-то куды гнетъ.

— Что говорить! Въ наше время, бывало, пьяному на улицѣ показаться нельзя: засмѣютъ... А нынче, что пьянѣе, то почетнѣе; не съ пьянымъ-то, пожалуй, дѣвка и въ хороводъ не пойдетъ.

— Ну, пили, дѣдъ, и въ ваше время! Что грѣха таить, заливали, я думаю, важно тоже!—слышится молодой голосъ въ отвѣтъ старому.

— Заливали-то заливали, да всетаки опасались... Срамъ былъ... А теперь сраму нѣтъ...

— Это что говорить! А только ты вотъ, дѣдъ, самъ говорилъ, что до 18 лѣтъ безъ штановъ бѣгалъ, мальчишкой считался, а нынче, братъ, съ девяти лѣтъ хомутъ: иди-ка въ лѣсъ, да дрова пили, а то въ Соху Андревну запрягайся... Время времю розь...

— Ну, сошлись старый да малый!.. Буде вамъ!

Въ избу вошло новое лицо, крестьянинъ, въ домѣ котораго былъ кабакъ. Онъ задумчиво сѣлъ у окна, съ печатью скрытой заботы на лицѣ.

— Вотъ, Григорій Василичъ, въ чемъ дѣло...—началъ я и объяснилъ желаніе схода. Григорій Васильевичъ давно уже зналъ объ этомъ и вполнѣ сочувствуетъ „доброму“ дѣлу,—какъ онъ выразился, идетъ за сходомъ, но только заботитъ его одно.

— Что-же именно?

— А вотъ...—заговорилъ онъ вдругъ азартно: кабакъ мы закроемъ — хорошо, а рядомъ явится два кабака; одинъ откроетъ Иванъ Андреичъ, а другой Фролъ Савичъ (землевладѣльцы)... Кто имъ укажетъ? Захотятъ и откроютъ. Вотъ тебѣ и сказъ! А теперь по крайней мѣрѣ сто рублей. Сотня рублей—обчеству деньги. А тогда ни денегъ не будетъ, ни отъ кабака не избавимся.

Григорій Васильевичъ задѣлъ больную струнку въ обществѣ.

Исторія съ кабакомъ—старая исторія. Его давно уже хотѣли закрыть, но остерегались именно того, о чемъ говорилъ Григорій Васильевичъ. Было время, что въ деревнѣ стояли два кабака: одинъ на крестьянской землѣ, а другой на помѣщичьей. На крестьянской—торговалъ виннозаводчикъ, широко по округѣ раскинувшій паутинную сѣть, а на помѣщичьей отставной солдатъ—еврей, который когда-то въ службѣ оказалъ помѣщику какую-то услугу и теперь съ семьей находился безъ мѣста и безо всякихъ средствъ къ жизни. Чтобы спасти его отъ гибели, помѣщикъ и открылъ кабакъ, поручилъ его этому еврею, и потомъ, провозившись полтора или два года, едва отдѣлался отъ своего хитраго и пронырливаго протеже: еврей завладѣлъ не только кабакомъ, какъ собственностью, но наложилъ лапу и на самое имѣніе: развелъ куръ, гусей, коровъ, лошадей, свиней, самъ поселился въ барскомъ домѣ, пахалъ, косилъ, сѣялъ, какъ на своей землѣ, опутывалъ крестьянъ и опутывалъ помѣщика. Съ большимъ трудомъ, чуть-ли не со скандаломъ, удалось его выселить, къ обоюдному удовольствію и крестьянъ, и помѣщика. Мѣсто еврея заступила кабатчица, явившаяся въ селѣ—Богъ знаетъ откуда, выборгская мѣщанка; она скоро начала богатѣть и, будучи ловкой аферисткой, съумѣла слить оба кабака въ одинъ, утвердивъ, такимъ образомъ, въ селѣ единоличную власть по пьяному дѣлу. За кабатчицей слѣдовалъ нынѣшній владѣлецъ кабака, которому она продала свое заведеніе, чтобы переселиться въ другую деревню, гдѣ, по ея разсчетамъ, было больше шансовъ на барышъ. Но новое мѣсто оказалось во многихъ отношеніямъ хуже стараго. Раскаявшаяся торговка помышляла уже о возвращеніи опять сюда, гдѣ по ея выраженію торговля—золотое дно. Мнѣ лично было извѣстно, что въ одинъ прекрасный день она явилась въ сопровожденіи сельскаго старосты и понятыхъ къ прикащику винной лавки, въ которой прежде торговала сама, и потребовала показать документы, разсчитывая, что въ нихъ права прописаны все еще на нее, и, разумѣется, ошиблась: новый хозяинъ оказался опытнымъ кабатчикомъ, стрѣляной птицей. Какъ только имъ былъ купленъ кабакъ, такъ и права тотчасъ-же были взяты на свое имя („Не ровенъ часъ, вѣдь она хозяйка заведенія!“). Обманувшаяся *хозяйка* присмирѣла, притаилась, однако не дремлетъ и не унываетъ. Если

силой нельзя вернуться въ насиженное гнѣздышко, то есть другіе, обходные пути. Господи Боже мой! Да этихъ путей для умнаго человѣка хоть прудъ пруди. Вотъ, напримѣръ, такой,—чѣмъ онъ худъ? Она найдетъ вѣрнаго человѣка, арендуетъ, а если можно, то и купитъ, у него сдворокъ въ деревнѣ, построитъ свою избу и, какъ только пройдетъ трехлѣтній срокъ заведенію при новыхъ его владѣльцахъ, подастъ заявленіе, куда слѣдуетъ. Ее *тамъ* давно знаютъ! Она надѣется, что *тамъ* останутся ей вѣрны, союзники ея *тамъ*—народъ дѣльный и въ веденіи всякихъ такихъ такихъ дѣлъ весьма искусный. Гдѣ-же ему, этому неповоротливому медвѣдю (новому владѣльцу кабака) бороться съ нею? Въ согласіи-же крестьянъ она не сомнѣвается и никогда не сомнѣвалась. Былъ такой случай: хотѣли *прикрыть* кабакъ, да она по секрету поговорила съ бывшимъ тогда старостой, и на другой же день приговоръ былъ передѣланъ... Можно и теперь придумать кое-что. Отчего, напримѣръ, не взять одобрительный приговоръ отъ общества, что она, Краля Кралевна, честная-де и добрая была кабатчица, народъ не опаивала ни дурманомъ, ни какимъ другимъ запрещеннымъ зельемъ, не ставила по ночамъ по сорока самоваровъ для разведенія пьянаго напитка, не тормошила должниковъ, не отбирала у нихъ овесъ по гумнамъ... Потѣшный приговоръ этотъ, дѣйствительно, былъ, говорятъ, составленъ, и я увѣренъ, что въ недалекомъ будущемъ онъ будетъ фигурировать, въ качествѣ одобрительнаго свидѣтельства, на столѣ передъ взорами власть имущаго человѣка. Что подумаетъ такой человѣкъ, прочитавъ ея прошеніе и этотъ *одобрительный* документъ? Подумаетъ онъ, или не подумаетъ, что документъ сей *винныхъ* дѣлъ мастеру стоитъ ровно 2 рубля 35 коп. (полведра водки)?.. А впрочемъ, не наше дѣло, говорятъ мужики. Не все-ли намъ равно, Краля-ли Кралевна у насъ кабатчица, или же Липатъ Липатычъ кабатчикъ? Выпьемъ водочки, закуснемъ, поваляемся на травѣ, ругнемся всласть, ругнемъ, кстати, и Кралю Кралевну, и Липата Липатыча. Гуляй, ребята! А тамъ—будь что будетъ! Наплевать!..

— Ахъ, братцы! Вѣдь раззоръ! Деревня рѣшетомъ смотритъ, народъ гибнетъ...

— А что-жъ ты подѣлаешь?

— Закрыть!

— Поди, закрой, три откроютъ...

— Братцы, Липатъ Липатычъ двѣсти цѣлковыхъ сулитъ!

— Закрыть! Прошлый разъ приговоръ съѣли...

— Братцы, Краля Кралевна пріѣхала, въ своемъ домѣ сидитъ...

— Къ чорту Кралю Кралевну! Закрыть! (Мечта Крали Кралевны, дѣйствительно, была на пути къ осуществленію: она не только взяла приговоръ *о непорочности*, но арендовала уже землю и выстроила домъ).

— Безъ обчества́ не откроетъ.

— На старое мѣсто выпросится къ Фролъ Савичу...

— Нельзя, разстояніе не дозволитъ.

— Ну дальше отодвинется, за деревней выстроится на дорогѣ.

— А за деревней пущай строится, буде о двухъ головахъ... Есть тоже всякія средствія...

— Глупцы, глупцы!..—раздается голосъ разсудительнаго сѣдого старика:—Да спросите Фролъ Савича, спросите Иванъ Андрепча, вотъ тогда и говорите...

— Да, скажутъ они!

— Есть имъ разсчетъ, держи карманъ!

— Нашелъ простаковъ...

— Господа!—раздался вдругъ голосъ молодого человѣка въ пальто и очкахъ; это былъ сельскій учитель, тощій, нервный субъектъ, затершійся въ толпѣ и молча и внимательно слушавшій до сихъ поръ толки крестьянъ. Его звали Ниломъ Ивановичемъ, и я былъ знакомъ съ нимъ. Мы обмѣнялись кивками головы.—Господа!—повторилъ Нилъ Ивановичъ:—я былъ у Фролъ Савича и былъ у Ивана Андрепча... Говорили мы кое о чемъ, между прочимъ и объ этомъ... Господа, я увѣренъ, что ни тотъ, ни другой кабака не пустятъ. Они богатые люди, и, по совѣсти говоря, зачѣмъ имъ кабакъ? Люди пріѣзжаютъ сюда на мѣсто съ семействомъ, отдохнуть на дачѣ... Ну, мыслимо-ли это? Пьяные работники, пьяные сосѣди, пьяная улица... Кому-же это пріятно? Да при томъ, господа, вѣдь это *дворяне*. Что крестьяне скажутъ *зло*, то дворянинъ никогда не назоветъ *добромъ*!.. Да-съ...

Нилъ Ивановичъ самъ происходилъ изъ дворянской семьи. Идеалистъ, онъ имѣлъ преувеличенныя представленія о дворянствѣ

и въ вопросахъ чести былъ крайне щепетиленъ, особенно когда дѣло касалось дворянъ. На сходку онъ пришелъ, какъ видно было по свертку бумаги въ его рукѣ, по какому-то другому дѣлу, и рѣчь его была чисто случайная. Однако она смягчающимъ образомъ подѣйствовала на собраніе, придавъ ему болѣе сдержанный спокойный тонъ. Идеализмъ Нила Ивановича растворился въ общемъ натурализмѣ, если можно такъ сказать, и вправилъ колесо сходки въ прежнюю добродушно-ясную колею, хотя собраніе, казалось, и недовѣрчиво отнеслось къ его рѣчи.

— Это такъ, Нилъ Иванычъ... Ну, а какъ откроютъ?

— А ты не ходи.

— Да какъ ты не пойдешь, когда *она*, окаянная, спать не даетъ, сверломъ въ головѣ вертитъ... Люди пьютъ, какъ думаешь, не выпить? Какъ-будто и грѣшно измѣнить-то ей.

— А ты не пей.

— Къ тому-же сто рублевъ...

— Которые всѣ на пропой идутъ...

— Да еще своихъ, голова, прибавишь...

Мужики любили Нила Ивановича за его незлобивый, кроткій нравъ, въ особенности-же за то, что онъ очень любилъ ребятишекъ, давалъ имъ книжки читать, толковалъ съ ними по вечерамъ, справедливо видя въ подростающемъ поколѣніи надежду будущаго. Ему даже прощалось и то, что по-временамъ онъ любилъ „злоупотребить“, какъ онъ самъ выражался, т. е. по-просту выпить.

— Такъ какъ-же, Нилъ Иванычъ?

— Не знаю, ваше дѣло.

Нилъ Ивановичъ поправилъ очки и угрюмо сѣлъ къ окну.

— Не знаю, ваше дѣло,—повторилъ онъ еще разъ.

Черезъ пять минутъ приговоръ былъ готовъ.

Я прочиталъ.

— Вотъ тутъ-то, кажись-бы, не такъ надо...—замѣтилъ дѣдъ, хвалившій въ началѣ сходки старыя времена.

— Надо-бы сказать, думается, такъ: „и запретить постройку кабака на земляхъ и другихъ прочихъ... Чтобы, значитъ, никто не могъ открыть“...

— Этого, дѣдъ, нельзя написать.

— Такъ какъ-же быть-то?

— Можно, развѣ, вотъ такъ сдѣлать,—выступилъ со своею рѣчью сельскій староста:—на три, стало-быть, года, а буде не откроютъ кабака *тамъ*, то приговору быть навѣки нерушимо...

Поправка всѣмъ понравилась. Одобрилъ ее и ревнивый къ общественнымъ интересамъ дѣдъ, и квартирный хозяинъ питейнаго заведенія, осторожный Григорій Васильевичъ. Я наклонился къ столу, и перо снова забѣгало по бумагѣ.

— Клинъ осиновый...

— Кому?

— Кабаку-то...

— Не мѣшай, вишь пишетъ.

Люди стояли съ серьезными лицами, впившись глазами въ мое перо. Я это чувствовалъ по той мертвой тишинѣ, какая вдругъ водворилась вокругъ меня. Когда я обмакивалъ перо въ баночку съ чернилами—внимательные взгляды, сопряженные съ благоговѣйнымъ, какъ мнѣ казалось, любопытствомъ, слѣдовали за мною и заглядывали въ чернильницу.

Я священнодѣйствовалъ; толпа безмолвствовала и созерцала. Я былъ фокусникомъ, который варилъ что-то необычайно хорошее и вкусное и варилъ удивительно мастерски; такъ написано было на лицахъ тѣхъ особенно крестьянъ, которые были неграмотны. Писаніе, да еще приговора, да такого приговора, который имѣлъ цѣлью борьбу съ кабакомъ, этимъ чудовищемъ, съ которымъ не могли справиться дѣды и отцы, казалось бездной премудрости! И эта крошечная палочка, эта черная жидкость въ баночкѣ, этотъ грошевый листъ бумаги изъ мелочной лавки, неужели они побѣдятъ эту прорву—кабакъ?.. Мудрено что-то! Мудрено и удивительно!

— Не мѣшай,—слышался сдержанный шепотъ въ отвѣтъ какому-то нервному трепету.

— Пойдешь завтра косить?

— Нѣ, ослобони ужъ до другого воскресенья...

— Тише вы, черти!

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, вы нисколько мнѣ не мѣшаете!—говорю я, наконецъ, крайне смущенный всей этой обстановкой.

Нѣкоторые отодвинулись отъ стола, разсѣлись на полу, на лавкахъ, раскурили носогрѣйки. Мало-по-малу тихій шепотъ пере-

шелъ въ разговоръ, разговоръ—въ шумъ... Какой-то Филя успѣлъ уже обругать своего сосѣда Ѳому за то, что тотъ будто-бы закосилъ его полосу. Мужики смѣялись и надъ Филей и надъ Ѳомой.

— Подписывай, ребята, готово!—сказалъ староста, все время сидѣвшій рядомъ со мною и державшій въ рукѣ чернильницу чтобы мнѣ было удобнѣе доставать послѣднія капли чернилъ на засоренномъ днѣ.

Всѣ оживились, встали и вновь подвинулись.

— Ну-ка, Яковъ Андреичъ!

Яковъ Андреевичъ, грамотный молодой парень, только - что женившійся и вступившій въ домъ бездѣтнаго стараго дяди, поставилъ свою подпись, посмотрѣлъ справа, потомъ слѣва:

— Ишь, куда заѣхала!..

— Кто?

— Буква-то, гляди!..—И онъ ткнулъ пальцемъ на букву „К“, широко разставившую ноги.

— Раскаряка... Садись, Петровичъ, ты...

Петровичъ, тоже молодой парень, избранный однажды было въ старосты (купилъ водки міру за выборы), но отстраненный начальствомъ, широко разставилъ локти и долго возилъ рыжимъ перомъ по одному мѣсту, стараясь написать лучше Якова Андреевича. Вышло мелкое, какъ бисеръ, письмо, безъ нажимовъ, точно онъ писалъ иголкой; строка бѣжала неровной, шаткою походкой...

— Вѣрно, съ кабакомъ прощается, захмѣлѣла!— сострилъ кто-то.

— Вотъ оказія!—недоумѣвалъ Петровичъ.—Вѣдь какъ старался!

— А ты бы сразу вотъ...

— Ай да Ѳедя!

Ѳедя, здоровенный краснощекій мужикъ, съ удивительно здоровыми руками и толстыми пальцами, точно топоромъ вырубалъ буквы.

— Изгорода!

— Изгорода и есть...

Подписаніе приговора прошло весело. Мужики съ большимъ интересомъ слѣдили за медленно выплывавшими буквами именъ и фамилій: кто лучше напишетъ? Солидные и серьезные люди расцвѣтали улыбками и давали молодежи полную свободу острить надъ собой.

— Ну, дядя, въ чужой огородъ поѣхалъ...

— По задворкамъ къ цѣловальнику...

— Дай-ка и я загвозжу...

— Загвоздилъ и есть!—хохотали кругомъ, разглядывая широкое чернильное пятно—кляксу на неудавшейся подписи.

— Какъ гвоздемъ прибилъ...

— Эге, братъ, ты зачѣмъ еръ-то вклеплъ.

— Гдѣ?

— А это что... Ха-ха-ха!

Дѣйствительно, въ подписи „Николай“ стояла буква „Ъ“ на концѣ...

— Ничего... Тебѣ развѣ жалко?..

При взглядѣ на подписи, сразу видно было, что набросала ихъ конфузливая робкая рука: онѣ жались другъ къ другу, одна задѣвала другую, сталкивались, лѣзли въ одинъ уголъ, словно боясь простора бѣлой страницы.

„Таковъ и весь крестьянскій міръ,—думалось мнѣ: въ кучѣ, вмѣстѣ—есть и воля, и сила, а врозь, поодиночкѣ, какъ эти подписи—теряется все, человѣкъ чувствуетъ себя и бѣднымъ, и горькимъ, и жалкимъ... Подписи далеко не были окончены, какъ на сцену снова выступилъ Нилъ Ивановичъ. И выступилъ съ такимъ предложеніемъ, которое удивило насъ своею ясностью, простотой и обѣщало съ теченіемъ времени неисчислимыя блага деревнѣ. Ни меньше, ни больше,—Нилъ Ивановичъ задумалъ открыть въ селѣ библіотеку... Онъ, оказывается, давно уже думалъ объ этомъ и узналъ все, что для этого нужно. Свое письменное заявленіе онъ прочелъ сходу, показалъ подписной листъ, гдѣ у него пестрѣли десятками подписи мѣстнаго духовенства, дворянства, купцовъ и прикащиковъ, а также сельскихъ учителей, изъявившихъ готовность участвовать своими пожертвованіями—книгами и деньгами. На это дѣло онъ потратилъ не одинъ годъ и теперь, считая его хорошо обдуманнымъ и крѣпкимъ, рѣшился безпокоить сходъ просьбой о квартирѣ и небольшомъ постоянномъ сборѣ съ души, на переплеты, на пополненіе библіотеки и прочіе расходы.

— Если вы назначите хоть по копѣйкѣ, по двѣ съ души, или укажете какой другой источникъ—у васъ будетъ библіотека. Денегъ вашихъ мнѣ не надо, книги и трудъ и все такое я беру на себя, но нельзя и вамъ не принять участія... Хлопочу

единственно изъ любви къ дѣтямъ, *къ подростающему поколѣнію* (любимое выраженіе Н. И.).. А, вотъ вамъ и польза, какую вы получите отъ библіотеки...

— Не надо, не надо! Довольно о пользѣ, тутъ говорить нечего! Бери руки, Нилъ Иванычъ! Пиши ребята, другой приговоръ...

Какъ только рѣчь Нила Ивановича была понята—ему не дали говорить, мускулистыя руки полѣзли къ нему съ пожатіемъ, всѣ радовались, благодарили... Я позавидовалъ въ душѣ Нилу Ивановичу. Да, это была хорошая минута...

— Пиши, Нилъ Иванычъ:—по три копѣйки, а то по пяти съ души... Тебѣ все и руководство, ты книжный человѣкъ и ребятъ нашихъ любишь... А мы по смерть не забудемъ... Милый человѣкъ!..

— Эй, Нилъ Иванычъ!.. Бери-ка, голова, и мой гривенникъ!.. И мой!.. Держи полтину!..

— Тш... Я не могу теперь брать... А вотъ когда выйдетъ разрѣшеніе, тогда съ благодарностью возьму... А теперь не хотители записаться вотъ на этомъ листѣ: тутъ и Фролъ Савичъ, и Иванъ Андреичъ, и батюшка, и дьяконъ...

Нила Ивановича окружили со всѣхъ сторонъ... Долго не могъ я забыть этой картины.

Нилъ Ивановичъ, молчаливый, скромный, незамѣтный человѣкъ вдругъ выросъ въ моихъ глазахъ въ нѣчто сильное, прекрасное и крайне поучительное... Да, хорошая минута, хорошая встрѣча! И какими-же мелкими и жалкими людьми показались мнѣ и Краля-Кралевна, и Липатъ Липатычъ, и хитроумный еврей!.. Могутъ-ли они такъ любить, такъ чувствовать. Понятны-ли имъ радости этого одинокаго, въ глушь заброшеннаго работника?!..

Приговоръ о библіотекѣ былъ составленъ и, вмѣстѣ съ запиской Нила Ивановича и приговоромъ о кабакѣ, отправленъ въ надлежащее мѣсто.

Два добрыхъ дѣла въ одинъ день...

Что-же можетъ помѣшать ихъ осуществленію?..

Въ хату.

I.

— Стой, стой! Куда, лѣ-ѣшій!..

Микулушка рванулъ за лѣвую возжу и, подбирая на-ходу посыпавшіеся съ дровней припасы для „хаты“, заворотилъ лошадь опять къ крылечку, что вело со двора въ сѣни. Изъ избы вышла хозяйка, держа завернутые въ фартукъ узелки съ мукой, солью, хлѣбомъ; видна была какая-то миска, нѣсколько деревянныхъ ложекъ, котелокъ.

— Вотъ еще... Куда-бы?

Микулушка, успокоивъ лошадь, рвавшуюся-было назадъ, въ глубину теплаго, крытаго двора, и, наскоро привязавъ ее къ дверной „закрючинѣ“, принялся помогать женѣ укладывать на дровни принесенныя ею вещи.

— Пригодится... Клади, клади, — говорила жена, суетясь вокругъ дровней и стараясь поудобнѣе расположить въ ворохѣ разостланнаго на дровняхъ сѣна то, что могло-бы легко въ дорогѣ разбиться, или опрокинуться.

— Пригодится—чего не пригодится?.. А только баловство все это,—степенно сказалъ Микулушка.—У людей хлѣбъ да вода—только и ѣды, а ты Богъ знаетъ чего не нашвыряла тутъ.

— Ахъ ты, Христосъ пстинный!—всплеснула руками жена.—„Чего не нашвыряла“! Скажетъ тоже... „Нашвыряла“!.. Нашвыряешь тоже!.. Охъ, ужъ эти мужики. Ничего-то они не смыслютъ!

— Да, бабы—лучше...

— Знамо, лучше. Что ты „нашвырялъ“-то?

— Хлѣбъ-соль есть, ну и слава Богу. Капуста тоже?

— Капуста!.. Вѣдь съ робенкомъ ѣдешь, идолъ! Тебѣ не надо, ему надо.

— Не великъ баринъ: привыкай.

— Привыкай!.. Будетъ время и пріобыкнетъ. А въ первый разъ надо ублажить дитё...

Она отерла рукавомъ слезу, наклонившись надъ дровнями такъ, чтобы мужу не было видно ея лица.

На крылечко вышло и само „дитё“, о которомъ спорили отецъ съ матерью. Это былъ лѣтъ двѣнадцати мальчикъ — краснощекій, пухлый, въ большой шапкѣ и въ большихъ рукавицахъ, въ шубѣ, подпоясанной ремнемъ, и въ новыхъ липовыхъ лаптяхъ. Здоровый, крѣпкій, коренастый, онъ улыбался, жуя горячую лепешку, которую, очевидно, только-что мимоходомъ успѣла всучить ему мать.

— Я готовъ, батюшко! — сказалъ онъ, съ трудомъ произнося слова, застрявшія между лепешкой и зубами.

— Готовъ — садись, — отвѣчалъ отецъ, подбирая возжи. — А только торопиться, братъ, намъ съ тобой некуда. Погляди хорошенько: все-ли? Не забылъ-ли чего? Опосля плакать будешь... Торопиться! Нѣ, братъ, не торопись на тотъ свѣтъ...

Онъ хотѣлъ прибавить: „тамъ кабаковъ нѣтъ“, — но ему показалось какъ-то страннымъ, что такая нехорошая пословица пришла на умъ именно въ ту минуту, когда онъ мальчишку въ первый разъ беретъ съ собою въ лѣсъ... Упаси Богъ. Не было-бы худа какого... Онъ отлично знаетъ, что есть добрыя и недобрыя встрѣчи, а также примѣты. Онъ даже не любилъ изъ-за этого встрѣчаться съ нѣкоторыми людьми въ селѣ. Суевѣрный и не избалованный удачами въ жизни, Микулушка боялся и зайца, если онъ перебѣжитъ ему дорогу, и встрѣчи съ „колдуньей-ягой“, какъ называлъ про себя сѣдую старуху просвирню, у которой „недобрый глазъ“... А тутъ—вырвалось экое слово!..

Онъ невольно обернулся, и навстрѣчу ему отвѣтилъ живой, радостный взглядъ „мальчонки“, какъ-бы говорящій:—„А и мѣшковатъ-же ты, батя, что до сихъ поръ не успѣлъ справить, что нужно!..“

— Ну, Богъ милостивъ!—сказалъ про себя Микулушка и по-

тихоньку отплюнулся. — „Что это за мысли паскудныя лѣзутъ въ голову!.. Тьфу, тьфу!.. Крестъ Господенъ, помилуй насъ! Пресвятая Владычица-Богородица, Микола, Спасъ Милостивый“...

— А ну-ка, Ванёкъ, прыгай... Ну, ну!..

Садясь на дровни, ближе къ „головяжкѣ“, чтобы легче править лошадью, онъ подобралъ подъ себя ноги, подоткнулъ съ боковъ кафтанъ, подтянулъ, какъ слѣдовало, возжи и, обернувшись, началъ наблюдать, какъ помѣстится сынъ, довольно-ли ему мѣста.

„Ванёкъ“, ловкимъ кошачьимъ прыжкомъ, шлепнулся на сѣно сзади отца и засмѣялся.

— Во какъ! Ловко.

— Кормилецъ ты мой!..

Мать бросилась цѣловать его.

— Привыкай, родной,—что дѣлать! Грамотѣ ты выучился, да не все-же грамота, надо и намъ съ отцомъ помочь...

Ваня ласково отвѣтилъ на порывъ матери, но видно было, что ему поскорѣе хотѣлось выѣхать со двора, лихо прокатиться деревней — и потомъ, минуя поле, выѣхать въ лѣсъ, гдѣ стоитъ „хата“, о которой такъ часто говорили мужики, и на которую ему очень хотѣлось посмотрѣть, поближе узнать ее, пожить и поработать въ ней съ отцомъ. Вѣдь онъ уже не маленькій! Онъ—если и не мужикъ—то, навѣрное, половина мужика...

Такъ думалъ онъ, усаживаясь удобнѣе и торопливо отвѣчая на поцѣлуи матери.

— Ну, съ Богомъ!—сказалъ отецъ.

— Благослови васъ Пресвятая Владычица—всхлипнула мать, крестя мужа и своего ненагляднаго первенца, тронувшихся, наконецъ, къ воротамъ.

— Но, но!.. Чего заворачиваешь-то! Я-те дамъ,—грозилъ Микулушка коротконогому и длинношерстому коньку, дергая возжами и самодовольно помахивая веревочнымъ кнутомъ.

— Но-но, Гнѣдой! Шевелись, братъ!

Гнѣдой, почуявъ ударъ, рванулъ съ мѣста и со всѣхъ четырехъ ногъ сразу вынесъ сѣдоковъ на улицу.

— Вотъ такъ-то, братъ, лучше!—сказалъ Микулушка и, обернувшись къ женѣ, кивнулъ ей на прощанье.

— Эхъ, ты, трогай,—что-ли...

Гнѣдой зайцемъ поскакалъ вдоль деревни.

II.

— Глядн-ко, Ванёкъ,—сказалъ отецъ, тыкая кнутовищемъ въ пространство:—снѣгу-то снѣгу!.. Вотъ-бы на лыжахъ!

Они проѣхали уже деревню, миновавъ мостъ черезъ рѣку, всю засыпанную толстымъ слоемъ сугробовъ, миновавъ церковь, школу налѣво—новенькій домикъ, съ большими свѣтлыми окнами—и теперь мчались по необозримому снѣжному полю, гдѣ, въ глубинѣ, подъ теплымъ одѣяломъ, какъ зналъ это Ванёкъ, тихо спали брошенныя лѣтомъ въ землю сѣмена.

— Тепло имъ!—сказалъ онъ, повертываясь къ отцу бокомъ.

Отецъ не спросилъ, кому это—„имъ“, и также коротко замѣтилъ:

— Чего лучше, какъ подъ шубой.

Вотъ кончилась уже изгородь за дьяконовою избою — бѣлая, блестящая, вся убранная, какъ серебромъ, пушистымъ инеемъ. Вотъ проскочило мимо и „дьяконово гумно“, хмурое, большое, похожее на кита, молчаливое зданіе съ глухо закрытыми воротами. Снѣжныя рѣсницы налипли у него вокругъ дымового отверстія, въ ригѣ, подъ самой крышей. А въ кустахъ, на снѣгу, вблизи его виднѣлись безчисленныя петли заячьихъ слѣдовъ. Но вотъ и кусты убѣжали, кончилось поле, утонулъ назади въ снѣгу сельскій храмъ; а впереди, какъ сахарный, рисовался дремучій лѣсъ.

— Эге, да мы, дружокъ, кажись не туда заѣхали... Эвона наша дорога-то! Надо назадъ.

Микулушка круто осадилъ лошадь и сталъ оборачивать ее въ сугробъ налѣво.

— Вчера вьюга была, занесло.

Лошадь, соскочивъ съ твердой дороги, увязла по самое брюхо въ снѣгу. Дровни наклонились на бокъ. Мальчишка чуть не вывалился...

— Держись, не упади, Ванёкъ!—крикнулъ отецъ и подумалъ:—„Тьфу ты, окаянная!“..

Послѣднія слова относились все къ той-же назойливой мысли, что появилась у него на дворѣ еще, — къ мысли, что примѣты говорятъ что-то нехорошее. „Вертаться съ дороги домой не го-

же!“—думаетъ Микулушка.—„Ну, да на все воля Божія. Безъ Его святой воли волосъ съ головы не упадетъ. И чего это я, какъ баба, сталъ въ примѣты вѣрить?!.“

Выбравшись на настоящую дорогу, они спустились къ ручью, казавшемуся чуть замѣтной ложбинкою между ивовыми, опушенными снѣгомъ кустами, и начали подниматься въ гору. А тамъ, по ту сторону горы, (правильнѣе—отлогаго холма), въ бѣлой узорной стѣнѣ сплошного лѣса зіяло голубоватое отверстіе, въ-родѣ корридора, тоннеля, норы, — ведшее въ самое сердце загадочно молчавшаго, неподвижно склонившагося подъ тяжестью богатаго снѣжнаго убора лѣса. Солнышко хоть встало, но его не было видно; небо застилала бѣлая мгла.

— Бѣлое вверху, бѣлое внизу, бѣлое впереди, вездѣ бѣлое!—сказалъ Ванёкъ.—Хо-ро-шо!..

— Погоди, то-ли еще увидишь!—поддакнулъ отецъ.—Но, но, Гнѣдой!..

Лѣсъ разступился, какъ-бы хозяйскою рукой широко распахивая свои гостепріимныя ворота.

Великолѣпныя, чудныя, прямыя, какъ свѣчка, сосны и ели вздымались и справа, и слѣва; точно унизанныя бусами и отдѣланныя горностаемъ, онѣ величаво поднимали свои острыя верхушки къ небу, смотрѣли куда-то вдаль, поверхъ остального мелколѣсья, забывая и холодъ, и уснувшую мертвымъ сномъ красавицу-природу. Безмолвныя, не находящія въ себѣ желанія двинуть ни одной вѣткою и встряхнуть дорогимъ ожерельемъ, онѣ каждую мелочь, каждую пушинку ревниво берегли для себя, для своего наряднаго парчевого сарафана. И только вспугнутый тетеревъ, грѣющійся въ снѣгу, да низенькая подпрыгивающая дуга надъ головой Гнѣдого, задѣвавшая порой за отягченную украшеніями вѣтку, — могли вывести изъ блаженнаго оцѣпененія лѣсную красавицу: она тихонько вздрагивала и роняла на пушистую подстилку нѣсколько клочковъ серебра и, какъ-бы взглядывая на свѣтъ однимъ просыпающимся глазомъ, дивилась вновь прибывшимъ гостямъ. Покачивая головою, она сбрасывала съ высоты еще нѣсколько снѣжныхъ комковъ на быстро скользящихъ подъ нею путниковъ, чуть-чуть не задѣвая ихъ шапокъ.

— Хорошо, тятька! Красиво.

— Что—красиво! Тепло—скажи, вотъ что. Съ красоты, братъ, шубу не сошьешь.

Дѣйствительно, въ лѣсу было теплѣе, чѣмъ на полянѣ, гдѣ, хотя вѣтру и не было, дулъ какой-то неуловимый сквознячокъ.

— Лѣсъ, братъ, грѣетъ. Лѣсъ... Ты думаешь—онъ, лѣсъ-то, не живой?.. Живой, братъ, онъ все равно, какъ человѣкъ, и кровь у него есть, и тепла ему надо. Мы вотъ шубу шьемъ, а онъ, лѣсище-то, по-своему мудруетъ: снѣгомъ кроется... Да и насъ съ тобой прикрываетъ...

— Чудно̀ ты говоришь, тятя! По-твоему, лѣсъ и думать можетъ, какъ человѣкъ?..

— Думать-не думать, а какъ-бы въ-родѣ поѣмши человѣкъ: накопилъ за лѣто соку, да и спитъ себѣ спокойно, какъ мы бы съ тобой спали, если-бы на печкѣ были. Силу-бы, значитъ, къ лѣту копили... То-исъ...

Но тутъ Микулушка почувствовалъ, что его собственныя „силы“ не въ силахъ осилить мудреной мысли. И онъ кончилъ тѣмъ, что началъ преувеличенно махать кнутомъ на лошадь, бѣжавшую бойкой рысцою.

— Ты, братъ, не смотри, что онъ такой. Лѣсъ—какъ рѣка. Рѣка, особливо большая, часто стонетъ. Ты думаешь, отчего стонетъ? Послухай и смекни!.. Я, братъ, слухалъ. Человѣка себѣ требуетъ,—жизнь, значитъ, живую ей подавай. Видно, и ей, сердешной, чего не хватаетъ... Такъ и лѣсъ! Съ нимъ, братъ, надо понимать, да и понимать...

Они выѣхали на круглую, совершенно ровную, „пожню“, расчищенную, очевидно, предпріимчивымъ хозяиномъ — или подъ хлѣбъ, или подъ траву.

Среди „пожни“ рисовалась громадная глыба гранита, величиной съ маленькую избу. Ваня забѣгалъ иногда сюда съ ребятишками лѣтомъ и, бѣгая взапуски, съ трудомъ, бывало, поднимался на нее; но теперь ему показалось страннымъ, какъ это онъ употреблялъ столько усилій: глыба казалась совсѣмъ маленькою изъ-подъ снѣга.

— Отчего это камни?—спросилъ онъ отца.

— А Богъ съ неба ихъ бросаетъ.

— Зачѣмъ-же?

— Не могу тебѣ навѣрняка сказать... Умные люди — перехожіе, которые изъ богомольцевъ, али изъ отставныхъ солдатъ,— бають, что это Богъ волю-свою объясняетъ.

— А какая-же—воля?

— Да вотъ въ этомъ камнѣ, сказываютъ, книга сокрыта, а тамъ, въ книгѣ, воля...

— Такъ отчего-же не разбить камень и не прочитать воли?!..

— Мудрый ты мальчишко!

Микулушка пожалъ плечами и ничего больше не сказалъ.

— А это правда—продолжалъ Ванёкъ,—что нашего дѣдушку за „волю“ сѣкли?

— Какъ тебѣ сказать... Я былъ махонькій... Слыхалъ: вздумали старики царю прошенье подать... Собрались въ гумно... Бога цѣловали, чтобы, значитъ, молчать. А былъ тутъ Ванька— кучеръ: донесъ. (А самъ, шельмецъ, тоже Бога цѣловалъ!) Ну, утромъ всѣхъ на барскій дворъ. Не признаются. Заперли въ гумно и давай—сѣчь... Матушка-покойница отцу-то въ подворотню ватрушки носила. Выли-таки бабы здорово... Не знаю, правда-ли, а такъ разсказываютъ.

— Батюшко!..

— Что, сынокъ?

— Да вотъ про „хату“.

— Ну?...

— Ты любишь въ ней работать, али не любишь—не знаю. Кажется, не любишь. А вотъ я: отчего это мнѣ такъ хотѣлось (да и теперь хочется) въ ней пожить?

— Лихому ворогу не пожелаю. И ты не желай...

— Отчего?

— Какъ тебѣ сказать. Разное бываетъ: нужда тамъ—деньги надо, ѣсть нечего, а то задолжаешь... Вѣдь надо-же по совѣсти заплатить, семью кормить, али пріодѣться. Все это, дружокъ, горькая неволя—твоя хата.

— Отчего-жъ неволя?

— Ну вотъ ты какой! Оттого и неволя, что человѣку работать не хочется.

— Отчего „не хочется“?

— Экъ присталъ—какъ банный листъ. Не хочется оттого,

что... что... Вотъ ты, примѣрно, ученый, въ школу бѣгалъ два года. А почему-же такому-самому я не учился, слова Божьяго не умѣю прочитать, коли ты мнѣ не объяснишь. Это, братъ, тако дѣло, что всякому лестно...

Ваня изъ этого объясненія понялъ только то, что онъ счастливѣе растетъ, чѣмъ росъ его отецъ: онъ можетъ читать „слово Божье", а отецъ этого не можетъ и даже никогда этому не научится. Значитъ, отецъ гордится имъ, Ваней, грамотнымъ школьникомъ: вѣроятно, хвастаетъ среди пріятелей. Можетъ быть, съ пріятелями невѣсту ему спозаранку высматриваетъ. Какую они выбираютъ? Умную, красивую, румяную и чтобы безпремѣнно грамотѣ знала. Есть-ли такія въ селѣ?.. Да... Нѣтъ, стой—есть! Матрена... И умныхъ отца-матери, и веселая, и...

Но отецъ перебилъ его размышленія...

— Ванёкъ!

— А что?

— Ты вотъ въ книжку глядишь. Съ твоимъ учителемъ вмѣстѣ всякую мудрость произошелъ. Такъ?

— Такъ!—не подумавъ, отвѣчалъ Ванёкъ.

— Хорошо. А что, ты теперь считаешь себя умнѣе меня?

Вопросъ озадачилъ Ваню. Онъ не зналъ, что сказать. Вѣдь не умнѣе-же онъ отца?

— А вотъ, Ванёкъ мой, какъ я считаю,—продолжалъ отецъ.— Я всетаки думаю, что я умнѣе тебя: къ примѣру—лѣсъ, али пашня, али тамъ что по хозяйству, подати тоже...

— Я этого, батюшка, не знаю. Въ книжкахъ этого не написано...

— Ага, вонъ оно какъ! Не написано. Стало, Ванёкъ, книжката книжкой, а напередъ *знать* надо.

Но что *знать*—Ванёкъ такъ и не могъ догадаться. Смутно мерещилось ему что-то, но что именно—онъ не могъ-бы сказать словами. А, впрочемъ, онъ еще маленькій. Вотъ выростетъ, поучится—узнаетъ. И на Матренѣ, можетъ быть, женится... А теперь—думать ему не хочется, и лѣнь какая-то, все въ дрему клонитъ; не доспалъ, видно...

И Ванёкъ незамѣтно склонился головой къ спинѣ отца и тихо заснулъ.

Снится ему мать у печки, горячія ватрушки съ творогомъ... А братишки-то младшіе спятъ и сестрёнки спятъ... А онъ-то—большой, большой, большой... Въ „хату“ съ отцомъ уже собрался.

— Не равно-ли?—говоритъ какъ-будто мать.

— Чего рано? Не кайся рано встамши, а младъ женимшись,—отвѣчаетъ ей отецъ.

И затѣмъ все заволакивается какою-то мутной, туманно-молочною пеленой.

III.

— Пріѣхали!.. Ванёкъ? А Ванёкъ!.. Пріѣхали, говорю...

Ваня проснулся, но не вдругъ сообразилъ, гдѣ онъ? Прежде всего онъ увидѣлъ лицо отца, склонившагося надъ нимъ и ласково трясшаго его за плечо. Потомъ онъ увидѣлъ Гнѣдого, отъ котораго валилъ паръ; увидѣлъ лѣсъ, сплошной стѣною обступившій небольшую площадку прошлогодней „вырубки“, съ рѣдкими, кое-гдѣ оставленными, негодными даже на дрова, деревьями. Тонкія, высокія, они красиво перегибались въ видѣ дугъ, облѣпленныхъ снѣгомъ, или-же, склонивъ голову, молча смотрѣли себѣ подъ ноги, какъ-бы раздумывая о судьбѣ павшихъ на землю ихъ старшихъ собратій, занесенныхъ теперь снѣгомъ. Быть можетъ, они завидовали имъ; быть можетъ, радовались, что счастливый случай наслалъ сюда людей въ ту пору, когда они, деревца, еще слишкомъ были тонки, чтобы соблазнить дровосѣка, пожалѣвшаго-бы тратить время на малоприбыльную возню съ ними. Быть можетъ, наконецъ, они горько оплакивали свое одиночество, свое сиротство, нагибаясь къ землѣ и роняя слезы на снѣгъ, ставшій преградою между живымъ, воздушнымъ, царствомъ лѣса и мертвыми, подснѣжными, его частями. Кто знаетъ? Однимъ словомъ, картина была такова, какъ-будто здѣсь происходила страшная битва лѣса съ какимъ-то невѣдомымъ врагомъ, и лѣсъ былъ побѣжденъ. Оставшіяся послѣ погрома деревца не то горевали, въ изнеможеніи пригибаясь къ землѣ, не то бѣгали другъ за другомъ, играя въ пятнашки на расчищенномъ просторѣ. Какъ-бы тамъ ни было, но ихъ склоненный, кругообразный видъ предста-

влялъ собою цѣлую сѣть дугъ, линій, угловъ, путаницу, гдѣ запуталось когда-то, какъ въ тенетахъ, невѣдомое враждебное существо. Но вотъ тенета разорваны, невѣдомое страшилище удалилось, и жалкіе останки побѣжденнаго гиганта навѣки застыли въ томъ положеніи, въ какомъ засталъ ихъ послѣдній моментъ.

— Такъ вотъ она какая бываетъ „вырубка“-то!—вскричалъ Ваня, вскакивая съ дровней и въ восхищеніи хлопая въ ладоши.—И конца краю ей не видно!..

— А, это-то и есть „хата“?—спросилъ онъ, немного погодя, у отца, уже выпрягавшаго Гнѣдого.

— Она самая, Ванёкъ,—сказалъ отецъ, разсупонивая лошадь.—Поди погрѣйся.

— Да тутъ ни дверей нѣтъ, ни печки... И вверху свѣтитъ... И снѣгъ на полу... Да и пола-то, тятя, совсѣмъ нѣтъ: ледъ одинъ.

Говоря это, мальчикъ черезъ сугробъ у зіявшаго отверстія въ низенькомъ деревянномъ срубѣ, заваленномъ толстымъ слоемъ снѣга, вошелъ въ „хату“ и принялся изслѣдовать то жилище, въ которомъ придется ему прожить цѣлую зиму, лишь время отъ времени, по праздникамъ, заглядывая домой, когда не бываетъ въ лѣсу работы и когда нужно бываетъ запасаться съѣдобнымъ.

— Вотъ такъ „хата!“—воскликнулъ онъ, и голосъ его звучалъ изнутри мудренаго строенія, какъ изъ-подъ земли, какъ въ пустой бочкѣ.—Вотъ такъ хата! Ни окошекъ, ни дверей, ни печки...

— Вона, братъ, какая она! Хатка, братъ, не родная матка,—шутилъ отецъ.—Ни окошекъ, ни дверей, полна горница людей.

— Что ты говоришь?

— Я говорю: двадцать человѣкъ въ ней будутъ жить.

— Да вѣдь тутъ мѣста мало, холодно, дверей нѣтъ, печки нѣтъ...

— Погоди, парень, и двери будутъ, и печка... А что касаемо простору, такъ намъ его и не надо: безъ него теплѣе.

— Печки нѣтъ...

— Гляди въ углу—каменка, какъ въ банѣ...

— Есть, есть, тятя, только обсыпалась.

— Поправимъ. А ты окошко гляди—выше.

— Вижу, тятя, дырку у потолка, заткнута хвоей.

— Гляди „мары“ (нары).

— И „мары“ вижу: вдоль всей стѣны тесаныя бревна.

— Вотъ, на нихъ спать будемъ, головой къ стѣнѣ, а ноги—наружу.

Мальчикъ, то скользя по ледяному полу, то шагая въ навѣянныхъ кучахъ снѣга, ходилъ по хатѣ, съ любопытствомъ все разсматривалъ, ощупывалъ, соображалъ. Глазъ его скоро привыкъ къ полутьмѣ, царившей въ узенькомъ пространствѣ удивительнаго жилища, скорѣе напоминавшее логовище звѣря, чѣмъ обыкновенное человѣческое жилье. Но это-то и нравилось ему: удивительное строеніе, очень похожее на тѣ шалаши изъ прутьевъ, жердей, соломы, а зимой—изъ снѣга,—что самъ онъ, Ванёкъ, строилъ съ ребятишками, своими пріятелями, гдѣ-нибудь за гумномъ на огородѣ или въ полѣ, или-же, наконецъ, у себя на дворѣ, или подъ окномъ на улицѣ. Сходства было много, только размѣры здѣсь были крупнѣе.

— Вотъ славно-то, тятя! Ни дать, ни взять „салашка“!..

— Во, братъ, и „салашка“! Жить будемъ...

— А это хорошо, тятя: въ лѣсу, ночью, и не боимся... Вотъ позавидуютъ-то мнѣ Маркушка съ Сенькой! Спрашивать будутъ, что и какъ. А я скажу: „Вы мелюзга, а я большой!“ Вѣдь я большой, тятя?..

— Большой, большой!

— Я и вѣдмедя не боюсь.

— Чего его бояться? Опъ самъ людей боится.

— А „они“ вонъ мимо бани ночью боятся ходить.

— Ты у меня молодецъ.

Вынырнувъ изъ „хаты“, Ваня началъ ходить вокругъ лошади, убиралъ принадлежности запряжки, помогалъ отцу все это поудобнѣе уложить пока на дровняхъ, чтобы потомъ прибрать въ хату. Ремни на сбруѣ тотчасъ-же, какъ только были сняты съ разгоряченнаго тѣла Гнѣдого—застыли и стояли „коломъ“. Вотъ, наконецъ, распряжка покопчена, все убрано, лошадь привязана къ старой, прошлогодней, загородкѣ, обветшалой и покрившейся... Что-жъ еще?

— Пойдемъ теперь пилить,—сказалъ сынъ.

— Погоди,—отозвался отецъ.

— Чего еще годить?

— Вотъ „хату“ поправить надо.

Съ этимъ Ваня, подумавъ, вполнѣ согласился. Но какъ, и главное—чѣмъ ее можно было поправить? Кругомъ—кромѣ снѣга—ничего нельзя было, какъ ему казалось, найдти годнаго для поправки хаты. Но, не поправивъ ея, очевидно, нельзя было въ ней устроиться.

— Вотъ пріѣдутъ другіе-прочіе, починка пойдетъ,—сказалъ отецъ.

— Ахъ да,—воскликнулъ Ваня:—Вѣдь дядя Антонъ еще пріѣдетъ, Ѳедоръ Большой съ Тимохой, Ефимъ, Пётра и много еще народу... Я и забылъ. Что-жъ ихъ нѣту?

Какъ-бы въ отвѣтъ на его слова, вдали послышались бубенчики и голоса людей.

Минутъ черезъ десять вся площадка передъ „хатой“ застановилась распряженными лошадьми, дровнями съ поднятыми вверхъ оглоблями, „подвозками“, туго притянутыми сзади дровней. Народъ толпился и гудѣлъ кругомъ. Шумъ, крикъ, веселый говоръ, возня среди молодежи. Весело, радостно! Даже лѣсъ, и тотъ—какъ-будто ожилъ...

IV.

Ожилъ лѣсъ, наполнился звуками шумныхъ голосовъ, ауканьемъ, крикомъ, стучаньемъ топора, звономъ бубенчиковъ, женскимъ и дѣтскимъ смѣхомъ. Деревья встрепенулись, подняли головы и съ недоумѣніемъ высматривали изъ-подъ надвинутыхъ на самые глаза снѣжныхъ шапокъ, смотрѣли сверху внизъ и, вѣроятно, думали невеселыя думы. Что-то будетъ! Опять явилась эта безжалостная рать вооруженная топорами и пилами, сюда, въ заповѣдныя лѣсныя дебри, на губительство на злое, враждебное дѣло. Съ испугу робкія осины посроняли прозрачныя, тонко-тканыя, художественно составленныя серебристо-бѣлыя кружева и бахрому изъ легкаго пушистаго инея. То тамъ, то сямъ—нѣтъ-нѣтъ—да и вздрогнетъ ель, почувство-

вавъ глухой, впивающійся въ ея тѣло, у корней, смертельный ударъ, вздрогнетъ, и безшумно-тихо сползетъ съ ея широкихъ и скользкихъ вѣтвей красота воздушнаго убора прямо на спину склонившагося внизу дровосѣка. Ей защищаться больше нечѣмъ, какъ только ея красотою, снѣжнымъ украшеніемъ, въ изобиліи облѣпившимъ ея стройное, крѣпкое тѣло. Но вотъ, она чувствуетъ, что желѣзо входитъ внутрь ея, проникаетъ до сердца, и, минуту покачавшись на мѣстѣ, съ громкимъ стономъ валится на бокъ; тяжкій ударъ, со всего размаха, плашмя, о землю, и она уже мертва, зарытая въ снѣгъ, безпомощно растопырившая обнаженныя лопасти зеленыхъ вѣтвей. Слышится звенящій нѣжнымъ полутономъ лязгъ топора, обрубающаго вѣтки, эти органы, которыми жило растеніе, чѣмъ дышало. Потомъ деревянный клинъ расколетъ пополамъ мертвые останки великолѣпной лѣсной красавицы.

— Дядя Ѳедоръ,—потолочина одна готова!—кричитъ рослый здоровый парень, съ раскраснѣвшимся лицомъ возясь около нея. Ему жарко, и онъ, несмотря на морозъ, снимаетъ кафтанъ

— Эка, раскололъ-то! Не могъ хуже!..

— А что-жъ, дядя, раскололъ хорошо.

— Криво.

— Суковатая деревина-то!

— Не сплотить, дырки будутъ.

— Не великъ дворецъ.

— Да вѣдь тепло уходить будетъ.

— Живетъ и такъ!

Дядя Ѳедоръ закричалъ:

— Эй, Ванятка, дѣвки! Живо, носи хвою къ „хатѣ“!

Цѣлая артель смѣющихся подростковъ и женщинъ бросилась въ ту сторону, откуда слышался голосъ, бросилась, пересмѣиваясь, толкаясь между собою, увязая въ снѣгу, спотыкаясь на колоды и „выскоди“.

Впереди всѣхъ несся Шарикъ, собачка-дворняжка, что прибѣжала за однимъ изъ пріѣхавшихъ хозяевъ. Маленькая дѣвочка, однихъ съ Ваней лѣтъ, дочь этого мужика, Настя, у которой Шарикъ былъ большимъ любимцемъ, кричала:

— Ищи, ищи, Шарикъ!

— О, да и ты, Наська, здѣсь?

— Здѣсь, дяденька!

— Молодецъ-дѣвка! Отцу помогать надо. У отца, братъ, сыновъ-то нѣтъ, такъ и дѣвка годится! Привыкай... Выростешь—замужъ за Ванятку отдадимъ,—балагурилъ дядя Ѳедоръ, отбрасывая въ сторону отрубленныя у ели сучья:—Бери, бери, крышу покроемъ, теплѣе будетъ.

А тамъ, внутри и около самой „хаты“, шла тоже работа—спѣшная, торопливая, веселая, подъ говоръ и прибаутки: кто выметалъ снѣгъ, кто складывалъ печку-очагъ среди „хаты“, въ обрубѣ изъ дерева, съ землей, съ каменными—изъ булыжника—стѣнками. Подгулявшій за годъ потолокъ былъ мигомъ поправленъ, поставлены „стропила“, наваленъ вынутый изъ-подъ снѣга мохъ, еловыя „лапы“ прикрыли крышу, вмѣсто тесу, толстымъ, непроницаемымъ покровомъ, въ-родѣ рыбьей чешуи. Вокругъ „хаты“, съ обѣихъ ея сторонъ, заплетенъ былъ изъ кольевъ и хвои плетень, съ такимъ-же навѣсомъ,—это общее стойло для лошадей, гдѣ ужъ многія изъ нихъ удобно расположились и жевали сѣно. Еще часъ, два—и голубая струйка дыма, выходящаго изъ волокового окошечка подъ крышей и въ раскрытую настежъ повую—только-что сколоченную изъ обтесанныхъ плахъ—дверь, показала работникамъ, что дѣло близится къ концу. Въ „хатѣ“ разведенъ огонь, готовится пища, согрѣваются озябшія руки.

— Баста! Шабашъ, ребята! Не хуже твоего дворца!—самодовольно смѣясь и постукивая обухомъ объ уголъ „хаты“, говорилъ дядя Ѳедоръ, главный распорядитель въ товариществѣ, взявшій задатки на всѣхъ и руководившій всей „хатою“.—Отдыхай, холодная и голодная братія!..

Но прежде, чѣмъ отдохнуть, дядя Ѳедоръ приказалъ молодежи пойти на крышу и „поплясать“.

— Пляши, ребята, на-пропалую!

— Зачѣмъ плясать-то?

— Чтобъ тепло держалось, топчи снѣгъ.

— А какъ плясать-то?

— Пляши, какъ мать учила.

— Ха-ха-ха!..

Десятокъ ногъ забарабанилъ по отлогой крышѣ, утаптывая нарытый на нее толстый слой снѣжныхъ глыбъ.

— Ловко.

— Вали, ребята.

— О, эта, братъ, крыша покрѣпче тесовой будетъ,—сказали подошедшіе въ это время и остальные мужики.—Теплѣе, чѣмъ въ церковной сторожкѣ.

— Небось, поживемъ!

— Поживемъ и увидимъ...

— Не увидимъ—зато поживемъ.

Но крыша вдругъ обрушилась. Компанія танцующихъ, вмѣстѣ съ крышею, упала на потолокъ и, послѣ минутнаго испуга, разразилась веселымъ и громкимъ хохотомъ.

— Вотъ-те и сторожка!

— Ай да дворецъ!

— Поправляй, ребята, живо, покуда свѣтло. Завтра некогда: чуть-свѣтъ разбужу пилить.

Микулушка первый бросился исправлять прорухи въ крышѣ. Несмотря на общее веселое настроеніе, онъ одинъ какъ-то неловко себя почувствовалъ: ему чудилось, что сегодня все какъ-то неладно дѣлается, все какъ-будто „клонитъ“ къ худу...

Ему вспомнились „примѣты“ и то, что среди танцующихъ на хатѣ подростковъ былъ и его сынокъ Ванюша.

— Сохрани, Владычица,—думалъ онъ, снимая сползавшаго по наклону крыши Ваню, смѣющагося и радостнаго, и ставя его на землю.—Оборони Богъ!..

V.

Круглый мѣсяцъ всплывалъ надъ лѣсомъ. Его тихіе, крадущіеся шаги, въ видѣ длинныхъ блѣдно-синихъ полосъ на снѣгу, въ густой чащѣ лѣса, все ближе и ближе подвигались слѣва по направленію къ хатѣ. Вотъ онъ чуть-чуть выглянулъ изъ-за узорной рѣзьбы верхушекъ лѣса и недоумѣвающимъ взоромъ наблюдаетъ новое явленіе, на „вырубкѣ“,—„хату“,—подчищенную, принаряженную въ бѣлый чепчикъ, окруженную чернѣющимъ плотнымъ частоколомъ, гдѣ слышалось по-временамъ движеніе челюстей жи-

вотныхъ и позвякиванье „звонковъ“ и „шарковъ“. Изъ самой „хаты“, надъ крышей ея, поднимался бѣловатый столбъ пара. Гдѣ-то, какъ въ подземельи, раздавались глухіе людскіе голоса. Въ окружающей лѣсной чащѣ былъ замѣтенъ безпорядокъ: тамъ и сямъ вздѣлись щепки, хвойные сучья, обрубленный „вершнякъ“, глубокіе слѣды людей на снѣгу.

Стороной пробѣжалъ волкъ, осторожно шагая черезъ „ломъ“. Онъ, оскалясь и взъероша вылинявшую жесткую шерсть, жадно вдыхалъ бившій въ носъ запасъ живой твари... Вотъ-бы раздолье! Но сѣрый бродяга слишкомъ остороженъ и по опыту знаетъ, что ему — если и возможно—то чрезвычайно трудно здѣсь чѣмъ-нибудь поживиться. Своя шкура для него важнѣе, чѣмъ тявкнувшая гдѣ-то собачка. Богъ съ ними! Онъ, положимъ, не будетъ упускать изъ виду это уютное мѣстечко, въ углу „вырубки“, подъ тѣнью дремучаго высокаго бора, но—время впереди еще есть. Этотъ невысокій бугоръ, что выросъ за день у подножія вѣковыхъ деревьевъ, — онъ еще вспомнитъ, а пока надо поискать добычи гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. И онъ сдѣлалъ кругъ и далече обошелъ подновленную „хату“.

Заворочался подъ „выскодью“ и спящій медвѣдь: снится ему, что онъ ѣстъ кусокъ вкусной, свѣжей конины, въ носу такъ пріятно щекочетъ, отъ удовольствія слюна выступаетъ у него сбоку плотно сжатыхъ челюстей. Но онъ знаетъ, что это только во снѣ, что пробудись онъ—и конина, и лѣто съ его малиной, рябиной и другими сладкими „ѣдивами“, не исключая и высоко поселившагося въ „сушинѣ“, въ дуплѣ, пчелинаго роя—исчезнутъ предъ нимъ. Одна холодная, скучная, морозная зима обойметъ его и не дастъ ничего ему въ пищу, кромѣ леденящаго зубы снѣга. Нѣтъ, ужъ лучше не просыпаться! И онъ спитъ, зажавъ свою тонкую, острую мордочку межъ двумя переднимп, усѣвшими сильно-таки исхудать лапами.

Проскочила стороной лисичка, въ поискахъ за простоватыми, на ея взглядъ, зайчатами, нюхнула воздухъ, чувствуетъ—потянуло жильемъ... Дальше, дальше отсюда: курятинкой здѣсь не полакомишься, а на зубы злѣйшему своему врагу—собакѣ—попадешься. Къ тому-же, зайцы теперь держатся ближе къ деревнямъ, около гуменъ, вблизи огородовъ, гдѣ есть и овсяная солома, и „горохвина“. Тамъ и на дворъ въ курятники можно, пожалуй, заглянуть.

Но вдругъ она остановилась. Снѣгъ въ одномъ мѣстѣ обнаружилъ какъ-будто провалъ. Ага! Она осторожно обошла ямку, представлявшую осѣвшій снѣгъ, окаймленный взбитыми пухомъ краями, и тотчасъ догадалась, что здѣсь укрылся отъ стужи и спитъ тетеревъ, камнемъ упавшій съ высоты, чтобы не оставить предательскихъ слѣдовъ на снѣгу. Минута, и—возня кончена. Тетеревъ уже не „трепыхался“...

А тамъ, въ темныхъ вѣтвяхъ, на суку, свернувшись клубкомъ, неподвижно прикурнула рысь, съ кошачьей мордочкою, со стоящими треугольникомъ ушами „съ кисточкой“. Фосфорическіе блестящіе глаза ея остро видятъ въ темнотѣ, кривые, серповидные когти сжаты „въ комокъ“ и на-готовѣ; бѣда простодушному легконогому оленю или неуклюжему лосю, съ его лѣсомъ роговъ на головѣ... Ловкій прыжокъ на спину, и—глаза будутъ выдраны, хотя и самой рыси достанется на орѣхи: истерзаютъ въ кровь, а, можетъ быть, и совсѣмъ разобьютъ ее встрѣчныя деревья, сучья и вѣтви, когда обезумѣвшее отъ боли животное понесется, ломая все на пути, въ густой, сплошной чащѣ.

Но олени и лоси—эти великаны-красавцы среди животнаго царства—рѣдки въ нашихъ лѣсахъ, и если появляются, то пуля уже спѣшитъ опуститься въ черное жерло охотничьяго ружья. Охотникъ прекрасно знаетъ тѣ ручьи и подземные ключи съ незамерзающею водою, куда олени и лоси, томимые жаждой, приходятъ пить. Каждое утро—какъ бѣлая страница, на которой написаны понятные охотнику знаки — покажетъ охотнику: былъ-ли кто у родника за ночь, а если былъ, то кто именно и сколько душъ, и какія эти души — родители, дѣти, подростки, или даже утробные младенцы... Чтобы охотнику легче было, безъ помѣхи, заниматься убійствомъ въ животномъ царствѣ, изъ одного желанія разрядить свое ружье—придуманы даже законы такіе, что не имѣющій трехъ рублей въ карманѣ, не имѣетъ права и убивать...

Но, слава Богу, въ нашемъ краю рѣдко кто имѣетъ въ карманѣ три рубля. Оттого и спокойнѣе живется дикому населенію нашихъ лѣсовъ и болотъ. Одни только рыси, волки да лисицы (иногда медвѣдь), пользуясь контробандой, вносятъ ужасъ и смерть въ среду созданій, въ чьемъ сердцѣ льется живая горячая кровь. Но, по крайней мѣрѣ, здѣсь нѣтъ привиллегій... Битва идетъ на

жизнь и смерть съ одинаковыми почти шансами на счастье и удачу. Крѣпко держится все живое за жизнь, за право жить, не хочетъ оно безъ борьбы умирать, пускаетъ въ ходъ всякія пружины, обезпечиваетъ себя всякими способами, приноровляется, и, когда ему уже конецъ, когда потухнетъ въ сердцѣ всякое стремленіе къ борьбѣ, когда, вмѣсто самозащиты, душа будетъ объята только однимъ холоднымъ страхомъ отчаянія, тогда, и только тогда, животное покоряется неизбѣжной участи. Все равно, оно умерло уже въ то мгновеніе, когда этотъ холодъ отчаянія только-что проникъ въ кровь.

Такъ, казалось, думалъ и лѣсъ, этотъ многовѣчный богатырь, мѣрявшійся съ бурей и грозами, отталкивавшій властной рукою ревущія въ пространствѣ зимнія вьюги и мятели. Но есть сила и на силу! Пришла кучка людей, укрылась въ берлогу, какъ въ подземную нору, на ночь—съ непонятными, блестящими, рѣжущими инструментами,—и лѣсъ чувствуетъ, какова мочь въ этой малепькой грозящей *силѣ*. А сила эта такова, что гордый и невозмутимый великанъ-лѣсъ вдругъ затрепеталъ, отчаяніе проникло въ его мозгъ, въ его жилы и кровь... Онъ ничего еще не видалъ, не испытывалъ на себѣ топора, не слышалъ свистящаго шипѣнья пилы, но уже обмеръ, обмеръ съ тѣхъ поръ, какъ только сознаніе своего безсилья обвѣяло его съ корней до высокихъ макушекъ...

И прежде всего почувствовали это высокія и стройныя ели да сосны, а за ними—и бѣлыя березы, плачущія весной слезами изъ меда и сахара, черная ольха, дубъ и вязъ, слабая душой и мягкая сердцемъ горькая осина...

Да, что-то скажетъ завтрашній день! День итоговъ... Напрасно лѣсъ бросаетъ отъ себя, по направленію къ „хатѣ“, длинныя и острыя, на подобіе мечей — тѣни. Напрасно грозитъ костлявыми, какъ-будто у привидѣнія, руками: онъ никого не испугаетъ. Сила, спящая въ убогой лачужкѣ, даже и не подозрѣваетъ, что онъ можетъ защищаться, можетъ грозить, мыслить и обдумывать свое положеніе...

VI.

За ночь лѣсъ успѣлъ обдумать свое положеніе: надо умирать. Средствъ для избавленія нѣтъ. Умирать—такъ умирать. Но онъ

еще живъ пока. Въ немъ еще незримо бьется сердце, двигается кровь, искрится мысль. Какая мысль? Самая свѣтлая, самая радостная—принарядиться, какъ агнецъ на закланіе, снѣть свою послѣднюю, ему только одному понятную, пѣсню, проститься съ землей, съ ближними и далекими товарищами по несчастію, съ голубымъ небомъ, гдѣ ночью такъ много блещетъ яркихъ огоньковъ, съ золотымъ солнцемъ, что сейчасъ выйдетъ съ той стороны и пойдетъ шагать по ступенькамъ голубой дороги все выше и выше.

И обрадовался лѣсъ ясной мысли...

И одѣлся, можетъ быть, въ послѣдній разъ, въ чистую бѣлую одежду, какъ невѣста передъ вѣнцомъ, какъ христіанка-мученица въ древнемъ Римѣ, съ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ лилій на головѣ выходившая на арену, гдѣ ждали уже ее и пытки, и жестокая казнь. Въ чистыхъ утреннихъ лучахъ зари на востокѣ, послѣдней, можетъ быть, зари, прочелъ онъ ласковый привѣтъ вновь нарождающагося дня. Прощальное слово, прощальный взглядъ—родной, любовный, сострадающій. И улыбнулся онъ ему навстрѣчу, и вся кровь прихлынула къ его лицу, и весь засвѣтился онъ нѣжнымъ розовымъ румянцемъ, заблестѣлъ милліонами звѣздъ, звѣздочекъ, огоньковъ, сверкающихъ искръ, переливающихся алмазомъ, яхонтомъ, рубиномъ, горнымъ хрусталемъ, всей массою искрящихся въ его кружевной бѣлой одеждѣ—украшеній.

Все ярче, ярче заря; все выше и выше расходятся по небу золотыя ея нити. Розовѣетъ лѣсъ, все болѣе и болѣе сквозное серебро его кудрей принимаетъ видъ живого, просвѣчивающаго тѣла. Пора! Вонъ ужъ стукнула въ той сторонѣ тяжелая дверь, заржалъ конь, тявкнула собачонка, и десятки голосовъ мало-помалу слились въ одинъ говоръ. Гдѣ-то застучали топоры, зашипѣли пилы...

VII.

Прежде всего изъ „хаты“ вышли взрослые мужики. Они еще наканунѣ назначили, куда, въ какой конецъ каждому изъ нихъ „удариться“, т. е. гнать полосу, взятую сообразно съ полномочностью своихъ семей. Наканунѣ-же каждымъ изъ нихъ былъ

осмотренъ свой участокъ, намѣчены лаптями дороги для возки дровъ и бревенъ; сосчитано даже приблизительно количество саженъ дровъ и число бревенъ, что выйдетъ изъ каждаго участка. Теперь они шли увѣреннымъ шагомъ, каждый на свое мѣсто, одни—направо, другіе—налѣво, по обѣ стороны старой „вырубки“. Еще нѣсколько минутъ, и почти совсѣмъ опустѣла „хата“; въ ней остались только тѣ, кто занятъ былъ приготовленіемъ пищи къ завтраку. Къ числу послѣднихъ принадлежали Ванёкъ, между прочимъ, и дѣвочка Настя. Родители пожалѣли пока взять ихъ съ собою, стараясь не сразу ввести ихъ въ суровую школу лѣсного промысла. Пускай пока приглядятся къ обстановкѣ, привыкнутъ къ „хатѣ“. Но съ полудня, приблизительно, послѣ завтрака старшіе и ихъ взяли съ собою, чтобы проѣзжать дороги, протоптанныя раньше лаптями. Всѣ эти частные, такъ сказать, пути сходились въ одной главной, общей линіи, ведущей къ „хатѣ“, а отсюда на рѣку, къ деревнѣ, верстъ за шесть отсюда. Къ вечеру этого второго дня окрестность и узнать было нельзя; до того она приняла видъ обыкновеннаго жилого мѣста, весьма шумнаго и оживленнаго. То въ той сторонѣ, то въ другой валялись подпиленныя деревья, то тамъ, то сямъ выростали межъ деревьевъ аккуратно сложенные костры длинныхъ, совершенно ровно обрѣзанныхъ, кряжей, укладываемыхъ такъ, что выходили „кубики“—отъ восьмушки до сажени и болѣе протяженіемъ; желтые, свѣжеобрѣзанные концы этихъ костровъ, цвѣта обыкновеннаго мяса, рѣзко выдѣлялись среди темныхъ стволовъ и зеленой хвои окружающаго лѣса... Къ вечеру Ванекъ уже отлично зналъ—не хуже, чѣмъ свой дворъ въ деревнѣ—свой участокъ: дороги намѣчены, проѣзжены, расчищены отъ колодъ, кочекъ, старыхъ пней; появились даже два-три небольшихъ костра.

— Вотъ какъ мы съ тобой, Ванятка: и дорогу себѣ сдѣлали, и дровъ на полтора рубли напилили.

— Это хорошо, тятя: я буду возить завтра.

— Нѣтъ, ты не годишься: неравно возъ опрокинется—тебѣ и не поднять.

— А я съ дядей Антономъ, либо съ дядей Ѳедоромъ буду вмѣстѣ ѣздить.

— Вотъ это дѣло!..

Но и на другой день Микулушка не пустилъ сына въ ѣзду. Онъ сталъ ѣздить самъ на рѣку, а Ваню сталъ оставлять подчищать сучки у заранѣе спиленныхъ деревьевъ. Съѣздитъ отецъ на рѣку—анъ и у Вани дѣло готово: сучки отрублены, бери только мѣру, да пилу прикладывай по готовой „лѣсинѣ“; черезъ полчаса опять готовъ возъ, отецъ опять ѣдетъ съ дровами, заготовивъ для сына такую-же новую работу. Не особенно споро шло дѣло, ну, да помощникъ-то былъ малъ. У тѣхъ, кто явился на работу самъ-третей, конечно, дѣло быстрѣе подвигалось впередъ: двое постоянно пилятъ, а одинъ возитъ. Но Микулушка и тому былъ радъ, радъ, что дождался помощника, а то приходилось жену свою съ собой таскать или нанимать безпаспортныхъ бродягъ, которые обыкновенно изъ городовъ расходятся по деревнямъ осенью и переживаютъ холодную зимнюю пору въ деревняхъ, будучи рады - радешеньки, что ихъ кормятъ хлѣбомъ и даютъ теплый ночлегъ. Но люди этого сорта были весьма ненадежны. Только горькая нужда въ работникѣ заставляла нанимать такихъ. Они ссорились съ хозяевами, пили, а подчасъ не прочь были сдѣлать что-либо и хуже. Ищи потомъ вѣтра въ полѣ!..

— Усталъ, Ванекъ?

— Нѣ, тятя, не усталъ, а только ноги промочилъ.

— Ну-ка, покажь!—заботливо спросилъ отецъ.

Мальчикъ сѣлъ на снѣгъ и поднялъ сначала одну, потомъ другую ногу, обутыя въ лапти и суконныя портянки. И та, и другая обледенѣли и стучали, какъ костяныя, задѣвая другъ за друга.

— Какъ-же это ты такъ! И не сказалъ...

— Велика важность! Въ „хатѣ“ обогрѣюсь и обсушусь. Провалился въ снѣгъ по поясъ, а тамъ, внизу-то, вода...

— Эка ты, братъ... Ноги особливо беречи надо. Сказано: брюхо держи въ голодѣ, голову въ холодѣ, а ноги въ теплѣ...

— Ну, тятька, волковъ бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить!

Но всетаки отецъ встревожился и нѣсколько раньше другихъ рѣшилъ „пошабашить“ на-сегодня.

Они наложили дровъ на возъ и подъѣхали къ „хатѣ“. Утромъ, пока будетъ спать Ваня, отецъ до свѣту успѣетъ съѣздить на берегъ съ этими дровами, а потомъ, позавтракавъ картошкой,

что сваритъ Ваня въ котелкѣ, они направятся на старое мѣсто, чтобы поработать уже цѣлый день, какъ слѣдуетъ.

VIII.

Но на слѣдующій день никто изъ хаты не выходилъ: поднялась такая вьюга, что не было никакой возможности работать. Находились смѣльчаки, не обращавшіе на вьюгу никакого вниманія, но и они черезъ часъ-два возвращались назадъ, окоченѣвшіе отъ холода, усталые и разсерженные. Особенно отличалась одна семейка такой „жадностью на работу“—мужъ и жена Брюховы. Это была парочка молодыхъ еще супруговъ, съ кучей дѣтей, правда, многосемейные; но дѣти еще были малолѣтнія, зато родители втройнѣ могли работать за нихъ и за себя: дюжіе, здоровые—кровь съ молокомъ,—некрасиво, но крѣпко, сшитые—они не знали утомленія въ работѣ, почти никогда не говорили, много ѣли и много работали, работали безъ конца. Имъ было чистое Божеское наказаніе, если работать было нечего. Они тогда скучали и не знали, что дѣлать съ громадными мускулистыми руками, съ могучими плечами, съ неуклюжими мамонтоподобными ногами. Сама тетка Секлетея, пожалуй, была „въ мясахъ“ еще здоровѣе хозяина, своего мужа Алфена. „Кампанія“ въ „хатѣ“ любила подшутить надъ добродушными супругами; они на шутки не обижались и за это, да еще за физическую силу, ихъ очень любили брать въ „кампанью“.

— Одерни сарафанъ-то, кукла!—скажетъ иногда солдатъ Андрюшка, большой зубоскалъ и любитель поговорить.

— Я не кукла, а Секлетея,—скажетъ серьезнымъ тономъ баба, лежа на нарахъ лицомъ вверхъ и ногами къ огоньку, гдѣ сидитъ и грѣется компанія.

— Раскоряка!..

— А ты не пяль глаза.

— Да вѣдь зазорно.

— Не ври, у меня Алфеновы штаны надѣты.

А ужъ солдатикъ Андрейка только этого и ждетъ. Даже взвизгнетъ, начиная хохотать, заражая смѣхомъ и всю остальную братію.

Не упускалъ онъ случая задѣть здоровую молодуху и тогда, когда она собиралась въ лѣсъ на работу и затягивала на себѣ толстые, изъ домашняго сукна, штаны Алфена. Она дѣлала это совершенно спокойно, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ и, кажется, даже недоумѣвая—что тутъ можетъ быть забавнаго, или смѣшного!.. О силѣ ея разсказывались необыкновенныя вещи. Такъ, однажды она ѣхала со станціи желѣзной дороги, гдѣ получила чьи-то чужія деньги съ почты. Какой-то пропойца подмѣтилъ, что баба ѣдетъ въ дальнюю деревню, да притомъ одна и ночью.

— Не ѣзди, тетка,—говорятъ ей.

— А я не боюсь.

Сѣла. Поѣхала. Пьянчужка забѣжалъ впередъ. И тамъ, гдѣ нужно было лошади переѣзжать мостикъ черезъ ручей и потомъ подняться на крутой противоположный берегъ,—онъ точно изъподъ земли выросъ.

— Подвези, тетка.

— А что-жъ, садись.

Нѣтъ-нѣтъ, да все ближе и ближе жмется сѣдокъ. Ночь темная... Мѣсто глухое...

Наконецъ, началъ обнимать бабу—все смѣлѣе, да смѣлѣе.

— Эй, не тронь, парень! Зашибу.

Но мужиченко не унимался. Облапилъ, въ карманъ лѣзетъ.

Ну, дѣлать нечего... Секлетея,—разсказываютъ,—остановила лошадь, слѣзла съ телѣги и стащила грабителя на землю. Она его не била, а только раза два, приподнявъ за плечи, стукнула спиной о землю. А мужикъ-то послѣ оказался—знакомымъ. И встрѣчались они послѣ съ нимъ, да никому не сказали объ этой ночной встрѣчѣ, ни онъ, ни она. Стыдно было ему и говорить, что баба „забидѣла“. И только тогда, когда онъ вскорѣ послѣ того сталъ чахнуть и умеръ, она разсказала про этотъ случай и все каялась, что „не отъ того-ли-де и померъ бѣдняга, что я его малость потискала“...

Она не любила и теперь разсказывать объ этомъ, развѣ только когда была въ ударѣ, т. е. послѣ хорошей работы.

— И зачѣмъ ты, тетка, штаны носишь?—не унимался солдатикъ:—вашему бабьему сословію это-бы совсѣмъ не подобало, кажись

— Выдумывай, пустомеля! Попробуй-ка самъ голымъ нò-ноясъ завязнуть въ снѣгу-те...

Новый взрывъ хохота. Хохочутъ даже серьезные, степенные старики; дѣвушки хихикаютъ, отворачиваясь. Каждая изъ нихъ тоже подвязываетъ отцовскіе или братнины штаны (иначе невозможна работа въ лѣсу),—но никогда въ этомъ не признается. Здоровье—одно, а женская стыдливость—другое. Но у Секлетеи и то, и другое совмѣщалось въ одномъ понятіи: что здорово, то и хорошо, что хорошо, то и здорово.

Такъ въ веселой болтовнѣ и вынужденномъ ничего недѣланіи прошелъ второй день работы. Прошелъ и третій день. Не погода не унималась; она, казалось, еще только начинала шутки пошучивать, но серьезнаго ничего еще не дѣлала. Такіе-же наступили четвертый и пятый дни... Провизія выходила, время коротало безплодно. Многіе уѣхали домой: всетаки тамъ хоть чѣмънибудь около дому можно заняться. Остались въ „хатѣ“ Микулушка съ Ваней, Секлетея съ Алфеномъ дядя Ѳедоръ, Шарикъ и Настя. У каждаго изъ нихъ были свои разсчеты не ѣхать домой.

Но скоро и эта компанія начала убавляться; случилось несчастіе, сильно повліявшее на настроеніе работниковъ. Выпалъ денекъ: какъ-будто получше стала погода! Вѣтеръ, правда, вылъ, но не такъ мело и засыпало снѣгомъ... Секлетея и Алфенъ, а за ними и дядя Ѳедоръ съ Тимошей-сыномъ, молодымъ и „лядащимъ“ мужикомъ—отправились пилить. Случилось какъ-то такъ, что Тимоша не успѣлъ увернуться отъ подпиленной осины. Онъ отскочилъ, правда, и его не задѣло деревомъ, но зато хлестнуло сучьями такъ, что онъ упалъ въ снѣгъ. Онъ быстро, при помощи отца всетаки, вылѣзъ изъ-подъ сучьевъ, дошелъ до „хаты“, но тотчасъ-же и слегъ. „Въ нутрѣ что-то оборвалось“,—объяснялъ онъ.—Всѣ думали, что—пустяки, но оказалось, что скоро на спинѣ у него образовался острый, угломъ—выступъ, и ему ни сидѣть нельзя было, ни согнуться, ни выпрямиться, лежа на нарахъ. Надо было ѣхать домой, да и погода опять начала „куралесить“.

Съ отъѣздомъ этой семьи въ „хатѣ“ еще стало скучнѣе. Даже Секлетея—никогда не унывавшая, никогда ничѣмъ не смущавшаяся—почувствовала, что надо и ей ѣхать, переждать непогоду

дома. Съ ней задумали отправить также Настю и Ваню: затосковали ребята по матерямъ.

Въ хатѣ остались только двое: Алфенъ да Микулушка. Но вдвоемъ имъ показалось такъ уже нехорошо, что, ни слова не говоря, едва дождавшись утра, они поспѣшно одѣлись и, точно сговорившись, вмѣстѣ вышли изъ хаты и направились въ ту сторону, гдѣ дорога заворачивала къ деревнѣ.

— Домой?

— Да, братъ, что тутъ дѣлать?

— И я тоже...

Мятель пуще свирѣпѣла...

IX.

Уже смеркалось, когда Микулушка, весь обсыпанный снѣгомъ, съ промерзшей бородою, въ твердомъ, стоявшемъ, какъ колъ, обледенѣломъ кафтанѣ вошелъ къ себѣ въ избу. Авдотья, жена его, только-что вернувшаяся со двора, куда носила коровѣ теплое пойло, узнавъ мужа, обрадовалась, бросилась къ нему съ крикомъ и, смѣясь и плача, сказала:

— Слава тебѣ, Господи! А я-то думала, глядя на эту погоду, заморозитъ онъ мальчонку... Каторга—не погода!

Микулушка поблѣднѣлъ, чуя что-то нехорошее въ словахъ жены.

— Да гдѣ-же онъ, Ванятка-то? Развѣ не дома?

— Нѣ... Его дома и не было... А рази ты не съ нимъ пріѣхалъ?

— Я пришелъ съ Алфеномъ, а Ванятка съ Наськой, да съ Секлетеей еще вчерась на Гнѣдомъ уѣхали...

Мужъ и жена безумными глазами глядѣли другъ на друга...

Читающая деревня.

(Изъ недавнихъ наблюденій).

По лѣтамъ мнѣ приходится ежегодно проживать въ селѣ К..., въ 35 верстахъ отъ станціи Любань, Новгородскаго уѣзда. Населеніе не отличается особымъ пристрастіемъ къ школѣ и къ просвѣщенію вообще. На общественныхъ приговорахъ, напримѣръ, изъ 40 домохозяевъ—могутъ подписать свое имя только 11. Вѣроятно, не большій процентъ грамотныхъ и въ сосѣднихъ деревняхъ. По зимамъ крестьяне занимаются работами на лѣсопромышленниковъ—пилкою и вывозкою дровъ и бревенъ, а частію уѣзжаютъ извозничать въ Петербургѣ (легковые извозчики на хозяйскихъ лошадяхъ). Край вообще бѣдный, почва скудная, лѣсистая и болотистая; настоящій медвѣжій уголокъ.

Въ каждый пріѣздъ мною, бывало, привозилось нѣсколько книжонокъ, которыя тотчасъ-же и расхватывались, преимущественно молодежью—частью населенія, наиболѣе любознательной и грамотной. Это нравилось старикамъ, и въ 1891 году сельское общество особымъ приговоромъ постановило просить разрѣшенія у начальства на открытіе библіотеки, каковое и было получено въ слѣдующемъ, 1892, году. Помѣщеніе для библіотеки, завѣдываніе и руководство ею—безплатныя. Книги исключительно собраны пожертвованіями. Руководители (учитель и священникъ), по нѣкоторымъ соображеніямъ, тщательно избѣгали до сихъ поръ что-либо собирать съ крестьянъ на нужды библіотеки. Въ этихъ соображеніяхъ, между прочимъ, играло нѣкоторую роль и то, что денежные счеты и сборы легко, пожалуй, покажутся тягостными и, чего добраго, охладятъ крестьянъ въ добромъ начинаніи. Чтеніе пока еще не составляетъ у нихъ разумно сознанной по-

требности, но у многихъ уже складывается сознательное отношеніе къ книгѣ и пріобрѣтается къ ней привычка.

— Прочиталъ утромъ все, что было, а потомъ и скучно какъ-то стало, пошелъ опять. Ишь ты, привычка-то...—говорятъ завзятые любители чтенія, являясь за новой книгою.

Въ большинствѣ-же—для однихъ чтеніе есть нѣчто въ-родѣ увеселительно-хозяйственной прогулки въ поле, какую иногда совершаетъ крестьянинъ въ праздникъ, чтобы полюбоваться начавшей колоситься рожью; иногда и бабу, и ребятишекъ прихватить поглядѣть на ленъ, полакомиться горохомъ. Для другихъ это то-же, что сходить на рѣчку половить рыбы—съ неводомъ, или съ удочкой побаловаться праздничнымъ дѣломъ: оно и весело, и полезно, пожалуй. Обѣ эти группы читателей *спокойные*, положительные, не увлекающіеся тѣмъ, что не относится прямо къ ихъ главной заботѣ—хозяйству (не только среди взрослыхъ, но и среди дѣтей). Но бываютъ и такіе, которые читаютъ запоемъ. Дома ихъ иногда бранятъ за керосинъ или за даромъ потраченное время. Въ то время, какъ первый разрядъ читателей возвращаетъ книги и говоритъ, что теперь некогда-де читать, сѣнокосъ,—этотъ разрядъ, наоборотъ, забираетъ какъ можно больше книгъ (до 10), *чтобы часто не ходить за ними*: держа ихъ дома, они пользуются каждой минутою свободнаго времени, чтобы заглянуть въ нихъ. Есть еще три разряда читателей: *мрачные*, *легкомысленные и дѣловитые*. Мрачные интересуются преимущественно законами, правилами разнаго рода, войной, держатъ книги по-долгу. Дѣловитые—требуютъ книгъ дѣлового характера, и то тогда только, когда хотятъ найти въ нихъ помощь, совѣтъ, нужные сію минуту, сейчасъ,—напримѣръ, лѣчебникъ, когда лошадь заболѣла, или кто-нибудь въ семьѣ, а также по садоводству, травосѣянію и т. п. Этотъ разрядъ самый малочисленный, хотя наиболѣе развитый. Но для библіотекаря сущее наказаніе—легкомысленный читатель, почти исключительно дѣтвора, едва разбирающая слова, обыкновенно, учившаяся въ школѣ годъ, много—два. И имъ нужно давать книги, и ихъ нужно удовлетворять: на то и библіотека, да еще *общественная*. Они-то главнымъ образомъ и разносятъ добрую славу о библіотекѣ: отказу-де нѣтъ, и книги есть-де всякія—и съ картинками, и безъ картинокъ, и въ

синемъ корешкѣ, и въ красномъ. Мѣняютъ книги они до чрезвычайности часто, хотя читаютъ мало. Это самый многочисленный читатель. Ни свѣтъ, ни заря—они уже собрались и терпѣливо ждутъ у крыльца, преважно опершись на перила и чинно разговаривая о матеріяхъ важныхъ: у кого книга лучше и проч. Съ ними приходится *заниматься* иногда, какъ въ школѣ, иначе трудно подобрать подходящую книгу. Слова при чтеніи у нихъ какъ-то разламываются, крошатся на мелкія части. Но зато какое удовольствіе сіяетъ на кругломъ пухломъ личикѣ и въ глазахъ, когда такой читатель проникнетъ въ таинственный смыслъ черныхъ строчекъ. Легкомысленный читатель очень любитъ картинки и яркую обложку. Содержаніе для него вещь не важная. Но, несмотря на это, удовлетворить его—дѣло очень нелегкое: *эту* книжку онъ или читалъ (понимай—держалъ у себя), или слышалъ о ней отзывъ. Дай ему вотъ *эту,* самую толстую, въ корешкѣ съ золотыми буквами! Но, какъ нарочно, приходится выдавать самыя тонкія: „Азбуку-копѣйку“, „Домашнее чтеніе“, „Родное слово“ и т. п. Впрочемъ, нѣтъ сговорчивѣе легкомысленныхъ: они легко мирятся съ постигшими ихъ неудачами. Милый народъ, жаль только, что очень ужъ много отнимаютъ времени. Дѣвицы очень рѣдко сами являются за книгами, вѣроятно, стѣсняются („Зачѣмъ бабѣ учиться!“), но что онѣ тоже *читаютъ*—это несомнѣнно. Выпрашиваютъ книги онѣ, обыкновенно, черезъ своихъ братишекъ и сестеръ. Многимъ, напримѣръ, нравится „Капитанская дочка“. Крестьяне-отцы сами тоже рѣдко ходятъ, прибѣгая къ тому-же способу пользованія книжками. Парни заходятъ чаще и преимущественно компаніями, любятъ поговорить, разрыть книги, выбрать и забрать побольше. Сельская интеллигенція прибѣгаетъ къ способу записокъ („Книжечку поинтереснѣе!“). Эта публика очень любитъ романы.

Изъ отдѣловъ книгъ читается болѣе всего беллетристика, во всѣхъ ея видахъ, ее всѣ любятъ. За нею идутъ: исторія (историческіе разсказы, и пр.), журналы и путешествія; потомъ книги духовнаго содержанія и, наконецъ, дѣловыя разнаго рода (географія, медицина, сельское хозяйство, промыслы и пр.). По манерѣ изложенія труднѣе другихъ даются деревенскому читателю книги, написанныя въ разговорной формѣ. Такова въ

общихъ чертахъ публика, читающая въ селѣ К. Она, такъ сказать, еще только входитъ во вкусъ. Молодежь—первые піонеры. Къ чести населенія нужно сказать, что книги никогда не пропадаютъ, не утаиваются, не теряются, что такъ часто случается въ городскихъ библіотекахъ—не рвутся и не пачкаются надписями; вообще, къ нимъ относятся бережно, развѣ только испачкаютъ, но здѣсь виновата ужъ обстановка русской крестьянской избы. Только одинъ разъ было: неграмотный парень вырвалъ изъ братишкиной книжки страницу на цыгарки, но случай этотъ сильно порицался крестьянами. Причину бережливости книгъ я вижу въ томъ, что съ самаго начала приходящимъ внушалась мысль, что библіотека назначена для всѣхъ; что она ихъ собственная, что затерять книжку или изорвать, значитъ, лишить другихъ возможности прочесть ее. Въ указанномъ выше проступкѣ съ изорванной на цыгарки книжкой ребятишкамъ дано было разъясненіе, что объ этомъ будетъ доложено сельскому сходу и что съ виновнаго или съ его отца, пожалуй, взыщутъ деньги. Этихъ разъясненій оказалось совершенно достаточно; теперь запись книгъ, выданныхъ для чтенія, дѣлается совершенно излишнимъ и ведется по другимъ соображеніямъ, а не съ цѣлью обереганія книгъ.

Какое вліяніе оказываетъ книга на деревенскаго читателя? Вопросъ, можетъ быть, преждевременный (библіотека открыта недавно), но попытаюсь отмѣтить то, что мнѣ удавалось наблюдать.

Для выясненія дѣла лучше всего привести нѣсколько характеристикъ моихъ читателей.

Вотъ читатели, въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ. Входятъ они гурьбой, свободно, весело. Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ фразъ начинаютъ рыться въ книгахъ, которыя я откладываю, сообразуясь съ ихъ развитіемъ и тѣмъ, на что мнѣ хочется обратить ихъ вниманіе. Я особенно люблю ихъ разговоры въ это время, бойкія, лаконическія замѣчанія, мѣткія словца, недоговоренныя мысли, даже не мысли, а какъ-бы намеки на нихъ, схватываемые и понимаемые другими съ полуслова.

Вотъ трое изъ такихъ читателей: Никитинъ, Ниловъ и Деминъ, четвертая—дѣвочка Васильева, крошечное, робкое созданіе,

лѣтъ семи-восьми, крайне застѣнчивая, съ большими, чрезвычайно выразительными глазенками, смуглянка, будущая красавица. Она училась въ школѣ полторы зимы.

Никитинъ набралъ цѣлую охапку книгъ, сдавъ такую-же прочитанныхъ. Онъ рѣдко посѣщаетъ меня: главный работникъ въ домѣ вмѣстѣ съ матерью (отецъ въ извощикахъ и, слышно, пьетъ горькую, остальные—малыши), онъ когда-то учился въ сельской школѣ и—я слышалъ—имѣлъ отличныя способности. Говоритъ баскомъ, не обнаруживая ни мало неловкости въ обращеніи со мною (черта, замѣчаемая мною у всѣхъ школьниковъ, въ какой бы они сельской школѣ ни учились, т.-е. въ земской, министерской или церковно-приходской).

— Ты что?—наступаетъ на него Ниловъ, точно въ дракѣ.

— „Звѣзда юга“.

— Знаю, читалъ.

— Какъ?

— Хороша, бери... Жаль—окончeнія (а не *окончанія* почему-то) нѣтъ... А, можетъ, и есть гдѣ-нибудь?..

Но я разъясняю, что окончанія, дѣйствительно, нѣтъ: журналъ подаренъ, и одного тома не хватаетъ.

— А вотъ не хочешь-ли? Ахъ, братъ, штука!

— Котора, эта?

— Во: „На разбойничьемъ островѣ“...

— *Дѣтское чтеніе*,—читаетъ Ниловъ.

— Ты не гляди (т.-е., что *дѣтское*), это даромъ. Ахъ!.. Тамъ *братъ* одинъ есть... любилъ своего брата... ото всего имѣнья отказался... Въ лѣсахъ это, въ Западномъ краѣ... Вотъ тоже „Слѣпой братъ“... или вотъ „Нильская невѣста“.

— А о чемъ тамъ?

— Какъ египтяне жили, дѣвушку въ рѣку Нилъ бросили, въ жертву своему богу, значитъ.

— Давай. Я это люблю.

Ниловъ моложе Никитина и меньше его ростомъ, но читаетъ очень много. У него нѣтъ матери. Семья—изъ среднихъ по зажиточности — большая; онъ съ отцомъ, сестрой и другимъ своимъ братомъ главные работники, съ многочисленнымъ хвостомъ мелкоты за собой. Въ школѣ учился, но, какъ и Никитинъ (такихъ,

впрочемъ, большинство), курса не кончилъ. Любитъ поговорить на отвлеченную тему, интересуется—гдѣ какой народъ живетъ и какъ живетъ, интересуется звѣзднымъ небомъ и тѣмъ, что сираведливо и несправедливо.

— Вонъ какая Беккерова-то жена была!—говоритъ онъ.—Въ Африку... все съ мужемъ. Прочитай. И картина есть: подъ ручку...

— Вотъ „Бѣдность не порокъ“... Вотъ „Судъ людской—не Божій“, Савихина, говорю я.

— Это что-жъ такое? Какъ представленье! Въ театрѣ.

Драматическая форма изложенія непривычна для него, какъ и для большинства ему подобныхъ. Я объясняю цѣль и смыслъ такого способа писать книги, а также предлагаю попробовать разыграть съ товарищами, въ гумнѣ гдѣ-нибудь, что-нибудь, въ такомъ родѣ. Компанія смѣется, но такъ, что я вижу — мысль моя будетъ испробована. Шутка-ли—актеромъ быть!

— Да вѣдь и ахтеры — слышится замѣчаніе — по книгамъ, я думаю, играютъ.

Мальчикъ Деминъ молчаливѣе своихъ товарищей — Никитина и, въ особенности, Нилова и моложе ихъ обоихъ; читаетъ-же онъ больше всѣхъ, пользуясь, вѣроятно, тѣмъ, что на его шею крестьянскій хомутъ давитъ меньше, чѣмъ на шею его пріятелей. Мать его часто заходитъ ко мнѣ, и отъ нея-то я знаю, какъ рьяно и „запойно“ онъ читаетъ.

— На праздникъ такъ всѣ огарки пережжетъ!—говоритъ она.

Онъ долго и какъ-бы печально смотритъ на три ряда полокъ съ книгами въ библіотекѣ и почти не принимаетъ участія въ томъ, что выбираютъ и о чемъ толкуютъ его товарищи.

— „Жизнь европейскихъ народовъ“... вотъ-бы почитать...

Это три тома самыхъ толстыхъ и красиво переплетенныхъ новенькихъ книгъ. Я ихъ пока никому еще изъ этого сорта читателей не давалъ, считая ихъ недостаточно подготовленными. Отклонилъ я и на этотъ разъ выраженное желаніе.

— Вотъ оттого-то я и хочу попробовать, — говоритъ онъ на мое замѣчаніе:—*Я давно хочу найти такую книгу, какая была бы мнѣ непонятна.* А ты говоришь: тебѣ не понять! А я что ни возьму—все понятно. Вѣдь по-русски тамъ?..

Деминъ перечиталъ почти все, что имѣется въ отдѣлѣ беллетристики. Теперь очередь за исторіей. „Изъ исторіи и великихъ преданій“ Грубе и „Жизнь европейскихъ народовъ“ Водовозовой—вотъ все въ моей библіотекѣ, чѣмъ можно закончить исторію человѣчества, не считая учебниковъ: Рождественскаго, Острогорскаго и Ишимовой. Демина теперь я и хочу направить именно по этой дорожкѣ, Нилова по части поэзіи и этики, Никитинъ пока не опредѣлился. Но я его считаю человѣкомъ съ дѣйствительно большими способностями. Выросши, онъ будетъ или нить, какъ его отецъ (не дай Богъ, конечно), или-же вытянется въ большую умницу, если ничто не помѣшаетъ ему развиться.

Когда вышли отъ меня три пріятеля, нагруженные ношей книгъ, „какъ дровами“, по выраженію сидѣвшихъ на канавѣ бабъ („Неужели такую прорву можно прочитать!“), на сцену выступила дѣвочка Васильева и одинъ *легкомысленный*, паренекъ однихъ съ ней лѣтъ.

— Ну что, какъ, прочитала?

У нея была книжечка стихотвореній гр. А. Толстого, изданіе СПБ. Комитета Грамотности, и еще нѣсколько мелкихъ книжекъ, взятыхъ для сестры и для брата—солдата.

— Понравилось?

— Понравилось.

— Понятно все?

— Понятно.

— А вотъ эта картинка, что такое на ней?

— А это царь водяной... Это богатырь катается съ царицей, пѣсни ей поетъ.

Я усомнился было въ пониманіи прочитаннаго (очень ужъ мала дѣвочка), но изъ бѣглаго опроса вижу, что печатныя строчки воспринимаются именно такъ этой восьмилѣтней чтицей, какъ должно.

— Ты какъ читаешь—тихонько, про себя, или вслухъ?

Дѣвочка молчитъ, не понявъ вопроса.

— Можетъ быть, слушаетъ кто, какъ ты читаешь? Твой братъ какъ читалъ вотъ эту книжку (Крутиковъ)—одинъ, или за столомъ?

— Братъ одинъ читаетъ, въ новой избѣ, съ Настей (солдатъ недавно женился, Настя его жена); сестра—не знаю, гдѣ читаетъ, на огородѣ или такъ, у окна.

— Ну, а ты?

— Да батюшка сядетъ съ матерью, а мнѣ велятъ книжку взять Я и читаю, а они слушаютъ.

Дѣвочка читаетъ далеко не бойко. Но картина такого семейнаго чтенія мнѣ нравится; я хвалю ее зардѣвшуюся, разрумянившуюся, съ опущенными внизъ стыдливыми черными глазенками. Я знаю эту семью: отецъ и мать неграмотны. Удовольствіе, доставляемое имъ ребенкомъ, безъ сомнѣнія, громадно.

Легкомысленный Николка, пока мы занимались съ дѣвочкой, перебиралъ одну книгу за другой и выбралъ себѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ „Путешествіе въ Среднюю Азію“...

Но на первыхъ-же словахъ (я увѣренъ былъ, но, чтобы не обезкуражить его, велѣлъ ему прочесть нѣсколько словъ) оказалось, что ему надо подзубрить болѣе 30 буквъ русской азбуки. Онъ меня часто и по-долгу задерживаетъ. Но на этотъ разъ я отдѣлался, кажется, букваремъ Пуцыковича, или азбукой Ермпна и Некрасова. Вообще, буквари, хрестоматіи и прочія книги дли класснаго чтенія въ деревенской библіотекѣ необходимая вещь, именно, въ виду этого мелкаго читателя; тамъ все есть: и сказки, и стихи, и разсказы, и пѣсенки,—и все это не длинно, не скучно, разсчитано прямо-таки на силы маленькаго грамотѣя.

А спѣшить мнѣ было нужно, — предо мной стояли *спокойные*.

— Книжечекъ-бы.

— А у тебя какая была?.. Ну что, какъ назывался тотъ офицеръ, про котораго тутъ говорится?

— Гриневъ.

— А невѣста его?..

— Кажись, Марья Ивановна.

— Ладно... А тамъ еще былъ офицеръ, не совсѣмъ-таки хорошій парень... Помнишь?

— А!.. Это Швабра, аль Швабринъ, что-ли. Сволочь-человѣкъ!

— Ну, зачѣмъ-же такъ? Вспомни-ка его судьбу...

— А то какъ-же?.. *Своимъ* измѣнилъ, значитъ, на другую сторону перебѣжалъ, *своихъ* бить зачалъ... Вотъ *дѣдко* и *старуха*— эти хороши. Царица тоже хороша, какъ въ саду ее дочка-то встрѣтила, въ Царскомъ Селѣ...

Мрачные и *дѣловитые* сегодня не приходили... Они обыкно-

венно, заходятъ такъ, поговорить, по пути, идучи съ поля, съ работы, и спрашиваютъ книжечку какъ-будто кстати, къ разговору. Я перечисляю, что могу предложить, и выборъ ихъ непремѣнно остановится на томъ, что имъ нужно: законы, лѣчебники... При этомъ считаю нужнымъ засвидѣтельствовать, что мрачные, какъ и всѣ прочіе, посѣщающіе меня деревенскіе грамотеи—совершенно *безкорыстные* чтецы. Законы имъ, напримѣръ, нужны не для выгоды, какую они могли-бы извлечь изъ ихъ знанія, не для пользы, не потому, чтобы ихъ, наконецъ, кто-либо обижалъ—нѣтъ, это имъ нужно потому, что таковъ ужъ у нихъ складъ душевный, любятъ ужъ такую пищу, голова такими скучными вещами занята. Поговорить, если время есть, они всегда рады, сбиваясь постоянно на злобу дня—на какой-нибудь земельный вопросъ въ волости, въ судѣ и проч. Это—безкорыстные судьи, правовѣды. *Дѣловитые*—тѣ ужъ потому и дѣловитые, что книга имъ нужна для *дѣла*, какъ добрый другъ въ бѣдѣ.

Выдача книгъ закончилась только къ солнечному закату: назавтра былъ тоже праздникъ, и почитать охотниковъ было много. Вечеркомъ я вздумалъ прогуляться. Мужики кое-гдѣ на канавахъ и по заваленкамъ—сидѣли группами и громко толковали. Въ одномъ мѣстѣ я услышалъ, что разговоръ идетъ о послѣдней русско-турецкой войнѣ. У одного изъ спорившихъ видна была книжка, которою онъ размахивалъ, заложивши въ средину палецъ. Въ другомъ — кучка молодежи, за избой, на бревнахъ, читала сказку и смѣялась, разбавляя сказочный вымыселъ своими, не всегда, впрочемъ, остроумными, вставками. Позднимъ вечеромъ я часто слѣжу какъ сосѣдъ-мужикъ, бывшій сельскій староста, громко и внятно, съ трудомъ преодолѣвая книжную премудрость, читаетъ то, что найдетъ на *божницѣ* изъ принесенныхъ его дѣтьми книгъ.

— А у васъ все читаютъ?—слышится шутливый голосъ мимоидущей бабы.

— У насъ все *законъ Божій* нынче читаютъ! (для нея, неграмотной, во всякой книгѣ—*законъ*),—такъ-же шутливо въ тонъ отвѣчаетъ старостиха, высунувшаяся изъ окна, чтобы поглазѣть на опустѣвшую предъ ужиномъ улицу. Еще не темно и все видно. Тихій лѣтній вечеръ позволяетъ слышать все, что говорится направо и на-

лѣво и за дорогой: гдѣ смѣются, гдѣ ссорятся. А луна выплыла, закатъ пламенѣетъ—завтра день будетъ ведряный...

— У насъ, матка, все читаютъ,—повторяетъ старостиха вслѣдъ уходящей словоохотливой молодкѣ, и сама тихо и доброжелательно смѣется: такъ-де и надо, чѣмъ бы, молъ, дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало. Бѣда, если это „дитя“ пойдетъ въ кабакъ, напьется да разбушуется. Пускай книжку читаетъ — не такъ опасно!

Деревенская аристократія думаетъ нѣсколько иначе: она не прочь дать мужику книжку, но боится, что книги *разворуютъ*, перепачкаютъ, изорвутъ, не дочитаютъ, картинки только посмотрятъ,—и очень удивлена, что до сихъ поръ не слышитъ отъ меня жалобъ на этотъ предметъ: книги возвращаются аккуратно.

— Вѣдь здѣсь какой народъ: такъ и глядитъ, какъ спакоститьбы гдѣ-нибудь, украсть, облаять, осмѣять!—толкуетъ эта ревнивая къ себѣ и незастѣнчивая по отношенію къ другимъ аристократія, не замѣчая, что подписываетъ этимъ свой собственный приговоръ. Бранится всегда тотъ, кого никто не любитъ! Но такому способу судить своего ближняго и цѣна грошъ: многомилліонный народъ идетъ своей дорогой. Послѣ 19 февраля выступили изъ мрака новыя требованія, новыя задачи, для рѣшенія которыхъ требуется и новая подготовка. Народныя училища, сельскія библіотеки и проч. и проч. идутъ только навстрѣчу этому свѣтлому стремленію.

Мнѣ и теперь ужъ видно, когда я присматриваюсь къ грамотнымъ людямъ въ селѣ, что они какъ-бы подняли головы и что что-то такое свѣтится у нихъ во взглядѣ, чего не замѣтить у неграмотныхъ. Въ прежнее недавнее время одни горлопаны, взявшіе верховодство на сходѣ, вершили дѣла и были въ силѣ, робкіе и тихіе люди имъ не противорѣчили и не находили съ кѣмъ-бы можно было посовѣтоваться, подумать, погрустить вмѣстѣ. Теперь на помощь къ нимъ явилась книга. Съ ней—смѣлѣе. Горлопаны, въ свою очередь, стали меньше на виду, цѣна на умъ какъ-бы повысилась. Среди парней это замѣтнѣе: неграмотный парень словно и не парень, хотя-бы кулакъ и горло у него были большіе. Онъ точно затихъ и прячется за другихъ, грамотныхъ, имѣющихъ, какъ онъ справедливо думаетъ, большее право на вниманіе.

„Два дня звонилъ колоколъ“...

I.

Кряхтя и охая, закрывая полой полушубка зажженный фонарь, изъ церковной сторожки вышелъ сторожъ Ахимъ, сѣдой сутуловатый старикъ, въ валенкахъ и большой, на подобіе монашеской, высокой шапкѣ съ наушниками. Позвякивая ключами, онъ благополучно перешелъ пространство отъ крылечка своей избушки до храма, поднялся по каменнымъ ступенькамъ къ церковнымъ дверямъ, съ большимъ трудомъ отомкнулъ ихъ и еще съ бо̀льшимъ—открылъ, такъ-какъ вьюга особенно сильно бушевала около этого мѣста, на возвышеніи, открытомъ съ западной стороны. Она рвала его за полы, за бороду, силилась повалить на скользкихъ обледенѣлыхъ плитахъ, хотѣла погасить фонарь, прищемить старика въ узкомъ проходѣ между дверями, напирая на нихъ своею леденящей грудью; но въ концѣ концовъ Ахимъ съ честью поддержалъ свое званіе: упираясь и руками, и ногами въ стѣну, онъ кое-какъ полуоткрылъ тяжелыя двери и не только самъ проскользнулъ въ нихъ, но и успѣлъ пронести за собою свой фонарь въ цѣлости, непогашеннымъ. Направо изъ притвора, молчаливаго и тихаго, вилась кверху узенькая деревянная лѣстница. Придерживаясь одной рукой за перила, а другою высоко поднимая свой фонарь, онъ, тяжело дыша, сталъ подниматься на колокольню. Чѣмъ выше онъ поднимался, тѣмъ шумъ зимней вьюги снаружи, за стѣнами, дѣлался все слышнѣе и слышнѣе, подъ ногами сталъ попадаться снѣжокъ, навѣянный, вѣроятно, сверху или въ щели полукруглаго окна, единственнаго, что вы-

ходило на лѣстницу. Потянуло холоднымъ сквознякомъ откуда-то сбоку... Но вотъ и послѣдній поворотъ, послѣднія ступеньки, вверху зіяетъ темной пастью отверстіе въ полу колокольни. Вѣтеръ порывами врывался въ это отверстіе и сильно безпокоилъ стараго звонаря.

— Ну, чего рвешь-то, рвешь и мечешь-то чего, говорю?!...— разговаривалъ онъ съ вѣтромъ, какъ съ живымъ человѣкомъ.— Точно мельникъ—пылишь. Нѣ, братъ, хошь-не-хошь, а меня силкомъ не удержишь. Коли пришелъ, такъ, стало, за дѣломъ.

Онъ перегнулся черезъ перила и досталъ съ окна, что вело въ темное помѣщеніе подъ крышей, свернутую въ видѣ цифры восемь веревку.

— Дѣло, братъ, такое, что ай-ну!

Продолжая такимъ образомъ бесѣдовать съ вѣтромъ, рвавшимся къ нему навстрѣчу, онъ взошелъ на послѣднюю ступеньку и, держа надъ головой фонарь, осмотрѣлъ опытнымъ глазомъ колокольню. Вѣтеръ свисталъ и вылъ въ открытыя окна; деревянныя перила жалобно дребезжали, не плотно вдѣланныя въ кирпичную кладку бѣлыхъ столбовъ; маленькіе колокола, повѣшенные надъ ними, широко раскачивали языками, тонкія бичовки отъ нихъ вытягивались въ струну и рвались по вѣтру. Одинъ только большой колоколъ, любимецъ дѣда, былъ неподвиженъ: онъ весь былъ обсыпанъ морозной пылью, какъ мукою и, казалось, не чувствовалъ порывовъ вѣтра и вихрей, крутящихся вокругъ него.

— Спишь все!—ласково сказалъ Ахимъ, поднявшись на площадку и смахивая рукою кучки снѣга, глубоко засѣвшія въ рѣзныхъ бокахъ колокола.—Толку, братъ, мало спать-то.

— А что-жъ такое?—спросилъ, какъ ему показалось, колоколъ соннымъ голосомъ, сладко позѣвывая. — Бр... Холодно!... Развѣ случилось что?...

— Такое случилось, что и сказать тебѣ не съумѣю... Нехороши, братъ, дѣла случились.

— Ну?!...

— Вотъ-те и „ну!“...

Ахимъ ходилъ вокругъ колокола, постукивая пальцами по его крутымъ, выгнутымъ бокамъ. Окончивъ осмотръ не хуже, чѣмъ

арабъ—осмотръ любимой лошади, онъ, не торопясь, поставилъ фонарь въ уголокъ, гдѣ не такъ сильно крутилъ вѣтеръ, и началъ разматывать принесенную веревку.

— Вотъ-те и „ну!“—снова повторилъ Ахимъ.—Дѣло такое, что звонить надо... Люди заблудились въ лѣсу...

Въ это время вѣтеръ налетѣлъ съ такой силою на колокольню, что она задрожала, маленькіе колокола даже звякнули съ испуга, а старый пхъ „дѣдъ“, большой колоколъ, глухо и сердито прозвучалъ, отряхивая со своихъ плечъ цѣлыя груды вновь нанесеннаго снѣга, сыпавшагося на него и сверху, и снизу—со всѣхъ сторонъ.

— Экая нація взбалмошная!—сказалъ Ахимъ, поворачиваясь къ вѣтру спиною и придерживая руками шапку, выразившую-было намѣреніе сдѣлать воздушное путешествіе черезъ перила въ темное, взбаломученное, стонущее и ревущее пространство.

— Куда, куда!—закричалъ Ахимъ, какъ-разъ во время:—сиди смирно, не егози, а слушайся старшихъ!...

Нахлобучивъ ее на самыя уши, онъ протянулъ руку къ веревкѣ, которая хлопала по полу хвостомъ, и схватилъ одинъ ея конецъ.

— Ну-ну! Буде, буде, шалая,—говорилъ онъ ей, когда она, въ приливѣ благодарности, припадала къ его рукѣ и, ласкаясь, обвивалась вокругъ нея холодной, гибкою змѣей. — Не на свадьбу вѣдь идешь, а служить свою службу.

— Значитъ, и намъ придется потрудиться? — спросили дребезжащія перила, видя, какъ старикъ привязывалъ одинъ конецъ веревки къ языку колокола.

— А мы?—нерѣшительно задали вопросъ мелкіе колокола:—Тоже станемъ звонить?

— Всѣмъ работа будетъ, всѣмъ.

— Но теперь вѣдь не великій постъ! — проскрипѣли сверху балки, крѣпче затягивая на животѣ желѣзные пояса, такъ-какъ онѣ держали на своихъ плечахъ большой колоколъ.

Вѣтеръ, неся съ собою цѣлыя тучи снѣга, то вылъ, какъ дикій звѣрь, то метался отъ одной стѣны до другой, какъ заключенный, грызя свои цѣпи. То онъ соберетъ въ одну кучу, какъ дорогую добычу, разсыпанный по полу снѣгъ и, какъ скупецъ

свое золото, начинаетъ его перебрасывать съ руки на руку; то, развеселясь, какъ безпутный кутила, пропивающій накопленное отцомъ добро, разбрасываетъ его пригоршнями кверху и начинаетъ заодно съ нимъ кружиться въ дикой бѣшеной пляскѣ, не жалѣя своихъ серебромъ подкованныхъ каблуковъ; то, наконецъ, швырнувъ все свое богатство за окно, онъ ложится спать на голомъ полу, притворяясь настоящимъ бѣднякомъ...

Едва, держась на ногахъ подъ напоромъ бушующей бури, Ахимъ поднялъ съ полу свободный конецъ веревки и изо-всей силы бросилъ его черезъ перила. Со свистомъ и щелканьемъ, вытягиваясь по вѣтру, веревка полетѣла внизъ...

Сдѣлавъ свое дѣло, старикъ спустился на землю и черезъ минуту колокольня вздрогнула отъ удара въ большой колоколъ—разъ, другой, третій...

— Звонишь, дѣдъ?—крикнулъ кто-то, проходя мимо ограды.

— Звоню, парень, какъ не звонить—звоню!—отвѣчалъ дѣдъ, узнавъ знакомый голосъ.

— Звони, звони! На звонъ-атъ, можетъ, скорѣе выдутъ...

И колоколъ звонилъ громко, протяжно. Онъ звонилъ два дня и двѣ ночи, не ослабѣвая, почти не останавливаясь, весь поглощенный своей задачею, своею заботой—вызвать изъ темнаго лѣса заблудившихся тамъ людей.

II.

Партія мужиковъ—все взрослое мужское населеніе деревни дворовъ въ-сорокъ—вотъ уже третій день продолжаетъ бродить то въ-разсыпную, то кучками по лѣсу, отыскивая пропавшихъ людей; но нигдѣ не могутъ они найти ни малѣйшаго признака, никакого слѣда, указывающихъ — живы-ли тѣ, въ какую сторону отправились, по какой дорогѣ, если можно назвать дорогою извилистыя узкія прогалинки, во множествѣ бороздящія лѣсъ по всѣмъ направленіямъ: тутъ есть и заросшіе старые „волока“, по которымъ вывозились дрова на рѣку, и вырубки, и „просѣки“, отдѣляющіе лѣсъ казенный отъ лѣса частно-владѣльцевъ, и новыя дороги, такъ-же занесенныя вчерашней метелью, какъ и старые „просѣки“, лѣсные ручьи, пожни, болотистыя рѣчки. Нужно быть опытнымъ звѣроловомъ или старымъ лѣсникомъ, чтобы не

запутаться въ этомъ лабиринтѣ всевозможныхъ „прогалинъ“, „выгаровъ“, обозначающихъ мѣста лѣсныхъ лѣтнихъ пожаровъ, часто направляющихся прихотливо извивающеюся полосою, похожею на расчищенное мѣсто для дороги—въ сторону меньшаго сопротивленія. Еще мѣстные жители кое-какъ справлялись съ этою мудреною задачей—не заблудиться, хотя и то съ трудомъ, такъ какъ мѣстность была знакома имъ въ грибную и ягодную пору, въ осеннее время, когда крестьяне выносятъ изъ лѣсу оглобли, дуги, надранныя лѣтомъ липовыя лыки на лапти; весною—они драли здѣсь нвовую кору для продажи на кожевенные заводы,—но теперь зимой, когда все сгладилось, все сравнялось подъ толстой снѣжною пеленой, когда всѣ ирмѣты исчезли, и маленькую рѣчку, сплошь занесенную снѣгомъ наравнѣ съ берегами, трудно отличить отъ проѣзжей дороги,—теперь и они бы не смѣли наобумъ пускаться въ неоглядные пустынные лѣса, тянущіеся на цѣлые десятки верстъ въ поперечникѣ, лѣса, лишь изрѣдка выдѣляющіе нѣсколько незначительныхъ островковъ для небольшихъ поселеній съ ихъ маленькими относительно полями. Что-же сказать послѣ этого о людяхъ пришлыхъ, не коренныхъ здѣшнихъ жителяхъ, о людяхъ, загнанныхъ сюда изъ родного края лихою заботой, нуждою безпросвѣтною. А здѣсь часто бывали и такіе, пришлые люди, „чужаки“. Они жили обыкновенно въ деревнѣ, гдѣ-нибудь у бобылей и бобылокъ, у людей малосемейныхъ, ночуя у нихъ, если мѣсто *тилки* находилось неподалеку отъ деревни; а если-же оно отстояло далече, такъ что приходилось-бы много тратить времени на ходьбу, то „хата“ избавляла ихъ отъ этого.

Къ такимъ пришлымъ людямъ принадлежала и та семья, которая теперь взбудоражила деревню, поставила всѣхъ мужиковъ на ноги, заставила звонить въ церковный колоколъ. Это было польское семейство. Злое только горе могло выгнать его изъ родного уголка и привести въ чужой край искать пищи и одежды трудомъ упорнымъ, въ условіяхъ, очень невыгодно отличающихся отъ волчьяго и медвѣжьяго существованія. Отецъ и подростокъ-сынъ съ утра до вечера пилили дрова; худая, истощенная бѣдностью и заботой хозяйка жила въ деревнѣ, стряпая имъ кое-какую пищу—изъ экономіи во времени—принося ее туда, въ лѣсъ, неутомимымъ работникамъ, гдѣ, расположившись на снѣгу,

они и подкрѣпляли свои силы. Такъ, впрочемъ, было не всегда: въ дурную погоду мужчины брали съ собою сами пищу—хлѣбъ или картошку—и весь день тогда ѣли „въ-сухомятку“, балуясь горячей пищею только во время ужина, поздно вечеромъ, когда приходили на почлегъ. Дѣла шли не особенно блестяще у этой тихой, молчаливой, скромной семьи (каковою она казалась мужикамъ)—если отецъ и сынъ иногда по нѣсколько дней не приходили изъ лѣса, ночуя въ снѣгу, въ шалашѣ, сдѣланномъ наскоро изъ еловыхъ вѣтвей, грѣясь у огонька, съ тѣмъ, чтобы, какъ только проснутся—немедленно-же взяться за пилу. Жена знала объ этомъ и нисколько не безпокоилась, когда и день, и два ихъ нѣтъ дома. Но вотъ наступили дни, когда въ лѣсу работа стала невозможной: буря свирѣпствовала такъ, что никакой огонь не согрѣлъ-бы плохо одѣтыхъ и обутыхъ работниковъ. И это еще не такъ безпокоило-бы ее; но она знала, кромѣ того, что у нихъ запасъ пищи долженъ былъ истощиться, слѣдовательно, они должны были во что бы то ни стало придти домой. Но домой они не приходили. Добрая жена и хорошая мать не утерпѣла и съ ужасной думою на̀ сердцѣ побѣжала въ лѣсъ, несмотря ни на дурную погоду, ни на уговоры сердобольныхъ бабъ.

— Придутъ сами,—убѣждали они упавшую духомъ свою польскую сестру:—мужики вѣдь они, не махонькіе ребята. Поди, спятъ въ „хатѣ“ гдѣ-нибудь или въ „зародѣ“. Гляди, завтра и явятся, какъ стеклышко...

— Хлѣба у нихъ нѣтъ!—говорила уныло полька.

— Не велика бѣда!

— Огню, може, нѣтъ...

— Найдутъ гдѣ-нибудь, набредутъ на „хату“.

— Ахъ, зачѣмъ они не жили въ хатѣ, какъ русскіе!... Я говорила, да Іозефъ по своему все дѣлалъ...

И она, какъ только ушли подруги, наскоро одѣлась, забрала съ собой, что, по ея предположенію, могло быть полезнымъ оставшимся на ночь въ лѣсу мужчинамъ, и ушла, ушла ночью, ушла одна, никому не сказавшись, кромѣ кварти́рной хозяйки. Ушла и до спхъ поръ еще не приходила...

Утромъ староста распорядился звонить въ колоколъ, какъ то

всегда дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ, и „сбилъ“ народъ на поиски.

Поиски длились уже второй день.

III.

Мужики присѣли отдохнуть и закусить на „волокўˆ“. День былъ ясный, морозный, вьюга прекратилась еще ночью.

— Что-жъ, ребята? Дѣло ясное, кажется... Надо по домамъ бы,—сказалъ серьезнымъ и дѣловымъ тономъ молодой мужикъ, „молодожонъ“, Павелъ, передергивая рукавицей шапку съ одного уха на другое.

— Во, Павлюкъ, къ жонкѣ торопится!—пошутилъ сельскій староста, мужикъ-середнякъ, съ широкимъ русскимъ лицомъ, въ новомъ полушубкѣ и валенкахъ. Завертывая „цыгарку“ и становясь къ вѣтру спиной, онъ повелъ изъ-подъ высокой мохнатой шапки глазами и добродушно разсмѣялся:

— По бабѣ заскучалъ! Хе-хе-хе!...

— Что-жъ, я ничего,—сконфуженно сказалъ Павелъ.

Мужики засмѣялись.

— Ага, братъ,—значитъ, правда!

— А ну васъ къ бѣсу!

— Ха-ха-ха!... Сердится!...

— А что, братцы, я вамъ скажу,—заговорилъ вдругъ староста.—Причины тутъ никакой нѣтъ, кто, то-ись, жонку бережетъ, бабье, значитъ, сословіе ихнее. Смѣло, братъ Павлуха, огрызайся, пускай смѣются. А ты все-жъ береги бабу: бабу, братъ, да лошадь, да ружье, какъ старики говорили, въ люди не отдавай! Бабу испортить не долго, бабу испортишь—самъ себя испортишь. Это вѣрно.

— Ну, и ихняго брата всячески, очень-то, баловать не слѣдъ,—замѣтилъ мрачный дѣдъ Ѳедотъ, который, по слухамъ, частенько поколачивалъ—даже и теперь, на старости лѣтъ—свою подругу.—Какъ дать волю, спервоначалу особливо, такъ потомъ и заходи къ ей съ носу.

— Во, дѣдъ!.. За чолку, значитъ?—засмѣялись мужики.

— За чолку!—серьезно повторилъ старикъ.

— За чолку, да объ земь!..

— Бить не бить, а колѣнкомъ подавить? Такъ, дѣдъ?..

— Ай, дѣдъ! Чего лучше!..

— Дѣдъ, братцы, молодецъ!

Но въ этихъ восклицаніяхъ слышалась скрытая иронія; особенно молодые мужики готовы были безъ конца, кажется, вышучивать суроваго и строгаго дѣда.

— Дѣдъ больше нашего порядки знаетъ!

— Больше-то больше, а только мнѣ жалко, братцы, дѣда: жисти будешь не радъ, какъ пройдешь эту училишшу, пока научишься, то-ись, съ носу подходить! Съ хвоста подошелъ: брыкъ задомъ—лягнула. Съ боку подошелъ: цопъ зубами, шельма, кусила. Безъ науки, братъ, нельзя всего этого знать. А дѣдъ, видно, эту науку произошелъ...

— Смѣйся, смѣйся, зубоскалъ! Поживи съ мое—увидимъ... Ты вѣдь сидѣлъ подъ подоломъ?.. Посидишь, можетъ быть, еще!

— Ха-ха-ха!—смѣялись мужики.—Дѣдко ловко-таки поддѣлъ.

— Отъ правды, братъ, нельзя отпираться. Не отопрусь и я,—сказалъ тотъ, кто такъ зло „пожалѣлъ“ дѣда. А только, дѣдко, еслибы я не посидѣлъ подъ подоломъ у бабки Куши, то деревнѣ пришлось-бы станового съ дохтуромъ выписывать, да и тебѣ, сѣденькій, денька пришлось-бы два-три, а то и недѣльку, бродить по болоту, насъ искамши, какъ вотъ мы теперь поляковъ съ тобой ищемъ. Вотъ оно, подолъ-атъ что значитъ!..

— Ахъ, братцы,—продолжалъ, немного погодя, разскащикъ,—вѣкъ не забуду, во вѣки вѣковъ буду Бога молить за рабу Божію Акулину. Кабы не она тогда (мнѣ было лѣтъ 12—11)—замерзъ-бы мальчишка. Помню, какъ сейчасъ: пошли мы лыки драть. Ходимъ, бродимъ—липняку подходячаго совсѣмъ мало. Она—мѣстовъ не знаетъ, а я и того менѣ, хвостомъ за ней хожу. Озябли мы, дождемъ вымочило, ѣсть хочется, а ночь—видимъ—близко. Домой, домой, а какъ домой—не знаемъ, куда ни сунемся, и все-то на рѣчку Щалытинку приходимъ. Одно слово, заблудились. Бабка (она тогда молодая была) испугалась больше за меня, что я ужъ очень измаялся и мерзну, зубъ на зубъ не попадаетъ, плачу. Выбрала она мѣстечко подъ елкой, да и говоритъ: „Дальше не пойдемъ, ночуемъ здѣсь“... Вотъ, братцы, сѣли мы, я—что ключъ ко дну. Но и часу не прошло — просыпаюсь: темень, мо-

розецъ ударилъ, звѣзды сквозь лѣсъ вверху видно, а самъ—что твоя льдина холодная—трясусь, ажно подпрыгиваю у ней на колѣняхъ, плачу... Ну, не дожить-бы мнѣ до свѣта. Кацавейку она съ себя сняла, платокъ: закутала, прижала къ себѣ... А мнѣ все хуже, да хуже... Вотъ она и говоритъ: „постой-ка, малецъ, мы вотъ такъ лучше, вотъ такъ, закрывайся, говоритъ, хорошенько". Встала вотъ этакимъ манеромъ (разскащикъ показалъ, какъ именно), а я подъ карналинъ-то ейной и залѣзъ. Сижу тамъ, дышу. Чую—теплѣе, какъ-будто стало.—„Тепло"?—спрашиваетъ.—„Потеплѣ, говорю, тетушка".—„Дыши—говоритъ—больше". Такъ я и заснулъ, не помню какъ... Проснулся утромъ—ничего, здоровъ и выспался. А она, вѣрите-ли, всее-то ноченьку, сердяга, надо мной простояла, не спамши. Двѣ недѣли потомъ вылежала зато, какъ домой-то пришли, съ испуга да съ простуды, значитъ.—Вотъ, дѣдушка, какія бабы-то бываютъ!—прибавилъ разскащикъ, обращаясь къ старику.

Мужики одобрительно поддакнули.

— Да вотъ, къ примѣру, тоже полячка эта...

— Жаль бабенку, бабенка—хоть куды...

— О-хо-хо! Жива-ли... Живы-ли...

— Гдѣ живы! Только время дарма тратимъ, братцы. Весна укажетъ.

— Что-жъ,—домой, такъ домой. Я согласенъ, только вотъ подождемте народъ, куда они разбрелись, ну-ка, Митричъ, крикни... У тебя голосъ-то позвончѣ моего будетъ...

Но не успѣлъ Митричъ приложить рукавицъ къ щекамъ, чтобы сильнѣе направить звукъ въ ту именно сторону, гдѣ предполагались другія партіи бродившихъ по лѣсу мужиковъ, какъ очень недалеко, гдѣ-то сзади него, раздался выстрѣлъ и вслѣдъ затѣмъ отчаянные крики...

— Господи Боже мой! Что такое?..

Мужики повскакали съ мѣстъ и воззрились въ ту сторону, откуда неслись крики.

— Да это Гришка! — сказалъ кто-то.—У него у одного ружье только и есть.

— Не медвѣдь-ли деретъ, братцы!..

Мужики, на-бѣгу поправляя шапки, опрометью бросились пря-

микомъ черезъ лѣсъ, въ ту сторону, гдѣ, слышно было, все еще кричалъ кто-то, стрѣляя изъ ружья.

IV.

Они бѣжали въ-разсыпную, спотыкаясь и падая, стараясь обогнать другъ друга. Отъ дороги, гдѣ они сидѣли, вправо виднѣлось сквозь „крому“, гладкое, какъ скатерть, пространство. Это былъ такъ называемый Гладкій Мохъ. Онъ подступалъ къ самой „кромѣ“, гдѣ отдыхали мужики, и, вдавшись въ нее узкимъ и глубоко западающимъ въ лѣсъ заливомъ, дѣлалъ дорогу для мужиковъ много короче, если направить путь прямо черезъ него, а не въ обходъ, „кромой“. Не успѣли мужики выскочить на Мохъ, какъ съ противоположнаго конца его показался бѣжавшій имъ навстрѣчу человѣкъ.

— Гришка и есть! Вона и собака...

Мужики остановились бѣжать и пошли шагомъ.

— Рябчика, гритъ, може найду.

— Кто?

— Да Гришка-же. Онъ только-что отсталъ. Мы сѣли закусить, а онъ свиснулъ собаку, да и въ лѣсъ.

Гришка, между тѣмъ, широкими скачками, на-перегонки съ черной мохнатою собачонкой, все бѣжалъ. На серединѣ открытой части Гладкаго Мха онъ встрѣтился съ мужиками, крича имъ еще издали:

— Нашелъ, нашелъ!...

— Что такое? Кого нашелъ?

— Поляковъ нашелъ... Ой, братцы мои, дайте духъ перевесть... Напужался страсть...—Онъ снялъ шапку и началъ полой кафтана вытирать вспотѣвшій лобъ. Мужики стояли молча, дожидаясь, пока Гришка передохнетъ.

— Ну, выкладывай—что и какъ.

— Да что? Куропатокъ бѣлыхъ нашелъ, да собачонка, паршивая, помѣшала: съ глазъ прочь совсѣмъ угнала. Пошелъ такъ за стадомъ-то, глядь—собачонка-то ѣстъ что-то. Подошелъ... Хлѣбъ, вижу, ѣстъ... и корзиночка тутъ, и снѣгъ разрытъ. Не могу еще спервоначалу-то и въ толкъ взять. Анъ, поглядѣлъ подъ сосну, а тамъ—батюшки мои! И руки, и ноги затряслись. Ну, я и давай палить да кричать... А вы, черти, и голосу не подаете...

Мужики задумчиво молчали.

Солнышко, яркое зимнее солнышко, глядѣло съ чистаго, какъ хрусталь, неба на грушу мужиковъ, обливало потоками бѣлаго свѣта необозримую равнину безлѣснаго Гладкаго Мха, по краямъ котораго далекимъ, чуть виднымъ амфитеатромъ вздымалась затканная матовымъ серебромъ „крома“, а за нею высился настоящей крѣпостною твердыней вѣковой лѣсъ, рисуясь на горизонтѣ въ видѣ причудливой бѣлой бахромы на спней лазури неба. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ бахрома эта невидпмою чьей-то рукою была приподнята, что свидѣтельствовало о большемъ или меньшемъ поднятіи почвы въ этихъ мѣстахъ, бывшихъ когда-то, можетъ быть, населеннымъ берегомъ глубокаго и свѣтлаго озера, ставшаго теперь Гладкимъ Мхомъ. Высохло озеро, обезлюдѣли и берега, заросли дремучимъ боромъ, гдѣ лѣтомъ все-же можно найти слѣды какъ-будто пашенъ, по крайней мѣрѣ—сплошь и рядомъ тамъ встрѣчаются правильно сложенные груды камней, признаки межи, признаки колодцевъ съ ихъ истлѣвшими въ землѣ остатками обрубовъ.

Да и самыя названія—Осиново, Березно, Бубровикъ (Дубровикъ?), Пустыньки, Ключи, Теменское,—не указываютъ-ли на названія обитаемыхъ когда-то людныхъ селеній, ставшихъ теперь мѣстомъ, гдѣ погибли въ глухихъ дебряхъ жалкіе труженики, не умѣвшіе напитать и согрѣть свое зябкое, истощенное въ глухой борьбѣ тѣло, защитить его отъ ужасовъ голода и холода. Бѣдный человѣкъ! Жалкій человѣкъ! Боролся онъ за черствый кусокъ насущнаго хлѣба и погибъ въ леденящихъ объятіяхъ „непобѣдимаго владыки“—Природы!..

Неизвѣстно, такъ-ли думали мужики о полякахъ, но они двинулись къ мѣсту печали гурьбой,—повѣсивъ головы и ни слова не говоря межъ собою, пока проводникъ не сказалъ имъ, взмахнувъ рукою.

— Глядите сами...

Довольно было одного взгляда, чтобы головы мужиковъ въ одно мгновеніе обнажились... Нѣкоторые крестились и плакали. Особенную жалость возбуждала фигура женщины: она стояла на колѣняхъ съ поднятымъ, словно къ небу, лицомъ, обнимая двѣ прижатыхъ къ груди головы. Она стояла, какъ живая; иней покрылъ ея платье, голыя руки и лицо, кроткое, вдохновенное, какъ

на молитвѣ; застывшія слезы свѣтлой ледяною полоской виднѣлись на бѣломъ, какъ мраморъ, лицѣ. Когда ее отнимали отъ прижатыхъ къ сердцу двухъ дорогихъ ей при жизни людей, для которыхъ билось это сердце, то увидѣли, что и отецъ, и юноша,—нѣтъ никакого сомнѣнія въ этомъ,—отогрѣвали руки у нея на груди, да такъ и уснули... навѣки.

Что думала она? Что вынесла? Какъ встрѣтилась она съ милыми сердцу, найденными ею, по всѣмъ признакамъ, живыми? Зачѣмъ, наконецъ, не ушла она домой, видя, что ей тутъ одной дѣлать нечего? Впрочемъ, все это праздные вопросы! Она лучше кого-бы-то ни было знала, что дѣлала...

Такъ вѣроятно, думали мужики, вытесывая сосновый крестъ, чтобы молча поставить его на могилу погибшихъ бѣдняковъ.

V.

А колоколъ все еще звонилъ, онъ звонилъ глухо, печально, уныло. Онъ звалъ кого-то, чего-то просилъ своимъ густымъ, колеблющимъ пространство голосомъ; и чѣмъ больше онъ просилъ, тѣмъ печальнѣе, казалось, звучалъ его голосъ, глуше и слабѣе.

„Что это?.. Какъ-будто стонетъ кто?..—задалъ онъ самъ себѣ вопросъ.—„Да, стонетъ, какъ-будто подъ землей...“ И онъ сталъ слушать... И вдругъ замѣтилъ, что это онъ самъ стонетъ.

— Не больны-ли вы, дѣдушка?—спросили маленькіе колокола.—Во снѣ вы стонете что-то...

— Можетъ-ли быть?

— Стонете, стонете, это вѣрно!—сказала веревка, шмыгая взадъ и впередъ черезъ перила, движимая рукой звоноря.

— Гм... пожалуй, у меня въ боку сегодня немножко колетъ,—сказалъ колоколъ.

— О, это пустяки сущіе! Вы думаете много—вотъ и все тутъ!—отозвались стѣны.—Въ прошедшее лѣто мы тоже много думали, такъ что у насъ тоже въ бокахъ кололо, да известкой намазались, и прошло... Намажьтесь, попробуйте.

Но стѣны сами не вѣрили тому, что говорили. Это тотчасъ-же обнаружилось страшной блѣдностью ихъ, а за ними слѣдомъ потемнѣли отъ удушья маленькіе колокола, посинѣла, точно съ простуды, рѣшотка перилъ, а полъ на колокольнѣ даже выгнулся,

какъ-будто онъ лежалъ животомъ на горячихъ угольяхъ и его поджаривало. Что-жъ такое случилось?.. О, ничего особеннаго: колоколъ началъ бредить... Да бредить! Но это было до того неожиданно, до того странно, что вся колокольня пришла въ ужасъ, такъ-какъ судьба ея была тѣсно связана съ колоколомъ...

— Какъ хотѣлось-бы мнѣ пожить,—говорилъ онъ: какъ хотѣлось-бы сказать, горячо сказать: „Дѣти мои, дѣти! Пробудитесь! Какъ ни тяжела, какъ ни горька жизнь съ ея нуждой, съ ея лишеніями, съ ея болѣзнями, но лучше день одинъ, часъ лишеній жить, чѣмъ эта тихая, но темная, могила, это страшное забвеніе... Дѣти мои, дѣти!..“

— У него сильная лихорадка!—шепнули балки, пользуясь минутной тишиною, наступившей послѣ этихъ словъ.—Голова—вся въ огнѣ.

— Чш... Слушайте, слушайте!...—зашептали перила, стѣны, колокола и все, что было на колокольнѣ.

— Погасаетъ день, — звонилъ колоколъ,—съ нимъ погасаетъ послѣдняя надежда для меня. Какъ стая спугнутыхъ стрижей, надо мной кружатся думы, кружатся и ударами молота падаютъ на мое мѣдное сердце... Дѣти мои, дѣти!..

— Стрижей вспомнилъ!—зашептали опять балки, но колокольня имъ зашикала: „Слушайте, слушайте! Ради Бога, слушайте.“

— Ты спалъ всю жизнь, — продолжалъ колоколъ, все болѣе и болѣе повышая голосъ.—Ты спалъ всю жизнь, тебя занимали стрижи, галки, ты совсѣмъ забылъ, кто собиралъ и трудъ свой, и потъ лица своего, чтобы поднять тебя на эту высоту, укрѣпить тебя на этой высотѣ, укрѣпить тебя выше всего окружающаго на прочныхъ и крѣпкихъ устояхъ... Рабъ лѣнивый и лукавый! Развѣ потерялъ ты голосъ для правды и любви? Вѣдь ты звонилъ, вспомни, какъ звонилъ ты, когда въ первый разъ повисъ на этихъ балкахъ!.. О, ты звонилъ такъ потому, что на твою пышную блестящую мѣдную одежду, запрокидывая головы, глядѣла тысячная толпа!.. Слѣпецъ! Ты спалъ, нѣжился, укрытый въ своей нарядной горницѣ, окруженъ преданными тебѣ друзьями, думая лишь о себѣ, какъ-будто у тебя не было дѣла. Но дѣло было у тебя!.. Если ты понималъ все это, такъ отчего-жъ ты не кричалъ такъ, чтобы разбудить то, чего, теперь уже не разбудить, чтобы вложить огонь

въ ту кровь, которая теперь не нуждается уже въ тебѣ, оживить тѣло, чтобы ожилъ заключенный въ немъ духъ... Не можешь? Нѣтъ?.. Въ такомъ случаѣ сойди на землю, какъ достояніе земли, а не какъ достояніе неба, какимъ мнилъ ты себя...

Такъ звонилъ колоколъ, такъ онъ бредилъ, умирая на своей высокой колокольнѣ, приводя въ смущеніе тѣхъ, кто его слушалъ.

VI.

Медленной, усталою походкой, съ лыжами за плечами, съ топорами, а то и просто съ дубиной—мужики возвращались съ поисковъ. Солнце садилось въ красномъ облакѣ занимавшейся вечерней зари; избы, сараи, бѣлая церковь съ иосеребренымъ крестомъ и синимъ куполомъ—все блестѣло, все сверкало въ морозныхъ подвѣскахъ и жемчугахъ, въ красноватомъ пламени, лившемъ свои прощальные лучи съ вечерняго неба. Крестьяне еще издали, завидѣвъ церковь, любовались ею, „своею“ церковью; они прислушивались къ бархатному звону „своего“ колокола. Но вотъ кто-то изъ мужиковъ крикнулъ, чтобы перестали звонить.

— А что, братцы. Кажись, колоколъ-то у насъ не тово,—замѣтилъ другой.

— Какъ „не тово“?

— Да звонитъ-то, говорю, не такъ, какъ допрежъ звонилъ... Голосъ ровно-бы не тотъ...

— Что ты пустое говоришь, сватъ!

Мужики подошли къ колокольнѣ.

— А ну-ка, Ахимъ, вдарь еще!

Ахимъ исполнилъ просьбу.

И мужики были поражены: прежняго голоса у колокола не было, онъ хрипѣлъ непріятно.

— Что за оказія, братцы?

— Ума не приложу,—сокрушенно говорилъ Ахимъ.

И Ахимъ, и вся компанія мужиковъ полѣзли на колокольню. Они долго ходили вокругъ колокола, осматривали, ощупывали его толстые круглые бока.

— Э,—сказалъ староста,—съ морозу, должно!.. —И онъ указалъ мужикамъ длинную, тонкую, какъ паутина, трещину...

На войнѣ.

Записки рядового, крестьянина Ивана Елисѣева, мнѣ случайно попали въ руки. Я ихъ хранилъ, какъ свидѣтельство объ успѣхахъ просвѣщенія въ средѣ русскаго крестьянства. Авторъ ихъ (теперь уже умершій) былъ крестьянинъ Новгородской губерніи и уѣзда, Апраксинской волости, села Крпвина. Шагъ впередъ громадный! Рядовой ведетъ свои записки, тогда какъ 60 лѣтъ тому назадъ объ этомъ не могло быть и рѣчи. Но, печатая записки Елисѣева, я имѣю въ виду не одинъ только этотъ интересъ ихъ. Онѣ интересны и съ точки зрѣнія изученія души нашего народа, нашего солдатика, съ его беззавѣтною вѣрой, безпредѣльнымъ самоотверженіемъ, чуждыми не только всякихъ фразъ, рисовки или похвальбы, но чуждыхъ даже сознанія того, что человѣкъ совершаетъ дѣйствія, полныя самоотверженія. Изъ устъ самого автора я слышалъ, съ какимъ трудомъ приходилось ему находить время, мѣсто и письменныя принадлежности, чтобы вести свои записки. Изъ довольно объемистой тетрадки здѣсь взято пока только начало, оканчивающееся битвой подъ Горнымъ Дубнякомъ. Текстъ приводимыхъ здѣсь записокъ почти нисколько не измѣненъ, его наивная простота, полная примитивной художественности, осталась; я ограничился лишь незначительными поправками, относящимися къ грамматикѣ. Подлинная рукопись находится у меня.

Въ 1877 году, 24 іюля, насъ, запасныхъ нижнихъ чиновъ, стали собирать на помощь натуральному войску, и всѣхъ, по всей Россіи, въ этотъ прекрасный день. У насъ у каждаго въ билетѣ означено, черезъ сколько дней явиться въ полицейское управленіе; но ближнее начальство поступило съ нами не такъ, какъ по закону, а такъ — что не дали проститься съ родной семьей, все равно—какъ арестантовъ подхватили, мы не имѣли съ собою никакихъ вещей, какъ есть въ одной рубашкѣ. А все равно, — время продолжалось то-же самое: три дня; только продержали сутки въ волостномъ, другія—у станового, а потомъ—иди, какъ самъ знаешь въ городъ, пустили на волю. 27 іюля явились въ полицейское управленіе; а 29 числа насъ представили въ Питеръ, въ полкъ. Въ полку продолжалось ученіе по 20 августа.

20-го августа мы выступили въ походъ, по Николаевской желѣзной дорогѣ. На ст. Бологое были встрѣчены новгородскими купцами очень добродушно: было выставлено для каждаго по чаркѣ водки и по кружкѣ пива, а также сигары и папиросы. Музыка играла, пѣсенники пѣли различныя пѣсни. Когда сѣли въ вагоны, публика кричала „ура“. Потомъ встрѣтили тверскіе купцы и было то-же самое. По прибытіи въ Москву, передневали въ казармахъ; а на вокзалѣ были тоже встрѣчены публикой; выдавали по кружкѣ молока и по булкѣ. И такъ насъ встрѣчали и провожали на каждой станціи до самаго Кишинева.

31-го августа прибыли въ Румынію, въ городъ Яссы. Тутъ уже не стало русскаго народа. Мы не стали понимать здѣшнихъ жителей, а они насъ. Отсюда мы пошли уже пѣшкомъ до самаго Дуная. Гдѣ сойдешься съ болгариномъ, хоть и съ трудомъ, а поговоришь.

Случилось мнѣ у болгарина въ домѣ писать письмо. „Братусь, братусь!.. Грамотку!.. Бамашку, бамашку!..“ Я долго не понималъ, наконецъ разобралъ, что у него братъ на службѣ и проситъ денегъ на рубашки, на сапоги и на все обмундированіе; такъ что у нихъ въ службу иди и одежду всю свою неси. Мы съ нимъ много поговорили кое-о-чемъ, но всего не запомню... У нихъ подати платятся не такъ, какъ у насъ, не съ души, а съ „качты“: поставь избу, хлѣвъ и все такое и за каждую штуку деньги отдай. Поэтому у нихъ въ одинъ домъ собираются жить нѣсколько домохозяевъ, во избѣжаніе лишней платы.

Такъ прошли мы до самаго Дуная. Ни въ чемъ нужды не видали. Хлѣбъ выдавали каждый день, даже оставалось. 1-го октября переправились черезъ Дунай у Зимницы. Тутъ намъ стало трудно: по дню и больше были безъ горячей пищи и хлѣба. Близъ Плевны какой-то жидъ привезъ возъ хлѣба. Вѣсомъ хлѣбецъ не больше 3-хъ фунтовъ, а цѣною 2 франка съ половиной, одинъ серебряный рубль. У кого были деньги, тѣ покупали, а у кого не было, такъ и безъ хлѣба сидѣли. Да и взять его было негдѣ: мѣсто пошло разоренное, а обозу нашему не въ силахъ было за нами тянуться, дорогъ почти совсѣмъ не было, грязь непомѣрная. Сначала кой-гдѣ помогали обозу выбраться изъ грязи, а потомъ бросили, потому-что орудія важнѣе обоза. Колеса подъ орудіями глубоко вжимались въ грязь, и мы вытаскивали ихъ на

себѣ. 6-го октября къ намъ пріѣхалъ Государь Императоръ и поздравилъ насъ, что мы скоро должны вступить въ бой. 8 октября насъ встрѣтилъ румынскій король, поздоровался и пропустилъ насъ церемоніаломъ. Такъ мы подвигались дальше. Скоро увидѣли Плевну. Видимъ—наши палятъ. Мы тоже, полагали, туда пойдемъ, но оказалось другое. Нашъ корпусъ повели мимо Плевны. Шли день и ночь, торопились, а сами не знаемъ куда. Наконецъ, остановились и сдѣлали дневку.

Въ этотъ день (10 октября) пріѣхалъ начальникъ дивизіи, графъ Шуваловъ, и поздравилъ насъ на 12 октября: „Ребята, помни, что намъ приходится завтра столкнуться съ непріятелемъ, и нужно постараться быть какъ можно аккуратнѣе... Въ случаѣ опасности держаться ближе другъ къ другу, слѣдить за начальствомъ и слушаться приказаній!“ Его послѣднія слова были: „Братцы! Помни, что гвардія, по уставу, отступать не можетъ ни въ какомъ случаѣ... Братцы, постарайтесь за вѣру, Царя и отечество, Русь православную!..“ Отслужили молебенъ. Фельдфебель сдѣлалъ разсчетъ ротъ, и назначили взводныхъ и отдѣленныхъ, въ томъ числѣ и я былъ назначенъ отдѣленнымъ въ 4 отдѣленіе и получилъ все нужное для перевязки на случай, если кого ранятъ. Ночью послѣдовалъ приказъ: „Вставай, одѣвайся!..И съ Богомъ впередъ!..“ Тишина стояла мертвая, и всякъ про себя молился: „Помоги, Господи!“ Въ четыре часа явился командующій полкомъ, Свиты Его Величества флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій. Приказано было идти какъ можно тише, не разговаривать, чтобы не встревожить турокъ. Скоро по ущелью дошли до рѣчки Бѣлой, перешли ее въ бродъ и остановились на краткій отдыхъ. Занималась заря и скоро совсѣмъ разсвѣло. Впередъ выслана была цѣпь. Я не думалъ, что бой такъ скоро настанетъ: все такъ было похоже на маневры, какъ бывало подъ Краснымъ. Цѣпь начала, слышимъ, перестрѣлку, но пули до насъ не долетаютъ.

Идемъ впередъ. Вдругъ свистнула пуля, другая... третья... А тамъ граната: „шафъ, шафъ“... Ткнулась въ землю позади насъ и лопнула. Мы бѣгомъ пустились впередъ и влѣво свернули въ лѣсъ. А тутъ, въ лѣсу, по листьямъ только шлепотень идетъ отъ пуль. Это было въ 10 часовъ утра. Мы спустились въ оврагъ. Скомандовали: „Ложись!..“ Не успѣли еще лечь, какъ одинъ сол-

датъ гдѣ-то охнулъ; такой-же крикъ послышался съ другой стороны. Слышу голосъ:—„Братцы, ранили“... Спустились еще ниже въ оврагъ, но и туда хватали пули. Укрыться было негдѣ. Снова встали въ строй.

Пріѣхалъ адъютантъ. „Турокъ здѣсь не много, надо атаку дѣлать!..“ Подали сигналъ къ атакѣ. „Ружья на руку, впередъ!..“ Всякъ про себя шепталъ: „Господи, спаси и помилуй!.. „Ура, ура, ура!..“

Пули свистѣли, какъ осы; гранаты лопались... ничего нельзя разобрать... Бѣжимъ впередъ, товарищи падаютъ убитые, или раненые. Трудно описать положеніе раненыхъ. Другой, сердечный, раненъ въ руку или ногу, а двинуться впередъ нельзя, свои ушли впередъ, фельдшеровъ близко нѣту... Носильщики сами наполовину были убиты... Ну, и лежитъ, миляга, дня два или три въ кустахъ, или въ оврагѣ. Черезъ это многіе получили напрасную смерть.

Бѣжимъ впередъ... Ура!.. Ура!.. Выбѣжали на открытое мѣсто. Въ оврагѣ немножко присѣли отдохнуть, потому-что, съ полверсты бѣжавши, вспотѣли; у каждаго было съ собой взято сухарей на 12 дней, а съ ношей бѣжать несподобно. Черезъ минуту вскочили и опять впередъ. Смотрю — дорога. Наши обрываютъ телеграфную проволоку. Не замѣтилъ, задѣлъ ногой за оборванную проволоку и сунулся носомъ, упалъ грудью на шоссе. Осмотрѣлся: кругомъ лежатъ убитые товарищи; то-же самое назади. Посмотрѣлъ впередъ: человѣкъ пятнадцать нашихъ лежатъ и стрѣляютъ. Другіе изъ нихъ лежали, уткнувшись носомъ въ землю, это уже мертвые. Подошелъ, легъ въ линію. Сначала было робко поднять голову: укуситъ, думаю, комаръ — вѣчный сонъ. Потомъ стало смѣлѣе. Стали подниматься на колѣни и стрѣлять въ непріятеля. Гдѣ увидишь красную феску — и дашь выстрѣлъ. Турки прятались въ редутѣ.

Въ 4 часа къ намъ подошелъ командиръ 4 баталіона и сказалъ: „Ребята, докажемъ свою храбрость, пойдемъ, благословясь, храбрые гренадеры!.. Ура, ура!..“ Но пули такъ густо летали въ воздухѣ, что не было никакой возможности поднять головы. „Ура, ура!..“ закричали во всѣхъ сторонахъ, и гренадеры бросились впередъ.

На бѣгу пуля задѣла мою шапку, я поправилъ ее, но другая пуля совсѣмъ сбила ее съ головы. Я не сталъ за ней ворочаться, а на бѣгу схватилъ валявшуюся на землѣ фуражку Павловскаго полка и надѣлъ ее. Передъ редутомъ была канава, мы засѣли въ нее. Оглянулся назадъ—четыре человѣка товарищей лежали убитыми. Въ канавѣ мы подрыли одну стѣнку и изъ-за нея давай палить. Жаль только, что патроновъ у насъ немного было, всего по 6 колодокъ (90 штукъ). Патроны скоро вышли, и пока не принесли новыхъ, мы тесаками разбирали стѣнку и камнями бросали въ непріятеля. Вдругъ, вижу, полковника нашего ранили, солдаты подхватили его и унесли. Храбрый былъ полковникъ, не знаю, что съ нимъ потомъ было. Передъ закатомъ солнца мы бросились на ура въ редутъ. „Я вашъ!.. Я вашъ!..“ кричали турки, отдавая оружіе. Но осердившіеся люди строго поступили съ ними: все били штыками и прикладами. Въ это время и въ большомъ редутѣ, правѣе насъ, сдались, выбросили бѣлый флагъ.

Такъ кончилось дѣло 12-го октября. Турокъ было взято въ плѣнъ 12,000 человѣкъ, много орудій и другихъ принадлежностей.

Послѣ того сдѣлали сборъ нашимъ войскамъ. Оказалось очень немного людей въ ротахъ, почти 3-я часть.

У насъ былъ ротный командиръ, поручикъ Гедеоновъ 2-й; подойдя къ ротѣ, онъ началъ всѣхъ цѣловать. „Ахъ, братцы!.. Какъ насъ Богъ помиловалъ!.. Спасибо вамъ, братцы, что постарались!..“

Составили ружья и пошли убирать раненыхъ. Все поле было покрыто тѣлами. Стоны и оханье слышались повсюду. Раненыхъ наносили очень много. Вдругъ забили тревогу. Живо въ ружье! Построились въ боевой порядокъ.

Но что было съ ранеными! О, Господи!.. Каждый изъ нихъ проситъ товарищей: „Не оставьте насъ здѣсь на растерзаніе непріятелю!..“ Къ счастью ихнему, ничего не оказалось: тревога была напрасная, ружья опять составили въ козлы.

Нашъ ротный командиръ несетъ мѣшокъ бѣлыхъ сухарей. Я подошелъ: „Ваше высокоблагородіе!.. Дозвольте я отнесу къ ротѣ!—„Нѣтъ, нѣтъ! Я своимъ солдатикамъ самъ отнесу!..—„Ваше высокоблагородіе! Я тоже вашъ!..“.—„А что-жъ у тебя фуражка Павловскаго полка?..“. — „Такъ точно, ваше высокоблагородіе!.. Павловскаго...“ И я разсказалъ ему, какъ она ко мнѣ попала. —

„Ну, хорошо, несп!.. Только, смотри, своимъ отдавай!..“.—„Слушаю, ваше высокоблагородіе!..“

Только собрались закусить, забили опять тревогу. Оказалась тоже напрасная: это разорвало отъ огня гранату въ самомъ редутѣ.

Мы провели въ редутѣ всю ночь. Тутъ-же мертвыя тѣла, между которыми и мы расположились. Турокъ вытаскали вонъ изъ редута.

Ночью мнѣ захотѣлось покурить, я вышелъ изъ редута и подошелъ къ огню. Туда-же подошелъ и графъ Шуваловъ: „Ребята! Разведите огня побольше, посидимъ и погрѣемся!..“ Натаскали дровъ. Начальнику дивизіи подали барабанъ. — „Спасибо, братцы... Вотъ такъ кресло!..“ шутилъ графъ. — „Спасибо вамъ, гренадеры!.. Славно окончили мы сегодняшнее дѣло! Порядочно положили мы и своей братіи да зато храбро служили на пользу Государя и отечества, доказали, что гвардія не потеряла прежней храбрости... Спасибо, братцы!..“

Графъ замѣтилъ меня. — „А ты что, голубчикъ, не у своей части? Ваши стоятъ на дорогѣ къ Плевнѣ!..“—Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство!.. Я—гренадеръ 8-й роты.—„А что-жъ у тебя павловская фуражка?“ — Я объяснилъ. — „Ну, слава Богу, что такъ!.. Богъ съ ней и съ фуражкой!..“ Потомъ пошелъ къ своей ротѣ. Дневальные меня не пропускаютъ. Принужденъ былъ искать фуражку. Въ 13-й ротѣ отыскалъ лишнюю у Якова Кузьмичова.

На второй день разсматривалъ свою аммунпцію; оказались въ башлыкѣ, который висѣлъ съ сухарями на правомъ плечѣ, двѣ пули, на разстояніи вершка одна отъ другой. Въ лѣвомъ рукавѣ мундира была пуля; потомъ еще была тоже пробита сумка пулей, которая прихватила юбку у мундира. Въ этой сумкѣ у меня была запасная рубашка сложена; поглядѣлъ на свѣтъ—вся въ дырьяхъ. Около 20 ранъ насчиталъ въ рубашкѣ. Въ этотъ день больше не было никакого дѣла. Чистили аммунпцію, ружья. Куда ни поглядишь — всѣ заняты какимъ-нибудь дѣломъ: кто лепешки печетъ, кто говядину варитъ или жаритъ... Все это досталось отъ турокъ: боровы, козы, быки, буйволы... Всякихъ припасовъ досталось порядочное количество.

Сраженій больше не было до 16 октября...

Краля Кралевна.

— Драссте!.. Не узнали?..

Я пристально посмотрѣлъ на вошедшую молодую женщину, одѣтую съ претензіями на моду.

— А Мухряево?.. А Терентій Иванычъ?.. Забыли?..

— Краля Кралевна! Неужели это вы?

— А то кто-же?.. Я, я!.. Краля Кралевна! О, мой Богъ!.. Развѣ можно забывать такъ скоро старыхъ знакомыхъ?

Краля Кралевна развязно сбросила ватерпруфъ, живо освободилась отъ шляпки и зонтика и расположилась на диванчикѣ, не переставая самодовольно улыбаться.

— Ха-ха-ха!.. Вотъ-то, думаю, удивились...

— Ей-Богу, Краля Кралевна, не узналъ!.. Да и кто бы могъ подумать?.. Такая франтиха, такая веселая, цвѣтущая!..

— Ха-ха-ха!.. А вы насъ привыкли видѣть въ грязи, да въ лохмотьяхъ... А всетаки, скажу вамъ, не хорошо забывать...

— Чаю не хотите-ли съ дороги?

— Чаю не худо, а еще лучше пива, если милость будетъ. Мы — нѣмцы — большіе охотники до пива... Да и профессія такая, — кабатчица, одно слово!.. Вы, столичные жители, не любите кабатчиковъ... О, не отговаривайтесь! Я вѣдь знаю!.. О, я многое знаю... Газету читаю... Питейную реформу ждала... Знаю, какъ насъ расписываютъ... О, я все знаю! Но я васъ не стѣсняюсь, какъ стараго знакомаго... Ха-ха-ха!.. О, какія скверныя дороги! Всю душу растрясло... А тутъ еще Вильгельмъ, Генрихъ... Не повѣрите, мука чистая!..

— Куда-же вы везете вашихъ карапузиковъ?..

— Карапузиковъ?.. Ну, не скажите! Три года назадъ они были карапузики, а теперь... О, теперь Вильгельму двѣнадцатый годъ, а Генриху уже восемь!..

— Не учиться-ли везете?

— А то какъ-же?.. Учиться, учиться... Въ губернію везу, въ гимназію! Вотъ мы какъ!.. А вы, поди, думали, что Краля Кралевна такъ и зачахла въ Мухряевѣ?.. О, нѣтъ! Краля Кралевна дѣтей въ гимназіи учить думаетъ... Неученому нынче—ой-ой трудно!.. Ну, а вы какъ поживаете?.. Я къ вамъ, впрочемъ, по дѣльцу!

Краля Кралевна такъ и сыпала словами. Мой Трезоръ съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на гостью: онъ въ первый разъ видѣлъ, чтобы человѣкъ такъ много говорилъ и смѣялся.

Моей знакомой, должно быть, хорошо живется. Веселая, румяная, съ бойкими голубыми глазками, она была моложе своихъ тридцати пяти лѣтъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она была другою... Помнится мнѣ дождливое осеннее утро, грязь на улицѣ, мокрый снѣгъ въ воздухѣ. Деревенское населеніе притаилось въ избахъ, на улицѣ нѣтъ ни одной живой души; даже собаки, которыми такъ богато Мухряево, попрятались во дворахъ, зарывшись въ рыхлое сѣно подъ навѣсомъ. Въ такую-то погоду въ концѣ улицы показалась какая-то женщина съ двумя ребятишками: одинъ на рукахъ, другого ведетъ она за руку. Платье на ней городское, но до невѣроятности грязное, рваное; на голыхъ, покраснѣвшихъ ногахъ у ней и у старшаго мальчика, надѣты разбитыя старыя ботинки, съ кривыми каблуками, съ порванными резинками. Это было цѣлое семейство, голодное, тощее, безпріютное. Едва волоча ноги, шлепая по жидкой грязи и поминутно отирая падающій на лицо снѣгъ, люди эти вошли, наконецъ, въ одну изъ крестьянскихъ хатъ. Черезъ минуту хата эта стала наполняться бабами, ребятишками, а черезъ полчаса вся деревня уже узнала, что изъ Питера пришла въ Мухряево женщина съ двумя дѣтьми, что зовутъ ее Кралей Кралевной и что она спрашиваетъ, гдѣ-бы ей розыскать помѣщика Годовалова.

Годоваловъ давно уже не жилъ въ своемъ имѣніи, запущенномъ, разоренномъ, и находился неизвѣстно гдѣ. Имѣнье-же онъ сдавалъ въ аренду Терентью Ивановичу, кабатчику, страшному пьяницѣ и пропащему человѣку. Разсказывая все это, бабенки выпытали отъ Крали Кралевны, что̀ такое Годоваловъ по отношенію къ ней. Оказалось — онъ отецъ Вильгельма и Генриха.

Рижская нѣмочка съ голубыми глазами и мягкими бѣлокурыми

волосами познакомилась съ нимъ въ Петербургѣ, въ какомъ-то увеселительномъ заведеніи. Тогда она была молода и красива. Кутила-помѣщикъ казался ей богатымъ. Три-четыре года прошли незамѣтно. Нѣмочка была счастлива. Но вдругъ Годоваловъ прекратилъ свои посѣщенія, оставивъ на произволъ судьбы молодую женщину съ двумя дѣтьми на рукахъ и безъ всякихъ средствъ къ жизни. Наступило тяжелое время. Пошли въ залогъ часы, серьги, кольца, платья... Затѣмъ — поденная работа, дальше — голодъ и холодъ. Кто-то сказалъ ей, что Годоваловъ уѣхалъ въ деревню и занимается сельскимъ хозяйствомъ. Выхода не было, и она, собравъ нѣсколько рублей на дорогу, рѣшилась ѣхать въ Мухряево, требовать, по крайней мѣрѣ, обезпеченія для дѣтей. Далеко еще не добравшись до деревни, она истратила всѣ деньги и принуждена была послѣднія десять-пятнадцать верстъ идти пѣшкомъ. Но и въ Мухряевѣ ее ждала неудача: „Если его нѣтъ теперь, то когда-нибудь пріѣдетъ“...—думала Краля Кралевна и рѣшилась какъ-нибудь устроиться въ деревнѣ.

Деревня пріютила ее, обогрѣла... Молоко, картофель, хлѣбъ, грибы, ягоды—предметы дешевые, и бабы съ избыткомъ надавали ей всего этого. Нашелся лишній сарафанъ для нея и рубашонки для ребятишекъ, а, наконецъ, нашлось и дѣло: кабатчикъ Терентій Ивановичъ предложилъ ей занять мѣсто сидѣльца, такъ-какъ самъ думалъ перебраться верстъ за 40, гдѣ открывалъ новый кабакъ.

Наступила тяжелая жизнь въ грязной каморкѣ съ жалованьемъ по 4 рубля. въ мѣсяцъ. Но она была рада и этому: въ своей каморкѣ она полная госпожа себѣ, печь топится каждый день — тепло, съѣстные припасы дешевы и постоянно подъ рукой — съ голоду умереть нельзя. Общество—вотъ оно: бабы, мужики, парни... Коробило ее сначала за стойкой, когда разгулявшаяся деревня принималась обмѣниваться крѣпкими словами, горланить пѣсни, задавать потасовку другъ другу,—но Краля Кралевна скоро раскусила, что эти люди только страшны на первый взглядъ, а въ сущности предобрый народъ! И она не смущалась больше ни грязью, ни грубостью, которыя являлись къ ней съ посѣтителями.

Деревня полюбила ее за спокойный и веселый нравъ, а главное—за несчастіе. Краля Кралевна на деревенскій взглядъ была несчастное существо, которое жалѣть нужно: ни отца, ни матери,

ни брата, ни мужа-защитника, одна въ чужомъ, незнакомомъ мѣстѣ... Какъ ее не пожалѣть? И тѣ-же самые ньяные мужики, грязные, грубые, такъ много ругающіеся и дерущіеся между собой, съ замѣчательной деликатностью избѣгали намековъ на ея прошлое: ни бѣдностью, ни незаконными дѣтьми, ни грязными предложеніями не смущали ея душевнаго мира.

Но зато деревня не стѣснялась выражать свое недовольство, если „кабатчица“ подавала разбавленную водой водку.

— Ты что, нѣмчура, водой-то поишь?.. Воды-то дома много!

— Вы дома-то можете не пить, а у меня пейте!.. Ха-ха-ха!— смѣялась Краля Кралевна.

— Да что, ребята?.. Рѣдкій кабатчикъ безъ этого бываетъ: пить ѣсть тоже надо...—соображали мужики.

Однако она стала подавать разбавленную водку только такимъ гостямъ, которые уже не могли разобрать: воду, или водку подаютъ имъ. Она такъ хорошо изучила своихъ гостей, что напередъ могла сказать, когда мужикъ перестаетъ отличать керосинъ отъ водки.

Краля Кралевна черезъ годъ сдѣлалась полной хозяйкой въ заведеніи Терентья Ивановича. Онъ сталъ ссориться съ деревней, и деревня выжила его, передавъ право на кабакъ Кралѣ Кралевнѣ.—„Пускай-де бабенка кормится!..“ Съ тѣхъ поръ она зажила на полной своей волѣ, обулась, одѣлась, пріободрилась. Она имѣла все необходимое, все, чѣмъ могла служить ей деревня. Водка — могущественное орудіе въ рукахъ толковаго человѣка. Любитъ деревенскій человѣкъ при случаѣ выпить, а денегъ нѣтъ! Что тутъ дѣлать, какъ быть?..

— Давай, Краля Кралевна, въ подводахъ за виномъ съѣзжу.

— Давай, Краля Кралевна, и мнѣ!.. Бери полосу у Ракитова куста, коси съ Богомъ, — трава первый сортъ!

И Краля Кралевна даетъ. Она узнаетъ и сторожитъ такіе случаи. Въ результатѣ оказывается, что въ подводы человѣкъ ѣдетъ за половинную плату, что два воза сѣна куплено за полуштофъ.

Такимъ образомъ она и покупаетъ, и нанимаетъ за удивительно дешевую плату. Въ настоящее время у ней есть корова, свинья, телка, двѣ овцы, куры, утки. Квартиру снимаетъ она у мужика за 40 р. въ годъ и квартирныя деньги уплачиваются водкою на-половину года. Въ огородѣ у ней двѣ длинныхъ гряды съ овощами,

въ полѣ нѣсколько полосъ съ травой, овсомъ, пшеницей, — и все это пріобрѣтено при случаѣ за водку. Покупаютъ мужики „исхожу“ для своего скота, въ этой-же исхожѣ пасется и скотина кабатчицы, вмѣстѣ съ деревенскою: „Міръ—добрый человѣкъ, ведерко только попросимъ; выпускай съ Богомъ, пусть пасется!“

— Паншей живу!—хвасталась передо мною Краля Кралевна,— всѣ у меня въ долгу, а я никому ни копѣйки!..

— Прибыльно торговля-то идетъ?

— Можете представить: въ первый и во второй день Пасхи 170 рублей выручила. У меня вся округа въ рукахъ—деревень пять... Къ каждому годовому празднику берутъ ведеръ по 40!..

— Неужели все на наличныя?..

— Нашему брату еще лучше, если въ кредитъ: выгоды больше!

— А если пропадетъ?

— Надо такъ дѣлать, чтобы не пропало. Вотъ, напримѣръ, у меня: нужна водка — неси записку отъ сельскаго старосты.

Она порылась въ карманѣ и подала мнѣ пожелтѣвшій лоскутокъ съ печатью, на которомъ каракулями было изображено:

„Я нижеподписавшійся взялъ у Крали Кралевны товару на три рубля серебромъ, а уплачу по осени овсомъ, въ чемъ и подписуюсь, крестьянинъ Семенъ Подойникъ. 188. года, марта 24 дня“.

— Ну, а если этотъ Подойникъ не привезетъ вамъ овса?

— Да нельзя ему не привезти!.. Гдѣ онъ возьметъ денегъ?.. Осень придетъ, нужно овесъ продать... Покупатель нуженъ. Я нашихъ покупателей знаю, торговцы... Больше моего они не дадутъ. Что-же ему за разсчетъ платить мнѣ деньгами?.. Нѣтъ, у насъ это просто дѣлается. Вотъ, напримѣръ, я: начнутъ молотить овсы, запрягаю лошадь и ѣду по деревнямъ... Тотъ—мѣшокъ, этотъ—четверть... Пожалуйте, господа! Насыпайте!.. Если у кого не обмолоченъ овесъ, или совсѣмъ его нѣту, то я сейчасъ къ старостѣ:— „Староста! Твоя это печать?.. Почему-же ты не позаботился?..“ Да, впрочемъ, у меня этого ни разу не было... то-есть, чтобы виляли, не платили: всегда честно, благородно. Ну, а если кто-бы вздумалъ смошенничать, такъ вѣдь другой разъ и за деньги не получитъ водки... А этого они очень боятся!..

— Какъ вы, Краля Кралевна, находите новыя правила?

— Новыя правила?.. Ха-ха-ха! Новыя правила сдѣлали меня совсѣмъ барыней, живу теперь—точно у Христа за пазухой: ни шуму этого, ни гаму, ни ругани... Выдамъ и пейте, гдѣ знаете. А мужики ужъ сами найдутъ, гдѣ выпить можно.

— Торговля не сократилась?

— Нисколько.

— Да какъ-же?.. Вѣдь стаканчиками не продаете?

— Надо знать, кому и какъ... Чужому человѣку и при свидѣтеляхъ—нельзя, а свои деревенскіе—просимъ милости ко мнѣ на квартиру!..— „Кто это у васъ?“—Гости!—скажу.

— Ну, а „права“ какъ?

— „Права“ нынче гораздо дешевле стали! Нынче *) только требуется внести залогъ въ 100 рублей, да за свидѣтельство 86 рублей, вотъ и все!.. Залогъ этотъ, если штрафа не будетъ, можетъ остаться и на будущій годъ. Слѣдовательно, къ будущему году мнѣ нужно припасти только 86 рублей. И дешево, и сердито! Ха-ха-ха!..

— А съ обществомъ какъ вы дѣлаетесь?..

Она на минуту задумалась. Розовое лицо ея покраснѣло, брови насупились, что совсѣмъ не шло къ ней.

— Ха-ха-ха!..—разразилась она хохотомъ, вмѣсто отвѣта.

— Чему вы смѣетесь?

— Да такъ, знаете-ли... Вспомнилась моя прежняя жизнь у отца съ матерью, тамъ, въ Ригѣ... Чулочки, ботиночки, чистенькое платьице... И вдругъ Мухряево съ этой грязью, съ кабакомъ...

— Смѣшного тутъ, мнѣ кажется, мало...

— Да нѣтъ-же, не то!.. Смѣшно мнѣ, знаете-ли, вотъ отчего... Тотъ, Годоваловъ... Вѣдь онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ. Ѣдетъ съ такимъ шикомъ... на тройкѣ... А у самого шинелишка рваная, порыжѣлая... Ѣдетъ и на окно не глядитъ: Помилуйте! Мы такіе благородные, а тутъ вдругъ кабакъ!.. Ладно, думаю: хотя я съ бочками ѣзжу по дорогамъ, да могу зато тебя продать и выкупить! Присылалъ одинъ разъ, ночью, работника за мной... Я ему и велѣла сказать: „Скажите, говорю, его благородію, что, если ему угодно, то самъ можетъ ко мнѣ пожаловать: для доб-

*) Здѣсь разумѣются правила, предшествовавшія послѣдней реформѣ. *Авт.*

рыхъ людей у меня двери не запираются, а дѣлать мнѣ у него нечего!..“ Съ тѣхъ поръ не безпокоилъ.

— Можетъ быть, женился-бы, усыновилъ-бы ребятъ...

Голубые глаза ея заволокло, какъ туманомъ... Минута, и — слезы посыпались градомъ. Она закрыла лицо руками и зарыдала. Я растерялся и не зналъ, что мнѣ дѣлать съ гостьей. Но слезы у Кралп Кралевны такъ-же быстро исчезли, какъ и появились.

— Теперь ужъ поздно!.. Богъ съ нимъ!—заговорила она.— Вы знаете-ли?.. Вѣдь онъ уже давно женатъ... Въ кухаркахъ у него, говорятъ, была... Хитрая женщина: вѣроятно, воспользовалась его простотой... Вѣдь онъ такой простой, добрый...

Я понялъ, что Краля Кралевна и теперь еще любитъ отца Вильгельма и Генриха.

— Дѣлаетъ-ли онъ хоть что-нибудь для дѣтей?..

— Что же онъ можетъ сдѣлать?.. Говорятъ, онъ и самъ-то гдѣ-то околодочнымъ служитъ... Впрочемъ, кое-что дѣлаетъ. По закону, видите-ли, онъ могъ-бы на свою землю пустить кабакъ... И многіе къ нему подъѣзжали съ такимъ предложеніемъ, да онъ всѣмъ отказывалъ... Благодаря ему, у меня нѣтъ конкурента.

— Что-же вы навсегда въ Мухряевѣ останетесь?..

— О, нѣтъ, помилуйте!.. Что тутъ мнѣ дѣлать!.. Положимъ, Мухряево золотое дно, кто хочетъ разживаться, но не все-же деньги... Не правда-ли? Надо и въ свое удовольствіе пожить, а какія-же въ Мухряевѣ удовольствія?.. Къ тому-же, дѣти подростаютъ, учить надо, дать ходъ... Нѣтъ, Богъ съ нимъ, съ Мухряевымъ! Годика два-три еще побуду здѣсь, а тамъ раскланяюсь... Кстати, вотъ вы давича заговорили что-то такое о сельскомъ обществѣ... Я вѣдь нарочно за этимъ и заѣхала къ вамъ... Поговорить съ вами хотѣла... попросить...

— Въ чемъ дѣло? Говорите!

— Видите-ли, человѣкъ вы пріѣзжій, порядки знаете (о новыхъ правилахъ), къ вамъ будутъ обращаться съ разспросами по питейной части... Такъ вы поддержите мою руку, пожалуйста!

— При чемъ-же я-то тутъ?.. Не понимаю!..

— Вы только слушайте; я разскажу, какъ у насъ кабаки снимаются. На Мухряево было подано прошедшаго года три заявленія: мое, Терентія Ивановича и третье—оптоваго торговца

водкою Синебрюхова. Отъ крестьянъ не было ни одного заявленія, а Синебрюховъ съ Терентьемъ Иванычемъ живутъ далеко отъ Мухряева, — потому мѣсто и осталось за мной, какъ жительствующей въ Мухряевѣ... Понимаете?.. Такъ-же точно будутъ поступать и на будущій годъ... То-есть, понимаете-ли вы, что всегда кабакъ останется за мной, если я буду тягаться съ посторонними, не мухряевскими, охотниками... Это-то я ужъ знаю: заручка тамъ есть у меня. Но вотъ представьте, что вмѣстѣ со мною подалъ-бы прошеніе крестьяннъ, ну хоть мой хозяинъ... Онъ-бы имѣлъ больше моего правъ, ему бы разрѣшили, а мнѣ бы отказали. Поняли?.. Мужики—народъ темный, если не растолкуютъ имъ, то они ничего не знаютъ... Я вотъ того и боюсь, кабы имъ кто не разжевалъ дѣла-то... Я имъ прежде платила въ годъ по 200 рублей, а теперь я имъ ничего не заплачу!.. Эти двѣсти рублей я лучше къ себѣ въ карманъ положу, вотъ сюда... Ха-ха-ха!.. Не правда-ли?.. Однако пора! Такъ я буду въ надеждѣ... Пожалуйста ужъ... До свиданья пока...

И Краля Кралевна такъ-же стремительно вышла изъ комнаты, какъ и вошла въ нее.

— Только, пожалуйста, никому не говорите!—донесся еще разъ до меня ея голосъ съ лѣстницы: — мнѣ только-бы этотъ-то годъ справиться, а потомъ-то я знаю, какъ дѣло поставить надо!..

Но Краля Кралевна не предугадала грядущихъ событій: въ самый разгаръ ея хлопотъ объ арендѣ кабака, послѣдній былъ закрытъ по приговору сельскаго общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ *).

Здоровецъ 5
Послѣднія времена 21
„Славный денекъ!“ 34
Передѣлъ 61
„Барышня“ Ѳеоктиста 75
„Баринъ“ ѣдетъ 92
Петрушихинъ „сдворокъ“ 117
Василій Ивановичъ и его „дѣло“ 138
Искатель правды 154
„Дѣдъ“ 178
Мірское вино 198
Два приговора 243
„Въ хату!“ 255
Читающая деревня 280
Два дня звонилъ колоколъ 290
На войнѣ 304
Краля Кралевна 310

*) Помѣщенные здѣсь разсказы печатались въ „Русскомъ Богатствѣ“, „Новомъ Словѣ“, „Сѣверѣ“, „Русской Жизни“, „Русской Бесѣдѣ“ и другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Авторъ.

Для семьи, школы и для самообученія.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются книги:

Азбука-картинка. Постепенные уроки чтенія—письма по наглядно-звуковому способу. Составили И. Горбуновъ-Посадовъ и **Я. Егоровъ**. Цѣна 8 коп.

Красное солнышко. Первая книга для чтенія въ школѣ и дома. Составили И. Горбуновъ-Посадовъ и **Я. Егоровъ**. Цѣна 12 коп.

Ясная звѣздочка. Вторая книга для чтенія въ школѣ и дома Составили И. Горбуновъ-Посадовъ и **Я. Егоровъ**. Цѣна 35 коп.

Русская грамматика въ примѣрахъ, или какъ научиться толково и грамотно писать по-русски. Правила правописанія, матеріалъ для списыванія, диктовокъ, заучиванія наизусть и письменныхъ самостоятельныхъ занятій. Въ трехъ частяхъ. Составилъ **Я. Егоровъ**. Часть первая. Звукъ. (Звуковыя правила, для 1-го и 2-го отдѣленія народныхъ школъ). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1898 г. Цѣна 10 коп.

Въ первомъ изданіи эта часть книги Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ употребленію въ начальныхъ училищахъ.

То-же. Часть вторая. Слово. (Правила этимологіи, для одноклассныхъ и двухклассныхъ школъ). Спб. 1898 г. Цѣна 25 коп.

То-же. Часть третья. Рѣчь. (Правила синтаксиса для тѣхъ-же школъ). Спб. 1898 г. Цѣна 25 коп.

Всѣ три части продаются и сброшюрованныя вмѣстѣ, въ одной книгѣ. Какъ справочный листокъ—при такой книгѣ приложены вновь утвержденныя программы для народныхъ училищъ М. Н. П.

Книгопродавцы, земскія управы, школы и лица, выписывающія „Русскую Грамматику“ отъ автора въ количествѣ не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ размѣрѣ 30%. Складъ всѣхъ этихъ изданій въ С.-Петербургѣ: „Петербургскій учебный магазинъ“ (Петербург. сторона, Большой проспектъ, 7), а также у автора (Каменноостровскій пр., 66).

Пересылка на счетъ заказчиковъ.

Приготовляются къ печати книги того-же автора:

На бѣломъ Божьемъ свѣтѣ. Географическій сборникъ для чтенія въ семьѣ и школѣ.

Думы и пѣсни пахаря. Сборникъ стихотвореній.

Родныя поля. 3-я книга для чтенія въ семьѣ и школѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 марта 1899 г.

Цѣна 1 р. 25 коп.

Складъ изданія: въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, а также у автора (Спб., Каменноостровскій пр., 66).

JUL 20 '56

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Sredi krestian ; razskazy i och
891.73 E31S
D90353587/